

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 24 (63). № 3

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2011

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д. д.** – филос. н., проф.**Юрченко С. В.** – д. полит. н., проф.**Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":****Александрова А.В.**, д-р. филол.н., проф.**Богданович Г.Ю.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"),
(bogdanovich@crimea.edu)**Борисова Л.М.**, д-р. филол.н., проф.**Гуменюк В.И.**, д-р. филол.н., проф.**Егорова Л.Г.**, канд. филол.н., доц. (ответственный секретарь)**Ищенко Н.А.**, д-р. филол.н., проф.**Казарин В.П.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)**Меметов А.М.**, д-р. филол.н., проф.

Новикова М.А., д-р филол. н., проф.

Орехова Л.А., д-р. филол.н., проф.**Петренко А.Д.**, д-р. филол.н., проф.**Прайд Ю.Ф.**, д-р. филол.н., проф.**Ризун В.В.**, д-р. филол.н., проф.**Селендили Л.С.**, канд. филол.н., доц. (ответственный секретарь выпуска)
(crimeantatarphilology@hotmail.com)**Сидоренко Н.Н.**, д-р. филол.н., проф.**Яценко Т.А.**, д-р. филол.н., проф.Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 4 от 24.11.2011 г.

Подписано в печать 03.11.2010. Формат 70x100 1/16. 26 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 11/10-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 24 (63). № 3.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2011

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

ГЛАСНЫЕ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Меметов А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье описаны особенности фонетического строя крымскотатарского языка, выполнена классификация крымскотатарских гласных.

Ключевые слова: тюркские языки, крымскотатарский язык, фонетика, гласные звуки, сингармонизм

Постановка проблемы. Фонетика изучает звуковой состав, звуковой строй и звуковые изменения в языке и закономерности этих изменений (греч. *phōnē* – голос; греч. *phōnētikē* – относящийся к голосу, к звукам).

Фонетический строй современного крымскотатарского языка представляет собой продукт длительного исторического развития. Он складывался на протяжении многих столетий в результате взаимодействия фонетических систем огузских, кыпчакских и карлукских племенных тюркских языков в тесном контакте с фонетическими системами монгольских, иранских и других языков.

Основные фонетические закономерности крымскотатарского языка возникли еще задолго до появления первых письменных памятников на этом языке, т.е. на много столетий раньше XIV в., следовательно, до возникновения крымскотатарской народности.

Исследование крымскотатарских звуков проводилось нами на субъективно-слуховом уровне и методом непосредственного сравнения акустических и артикуляционных характеристик гласных и согласных. Несмотря на наличие разнообразных современных технических средств, которыми располагают объективные методы исследования в фонетике, они не исключают возможности пользования и субъективными методами. Л.Р. Зиндер пишет: «Приступить к изучению фонетики какого-нибудь языка при помощи приборов без предварительного определения состава фонем этого языка и их основных характеристик невозможно. Чтобы решить объективными методами тот или иной вопрос, нужно суметь правильно поставить этот вопрос, а для этого нужно ориентироваться в фонетической системе изучаемого языка. Такая ориентировка достигается слуховым методом. Последний имеет, однако, не только рекогносцировочное значение. Им приходится пользоваться очень часто из-за громоздкости объективной методики. Применение слухового метода вполне допустимо с общеметодологической точки зрения, так как наше восприятие существует не независимо от объективной действительности, а отражает её» [3, 30-31].

Чтобы с успехом пользоваться слуховым методом для определения характерных особенностей звуков речи, исследователь должен обладать не только тонким слухом, но и развитым мускульным чувством. Можно сказать, что оба эти свойства оказывают взаимное влияние друг на друга. Чтобы правильно интерпретировать услышанное, т.е. чтобы правильно определить, какая артикуляция вызвала его, исследователь должен четко понимать, какие движения он производит произносительными органами, образуя тот или иной звук. Для этого он должен упражняться в произвольных движениях всеми органами произношения, постепенно изменять характер этих движений и внимательно прислушиваться к тому, какой акустический эффект вызывается этими изменениями. И наоборот, услышав какое-нибудь новое для себя звучание, он должен суметь подобрать ту артикуляцию, которая лежит в его основе [3, 31].

Звуки речи принято делить на две основные группы: гласные и согласные. Нередко в отдельную группу выделяют сонанты (*м, н, л, р*), как переходную категорию между гласными и согласными. Однако по своим свойствам они стоят ближе к согласным, поэтому мы будем их рассматривать в группе согласных.

Классификация гласных

В истории языкознания известно несколько систем физиологической классификации гласных, предложенных фонетистами различных школ. Основные из них подразделяются на два вида. Представители первого вида предлагают строго фиксированную и четко разграниченную систему артикуляций. К ним, например, относится наиболее распространенная система, разработанная английским фонетистом Бэлла [10]. В свое время она применялась во всех основных работах по монгольским и тюркским языкам. Критикуя данную систему, Л.Р. Зиндер пишет: «Основной недостаток классификации Бэлла заключается в том, что она проводит слишком резкие границы между отдельными типами гласных. В принципе она строится так же, как классификация согласных, хотя гласные, в отличие от согласных, не могут быть точно локализованы в речевом аппарате» [3, 197]. Другие, наоборот, подчеркивают постепенный переход от одной артикуляции к другой. Этот вид классификации восходит к треугольнику Хеллвага, классификация которого «... базируется на признании гласных **i, a, u** основными типами, а всех прочих гласных – переходными» [3, 198]. Преимущество второго рода классификации перед первым заключается в том, что между разными типами гласных в ней не проводится резких границ, однако она не учитывает всех возможных артикуляций.

Наиболее совершенной, на наш взгляд, является классификационная система, разработанная акад. Л.В. Щербой. Эта система синтезировала оба вида классификации, приняв за основу положение языка по степени подъема. Отличительной особенностью данной классификации является четкое определение крайне верхнего и крайне нижнего, а также предельно переднего и предельно заднего положения языка. Все остальные его положения представляют собой гамму переходов, определить которые можно только по отношению к этим четко определенным положениям. Л.В. Щерба установил шесть степеней подъема языка, не разделяя при этом абсолютных границ отдельных степеней подъема. Этим подчеркивается, что в общей фонетике невозможна абсолютная классификация гласных по степени подъема язы-

ка. В каждом отдельном языке, где число гласных является строго определенным, можно установить, сколько степеней подъема в нем различается, и соответствующим образом определить гласные. В качестве основных типов были приняты гласные именно шести степеней подъема потому, что они представляют максимум достаточно четко различимых на слух гласных: «Гласные, образуемые при таких шести степенях подъема (так называемые кардинальные гласные), являются в известном смысле шаблонами, которые могут быть использованы для определения любого другого гласного» [3, 199-200].

Абсолютное деление гласных по артикуляционным рядам также невозможно, поэтому Л.В. Щерба, кроме переднего и заднего рядов, дополнительно выделил еще два основных артикуляционных ряда – смешанный и центральный, противопоставляя их друг другу. Под центральным рядом он понимал гласные, артикулируемые путем подъема средней части спинки языка к средней части нёба, к границе между твердым и мягким нёбом [5, 76]. Кроме того, он различал еще отодвинутые назад передние и продвинутые вперед задние гласные.

Дальнейшее развитие и уточнение классификация Л.В. Щербы получила в работе В.М. Надеяева «Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ)», которая «... базируется в своей основной и существенной части на классификации звуков, разработанной академиком Л.В. Щербой, использует его обозначения, уточненные и дополненные в соответствии с требованиями точной фонетической транскрипции» [6, 5]. В.М. Надеяевым даны полные таблицы согласных и основных типов гласных.

При классификации гласных фонем крымскотатарского языка нами из классификации акад. Л.В. Щербы, дополненной и уточненной В.М. Надеяевым, было взято конкретно лишь то, что соответствует элементам звуковой системы современного крымскотатарского языка.

Гласные звуки по особенностям артикуляции характеризуются следующими признаками: 1) воздушная струя при произношении гласных не встречает преград на своем пути, проходит беспрепятственно; 2) напряженность речевого аппарата равномерная; 3) воздушная струя выдыхаемого воздуха при произношении гласных слабая.

Ниже приводится таблица основных типов гласных крымскотатарского языка.

Таблица 1

Ряд \ Степень подъема	Переднерядные		Заднерядные	
	огублённые	неогублённые	огублённые	неогублённые
верхний (узкие)	ü	i	u	ɪ
средний (полуширокие)	ö	e	—	—
нижний (широкие)	—	—	o	a

Как видно из таблицы, в крымскотатарском языке представлены два ряда (передний и задний) и три степени подъема языка (верхний, средний и нижний). Принадлежность к тому или иному ряду и степени подъема языка крымскотатарских гласных и участие губ в их образовании были определены субъективно-слуховым

методом, так как до настоящего времени экспериментальных исследований крымскотатарских звуков не проводилось.

Гласные заднего ряда

При образовании гласных заднего ряда (иногда их называют твердоядными гласными), язык оттянутый назад, приближается к мягкому нёбу, кончик же языка опущен и несколько отдален от нижних зубов. К гласным заднего ряда в крымскотатарском языке относятся [a], [o], [u], [ɪ].

Гласный [a] является заднерядным, продвинутым вперёд, нижнего подъёма, неогублённым. При артикуляции [a] язык отодвинут назад, в результате чего уменьшен глоточный резонатор, кончик языка ниже и чуть отодвинут от нижних резцов. Нижняя челюсть опущена в большей степени, чем при образовании остальных заднерядных крымскотатарских звуков. Спинка языка выпуклая, его задняя часть несколько поднята по направлению к мягкому нёбу. Края языка лежат у основания нижних зубов, довольно плотно соприкасаясь с ними.

Палатализованный, т.е. продвинутый вперед при произношении, вариант фонемы [a] встечается после согласных *к, з* в заимствованных слова из персидского и арабского языков, например *кяр*[k`ar] «выгода» < пер., в [ka:r ], *джевапкяр* [sevark`ar] «ответственный» < пер., جوابكار [seva:bka:r], *кяфир*[k`afir] «не верующий в Аллаха» < араб. كافر [ka:fer].

Гласный [a] встречается во всех позициях в слове. Например: *ат* [at] «лошадь», *бал* [bal] «мёд», *араба* [araba] «арба», «телега» и др. В целом гласный [a] строго сохраняет свою качественную определённую во всех позициях. Однако его длительность, как и других крымскотатарских гласных, сильно колеблется в зависимости от консонантного окружения и интонации логико-экспрессивных и коммуникативных типов предложений.

Гласный [o] является заднерядным, нижнего подъёма, огубленным. При артикуляции [o] язык отодвинут назад. Кончик языка находится почти у основания нижних резцов. Задняя часть спинки языка приподнята по направлению к мягкому нёбу, губы при этом слегка выдвинуты вперёд и огублены. Употребление [o] в крымскотатарском языке позиционно ограничено, как правило, первым слогом: *оба* [oba] «куча», *кьоба* [qoba] «пещера», *сона* [sora] «палка». В заимствованных словах [o] может встречаться во втором и последующих слогах: *ороспы* [orospi] «женщина легкого поведения» < перс. *руспи* [ruspi] «в том же значении», *такос* [takos] «простое тесто» — *такос пите* «лепёшка из простого теста», *мотор* [motor] «мотор», *кино* [kino] «кино», *пароход* [parohot] «пароход» и др. В безударном положении крымскотатарское [o] сохраняет свое качество и не редуцируется, например, *ода* „комната” произносится [odá], а не [adá], которое означает „остров”, глагол *олмакъ* произносится [olmaq] „быть”, а не [almaq] „брать” и т.д.

Гласный [ɪ] является заднерядным, верхнего подъёма, неогублённым. При артикуляции данного звука язык вытянут вдоль полости рта, задняя часть спинки языка приподнята к границе твёрдого и мягкого нёба. Корень языка образует с задней стенкой гортани более широкий проход, чем при артикуляции других заднерядных гласных. Средняя часть спинки языка слабо вогнута. Язык по вертикали занимает

довольно высокое положение, но значительно ниже, чем при артикуляции других гласных верхнего подъёма. Края языка упираются в края задней части твёрдого нёба, что свидетельствует о приподнятости задней спинки языка. Звук [ɪ] графически передается через *ы*. Гласный [ɪ] встречается во всех позициях в слове, например: *ыргъат* [ɪrġat] „батрак”, *мышыкъ* [mɨʃɪq] „кошка”, *йырджы* [yɪrġɨ] „певец”, *чакъы* [saqɪ] „перочинный нож” и т.д.

Наиболее чётко [ɪ] произносится в начале слова: *ыргъат* [ɪrġat] «батрак». Однако его длительность зависит от консонантного окружения: наиболее слабая позиция [ɪ] между [q] и [r], например, *къырмазы* [qɨrɨmɨzɪ] «красный», *Къырым* [qɨrɨm] «Крым».

Гласный [u] является заднерядным, узким, огубленным. Графически этот звук передается через *у*. В зависимости от качества соседних гласных и согласных выделяются следующие варианты этой фонемы:

1. После согласных *к, г* гласный [u] приобретает передний уклад, т.е. приближается к [ü]: *гуль* [gülʷ] «роза», *куль* [külʷ] «зола».

2. После согласных *къ, гъ, х* гласный [u] приобретает самый задний уклад: *къуш* [quʃ] «птица», *гъурур* [ġurur] «гордость», «достоинство», *къурмакъ* [qurmaq] «строить».

3. Перед согласным *в* гласный у произносится как долгий, сильно лабиализованный [ū]: *сув* [sūw] «вода»; *оқъув* [oqūw] «учение».

В словах с двумя *у* в живом произношении во втором закрытом слоге нередко у ослабляется, т.е. делабиализуется и заменяется на *ы*. Особенно это заметно у представителей северного (кыпчакизированного) диалекта крымскотатарского языка: *бурун* «нос» < *бурын*, *къуришун* «свинец» < *къуришын*.

Иногда наблюдаются случаи выпадения узкого гласного [u] во втором слоге при присоединении притяжательных суффиксов, например, *оғул* [oġul] «сын» — *оғлу* [oġlu] «его сын», *бойун* [bojun] «шея» — *бойну* [boynu] «его шея».

Гласные переднего ряда

При образовании гласных переднего ряда (иногда их называют мягкорядными) язык, продвинутый вперед, упирается кончиком в нижние зубы, в задней же полости рта образуется свободное пространство. Гласные переднего ряда суть [i], [e], [ö], [ü].

Гласный [ö] является переднерядным, среднего подъёма, огублённым. При артикуляции этого звука язык расположен в середине рта. Кончик языка слабо упирается в нижние резцы. Средняя часть языка приподнята по направлению к концу твёрдого нёба. Звук [ö] графически передается через *ё* после согласных; он встречается как в открытом, так и закрытом начальном слоге вне зависимости от окружающих согласных, например: *дёрт* [dört] «четыре», *сёз* [söz] «слово», *тёгерек* [tögerek] «круглый». В ряде случаев общетюркское [ö] в крымскотатарском языке депалатализовалось и передается через [o]. Примеры: *колюр* [komür] „уголь” < [kömür], *озь* [ozʷ] „сам” < [öz], *болук* [bolük] „раздел” „отдел” < [bölük].

Фонематическая роль [ö] после депалатализации в некоторых словах при определённых условиях передается следующему за ним согласному, например: *оть* [otʷ]

„желчь” (ср. с *от* „трава”), *орь!* [orʹ] „плети!” (ср. с *ор* „жни”), *боль* [bolʹ] „дели!” (ср. с *бол* „обильный”) и др.

Гласный [ü] является переднерядным, верхнего подъема, огубленным. Он артикулируется также как звук [i], но с участием губ. Его обычно сравнивают с соответствующим гласным французского или немецкого языков. Акустически звук [ü] близок с немецким гласным в слове grün «зеленый». Звук [ü] графически передается через ю после согласных, например, сют [süt] «молоко», олю [olü] «мертвый» и редко через у в начале слова: учь [üs] «три» (ср. с уч [uc] «лети»).

В современном крымскотатарском языке звук [ü] встречается, как правило, не далее второго слога в слове, например, тус [tüs] «цвет», сют [süt] «молоко», чюрюк [сүгүк] «гнилой». Иногда звук [ü] употребляется в третьем слоге в составе некоторых суффиксов, например, корюшнов [korüşüv] «встреча». Во втором слоге звук [ü] теряет свою огубленность, например, кумюш «серебро» произносится [kumiş]. Деллабиализация [ü] во втором слоге регулярно проявляется в разговорной речи представителей северного (кыпчакизированного) диалекта крымскотатарского языка, например, кучлю «сильный» произносится [kuçli].

Гласный [i] является переднерядным, верхнего подъема (узким), неогубленным. Графически звук [i] передается через и. В зависимости от позиции в слове звук [i] имеет различные фонетические варианты:

1. В начале слова встречается более переднее [i], произносимое при наибольшем подъеме выдвинутого вперед языка, например, *иш* [iş] «работа», *ине* [ine] «иголка», *индже* [ince] «тонкий», *из* [iz] «след».

2. Более заднее [i] (так называемый ы-образный более краткий вариант) встречается в словах между двумя согласными: *тиль* [тыʹ] «язык», *тикен* [тыкен] «колючка», *биз* [бъз] «мы», *сиз* [съз] «вы», *демир* [демыр] «железо», *ким* [кым] «кто», а также в ауслауте в конце открытого слога, например, *севги* [sevgy] «любовь», *эски* [eskъ] «старый», *кельди* [kelʹды] «он пришел».

3. Более продолжительное [i:], произносимое с незначительным раствором рта, встречается перед согласным й: *сийрек* [si:urek] «редко», *бий* [bi:y] «паук», *чий* [ci:y] «сырой».

Во втором слоге заимствованных слов, в основном из арабского языка, наблюдается элизия фонетического варианта гласного [i] при присоединении аффиксов принадлежности, начинающихся с гласного: *исим* [isъm] «имя» — *исми* [isъmъ] «его имя», *девр* [devъr] «время», «период», «эпоха» — *деври* [devъrъ] «его время», «его период», «его эпоха», *шекиль* [şekъlʹ] «вид», «форма» — *шекли* [şekli] «его вид», «его форма».

Гласный [e] является переднерядным, средним (полушироким), неогубленным.

При произношении [e] передняя часть спинки языка поднимается к твёрдому нёбу, а кончик языка упирается в нижние зубы при среднем растворе рта. Графически этот звук в начале слова передается буквой э, а в середине и в конце слова буквой е, например *эгер* [eger] «седло». Гласный [e] в зависимости от позиции в слове имеет два основных фонетических варианта:

1. Широкий, устойчивый вариант гласного [e] встречается в начале слова, например, *эль* [elʹ] «рука», *экиш* [ekşi] «кислый».

2. Узкий вариант [e] наблюдается между двумя глухими согласными, где он по звучанию в среднем диалекте крымскотатарского языка приближается к [i], например, *кетмек* произносится [kitmek] «уходить». Чередование [e] и [i] академик В.Радлов отмечал в половецком (куманском) языке и относил этот процесс к XIV веку.

Долгие гласные

В тюркских языках долгота гласных бывает двух видов: 1) первичные или древнетюркские долготы, этимология которых до сих пор еще не изучена и при современных данных тюркских языков они не могут быть разложены на комплекс других отдельных звуков, т.е. не могут быть объяснены, как результат стяжения какого-нибудь хронологически предшествующего сочетания звуков и 2) вторичные или комбинаторные долготы, которые возникают в результате фонетических процессов, протекающих в слове.

Долгие гласные, как особые фонемы, были в языке древних тюркских племен, которые оставили после себя известные орхонские и енисейские памятники письменности (VI в.). Долгое *a*: отмечено также и в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.).

Первичные долготы сохранились в современных туркменском, якутском, киргизском, алтайском, тувинском, хакасском языках [4, 160-174; 2, 182-191; 7, 175-181], и также в некоторых говорах узбекского языка [1, 121-131; 8, 91-94].

Долгие гласные имеют смысловоразличительное значение в отдельных словах, например, в якутском языке: *таас* «камень» — *тас* «наружная сторона», *биил* «поясница», «талия» — *бил* «знай», *киир* «входи» — *кир* «грызи»; в туркменском языке: *ба:т* «ветер», «гроза» — *бат* «тони», *та:й* «тюк», «сторона» — *тай* «жеребенок», *са:n* «чистый» — *сан* «рукоятка»; в тувинском языке: *аал* «аул» — *ал* «возьми», *удуур* «спать» — *дур* «против», *оол* «парень» — *ол* «тот».

В современном крымскотатарском литературном языке первичных долгих гласных нет, они отсутствуют. Возможно, они сохранились в озенбашском говоре крымскотатарского языка. Однако для утверждения наличия первичных долгот в этом говоре требуется провести дополнительные исследования.

В крымскотатарском языке имеются так называемые вторичные долготы, т.е. долгие гласные, возникшие в результате стяжения определенных звуковых групп, в состав которых входят различные комбинации гласных и согласных звуков. Вторичные долготы в крымскотатарском языке возникли главным образом в следующих случаях:

1. Долгота гласного образуется в заимствованных словах из арабского и персидского языков в связи с выпадением отдельных звуков, чуждых фонетической системе крымскотатарского языка (долгие гласные орфографически передаются сочетанием двух гласных):

а) долгота гласного образуется в результате выпадения придыхательного согласного [h] как в персидских, так и арабских заимствованных словах: *баарь* [ba:p'] «весна» <перс. بهار baħa:r, *шеэр* [ше:p] «город» <перс. شهر šahr, *зеэр* [ze:p] «яд» <перс. زهر zahr; *шаат* [ša:t] «свидетель» <араб. شاهد ša:hed, *кьаарь* [qɑ:r] <араб. قهر

qahr. Особо следует отметить выпадение звука [h] в заимствованных словах زهر zahr, قهر qahr, شهر şahr. В указанных словах на первый взгляд кажется, что произошла замена согласного звука [h] гласным, т.е. согласный [h] вокализировался. На самом деле здесь происходит другое сложное фонетическое явление, а именно, сначала в конце слова для ликвидации стечения двух согласных появляется разделительный узкий гласный и первоначально эти слова в крымскотатарском языке произносились: [zeher], [qahar^h], [şeh^h]. Далее происходит выпадение (а не вокализация) звука [h] и слияние двух гласных в один долгий: [ze:r], [qa:r^h], [şe:r];

б) в результате выпадения арабского гортанного согласного звука [ʔ] «айн» происходит стяжение двух одинаковых гласных в один долгий звук, например: *фаа-лиет* [fa:liyet] «деятельность» <араб. فعالیت fa'a:liyat, менфаат [menfa:t] «прибыль», «выгода», «польза» <араб. منفعت manfa'at, тааджип [ta:cip] «удивление» <араб. تعجب [ta'a:cob].

Следует отметить, что и [h] и [ʔ] «айн» чужды фонетической системе современного крымскотатарского литературного языка, поэтому в заимствованных словах они просто выпадают. Иногда звук [h] встречается в речи представителей южного диалекта, и они пытаются привести его в литературный язык.

2. Долгота гласного может являться результатом слияния двух гласных после выпадения разделявшего их согласного (обычно *нь, гь*) преимущественно в разговорной речи, например, вместо *манья* «мне» произносят [ma:], вместо *санья* «тебе» произносят [sa:], вместо *балагья* «ребёнку» произносят [bala:], вместо *арабагья* «на телегу» произносят [araba:].

3. Иногда встречаются долгие гласные, образованные в связи с выпадением согласных *в, й*, например: *окъув* «учение» — [oqu:], *сийрек* «редко» — [si:tek], *кийик* «дикий» — [ki:k], *чий* «сырой» — [çi:].

Специфической особенностью фонетической системы крымскотатарского языка является переход переднерядных гласных в исконно тюркских словах в заднерядные, т.е. происходит депалатализация гласных в первом слоге односложных и двусложных слов: *куч* «сила» (< küc), *козь* «глаз» (< köz), *огюз* «бык» (< ögüz), *кормюр* «уголь» (< kömür), *манья* «мне» (< men +ge), *санья* «тебе» (< sen +ge).

Частные случаи «отвердения» мягкорядных гласных выявлены А.М. Щербаком во многих тюркских языках, ср. тур. *баңа* «мне» (< бэңгä); узб. (диал.) *маҗан* «мне» (< мэңгä), *саҗан* «тебе» (< сэңгä); уйг. (диал.) *куч* «сила» (< күч); якут. *муос* «рог» (< мөһүс), *уһуох* „кость” (< сөһүк), *таба* «олень» (< тэбä, ср. азерб. *дäвä* „верблюд”), *инах* «корова» (< иңäk), [9, 39].

Обратный процесс, т.е. переход заднерядных гласных в переднерядные в исконно тюркских словах встречается в крымскотатарском языке значительно реже, например, *ешиль* «зеленый» (< уәшil). Это фонетическое явление, т.е. смягчение гласных в односложных и двусложных словах, по наблюдениям А.М. Щербака, наиболее широко распространено в других тюркских языках: ср. башк. *јäш* «молодой» (< јаш), *јäшил* «зеленый» (< јäшил), *јäбиш-* «липнуть» (< јäбиш-), *јäјä* «лук» (оружие) (< јäја); тат. (внутри односложных и многосложных слов) *äjm-*

«говорить» (< *ajm-*), *ajläñ-* «вращаться», «возвращаться» (< *ajlan-*), *başlä-* «завязывать» (< *başla-*) [9, 38].

В настоящее время существует несколько дополняющих друг друга объяснений причин указанной палатализации заднерядных гласных. В.В. Радлов рассматривает замену заднерядных гласных переднерядными как результат воздействия вокализма непервых слогов на вокализм начальной части слова [13, 64]. Аналогичное объяснение данному явлению в современных уйгурских наречиях Восточного Туркестана даёт Г. Ярринг, указывающий, что все случаи палатализации или сужения в них широких гласных обусловлены наличием в смежных, или, точнее последующих, слогах гласного *i* (*i*) [11, 90-94]. Б. Мункачи полагает, что палатализация, *ä* в односложных словах вызвана влиянием анлаутного *ï* (например, в уйгурских наречиях: *jäl* «грива» < *jal*, *jäu* «возраст» < *jau*, *jät* «чужой» < *jam*) [12, 323-324].

Палатализация гласных в ущерб сохранению сингармонизма отмечается в заимствованных словах из арабского, например, *mezar* «могила» (< араб. маза:р), *хабер* «весть», «известие» (< араб. хабар), *меджбур* «вынужденный» (< араб. маджбур) и персидского языка: *дживан* «молодой» (< перс. джава:н), *дестан* «поэма» (< перс. даста:н).

Выводы и перспектива. Рассмотрев особенности крымскотатарских гласных, планируем в перспективе изучить особенности согласных звуков.

Литература

1. Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка / Абдуллаев Ф.А. - Ташкент, 1961.
2. Дмитриев Н.К. Долгие гласные в туркменском языке / Дмитриев Н.К. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика, - М., 1955.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика / Зиндер Л.Р. Изд. второе, переработанное и дополненное. М.: «Высшая школа», 1979.
4. Исаков Ф.Г. Долгие гласные в тюркских языках / Исаков Ф.Г // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика. – М., 1955.
5. Матусевич М.И. Л.В. Щерба как фонетик, «Памяти акад. Л.В.Щербы»/ Матусевич М.И. - М., 1951.
6. Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной транскрипции (УУФТ) / Надеяев В.М. - М.-Л., 1960.
7. Пальмбах А.А. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка / Пальмбах А.А. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика. – М., 1955.
8. Решетов В.В. Узбекский язык, 1. Введение. Фонетика / Решетов В.В. - Ташкент, 1959.
9. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков / Щербак А.М. - Л.: Изд-во «Наука», 1970.
10. Bell A.M. Sounds and their relations / Bell A.M. - Washington, 1894.
11. Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lantlehre Lund / Jarring G. – Leipzig, 1933.
12. Munkacsi B. (Рец.на): W.Bang, Osttürkische Dialektstadien und der komanische Marienpsalter. KSz, XV, 1914/15.
13. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen, 1. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen / Radloff W. - Leipzig, 1882.

Меметов А. Голосні в кримськотатарській мові / А. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 3-12.

У статті описані особливості фонетичного ладу кримськотатарської мови, виконана класифікація кримськотатарських голосних.

Ключові слова: тюркські мови, кримськотатарська мова, фонетика, голосні звуки, сингармонізм

Memetov A. Vowels in the Crimean Tatar language / A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 3-12.

This article describes the features of phonetic structure of the Crimean Tatar language, Crimean Tatar vowels classification is made.

Keywords: Turkic languages, the Crimean Tatar language, phonetics, vowel sounds, synharmonism

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

УДК: 811.512.145'373.4

ПОДРАЖАНИЯ РАЗЛИЧНЫМ ВИДАМ ЗВОНА В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимуратова З. Н.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: lzarema@mail.ru*

Подражательное обозначение различных видов звона в крымскотатарском языке связано с акустическим своеобразием анлаута и гласного в середине звукоизобразительной модели СГС, так как общими для всех названий с данным значением являются сонорные *нь, н*.

Ключевые слова: подражания звону, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Проблема звукоизобразительности в крымскотатарском языке мало изучена.

Актуальность работы. В связи с тем, что звукоподражательные слова не исследовались в крымскотатарском языке, их изучение остается одной из актуальных проблем крымскотатарского языкознания.

Основной целью работы является выявление фоносемантических особенностей звукоподражаний различным видам звона.

Задача исследования – определить звукоподражательные корни различных видов звона крымскотатарского языка на основе сравнительно-сопоставительного анализа данных корневых морфем с родственными и неродственными языками.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный.

В крымскотатарском языке можно выделить группу слов, обозначающих различные виды звона.

Дан-, дун-, дынь-, дин-, тань- подр. звону, звяканью, гулким звукам, ударам по металлическим тяжёлым предметам. В крымскотатарском языке от этих звукоизобразительных форм образуются производные: *дангыр-дунгыр* 'шум, грохот, галдёж', *дынълдамакъ* 'звенеть, гудеть', *динкильдемек* 'глухо звенеть'.

Подражательное обозначение различных видов звона в крымскотатарском и других тюркских языках, прежде всего, связано с акустическим своеобразием анлаута и гласного в середине звукоизобразительной модели СГС, так как общим для всех названий с данным значением является увулярный сонорный (в сингармонически мягких словах – среднеязычный) *нь*. Употребление именно этого согласного в звукоизобразительных словах, обозначающих звонкое, резонирующее звучание, очевидно, объясняется образованием носоглоточного резонатора при произнесении назализованного звука, создающего у говорящего и слушающего ощущение мягкой вибрации, гулкового звона. Обращает на себя внимание и контрастивность вертикальной вариации инлаутных гласных, передающих различие в силе звучания. Анлаут, представленный, в данном случае, в силу своей смычности и звонкости, указывает на то, что происхождение подражаемого звука связано с ударом или каким-либо

другим резким движением, например, падением твердого предмета. Аналогичная звукоизобразительность наблюдается и в других тюркских языках, в которых, однако, семантическое развитие производных может иметь и несколько иную направленность.

Ср.: кат. *дангыр-дунгыр* 'шум, грохот, галдёж'; *дангырдамакъ* 'гремять, грохотать', *дань*, *дань-дунь* подр. звуку удара о металлический предмет, сильному и четкому звуку (например, звуку барабана); др.-тюрк. *даң дуң* подр. грохоту, грому (МК II, 357); каз. *даңгыр* 'звон, шум, гомон, громыхание', *дүңгірле-* 'звенеть, издавать глухой повторяющийся звук', *дыңгырла-* 'звенеть, звонко звучать, брэнчать', *дыңылда* 'звенеть, гудеть', *даң*, *даң-дүң* подр. звуку удара о металлический предмет, веселый шум, оживление; як. *даң* подр. звуку колокола, гулкому звону; узб. *данг-дунг* подр. звону колокола, звону от удара железом о железо и тому подобное; кирг. *дүң* 'гул, сильный глухой отрывистый звук', *дүңгур* 'глухие отрывистые звуки (барабана, топот коней и так далее)'; туркм. *дүңк* подр. резкому глухому звуку, издаваемому при падении тяжелого предмета или при сильном ударе, большой караванный колокол, *дүңкур-дүңкур* подр. бою барабана или глухому раскатистому и резонирующему звуку катящихся камней (например, с горы, *дың* подр. слабому звону (возникающему от слабого щелчка по барабану или от капель дождя, падающих на пустое ведро, и тому подобное), *дыңылда* 'звенеть, издавать брэнчащий, тренькающий звук'; як. *дыгынаа-* (от *дың*) 'гудеть, звенеть'; тув. *дыңгылдай* 'мелодия, которой сопровождают горловое пение'.

Ср.: кат. *таньлай* 'нёбо'; др.-тюрк. *таң туң et-* 'гремять, громыхать' (МК III, 357); туркм. *тауңк-таңк* подр. сильному отрывистому звуку при ударе о медные или жестяные предметы, *таңқа* 'чугунный или медный кувшин для кипячения воды'; каз. *таңқылда-* 'стучать, громыхать, говорить быстро зычным голосом', *таңдай* 'нёбо' и так далее. Здесь также переднеязычный смычный анлаут указывает на происхождение звонкого, гулкового звучания вследствие удара или какого-либо другого резкого движения. Исходя из этого, очевидно, можно заключить, что звукоизображения, обозначающие звонкий голос, являются в тюркских языках семантическими производными от звукоподражаний, обозначающих звучания, источником которых являются предметы [8].

Джань-, зынь-, чань-, чынь-, я(йа)нь-, инь-, там- подр. звукам высокой тональности.

В отличие от предыдущих звукоизобразительных слов в крымскотатарском языке можно выделить группу слов, обозначающих различные виды звона с характерным *нь* в ауслауте и с плоскощелевыми *дж*, *з*, *ч*, *й*, *я* в анлауте: *джаньгырдамакъ* 'звенеть цепями', *зынджыр* 'цепь', *чыньылдамакъ* 'звенеть, звонить', *чань* 'звон, звонок, колокольчик', *чанькильдемек* 'звенеть', *яньгырамакъ* 'звучать'.

Щелевой и плоскощелевой анлаут данных звукоизобразительных форм в комплексе с увулярным сонорным *нь* в ауслауте при одинаковых гласных по сравнению со смычным анлаутом обозначает более тихое звучание с тонким дребезжанием. Подражательные слова данной группы чаще передают звук более высокой тональности. Протяженность щелевых согласных способствует звукоизображению протяженного звонкого звучания. Подобный фоно-семантический эффект щелевых в ан-

лауте наблюдается в однотипных звукоизобразительных словах и других тюркских языков. В некоторых тюркских языках в анлауте употребляются щелевой *c* и плоскощелевые: *ш*, *ж*.

Ктат. *яньгырамакъ* 'звучать, звенеть', *яньгыравукъ* 'звонкий'; др.-тюрк. *јаӧӧй-* 'звучать, звенеть' (ДТС, 233); каз. *жаӧ-жуӧ* 'звонкие голоса, резонирующее разноголосье', *зыӧлда* 'звенеть, бренчать, брякать, дребезжать, гудеть (о шуме в голове)'; кирг. *жаӧ-жуӧ*, *жуӧ-жаӧ* 'шум-гам, громкие крики', *жаӧыр-жаӧыра*, *жаӧгыра-* 'издавать громкий крик, звучать, отдаваться (об эхе), греметь'; туркм. *жаӧ* 'колокол, звонок', *жаӧкырды* 'звон, перезвон', *зыӧ* подр. лязгу, *зыӧӧырды* 'лязг, звон', *зыӧӧлда-* 'звенеть'; узб. *жаӧгилла-* 'звенеть, издавать звон', *жаӧг* 'бой, сражение, битва'.

Ктат. *чанъ* 'колокольчик, звон', *чынъылдамакъ* 'звенеть', *чанъкъильдемек* 'звенеть (о маленьком колокольчике)'; др.-тюрк. *џаӧ* 'колокольчик' (ДТС, 139); кирг. *шаӧгыра-*, *шаӧгырла-* 'звенеть (сильно)', *шаӧк-шаӧк* 'клекотание (беркута)', *шаӧкъылда-* 'говорить звонким голосом'; туркм. *шаӧӧыр-шуӧӧур* подр. брэнчанию множества металлических украшений, *шаӧӧы* 'звонкий, зычный'; узб. *чанг*, *чанговуз* 'музыкальные инструменты', *шангилла-* 'громко говорить, горланить, звенеть, гудеть'; тув. *шаӧ* 'гонг, литавры'; *чаӧгы* 'эхо', *чаӧгылан-* 'раздаваться, разноситься (об эхе)'; як. *чаӧ* подр. резкому звуку, возникающему при ударе по массивному металлическому предмету, *чаӧкынаа-* 'издавать резкие, пронзительно звенящие звуки (о голосе)', *чаӧый-* 'кричать пронзительно резким голосом', *чаӧыргаа-* 'кричать по орлиному, резким металлическим голосом'.

Ктат. *чинъильдемек* 'звенеть'; др.-тюрк. *џиӧ et* 'звенеть' (в ушах) (МК, 600), *џиӧартуи* 'колокольчик' (ДТС, 150); кирг. *шыӧгыра-* 'звенеть (слабо), позвякивать', *шыӧгыр* подр. звонкому звуку, *шыӧӧырда-* 'звенеть, звякать, лязгать, бренчать'; узб. *шингилла-*, *шингирла-* 'звенеть, звякать'; тув. *шыӧгыра-* 'звенеть', *шыӧгырааш* 'звон, звенящий'.

Сопоставление звукоизобразительных слов с указанным значением в тюркских языках показывает, что при подражании звону, резонирующему звуку, звонкому гулу фонетическая структура корневой части в ауслауте чаще всего остается неизменной. Основную звукоизобразительную функцию при обозначении описываемого звука выполняет язычно-носовой *нь/н*. Вертикальные вариации гласных в корне соответствуют различной силе звучания. Анлаутный согласный может передавать оттенки, связанные с источником и способом воспроизведения звука.

В крымскотатарском и некоторых других тюркских языках помимо широко распространенной звукоизобразительной формы с сонорным *нь* в ауслауте встречаются и случаи с щелевым сонорным *л* вместо *нь*, например: *чалмакъ*, *чалдырмакъ* 'играть на каком-либо инструменте'; каз. *салдырла-*, *сылдырла-* 'звенеть, звякать'.

Помимо обозначения звона подражательные слова с сонорным *нь* на конце в крымскотатарском, как и во многих тюркских языках, могут передавать значение стоны, плача, скулежа, бурчания, рёва и других звуков, произносимых человеком в нос, гнусаво. Ср.: ктат. *инъильдемек* 'стонать', *инълемек* 'гудеть, сотрясаться, стонать', *инъремек* 'рыдать', *ынъылдамакъ* 'выть, реветь', *манъкъаланмакъ* 'говорить невнятно, гнусавить', *ынъкъ этмемек* 'не пикнуть'.

Данное семантическое развитие аналогичных звукоизобразительных форм характерно и для других тюркских языков, например, узб. *ингра*- 'стонать, стелать, издавать тихие стоны'; каз. *таңқылда*- 'издавать глухой звук, бурчать под нос, говорить недовольным тоном', *еңре*- 'плакать голося', *ыңқылда*- 'стонать', *ыңылда*- 'тихо напевать', *иңга* подр. звукам плача новорожденного и так далее; др.-тюрк. *inçiqla*- 'горевать, стонать'; кирг. *ынкылда*- 'стонать', *ыңк эт*- 'издать глухой отрывистый звук (например, при ударе в живот)', *ыңырсы*- 'лениво покряхтывать'; туркм. *хың* подр. стону или урчанию, ворчанию животных, *иң* подр. стону больного, свисту авиабомбы, *иңчилде*- 'стонать, хныкать', *ыңылда*- 'хныкать', *ыңран*- 'стонать, реветь (о верблюде)'; як. *ың* подр. звуку глухого мычания, *ыңчиктаа*- 'стонать', *ыңаалаа*- 'нюнить, капризничать', *иңманый*- 'просить жалобным, плачущим голосом, хныкать', *ыңыран*- 'глухо мычать'; узб. *инқилла*- 'кряхтеть, стонать', *хинқилла*- (обл.) 'тихо стонать'; тув. *ыглаңна*- 'ныть, хныкать'.

Основными звукоизобразительными элементами при обозначении как звона, так и стоны наиболее характерными являются сонорные *нь, н*.

Выводы и перспектива. Как видно из приведенных примеров, характерным для подражаний звону является присутствие в конце слова одного из наиболее сонорных согласных: как правило, язычно-носового *η / n*, реже *l, m*. Начинаться слово может почти любым из взрывных согласных, особенно из числа переднеязычных, среди которых возможны также щелевые. Такой состав этих подражаний объясняется легко. Сонорным, то есть наиболее звонким, согласным на конце слова естественно передается звонкость (ритмичность колебаний) изображаемого звука. Резонанс фонем *η / n (м)* передает, как отмечается во многих работах, резонанс изображаемого звукового объекта. Участие безрезонансной сонорной фонемы *l* вместо *η / n* передает соответственно звонкие природные звуки с меньшим резонансом – звяканье.

Литература:

1. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / Газов-Гинзберг А. М. – М., 1965. – 183 с.
2. Древнетюркский словарь (ДТС). Л.: Наука, 1969. 676 с.
3. Киргизско-русский словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1965. 973 с.
4. Русско-якутский словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 720 с.
5. Тувинско-русский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 723 с.
6. Туркменско-русский словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 832 с.
7. Узбекско-русский словарь. М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1959. 839 с.
8. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке: Монография / Хусаинов К. Ш. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.
9. Чувашско-русский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 630 с.

Аджімуратова З.Н. Наслідування різним видам звону кримськотатарській мові / З.Н. Аджімуратова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 13-17.

Наслідувальне позначення різних видів дзвону в кримськотатарській мові пов'язано з акустичною своєрідністю анлаута і гласного в середині звукоізобразительної моделі СГС, оскільки загальними для усіх назв з цим значенням є сонорні нь, н.

Ключові слова: наслідування дзвону, кримськотатарська мова.

Adjimuratova Z. N. Imitating to the different types of ringing in crimeantatar language
/ Z. N. Adjimuratova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 13-17.

Imitative denotation of different types of ringing in crimeantatar language is related to acoustic originality of anlaut and vowel in the middle of sound imitating model VCV, because general for all names with this value are such sounds: ɲ, n.

Keywords: imitating of ringing, resounding noises, crimeantatar language.

Поступила в редакцию 01.09.2011 г.

УДК 811.512.145

АМДИ ГИРАЙБАЙНЫНЪ ИДЖАДЫНДА РАСТКЕЛЬГЕН МУРЕККЕП СЁЗЛЕР

Берберова Р. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г.Симферополь, Украина
E-mail: bra.berberova@yandex.ru*

В статье впервые исследуются сложные слова в творчестве Амди Гириайбая, в процессе исследования выявляются лексические и грамматические особенности, состав и виды сложных слов выбранных из произведений Амди Гириайбая.

Ключевые слова: творчество, процесс, исследование, вид, сложный, слово, состав, произведение, особенности.

Тедкыкыатымызнынъ актуаллиги. Кырымтатар тилининъ бугунки кунде инкишаф этюви эм де кырымтатар яызджылары ана тилимизни на-сыл зенгинлештиргенлерини огренмек боюн борджумыздыр, эдебий тили-мизнинъ лугъат теркибини кирсетиледжек муреккеп сёзлерни Амди Гириай-байнынъ эсерлеринден сечиллип аларакъ, оларны тедкыкыкъ этмелимиз.

Меселенинъ коюлмасы. Кырымтатар халкынынъ белли шаири Амди Гириайбайнынъ иджады тек эдебиятшынаслар тарафындан тедкыкыкъ этильме-ктедир, биз исе, шаир язганъ шиирлернинъ тилини тиль джеэтинден де огре-нильмели. Мезкюр макъаленинъ муэллифи оларакъ, Амди Гириайбайнынъ иджадында расткельген муреккеп сёзлер ве оларгъа хас олгъан хусусиуэтлер- ни тедкыкыкъ этиль-меси лязим деп, саямыз.

Тедкыкыатымызнынъ макъсады. Земаневий эдебий кырымтатар тилининъ теркибине Амди Гириайбайнынъ эсерлеринде расткельген муреккеп сёзлерни къошмакъ ве оларнынъ лингвистик талилини беджерип, муреккеп сёзлернинъ шекилленюв ёлларыны тедкыкыкъ этмектир.

Тедкыкыатымызнынъ методологик ве назарий темели. Земаневий кырымтатар тилининъ назариеси ве усулиети, тасвирий, къыясий ве лингвистик талиль усуллары ве васталары.

Тедкыкыатымызнынъ объекти – бу земаневий кырымтатар тилининъ лугъат теркиби ве Амди Гириайбайнынъ эсерлеринде расткельген муреккеп сёз ве оларнынъ чешитлеридир.

Тедкыкыатымызнынъ ильмий джеэттен янъылыгъы. Земаневий эде-бий кырымтатар тили ве кырымтатар яызджыларынынъ иджады яни мез-кюр макъаледе Амди Гириайбайнынъ шиирлеринде расткельген муреккеп сёз-лернинъ даа тедкыкыкъ этильмесидир.

Амди Гириайбай миллетимизнинъ белли эвляды, севимли шаири. О, озь эсерлеринде миллийликни къайгырып, оны джоймамакъ ичюн, йигитлик аркетлерине давет эткендир.

Амди Гирайбайнынъ «Шиирлер» джыйынтыгында басылган эсерле-ринден муреккеп сёзлерни сечмек, оларны теркип джеэттен талиль этмек бизде буюк меракъ уянтгы. Меселе шунда ки, бойле иш бу вакыткъадже бе-джерильмегени себебинден бу ишни беджермеге тырыштыкъ. Амди Гирай-байнынъ шиирлерини окъугъанда, о, озь шиирлерини эдебий тильде ве Къа-расувбазарнынъ чель тарафы койлерининъ, бираз да Къарасув шивесинде яз-гъаны белли ола. Мезкюр макъалемизде Амди Гирайбайнынъ эсерлери языл-гъан тильни земаневий эдебий тилимизнинъ шекиллеринен теньештирип, та-лиль эттик; олар арасындаки лексик, грамматик ве теркибий хусусиуелери-ни бельгиледик. Шаиримизнынъ шиирлеринден сечип алынган муреккеп сёзлерни, айны макъаленинъ муэллифи тарафындан беджерильген тасниф эсасында бойле чешитлерге айырдыкъ:

1. Къошма сёзлер – грамматик мунасебетлери эсасында бирлешкен я да бу мунасебетлер ачыкъ-айдын анылашылмаган эки ве экиден зияде сёзден шекилленип, бир ургъугъа бойсунган ве бир тюшонджени ифаделеген ше-киллер, меселя: *Акъкъая, акъсакъал, апсхане, Бавбек, Бекмамбет, Багъча-сарай, балавуз, башташ, бильдиралмай, деликъанлы, ёлбашчы, Жансарай, ке-талмай, козьяш, къартана, Къуртбора, Къуртмурат, Культепе, косьтера-лмай, къансувукълыкъ, къарагъачы, къарасув, моллакъай, миявкъуш, сильди-ралмай, туталмай, эйвах.*

Айны муреккеп сёзлернинъ янъы маналары мевджут ве эдебий тиль нормаларына менсюп. Грамматик джеэттен бу эр бир сёз насыл къысымлардан ибарет олгъаныны талиль эттик ве бойле чешитлерини бельгиледик: 1) та-мыр+тамыр: *Акъ+къая, акъ+сакъал, апс+хане, Бав+бек, Бек+мамбет, бал+-авуз, баш+таш, Жан+сарай, козь+яш, къарт+ана, Къурт+бора, Къурт+-мурат, Куль+тепе, къара+(а)гъачы, къара+сув, мияв+къуш, мола+(а)къай, эй+вах;* 2) негиз+тамыр: *Багъча+сарай;* 3) тамыр+негиз: *къан+сувукълыкъ, дели+къан+лы, ёл+баш+чы.* 4) негиз+негиз: *бильдир+алма+й, косьтер-+алма+й, сильдир+алма+й, тут+алма+й.*

Сёз чешитлери категориясы джеэтинден айны муреккеп сёзлер исим, сыфат ве фииллерге хас олгъаныны бельгиледик: исим – *Акъкъая, акъсакъал, апсхане, Бавбек, Бекмамбет, Багъчасарай, балавуз, башташ, ёлбашчы, Жансарай, козьяш, къартана, Къуртбора, Къуртмурат, Культепе, къансувукълыкъ, къарагъачы, къарасув, моллакъай, миявкъуш;* эм исим, эм де сыфат функцияларыны беджерген сёзлер – *деликъанлы, къансувукълыкъ;* фииль – *бильдирал-май, кеталмай, косьтерал-май, сильдиралмай, туталмай;* такълидий сёз – *эйвах.*

Айны шекиллернинъ теркиби эсасында оларны шекиллендирген моделле-рини айырдыкъ: исим+исим (*апсхане, Бавбек, Бекмамбет, Багъчасарай, ба-лавуз, башташ, ёлбашчы, Жансарай, козьяш, Къуртбора, Къуртмурат, Куль-тепе, къансувукълыкъ, моллакъай*); исим+сыфат (*деликъанлы*); сыфат+исим (*Акъкъая, акъсакъал, къарасув, къартана, къарагъач*); фииль+фииль (*биль-диралмай, кеталмай, косьтералмай сильдиралмай, туталмай,*) такълидий сёз+ исим (*миявкъуш*); такълидий сёз+такълидий сёз (*эйвах*).

2. Чифт сёзлер – эки сёзнинъ тень грамматик мунасебетлери эсасында ян-ма-ян кетиров ёлунен тизильген сёз, меселя: *акъ-адалет, агъа-къардаш, онъ-гъа-солгъа, учь-дёрт, сайып-суйип, ят-ябанджы, учлю-дёртлю, буны-шу-ны, дёрт-беш, секиз-он, докъуз-он, джараланган-урулган, чийли-пишли, ал-лы-гулли, къан-*

къардашылыкъ, яши-матем, тюрк-татар, сачып-кесип, нумюне-теджрибе, тав-таши, джолда-тышита, джыйып-терип, мунъ-къайгы, коше-буджакъ, сом-сырма, бир-экеви, окъув-язув, тоз-думан, талай-урелер, джы-лап-чынълап, тулуп-зурна, татлы-муаббет, бала-чагъа, къоркъа-ныса, яшы-къарты, сом-сырма, топракъ-топ.

Бу лексик бирликлернинъ янъы маналары мевджут, олар арасында эсас къысмы эдебий тиль шеклиндедир, амма шималъ шивесине аит шекиллер де расткеле (сайып-суйип, джаралангъан-урулгъан, тавны-ташны, джолда-тышита, джылап-чынълап, джыйып-терип). Чифт сёзлерни шекилленюв хусусиетине эсасланаракъ, бойле чешитлерге айырдыкъ: тамыр+тамыр (акъ-адалет, агъа-къардаш, бала-чагъа, дёрт-беш, секиз-он, докъуз-он, яши-матем, тюрк-татар, тав-таши, яшы-къарты, окъув-язув, сом-сырма, тулуп-зурна, тоз-думан, нумюне-теджрибе, мунъ-къайгы, топракъ-топ); тамыр+негиз (ят-ябанджы, бир-экеви, къан-къардашылыкъ); негиз+тамыр (татлы-муаб-бет); негиз+негиз (онъгъа-солгъа, джаралангъан-урулгъан, чийли-пишли, аллы-гулли, сачып-кесип, джолда-тышита, джыйып-терип, учълю-дёртлю, къоркъа-ныса, яшы-къарты, талай-урелер).

Сёз чешитлери категориясы джеэтинден айны чифт сёзлер исим (акъ-адалет, агъа-къардаш, мунъ-къайгы, тоз-думан, тав-таши), сыфат (ят-ябанджы, учълю-дёртлю, чийли-пишли, аллы-гулли, яши-матем, татлы-муаббет, тюрк-татар), сайы (учъ-дёрт, дёрт-беш, секиз-он, докъуз-он, бир-экеви), замир (буны-шуны), фииль (джара-лангъан-урулгъан, талай-урелер, къоркъа-ныса), алфииль (сайып-суйип, сачып-кесип, джыйып-терип, джы-лап-чынълап), исимфииль (окъув-язув), зарф (онъгъа-солгъа, джолда-тышита).

Бу категорияны шекиллендирген ашагыдаки моделлер бельгиленди:

1) исим+исим (акъ-адалет, агъа-къардаш, къан-къардашылыкъ, тав-таши, нумюне-теджрибе, коше-буджакъ, мунъ-къайгы, сом-сырма, тоз-думан, тав-таши); 2) сыфат+сыфат (ят-ябанджы, учълю-дёртлю, чийли-пишли, аллы-гулли, яши-матем, татлы-муаббет, тюрк-татар); 3) сайы+сайы: (учъ-дёрт, докъуз-он, дёрт-беш, секиз-он, бир-экеви); 4) замир+замир: (буны-шуны); 5) филь+филь: (джаралангъан-урулгъан, талай-урелер, къоркъа-ныса); 6) ал-фииль+алфииль: (сайып-суйип, сачып-кесип, джылап-чынълап, джыйып-терип); 7) исимфииль+исимфииль: (окъув-язув); 8) зарф: (онъгъа-солгъа, джолда-тышита).

3. Теркибий сёзлер – лексик ве грамматик маналарыны айры озъ башлары-на олгъанда бутюнликке нисбетен де анълатылмасы мумкюн олгъан айры-ай-ры маналаргъа къолайлыкънен айырылгъан, бир муреккеп фикирни ифаделе-ген ве джумледе бир джумле аза вазифесини беджерген сёзлернинъ бирикме-сидир, меселя: *Ант эт, къыз бала, мыскъыл эт, эки аякълы джанавар*.

Бу теркибий сёзлер бир умумий мана ифаде этер ве энъ аздан эки компоненттен ибареттир. Эр бир сёз эдебий тиль нормасына аит. Теркип джеэтинден *Ант эт, къыз бала, мыскъыл эт* киби теркибий сёзлернинъ схемасы бойле шекильде ола биллир: тамыр+тамыр; *эки аякълы джанавар* теркибий сёзнинъ схемасы: тамыр+негиз+тамыр ибареттир. Сёз чешити категориясына аит олу- вына коре: *къыз бала, эки аякълы джанавар* – исимдир; *Ант эт, мыскъыл эт* – сёзлери исе фиильдир, олар ашагыдаки моделлер эсасында шекилленген-дир: исим+исим (*къыз бала*); сайы+сыфат+исим (*эки аякълы джанавар*); исим- +фииль (*Ант эт, мыскъыл эт*).

4. Текрар сёзлер – айны бир тамыр толу я да кыскъартылгъан шекильде текрарланылувынен шекилленген сёзлер, меселя: *абул-къубул, айта-айта, ап-акъ, барар-бармаз, балкъ-джалкъ, баикъа-баикъа, бирден-бирге, бир-бири, бузлай-бузлай, десте-десте, дук-дук, зыр-зыбылдыкъ, койден-койге, къайта-къайта, къап-къара, къап-къаралай, къаришы-къаришы, къалтыр-шалтыр, къатсе-къатер, салп-солп, сюзип-сюзип, сым-сыкъ, сыджакъ-сыджакъ, те-пе-тепе, татлы-татлы, тер-темиз, тюм-тюз, тым-тырыш, джаяв-джал-пы, джарты-джурты, джырлап-джырлап, джанар-джанмаз, шайте-шай-те, чалт-чалт, джарлы-джансыз, хабер-тебер, юрип-юрип, элий-элий, эки-шер-экишер, яваши-яваши*. Бир сыра текрар сёзлер шималь шивесине аиттир, меселя: *къап-къаралай, къатсе-къатер, къап-къаралай, джырлап-джырлап, джанар-джанмаз, шайте-шайте*.

Текрар сёзлерни теркибине коре эки эсас чешитке айырдыкъ: 1) эки компоненти де толу тамырдыр; 2) бир компоненти толу, дигери исе кыскъартылгъан тамыр яни редупликацион текрар сёз. Редупликацион *ап-акъ, сым-сыкъ, тер-темиз, тюм-тюз, тым-тырыш* ве *абул-къубул, балкъ-джалкъ, хабер-тебер* текрар сёзлерининъ бирер сеси денъишкендир. Текрар сёзлерни мей-дангъа кетирген моделлер булардыр: исим+исим – *десте-десте, хабер-те-бер*; сыфат+сыфат – *ап-акъ, баикъа-баикъа, сым-сыкъ, къап-къара, къап-къаралай, тер-темиз, тюм-тюз, тым-тырыш, зыр-зыбылдыкъ, джарлы- джансыз, джарты-джурты, сыджакъ-сыджакъ*; сайы+сайы – *бир-бири, экишер-экишер*; фииль+фииль – *айта-айта, барар-бармаз, бузлай-бузлай, джанар-джанмаз, элий-элий, те-пе-тепе, къатсе-къатер*; алфииль+алфииль – *сюзип-сюзип, джырлап-джырлап, юрип-юрип*; зарф+зарф – *абул-къубул, койден-койге, къаришы-къаришы, къалтыр-шалтыр, джаяв-джалпы, шайте-шайте, чалт-чалт, яваши-яваши*; такълидий сёз+такълидий сёз – *дук-дук, балкъ-джалкъ, салп-солп*.

Нетидже ве перспективалар. Юкарыда Амди Гирайбайнынъ «Шиирлер» джыйынтыгындаки шиирлерининъ тилини тедкъикъ этип, онда расткельген муреккеп сёзлернинъ лексик ве грамматиктик хусусиетлерини, шекилленюв моделлерини бельгилеп, ашагыдаки нетиджелерни чыкардыкъ яни шиирлер -де къошма, чифт, теркибий ве текрар сёзлерни айыраракъ, оларны этрафлы ве терен талиль эттик. Шуны да къайд этмек истер эдик ки, Амди Гирайбай-нынъ шиирлеринде муреккеп сёзлер муим ер туткъаны белли олды ве атта дигер иджаткярларнынъ эсерлеринде расткетирмеген шекиллерни (*зыр-зы-былдыкъ, мунъ-къайгы*) сечмеге наиль олдыкъ. Перспективаны козьде ту-тып, кенди тедкъикъатымыз иле кырымтатар тильшынаслыгынынъ иле-рилемесине аз да олса, озь иссемизни къошкъанымызгъа умют беслеймиз.

Кулланылгъан эдебият

1. Берберова Р. А. Чифт сёзлерде терминология меселеси /Берберова Р. А. – Республика ёш филолог олимларининъ анъанавий ильмий-назарий конференцияси материаллари. Фан. - Тошкент, 1989. – С. 97-99
2. Берберова Р. А. Чифт сёзлер акъкъында / Берберова Р. А. // Ёылдыз, № 3 – Ташкент, 1991. – С. 140-142.
3. Берберова Р. А. Муреккеп сёзлернинъ бельгиленювине бир назар. / Берберова Р. А. // Ёылдыз, № 2 – Симферополь, 1994. – С. 186-190.

4. Берберова Р. А. Чифт сёзлернинь компонентлери акъкъында / Берберова Р. А. // Ылдыз, № 3 – Симферополь, 1994. – С. 186-190.
5. Берберова Р. А. Муреккеп сёзлер – текарар сёзлер категориясы / Берберова Р. А. // Ылдыз, № 6 – Симферополь, 1997. – С. 170-173.
6. Берберова Р. А. Къырымтатар тилинде къошма сёзлер категориясы / Берберова Р. А. // Ылдыз, № 3 – Симферополь, 1998. – С. 136-139.
7. Берберова Р. А. Къырымтатар тилининь латин графикасына кечюв даиресинде муреккеп сёзлернинь имля меселелери / Берберова Р. А. // Ылдыз, № 4 – Симферополь, 2000. – С. 99-101.

Бедий менбаа

Гирайбай Амди. Шиирлер / Гирайбай Амди.- Симферополь: «Таврия» нешрияты, 1997. – 143 с.

Берберова Р. А. Складні слова в творчості Амді Гірайбая / Р. А. Берберова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 18-22.

У статті вперше досліджуються складні слова в творчості Амді Гирайбая, в процесі дослідження виявляються лексичні і граматичні особенности, склад і види складних слів вибраних з творів Амді Гирайбая.

Ключові слова: творчість, процес, дослідження, вид, складний, слово, склад, твір, особливості.

Berberova R.A. Difficult words are in creation of Amdi Giraybaya / R.A. Berberova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 18-22.

In the article difficult words are first probed in creation of Amdi Giraybaya, in the process of research the lexical come to light and grammatical peculiarities, composition and types of difficult words chosen from works of Amdi Giraybaya.

Keywords: creation, process, research, types of difficult words, composition, work, features.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 821.512.162

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ (АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ, ПЕРСИДСКОМ И АНГЛИЙСКОМ)

Ханчобани А. А.

*Исламский Университет «Азад», филиал Салмас, Иран
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Сопоставительное изучение синтаксических единиц в языках разной семьи входит в число актуальных проблем современного языкознания. Нами была сделана попытка провести сопоставление именных словосочетаний в трех языках – азербайджанском, персидском и английском – на основе средневекового поэтического наследия.

Ключевые слова: словосочетание, английский, персидский, азербайджанский язык

Постановка проблемы. Сопоставительное изучение синтаксических единиц в языках разной семьи входит в число актуальных проблем современного языкознания. По сложившейся традиции, сопоставление языковых единиц различного уровня обычно ведется в синхроническом аспекте, а диахрония затрагивается эпизодично для подтверждения исследователем собственного соображения или же выяснения ряда моментов, которые интересуют его по разработанной теме. Нами была сделана попытка провести сопоставление именных словосочетаний в трех языках – азербайджанском, персидском и английском – на основе средневекового поэтического наследия. Как известно, азербайджанский язык относится к тюркской языковой семье, тогда как персидский и английский языки входят в индоевропейскую семью. Кроме того, сопоставление на материалах средневекового языка, естественно, в некоторой мере осложняет его разработки, тем более, что оно ведется на примерах поэтического текста, которому свойственны отличающиеся от нормативной грамматики синтаксическая структура и экспрессивная функция. Примечательно, что само понятие словосочетания в указанных языках долгие годы определялось по-разному, а частично противоречиво, иногда даже отсутствовало четкое установление его статуса в синтаксической системе. Естественно, что структура, состав компонентов, типы словосочетаний также отличаются в каждом из указанных языков.

Теперь рассмотрим определение понятия словосочетания в трех языках:

Понятие словосочетания в азербайджанском языке:

Современное азербайджанское языкознание в принципе формировалось и развивалось на базе традиционных теоретических предпосылок русских лингвистических школ. Известно, что как в классическом, так и в современном русском языкознании синтаксическая наука являлась предметом глубоких исследований, в результате чего была создана солидная теоретическая база для научных разработок в этой области [1, 497-55; 2, 7-12; 3, 182-188; 4, 32-40; 5, 270-276; 6, 430-438] Следует отметить, что многие научные положения и выводы русских языковедов имели обще-

лингвистическое и общетеоретическое значение и видимо поэтому исследователи других языков для разработки интересующих их вопросов успешно использовали указанные положения. В этом плане в азербайджанском языкознании при освещении вопросов синтаксиса и определении его основных единиц ссылаются на труды ведущих русских лингвистов. В азербайджанской грамматической науке выделяются две единицы синтаксиса: словосочетание и предложение. Первая из них – это единица, возникшая в результате соединения двух или более слов на основе определенной синтаксической связи. Различие между словосочетанием и предложением может быть сформулировано как различие между непредикативной и предикативной синтаксическими единицами. Компоненты синтаксических единиц находятся друг с другом в определенных смысловых связях, которые называются синтаксическими отношениями. Синтаксическая связь? т. е. формальные, строевые отношения между компонентами синтаксических единиц, выявляющие смысловые связи – синтаксические отношения и выраженные средствами языка, составляют важное понятие синтаксиса. Вот основные теоретические предпосылки, принятые в азербайджанском языкознании для определения понятия словосочетания в синтаксической системе. Среди азербайджанских языковедов, затрагивающих вопросы словосочетаний в своих работах, можно выделить М. Гусейнзаде, Ю. Сеидова и Г. Кязимова [8; 9; 10]. Ю. Сеидов посвятил разработке этой проблемы целую монографию, которая переиздавалась несколько раз. В данной книге автор сначала сделал исторический экскурс и подробно осветил процесс возникновения и развития теории синтаксиса и его основных единиц в русском языкознании, цитируя при этом Ф.Ф. Фортунатова, М.Н. Петерсона, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.Н. Ярцеву, В.В. Виноградова [10, 15-24]. Он в конечном итоге разделяет мнения В.В. Виноградова по данному вопросу и выдвигает нижеприведенные критерии для определения словосочетаний в азербайджанском языке:

1. Словосочетание состоит минимально из двух полноценных лексических единиц; один из них главное, а другой независимое;
2. Словосочетание – это непредикативное соединение слов на основе синтаксической связи между ними;
3. Здесь можно выделить два типа словосочетаний в зависимости от синтаксической связи: сочинительные и подчинительные словосочетания;
4. Виды подчинительной связи на уровне словосочетания: согласование, управление, примыкание;
5. Структурная схема словосочетания включает в себя: средства синтаксической связи, состав и характеристика компонентов, порядок слов или компонентов словосочетания.
6. Основные виды словосочетаний: именные, глагольные, наречные.

В азербайджанском языке наиболее распространенным видом являются именные словосочетания, которые называются определительными первого, второго и третьего типа [9, 60-69]. Обычный порядок минимальных конструкций таков, что сначала идет зависимое – определение, за ним следует главное – определяемое слово. Типы именных словосочетаний отличаются как по формальной организации, так и по смысловым показателям [10, 181-183]. В английском языкознании понятие

словосочетания еще не получило окончательного определения, даже появилась тенденция игнорирования его. В этом отношении заметка авторов книги «Теоретическая грамматика современного английского языка» выглядит довольно показательным: «Несмотря на то, что словосочетание является одной из основных единиц синтаксиса и изучение словосочетания, наравне с изучением предложения, составляет предмет синтаксиса, до настоящего времени не существует общепринятого определения этой синтаксической единицы, и имеются серьезные расхождения в ее трактовке в отечественной лингвистике и за рубежом» [6, 100]. Здесь первой задачей является определение места словосочетания в синтаксисе и, как отмечает А.И. Смирницкий, «в качестве предмета синтаксиса необходимо выделить и предложения как таковые, и сочетания слов, входящие в состав предложения; ни то ни другое, взятое в отдельности, не составляет предмета синтаксиса в целом. Синтаксис есть наука, изучающая как правила сочетания слов, так и правила построения из этих сочетаний предложения» [7, 323]. Необходимо подчеркнуть, что теоретическая разработка словосочетания вообще возникла за рубежом значительно позже, чем в России. Кроме того, здесь отсутствовала устоявшаяся терминология и если для обозначения данного грамматического термина раньше употребляли слово “phrase”, но с учетом его многозначности, то затем оно было заменено терминами “word group” и “word cluster”. Дело в том, в русской лингвистике словосочетание – это синтаксическая конструкция, состоящая минимально из двух самостоятельных лексических элементов, тогда как английское “phrase” может состоять и из одного слова. Интересно что, в последнее время вновь вошел в обиход термин “phrase” и тут имеются два варианта: “one-word noun phrase” и “complex noun phrase”. Первое состоит из одного слова, а второе из двух и более слов [13, 196; 14, 252-253]. На наш взгляд, второе название более адекватно выражает термин словосочетания.

В английском словосочетании наблюдается своеобразный структурный принцип расположения ядра по отношению по другим компонентам словосочетания: постпозиция, препозиция, центр и обрамление. Здесь важно уточнить структуру и формальное построение словосочетания, принципы расстановки элементов по отношению друг к другу, определить типы синтаксических связей: сочинение, подчинение. По типам синтаксических связей, а также по способам осуществления их – согласование, управление, примыкание, имеется типологическое сходство между английскими и русскими конструкциями [6, 115-116, 131].

В структуре именных словосочетаний английского языка выступают два основных компонента: главный, который называется ядро и зависимый, который объясняет, определяет и уточняет смысл ядра. Порядок следования компонентов различен в разных типах словосочетаний. Здесь обычно зависимые компоненты могут следовать за ядром, или же предшествовать ему.

Употребляемые в этих словосочетаниях зависимые компоненты делятся на три группы слов: детерминеры (Determiners), премодифиеры (Premodifiers) и постмодифиеры (Postmodifiers).

Детерминеры – это та группа зависимых слов, которые находятся на первом месте, определяя значение главного компонента. Они в свою очередь делятся на передние, средние и конечные [12, 72; 13, 132-135].

Премодифиеры в английском – это те группы слов, которые предшествуют ядру именных словосочетаний, определяя и конкретизируя его значение [15, 234]. Они делятся на девять групп.

Постмодифиеры – это группа слов, которые, выступая в качестве зависимого компонента именных словосочетаний, употребляются после главного компонента, куда входят: препозитивные, релятивные, причастные, релятивно-инфинитивные, определительные, адвербиальные, адъективные и компаративные обороты. Здесь можно выделить 8-10 групп указанных слов [13, 217; 15, 314-315].

В ряде научных сайтов вместо “postmodifier” употребляется “post descriptive phrase” (www.Yorku.ca/jamson/English/postdescript.htm), а в отдельных сайтах “post heading string” (<http://www.eslinstructor.net/sanjosewrites/sent-struct/sent-struct6.html>).

Что касается общей классификации словосочетаний в английском языке, то она выглядит таким образом: именные, глагольные, адъективные, адвербиальные и препозитивные. В иранском языкознании изучение грамматики, в том числе синтаксиса, долгие годы велось по традиционным описательным методам, а научно-теоретическая разработка отдельных вопросов указанного языка началась за рубежом. В описательных грамматиках персидского языка вообще отсутствует понятие словосочетания, широко распространенная в данном языке изафетная конструкция не включена в раздел синтаксиса и изучается как отдельная грамматическая категория [16, 19]. Эта конструкция по всем формальным и семантическим признакам есть и словосочетание. Как отмечает Ю.А. Рубинчик, «Изафетная конструкция – способ подчинительной связи именных словосочетаний, при котором подчиняющее слово, находящееся на первом месте, связывается с последующим, подчиненным словом при помощи изафетной частицы» [11, 838].

Выводы и перспектива. Таким образом, порядок компонентов именных словосочетаний персидского языка (главный → зависимый), противоположен порядку компонентов аналогичных конструкций азербайджанского языка (зависимый → главный). Типы и виды изафетных сочетаний обычно определяется по содержанию, а некоторые из них входят в состав поэтических фигур [16, 139]. Интересно, что аналогичные изафетные конструкции с художественной направленностью встречаются в классической азербайджанской литературе. Как в современном, так и в классическом персидском языке имеется другой тип словосочетаний, отличающихся от традиционных изафетных конструкций. В этих словосочетаниях порядок компонентов противоположен изафету, т.е. сначала дается зависимое слово, за которым следует главный компонент. Примечательно, что лингвисты недавно заметили существование подобных синтаксических конструкций в персидском языке [17, 151-156; 18, 58-64].

Литература

1. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В. В. Виноградов // Вопросы грамматического строя. – М. : 1955. – 398 с.
2. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – №3. – С. 3–25.
3. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды / Фортунатов Ф. Ф. – М. : 1956. – Т. I. – С. 182–188.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / Пешковский А. М. – М., 1956. – 510 с.

5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Шахматов А. А. – Л. : 1941. – 274 с.
6. Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание / В. Н. Ярцева // Вопросы грамматического строя. – М. : 1955. – 436 с.
7. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
8. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий // История советского языкознания. Хрестоматия. – М. : Высшая школа, 1981. – 352 с.
9. Гусейнзаде М. Современный азербайджанский язык / Гусейнзаде М. – Баку, 1973 (на азерб. языке).
10. Кязимов Г. Современный азербайджанский язык. Синтаксис / Кязимов Г. – Баку, 2008 (на азерб. языке).
11. Сеидов Ю. Словосочетания в азербайджанском языке / Сеидов Ю. – Баку, 1992 (на азерб. языке).
12. Рубинчик Ю. А. Грамматический очерк персидского языка / Ю. А. Рубинчик // Персидско-русский словарь: В 2-х тт. 3-е изд. – М. : Русский язык, 1985. – С. 791–847.
13. Alexander L. G. Longman English Grammar / Alexander L. G. – London : Longman Group UK limited UK, 1988.
14. Greenbaum S. The Oxford Reference Grammar / Greenbaum S. – New York : Oxford University press. Inc., 2000. – 652 p.
15. Parrott M. Grammar for English Language teachers / Parrott M. – Cambridge University Press, 2000.
16. Richards J. C. Longman Dictionary of Language and Applied Linguistics / Richards Jack C., Platt John, Platt Heidi. – New York : Longman Group UK limited inc., 1992.
17. Доктор Мухаммед Моин. Изафе / Доктор Мухаммед Моин. – Тегеран.
18. Махди Мишкат ад-Дини Даустур-е забан-е фарси бар пайе-йе назарийе-йе Гештари / Махди Мишкат ад-Дини. – Машхад, 1566.
19. Доктор Хосров Гуламализаде. Сахт-е забан-е фарси. – Тегеран, 1374.

Ханчобані А.А. Зіставлення поняття словосполучення в різносистемних мовах (у азербайджанської, перської та англійської) / А.А. Ханчобані // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 23-27.

Порівняльне вивчення синтаксичних одиниць у мовах різної сім'ї входить в число актуальних проблем сучасного мовознавства. Нами була зроблена спроба провести зіставлення іменних словосполучень в трьох мовах - азербайджанською, перською та англійською - на основі середньовічного поетичної спадщини.

Ключові слова: словосполучення, англійська, перська, азербайджанська мова

Khanchobani A.A. Revealing the concept of complex noun phrases in different systematic languages (Azerbaijani, Farsi and English) / A.A. Khanchobani // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 23-27.

Comparative study of various aspects of language is among the main issue of the new linguistics. In this regard, the analysis of syntactic units in different systems of languages is important. . This paper investigates the concept of complex noun phrases in Azerbaijani.

Keywords: noun phrases, Azerbaijani, Farsi and English

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК – 811.512.145'33

ГЛАГОЛ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ НА « -P ЭДИ » В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: bekirova.79@mail.ru*

В статье исследуется форма прошедшего времени глагола изъявительного наклонения на *-p эди* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре систему. Установлено, что форма прошедшего времени на *- p эди* относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: морфология, глагол, функция, прошедшее время, крымскотатарский язык.

Актуальность. Одной из наиболее малоизученных проблем современного крымскотатарского языка, является исследование глаголов прошедшего времени. В статье, исследуется функционирующая форма глагола прошедшего времени изъявительного наклонения на *- p эди*.

Цель статьи - изучить форму прошедшего времени изъявительного наклонения глагола *- p эди*, существующую в современном языке, определить ее функциональные формы;

- показать основные семы, характерные для выявленной формы, ее употребление в языке;

- показать аналитизм данной формы в грамматической структуре крымскотатарского языка;

Эта форма в крымскотатарском языке представляет собой самостоятельную грамматическую категорию в системе прошедшего времени изъявительного наклонения наряду с другими формами, а не является стилистическим вариантом какой-либо другой формы. Например, в мишарском диалекте татарского языка форма на *- ыр иде* выражает лишь модальные значения, поэтому не может рассматриваться в составе изъявительного наклонения, тогда как для среднего диалекта татарского языка она считается специальной формой времени. В специальном труде Д.Г.Тумашевой, посвященном монографическому описанию татарского глагола, эта форма не рассматривается, поскольку является диалектной формой с определенным модальным значением [4, с. 47].

В иерархии прошедших времен форма на *-p эди* относится к группе аналитических форм, образуемых при участии служебного глагола *эди*. Эту форму можно назвать специфической формой крымскотатарского языка, употребляемой в значении прошедшего времени. Она относится к числу менее употребительных форм, во многих значениях ее замещает форма на *-a эди*.

Это время можно назвать прошедшим продолженным (продолжительным), незавершенным временем, в книге А.Меметова и К.Мусаева [1, с. 215] оно названо «неопределенным имперфектом».

Эта форма образуется посредством присоединения к глагольной основе аналитического форманта, который состоит из сочетания аффикса *-р* и недостаточного глагола *э-* в форме прошедшего категорического времени - *эди*. Таким образом, форма состоит из структуры: *глагол+р+эди* с дальнейшим прибавлением аффиксов лица и числа при спряжении глагола.

Как отмечает А.А.Юлдашев, форма на *-р эди* в числе всех аналитических форм прошедшего времени в тюркских языках, как в письменной, так и устной речи, получила наибольшее распространение. Она «чаще других аналитических форм прошедшего времени встречается и во всех наиболее древних и значительных по объему письменных памятниках, что позволяет считать ее не только самой распространенной, но и одной из самых древних аналитических форм прошедшего времени [5, с.128]». Она употребляется, например, в древнем памятнике в честь Тоньюкука в форме *-р эрти*: *Тюрк будун табгъачкъя корюр эрти*. В этом предложении форма выражает имперфект - 'Тюркский народ полностью подчинился (в то время, постоянно) табгачам'. Подобное значение присуще и современному крымскотатарскому языку [2, с.281].

По своей употребительности эта форма в крымскотатарском языке стоит в одном ряду с башкирским и татарским языками, в которых она сравнительно редко используется, по сравнению с такими языками, как огузские и карлукские, а также якутский, киргизский, каракалпакский, казахский и карачаево-балкарский языки. В этом отношении крымскотатарский язык, пожалуй, опережает лишь кумыкский, в котором эта форма употребляется в исключительных случаях.

Аффикс *-р* имеет три фонетических варианта: *-р, -ар, -ер*. Вариант *-р* присоединяется к глаголам с конечным гласным, независимо от того, к какому ряду он принадлежит – заднему или переднему: *тынъла+р эди, тёше+р эди*. Варианты *-ар* и *-ер* присоединяются к глаголам с конечным согласным, первый - к основам с заднерядными гласными: *тырыш+ар эди*; второй - к основам с переднерядными гласными: *тиз+ер эди*. При спряжении формы на *-р эди* нагрузку по передаче значений лица и числа принимает второй элемент – *эди*, к которому присоединяются соответствующие аффиксы лица второй группы. В нулевой форме – без аффиксов лица и числа форма на *-р эди*, как и другие аналитические формы, передает значение третьего лица единственного числа: *эшитер эди* 'он (она, оно) слушал', *тёшер эди* 'он (она, оно) стелил' и т.д. В этой форме выражается также положительный аспект глагола, от которого образуются формы других аспектов.

Функционирующие формы прошедшего времени на *-р эди*

Форма положительного аспекта представляет собой исходную форму времени, образуемую по модели: *глагол+ар/ер/р+эди*. От этой модели образуются формы других аспектов: отрицательного, возможности, невозможности и вопросительного. При их спряжении парадигма форм такая же, как и при форме положительного аспекта. Для употребления в речи к этой форме присоединяются соответствующие аффиксы лица, числа, образующие формы спряжения.

Таким образом, полная модель этой формы прошедшего времени выражается формулой: *глагол+ар/ер/р+аффикс лица и числа*. Без аффиксов лица и числа - в «чистой форме» форма выражает третье лицо единственного (иногда и множественного) числа.

В форме положительного аспекта прошедшее на *-р эди* выражает действие, которое в прошлом совершалось неопределенно длительно или постоянно, оно может быть к моменту речи завершено или не завершено. Действие может представлять собой для говорящего как воспоминание далекого прошлого.

Парадигма спряжения формы на *-р эди*

в положительном аспекте

Единственное число

1л. *-р эди-м, -ар эди-м, -ер эди-м*

2л. *-р эди-нъ, -ар эди-нъ, -ер эди-нъ*

3л. *-р эди, -ар эди, -ер эди*

Множественное число

1л. *-р эди-к, -ар эди-к, -ер эди-к*

2л. *-р эди-нъиз, -ар эди-нъиз, -ер эди-нъиз*

3л. *-р эди(-лер), -ар эди(-лер), -ер эди(-лер)*

В третьем лице множественного числа присутствие аффикса множественного числа является факультативным.

Спряжение глаголов в форме на *-р эди*

Единственное число

1л. *тёше-р эдим* ‘бывало, я стелил’ *беньзе-р эди-м* ‘я тогда был похож’, *тырыш-ар эди-м* ‘я, бывало старался’, *тиз-ер эди-м* ‘я, бывало, выстраивал’

2л. *тёше-р эди-нъ, тырыш-ар эди-нъ, тиз-ер эди-нъ*

3л. *тёше-р эди, тырыш-ар эди, тиз-ер эди.*

Множественное число

1л. *тёше-р эди-к, тырыш-ар эди-к, тиз-ер эди-к*

2л. *тёше-р эди-нъиз, тырыш-ар эди-нъиз, тиз-ер эди-нъиз*

3л. *тёше-р эди(-лер), тырыш-ар эди(-лер), тиз-ер эди(-лер)*

Форма отрицательного аспекта выражает действие, которое не совершалось в прошлом как продолжительное действие, образуется посредством общего аффикса *-ма*. При этом происходит серьезное изменение формы аффикса времени - аффикс *-р* переходит в *-з*, что отражает древнее соответствие *-р/-з*, формант *эди* остается без изменений: *тёше-ме-з эди-м, тырыш-ма-з эди-нъ* и т.д.

Бу нурлу умют олмагъан олса, олар бири-бирлерини ич бир заман терк этип оламаз эдилер [А.О. Т. с.350]. ‘Если бы не было этой светлой надежды, они ни в какое время не могли бы покинуть друг друга’. В этом примере наблюдается стечение нескольких глаголов в обеих частях предложения.

Формы аспектов возможности и невозможности образуются по общему правилу для всех форм с вспомогательным глаголом *эди*. Основной глагол при этих формах принимает аффикс *-а/е/й*. В формах этих аспектов появляется значение сослагательного наклонения.

Форма аспекта возможности образуется по модели: *глагол+a/e/й+ал+ар+эди* и выражает действие, которое возможно было совершить в прошлом при определенных условиях. Условие обычно указывается в другом полноценном предложении или в другой синтаксической конструкции – обороте. Например, глагол в форме на *-гъанда* в составе причастного оборота выражает прошедшее действие, которое является условием возможности совершения действия глагола в форме на *-р эди* в аспекте возможности: *Чомайнынъ дёрт киши йыкъкъан сонъ, токътамагъан, курештен чекильмеге акъкъы бар эди* [У.И. К. с.13. ‘После того, как победил четырёх борцов, Чомай имел право остановиться, выйти из игры’].

Форма аспекта невозможности образуется по модели: *глагол+a/e/й+ал+ма+з+эди*. В данном случае эта форма отличается от предыдущей не только наличием аффикса отрицания *-ма*, но и наличием аффикса *-з*, который является субституцией аффикса в положительной форме *-р*. Формант времени присоединяется к вспомогательному глаголу, основной глагол принимает аффикс *-a/-e/-й*: *Бунъа ташлар даянмаз эди, лякин онынъ ана юреги даянды* [У.И. З.Т. с.9]. ‘Такое не выдержали бы даже камни, однако её сердце выдержало’.

Форма вопросительного аспекта образуется по общей модели прибавлением к вспомогательному глаголу *эди* вопросительной частицы *ми*: *глагол+ар/ер/р+эди+ми*: *О, ишле-р эдими?* ‘Он тогда работал?’

Говоря об исходном значении этой формы в пратюркском языке, А.А.Юлдашев предполагает, что «она связана с обозначением незаконченного действия, перенесенного в план прошедшего времени, поскольку форма на *-р* во всех случаях обозначает, как известно, действие данного момента, а глагол *эди* выражает значение прошедшего времени [5, с.128]». Следует к сказанному добавить, что форма на *-р* в современных тюркских языках может выражать и настоящее время.

Общее значение формы на *-р эди* перекликается со значением формы на *-а эди*. Первая форма употребляется в языке значительно реже, чем вторая, которая нередко передает ей свои семантические функции.

Форма на *-р эди* располагает целым рядом лексико-грамматических средств для передачи различных парадигматических и синтагматических значений, которые будут являться объектом исследования следующей статьи.

Источники и литература

1. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч.1. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003. - С.212-218.
2. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964.- 281 с.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988.- 368 с.
4. Тумашева Д.Г. Татарский глагол. – Казань, 1986.- 47 с.
5. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965. - С.119 – 120.
6. Ипчи У. «Куреш» =Борьба: Рассказ // Достлук.- 1991. 12 декабря.
7. Осман А. Тутушув: Повестлер, икяелер. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешр., 1988.-400 с.
8. Умеров Э. Йылдызларга догъру: Повестлер = К звездам: Повести. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
9. Ипчи У. «Зейнеп тизе»: Импералист дженкинден бир хатире // Йылдыз.- 1992.- №4.-С.152-159.
10. Эдемova У. «Юрек атешин» = Пламя души: /Повестлер/. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1987. - 336 с.
11. Эмин С. «Ираде деръясъ»: Роман. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1917.- 376 с.

Бекирова Л. И. Дієслово минулого часу дійсного способу на -р эди в сучасній кримськотатарській мові / Л. И. Бекирова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 28-32.

У статті досліджується форма минулого часу дієслова дійсного способу на - р эди в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові є складною і багатообразною по граматичній структурі системою.

Встановлено, що форма минулого часу на - р эди відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: морфологія, дієслово, функція, прошедшее час, кримськотатарську мову.

Bekirova L. I. Verb of past tense of indicative on *the -r edi* in a modern crimean tatar language / L. I. Bekirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 28-32.

In the article the forms of past tense of verb of indicative are investigated on *the -r edi* in a modern crimean tatar language. It is set during research, that a category of past tense of indicative in a crimean tatar language is the difficult and varied on a grammatical structure system.

It is set that form of past tense on *the - r edi* behaves to the analytical forms of past tense.

Keywords: morphology, verb, function, passing time, crimean tatar language.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Вышницкая Ю. В.

*Гуманитарный институт Киевского университета имени Бориса Гринченко, Киев, Украина
E-mail: julia_vishnya@ukr.net*

В статье представлены научные понимания мифа и информационных моделей, с помощью которых выстраиваются мифологические сценарии. На материале духовно-сакральной литературы исследованы современные этносценарии «потери и обретения рая» и «возвращения в хаос» как отражение ритуала инициации. Сценарии реконструированы с использованием фреймового анализа.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, ментальная модель, миф, мифологический сценарий, образная схема, прототип, ритуал, секуляризация, трансформация, фрейм.

Проблема онтологии мифологической вселенной развернула перед исследователями миф в его особой парадигме, где, по словам Роллана Барта, все «...материальные носители мифического сообщения (собственно язык, фотография, живопись, реклама, ритуал, какие-либо предметы и т.д.), какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания; все они представляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств» [2: 78-81], а миф «одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает» [там же].

Миф, фиксируя, храня и передавая традиционные и поведенческие нормы, представляется моделирующей системой и воспринимается как актуальная программа. «При этом, - как замечает В.Н.Базылев, - миф пополняет модели внешнего мира, храня не только программы-стереотипы, но и средства корректировки этих программ (наряду с сохранением эволюции программы)» [1: 142].

Миф (и в целом мифология) понимается сегодня не как застывшее, законсервированное знание, не как реликт, а «дериват или адаптивный элемент системы и структуры» [1: 139]. А это свидетельствует об активной мифологической системе, способной порождать «ментальные парадигматические связи» [1: 21] и реализовывать на уровне речи «парадигматически организованное бессознательное» [там же]. Такая мифологическая экспликация бессознательных парадигматических образований не является случайной, а лишь отражает способность человеческого мозга нести в себе «напластования» миллионов лет биологической эволюции и тысячелетий общественного развития в виде генетической и «социальной наследственности» (термин академика И.П.Дубинина)» [1: 136.].

В этом ключе абсолютно понятной является этноцентрическая концепция мифа (текста и слова в частности как актуализаторов такой «памяти»). «Мифы составляют

основу культуры народа, ее плоть и кровь и служат основным способом организации и хранения культурного и мыслительного материала)» [1: 136]. Но кроме упорядочивающей, консервирующей, организующей системы, мифы представляются как «актуальные программы, формирующие установки...» [там же].

И здесь возникает несколько вопросов, связанных с вхождением мифа в социальный мир: принимается ли социумом весь миф, или он актуализируется фрагментарно? если фрагментарно, то что является основанием для избирательного восприятия мифа? где более всего нуждаются в мифе? что происходит с мифом, попадающим в социум?

Ответы на эти и другие вопросы – в работах этнолингвистов, лингвокультурологов, этнопсихологов... В зависимости от установки социума: что ищется в мифе: «истинное положение вещей или нечто другое», - миф входит в мир соответственно или целостно, или фрагментарно: во втором случае социум ищет в мифе те или иные виды знания, которые он различает, в которых нуждается и которые способен «считывать», воспринимать. «Мифологически мыслят тогда и там, - говорит В.Н.Базылев, - где не могут дискурсивно высказывать (формулировать) ту истину, которую воображение столь же образно воспринимает, как и высказывает» [1: 137]. Поэтому осмелимся утверждать, что миф, нашедший свое место в социальной системе, прямо отражает «запросы» общества и его, если можно так сказать, уровень. При этом миф проходит все стадии «адаптации» в социуме: он реконструируется, инкультурируется, социализируется в данной картине мира. И – главное – интерпретируется в том ключе, который отвечает потребностям общества, то есть миф (фрагментарно введенный в социум) ищет свою нишу в идеологической системе.

Последнее положение (свободная интерпретация мифа в социуме) иллюстрирует коммуникативную функцию мифа, способного (как и слово) получать «смысл и значение из наращиваемого текста в процессе интеграции нового результата с наличным, уже известным, то есть в процессе интерпретации» [1: 139].

Так, миф и язык, будучи равноправными моделирующими системами, изучаются с помощью моделей, понимание которых связано с понятием «глубинных структур» (З. Харрис, Н. Хомский и др.). Среди моделирующих конструктов когнитивисты выделяют фрейм (М. Минский [13], Ч. Филлмор [17: 61-65]), Л. Талми [16], А.В.Заморева [8: 32]). По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «...это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм - структура данных для представления стереотипной ситуации» [9: 188]. Фреймы, описывающие стереотипные события, М. Минский называет «фреймами сценариев» [13]. А. П. Чудинов в монографии «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» [20] говорит, что нередко система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания модели. Ученый выделяет составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. При характеристике составляющих слота мы употребляем термин «концепт». Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт

отражает представления «...о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [9: 90].

В современном мире наблюдаем активное моделирование мифологических сценариев. По утверждению Мирча Элиаде, современный человек все еще чувствует потребность периодически реактуализировать мифологические сценарии, которые, в большинстве своем десакрализируются. Многие мифологические темы, сюжеты живы в современном обществе, но их не так уж легко и различить, так как они прошли длительный процесс секуляризации. Секуляризованные, измененные, замуфлированные, трансформированные порой до неузнаваемости, мифы и мифические сценарии встречаются везде: начиная от всевозможных вариаций космогонического мифа (мифа о начале), реализуемого, скажем, с празднованием Нового года, и заканчивая мифами о потерянном Рае (живущем в образах райского, эдемского сада) и всевозможными мотивами сценария инициации. Подобные мифологические сценарии-модели и являются объектом нашего исследования.

Особенности мифологического сценария о «Потерянном Рае», называемого в числе базисных (Дж. Лакофф, Э. Маккормак), доминантных (А. П. Чудинов), ключевых (Н. Д. Арутюнова) метафорических моделей, проанализированы в религиозно-сакральной сфере на материале современных православных журналов «Отрок», «Фома», «Ионинский листок». На страницах этих изданий мифологема «Рай» реализуется с помощью фреймов и слотов.

В культурно-символическом измерении сценарий «Потерянный Рай» - это моделирование одной из центральных универсальных мифологем – «пути».

Локусно «Рай» представлен двумя векторами, отражающими исконную бинарную оппозицию верха и низа: «Земной Рай» и «Небесный Рай». Характерно, что верхняя точка оппозиции – это семантический многочлен «небесного строения», на страницах изданий актуализируемый синонимами «Место во Вселенной», «земля обетованная», «истинное пристанище». Семантика «устойчивости» концентрируется в мифологеме «Город» (с прозрачной символикой ограждения, замкнутости). Данный мотив рефлексирован к исходной точке мифосценария: Рай – Эдемский сад.

Фрейм «Локус», представленный, с одной стороны, «Небесным Раем», имеет еще один вертикально направленный вектор: «Будущее», «грядущее царство» (одним из вариантов моделирования такого «грядущего Царства» является советско-социалистический сценарий строительства «*нового и светлого будущего*» (Отрок, №6, 2008: 30).

Таким образом, хронотопически «небесный Рай» - «там и завтра» - верифицирован «Вечностью», «Всеобщностью», «Подлинностью», «Высшей царственностью». Именно мифологема «Небесный Рай» локусом «истинная наша Родина» актуализирует космогонический сценарий.

«Земной Рай», в отличие от «Небесного Рая», представляет собой подделку. Утопичность рая на земле связана с имманентным данному сценарию мотивом греха. Абсолютная же десакрализация «Рая» происходит в момент наложения оппозитивных ценностных ориентиров Мировой Осей: когда «Рай» становится «Адом».

Сценарий «Потерянного Рая» разворачивается в пространстве, форма которого определяется не топосами, протяженностью (до пределов страны) и отдаленностью (инаковостью, разъединенностью) двух противоположных локусов: земного и небесного рая, а вертикалью, обустроивающей отношения между верхним и нижним мирами, где сосуществуют центры горизонтально-вертикальной парадигмы: прошедшего (потерянного Эдема), настоящего («мещанско-животный рай» с его денежными законами) и будущего (разомкнутого в вечность «Царства Небесного»). Хронотоп в этом сценарии развернут вертикально и движется или сверху вниз, или снизу вверх. Отсюда – устойчивый мотив выбора, ощущение постоянного балансирования. Духовно-религиозные тексты неоднократно актуализируют такое движение по локусной вертикали: *«Сыны человеческие, доколе будетотягощено сердце ваше? Жизнь спустилась к вам — разве не хотите вы подняться и жить? Но куда вам подняться, если вы высоко и положили на небо главы свои? Спуститесь, чтобы подняться, и поднимайтесь к Богу: вы ведь упали, поднявшись против Него»* (Отрок, №2, 2009: 12-13), разворачивая центральную для мифологической традиции мифологему «Пути». Ключевым в осмыслении универсальной мифологемы пути является мотив возвращения, который семантически сближает оба «Дома» (что на земле и что на небе) архетипом Отца.

В сценарии «Потерянного Рая» появляется еще один локус: «пустыня», реконструирующий мифологический сюжет странствий, поисков Земли Обетованной, который моделирует «обратный сценарий» космогонического мифа (не от пустыни (изоморфа «начала», «хаоса»), а – к пустыне – обители Духа. Интересно, что обитель эта находится не вовне, а внутри: это – центр микрокосма (человеческой души). – Появляется еще один локус: «Человек»: *«И рай, и ад человек носит в себе самом»* (Отрок, №3, 2009: 47), такая амбивалентность смыкает бинарности. А появление третьего локуса в фреймовой структуре мифологического сценария «Потерянного Рая» проектирует его «продолжение»: «Обретенного Рая».

Духовно-сакральная сфера эксплицирует также современные трансформации ритуала инициации.

В мифологических традициях народов мира инициация соотносится с медиативным состоянием перехода (чаще всего это статусный и возрастной переход), включенного в обрядово-ритуальный комплекс.

Инициация, имея своей целью качественные внутренние и внешние изменения, происходящие с иницируемым, обязательно предполагает жертвенность и – как следствие – временную утрату своего «я», имеющую символический подтекст. То есть, в конечном итоге инициация призвана выполнять терапевтически-психологическую функцию исцеления. Первый этап инициации в духовно-сакральной литературе эксплицируется аксиологическим фреймом «Отделение». Все слоты терминала «локус» фрейма «Отделение» представлены концептуальной метафорой «пустыня (хижина, пещера) одиночества» и маркированы изолированностью, тишиной и отдаленностью от мира суеты. «Пустыня одиночества» смыкает верифицированную инициацию и псевдоинициацию. Первая, истинная, «пустыня одиночества» имплицитно такие аксиологические ценности, как «пробуждение, рождение», сопряженные с преодолением препятствий, имеющих большей частью

внутренний характер. «Тишина и одиночество» для иницируемого – символ освобождения от «внутреннего хлама. Псевдолокус же эксплицирован бинарной оппозицией «пустыня одиночества» / «мир зла» и, соответственно, мотивирован «внутренним фиаско».

Религиозно-сакральная литература многократно актуализирует сценарий возвращения в первоначальный хаос как первую ступень инициации. Сценарий «Возвращения в хаос», во-первых, разворачивается в локусно замкнутых пространствах: «закрытого на ключ дома», «незнакомых, холодных коридоров», «зарослей городского парка»; во-вторых, идентифицируется с чувством абсолютной покинутости, брошенности, опасности, беспомощности, безысходности, отчаяния, одиночества; в-третьих, семантически отождествляется с путем схождения в ад, маркированным кромешной тьмой, чувством разрыва, пропасти и пр.

Аксиологический фрейм «Отделение», являющийся воспроизведением мифологического сценария «Возвращение в первоначальный хаос», имеет такую структуру: [некто (агенса – иницируемый), руководствуясь таким-то (стимулом – аксиологическими ценностями: духовное преобразование, постижение духовных истин, поиск истинного пути), входит туда-то (локус) на такое-то время (хронотоп)].

Терминал «агенса» представлен метонимическими формами объективации внутреннего состояния иницируемого: одиночество, страх, робость, благоговение, трепет, опасность, разлука, пропасть, разрыв, страх и т.п., которые являются семантическими синонимами мифологического хаоса.

Терминал «локус» представляет собой ряд слотов «пустыня», «*пещера*», «*хижина*», «*коридоры*», «*заросли*» и пр., отмеченных, с одной стороны, изолированностью, отдаленностью, закрытостью, огражденностью, непроницаемостью, а с другой стороны – колоративными изоморфами «тьмы»: холод, ад и т.п.

Аксиологический фрейм «преодоления испытаний» представляется в виде взаимозаменяемой градационной бинарности, где один член оппозиции «*скорби, страдания, труд для очищения от всякого греха*», эксплицируемый синонимичным, экспрессивно-возрастающим рядом «испытаний», трансформируется в другой. Процесс инициации здесь возможен с помощью мифологемы пути, реализуемой в метафорах «*болезнование сердца и понуждения к добру*» (Отрок, № 6, 2008: 19), «*мытья рук и очищение души как признание своих ошибок и грехов*» (там же: 23). Мифологема пути, представленная рядом метафор, объективируется в ключевых концептах славянской картины мира «серце», «душа» и в мотиве «духовного очищения», имплицитующего семантику «мытья, омовения, крещения», связанную с мифологемой воды.

Таким образом, мифосценарии представляют собой некие стандартные ситуации, имеющие национально-культурную специфику. Именно в контексте этнической культуры и функционируют мифологические мегафреймы

Литература

1. Базылев В.Н. Язык – ритуал – миф / Базылев В.Н. (пособие по курсу). – М.: МОГУ, 1994. – 227 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Барт Р. пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. Ст. Г.К.Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его выражение в грамматике языка / М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик. Изв. АН СССР, Сер. лит-ры и языка, том 40, 1981, № 4. – С.343-355.
4. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. / Сост. В.В.Петров. - М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / Вежбицкая А. - М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Вежбицкая А. Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. - I-XII, 780 с.; тираж 1000 экз.; ISBN 5-7859-0032-7.
7. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения / Джонсон-Лэрд Ф. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. - М., 1988. - С. 234-257.
8. Заморева А.В. Концепт «общая оценка» в русской картине мира / Заморева А.В. // Русская филология. Украинский вестник. – Харьков, 2009. - №2 (39), 2009. – 94 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – 245 с.
10. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты. / Лакофф Дж. / Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып.10. - М.,1981. – 356-368 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж.Лакофф, Джонсон М. // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. – 387-416 с.
12. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика /Лангаккер Р.У. // (Актуальные проблемы прикладного языкознания). - М.: ИНИОН РАН, 1992. – 56 с.
13. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / Минский М. // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. - М., 1988. – 281-309 с.
14. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: персоналии, идеи, результаты / Рахилина Е.В. // Семиотика и информатика. - М., 1998. - Вып. 36. – С. 274-323.
15. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования / Резанова З.И. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. - С. 18-29.
16. Талми Л. Отношение грамматики к познанию / Талми Л. // Вестник МГУ, сер. 9. Филология. 1999, № 1. – С. 30 – 48.
17. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Филлмор Ч. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. – С. 82-93.
18. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / Хроленко А.Т.; Под ред. В.Д.Бондалетова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 184 с.
19. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / Чейф У. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI. - М., 1982. – С. 277-317.
20. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Чейф У. - Екатеринбург, 2003. - 248 с.

Вишніцька Ю. В. Міфологічні сценарії на сучасному світі: постановка питання / Ю. В. Вишніцька // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 33-39.

У статті описано наукові теорії тлумачення міфу та інформаційних моделей, за допомогою яких вибудовуються міфологічні сценарії. На матеріалі духовно-сакральної літератури досліджено сучасні етносценарії «втрати та знаходження раю» та «повернення до хаосу» як відтворення ритуалу ініціації. Сценарії реконструйовано з використанням фреймового аналізу.

Ключові слова: бінарна опозиція, ментальна модель, міф, міфологічний сценарій, образна схема, прототип, ритуал, секуляризація, трансформація, фрейм.

Vyshnickaya Y. V. Mythological scenarios are in the modern world: statement of a question
/ Y. V. Vyshnickaya // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 33-39.

The article outlines a theoretical aspect of researches into neo-mythologism in modern society: it introduces scientific theories of the interpretation of myth and information models which help construct mythological script that undergoes a long process of adaptation in society. The modern ethnical script of “Paradise Lost and Paradise Regained” is being researched on the material of the religious literature. It is being reconstructed through the prism of the universal mythologeme of “the road” with the use of the frame analysis.

Keywords: binary opposition mental model, myth, mythological script, figurative scheme, prototype, secularization, transformation.

Поступила в редакцию 01.09.2011 г.

УДК 81'367.7=811.512.19+ 81'33

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЗАВИСИМЫМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ (НА МАТЕРИАЛЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Селендили Л. С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье описаны дифференциальные признаки, выявлены структурные и семантические особенности крымскотатарских глагольных словосочетаний с именем числительным.

Ключевые слова: тюркские языки, крымскотатарский язык, синтаксис, глагольные словосочетания, имя числительное, структура, позиция, семантика

Актуальность. На материале многих языков имеется опыт исследования глагольных словосочетаний с зависимым числительным [1; 2]. Морфология крымскотатарского числительного описана в трудах А. Меметова [3]. К сожалению, в крымскотатарском синтаксисе глагольные словосочетания указанного типа до сих пор детально не рассматривались.

Постановка проблемы. Структура, семантика и функции крымскотатарских глагольных словосочетания с именем числительным в зависимой части рассматриваются впервые.

Изложение основных положений исследования. Глаголы могут образовывать словосочетания с отвлеченными числительными при обозначении с ними различных арифметических действий (сложение, вычитание, умножение, деление) [4]: *17 сайысына 28 сайысыны къошмакъ керек* (он еди сайысына йигирми секиз сайысыны къошмакъ керек) «к 17 надо прибавить 28»; *бештен учь чыкъармакъ* «из пяти вычесть три», *алтыны учьке больмек* «шесть разделить на три», *беш кере эки япмакъ* «два умножить на пять». В таких словосочетаниях «числительные называют соответствующие числа, а не количество каких-либо конкретных предметов» [5].

Имя числительное взаимодействует со всеми глагольными формами: глаголами, деепричастиями и причастиями.

Среди словосочетаний с причастиями в математических действиях встречаются словосочетания-клише, например *а=б олгъан такъдирде* (а алтыгъа мусавий олгъан такъдирде) «при $a=b$ », в котором, в виду условности использования зависимого числительного, последнее может изменяться на любое другое, а сама структура остается неизменной (мы приводим в качестве примеров словосочетания с математическими символами; несмотря на то, что в письменной речи принято их условное сокращение, в устной речи они представляют собой конкретный набор конструкторов, значение которых ассоциируется с элементами живого крымскотатарского языка, представляемого устной, письменной и внутренней речью реципиентов) (Мат-ка, 243). Кроме словосочетаний-клише для передачи информации об округлении числа до целых цифр используются математические понятия-словосочетания: *юзлюклер-*

гедже тѣгерекленген «округлённые до сотен», бинъликлергедже тѣгерекленген «округлённые до тысяч», онларнен бинъликлергедже тѣгерекленген «десятками округлённые до тысяч». Как видно из примеров, среди них есть и простые и сложные словосочетания.

Словосочетания с деепричастиями показывают последовательность математических действий при решении задач: Башкъаджасына ялмагъа да мумкюн: **бир сырадаки банкаларнынъ массасыны тапып** – 2х6 кг, сонъ дѣрт сырадакилернинъ массасыны тапамыз: $(2х6)х4=48$ (кг) «Можно решить иначе: сначала найти массу банок первого ряда – 2х6 кг, затем найти массу банок четвертого ряда - $(2х6)х4=48$ (кг)» (Мат-ка, 76).

В словосочетаниях с глаголом числительное может выполнять собственную морфологическую функцию, но при переводе морфологическое значение может трансформироваться:

Бир сѣнер, бир янарым,
Тийген ерни якъарым (ТМДЖ, 22).

– здесь числительное **бир** выполняет переходную функцию разделительного союза **то...то**;

Бири тѣке,
Бири иче (ТМДЖ, 23).

– здесь субстантивированное числительное выполняет функцию прилагательного, в связи с антонимичностью глаголов в данном предложении числительные также создали антонимичную пару «один – другой», поэтому значение одного и того же числительного в разных словосочетаниях может быть разным.

В письменных текстах зависимыми словами в глагольных словосочетаниях часто бывают порядковые числительные:

Биринджисини корьмейим,
Экинджисини сечмейим,
Учюнджиси де акълымда ёкъ (ТМДЖ, 30).

Как и в именных словосочетаниях с числительными, иногда в роли определяемого выступают слова, не поддающиеся расчлененному подсчету, поэтому в словосочетаниях такого плана между зависимым-числительным и главным словом используются нумеративы, числовые детерминативы: дане, тилим, кесек, кере, кило (метр, вольт и т.п.), сюрю, баш, парча, тюп, топ, чифт, джан, къашыкъ (чай къашыгъы, шорба къашыгъы), стакан (уфакъ стакан, буюк стакан), чешит, тюр:

Бир бардагъым бар,
Эки тюрлю суву бар,
Бири сары, бири безаз,
Салласанъ да къарышмаз (ТМДЖ, 4).

В такой позиции нумеративы являются структурными словами, выполняют служебную функцию связи главного и зависимого компонентов, служат для оформления счетных конструкций.

Сочетания количественных числительных с аффиксом –ер/-ар употребляются в распределительном значении, например: *Мен оларгъа бирер алма бердим* «Я дал им по (одному) яблоку».

В связи с тем, что указанные числительные имеют общее распределительное значение, в тексте они могут заменяться неопределенно-количественными словами-наречиями показателями неопределенного минимума (пек аз «очень мало», аздан-аз «очень мало», энъ аздан «самое малое», аз микъдарда «в малом количестве», аз дегиль «немало», аз сайылы «малочисленный, немногочисленный, в небольшом количестве», аз-аз «понемногу», азар-азар «понемногу, понемножку»), неопределенного среднего (бир къач «несколько», ярым, яры, бучукъ «половина», ярымшар «по половинке», олдукъча «сколько возможно», экиге болип «пополам»), неопределенного максимума (бир чокъ «очень много», чокъ «много», чокъ-чокъ «по много», пек чокъ «очень много», чокътан-чокъ «больше всех») (Сл.). Это показывает, что структура глагольных словосочетаний с числительным или наречием в зависимой части одинаковая, а числительные в распределительном значении и неопределенно-количественные словами-наречия могут рассматриваться прагматическими:

NUM + Verb = бирер алма бердим

ADV + Verb = азар-азар алма бердим

Интересным представляется то, что в крымскотатарском языке деление чего-то в общем на два представляет собой деление на пополам, где половины могут быть одного/разного размера, веса и т.д., а математическое деление на два имеет конкретные цифровые ограничения, например: *отъмекни экиге больмек* «делить хлеб пополам», *дёртни экиге больмек* «4 разделить на два».

Общее распределительное значение может передаваться с указанием определенного минимума (эки кере аз), определенного среднего (беш кере къадар, беш къадарлыкъ) и определенного максимума (эки кере зияде, бештен зияде, учътен зияде) (Сл.).

В глагольных словосочетаниях зависимые имена числительные управляют глаголом или послелогом, обычно выражают количественные или порядковые отношения.

В глагольных словосочетаниях такого типа возможна субстантивация имен числительных, например: *Онынъ къыскъа чыкъышындан сонъ шеэрдеки учъ санлы мектебининъ 9-сыныф талебеси бир чокъ фестиваллернинъ иштиракчиси Селим Ильясов классик шаиримиз Бекир Чобан-заденинъ «Тувгъан тиль» шишини ифадели окъуп, алгъыш къазанды* (Къ. г.- 24 Июня 2009)

Семантические функции числительного в указанных конструктах связаны с обозначением

- **количества субъектов действия** – Биз, дёрт бала, анамнынъ артына тюшип, идареге бардыкъ (Къ. г.- 24 Июня 2009); Бу сайтны бугунъ он бир мемлекетнинъ сакинлери - беш бинъ окъуйджы окъуй (Къ. г.- 20 Июня 2009);
- неопределенного множества субъектов действия – О бир чокъларынен таныштыр (Сл.);
- **точно/приблизительного количества объектов действия** - Адамларгъа ресмий суретте 12-шер сотка топракъ, сонъ Джами ичюн ер алдым, къурдыкъ ве дёрт юзге якъын терек отурттыкъ (Къ. г.- 24 Июня 2009);
- **объема действия** – онынъ бир талай иши бар, бир араба лаф этилер (Сл.);

- **количества действий** - Учъ диний идаре («Умма», «Киев муфтияты» ве Къырым мусульманлары диний идареси) кирген бу Муфтилер Кенъеши учъ кере топлашув отькерди (Къ. г.- 24 Июня 2009);
- **регулярности/повторяемости действия** – бир даа япылды, бир даасына япылды (Сл.); Умумен алгъанда, 1969 с. майыс айындан башлап, тешеббюсчи группа беш кере инсан акълары боюнджа БМТ комиссиясына аризаларнен мураджаат этти (Къ. г.- 20 Июня 2009);
- **последовательности действия** – Сайыларнынъ натураль сырасы 1-ден башлай (Мат-ка, 5);
- **мгновенности действия** - бир анъде япылды (Сл.);
- **совместности действия** - бир агъыздан къабул этильди, экимиз яптыкъ, учюнъиз корьдинъиз, эки адам олып кельдилер, экиси бирден корюнди (Сл.); О учъ баланен къалды (Къ. г.- 27 Июня 2009);
- **одновременности действия** – бир вакъытта япылды, бир кереден япмакъ, заманнен бир адымламакъ (Сл.);
- **направленности действия** – бир ёлнен кетмек (Сл.);
- **тождественности действия** – олар экиси де бир япалар (Сл.);
- **промежутка времени, за который выполняется действие** - бу вазифени бир кунъде япмакъ мумкюн (Сл.), О та бир афта эвельси кетти (Сл.); Окъувгъа башлагъандан учъ афта кечкен сонъ хусусий имтианы олды (С.Н., 83). Янъы усул мектебининъ босагъасындан атлап, биринджи сыныфта окъугъанда, энди мыйыкълы осьмюр эди (С.Н., 83);
- **промежутка времени, спустя который выполняется действие** - Учъ кунъден сонъ анамны реис чагъырды (Къ г.- 27 Июня 2009);
- **степени/результативности действия** - Бу имтианда Бекир учюнджи ерни алып, оны огдеки ралеге отурттылар (С.Н.,83);
- **точного/ приближительного возраста субъекта действия** - О энди он дёрт яшында олып, омюр къыйынлыкларыны яхшы анълап етиштирген (С.Н., 83); Аметнинъ яшы етмишлерден кечкендир [3, 135];
- **условной приближительности действия** – бирлем кесиги деп 5 см ни алайыкъ; 100-ге кетирип там этмек (Мат-ка, 242);
- **результата действия** – 13 см келе (он учъ сантиметр келе) (Мат-ка, 243);
- **наличия определенного/неопределенного количества предметов** – Масада беш къалем бар;
- **характеристику участников действия, состояние** - Акъикъатен, ялан ве эки юзьлюлик джемаат анъынынъ эсас хусусиети эди (Къ. г.- 27 Июня 2009);
- **степень образованности** - Балалар дёрт сыныф битирип, окъумыш олдылар; Дёрт сыныфны битиргендже язда маркировщик оларакъ чалышып, бильги арттырдым (Къ. г.- 24 Июня 2009);
- **дату рождения/ смерти** - 1984 с. 9-февральде Андропов ольди (Къ. г.- 27 Июня 2009);
- **период деятельности** - Кремльнинъ теджрибели аппаратчысы Константин Черненко тек бир йыл укюметте эди, о 1985 с. 10-мартта вефат этти. (Къ. г.-

27 Июня 2009); Бабам беш бучукъ йыл Ватан ичюн душмангъа кършы дженклешти (Къ. г.- 20 Июня 2009);

- **место проживания** - Дюнъя адлы гемининъ хышымына 100 йыл даянгъан битайнынъ эки кызы сагъ-аман бир кой шурасында яшайлар (Къ. г.- 24 Июня 2009);
- **время, на которое прерывается действие** - Бир кунъ, эки кунъ теплицаны токътатайыкъ, чыкъайыкъ... (Къ. г.- 24 Июня 2009);
- количество участников действи/действия, которых прерываются/ не прерываются - Тешеббюс группанынъ 15 азасындан тек дёрти апске алынмады (Къ. г.- 20 Июня 2009);
- **точное/приблизительное расстояние действия** - Бир бомба менден учъ-дёрт метр узакълыкъта тюшти (Къ. г.- 24 Июня 2009).

Числительное может входить в состав изафетного словосочетания и изафетной цепи, зависимого компонента глагольного словосочетания, например: 1989 с. 25-майыста Москвада халкъ депутатларынынъ биринджи съезди ачылды (Къ. г.- 27 Июня 2009). Изафетные словосочетания такого типа могут включать в свой состав элементы, связанные сочинительной связью, где оба компонента числительные: *6, 8 ве а сайыларнынъ арттырув нетиджесинден b ве 5, 8 сайыларнынъ джемисини чыкъарынъыз* (алты, секиз ве а сайыларнынъ арттырув нетиджесинден b ве беш, секиз сайыларнынъ джемисини чыкъарынъыз) «выведите общее для чисел 5, 8 и b из результата прогрессии чисел 6, 8 и a», где один компонент выражен буквенной ассоциацией, а второй цифрой-символом обозначения числительного: *a ве 2,5 сайыларнынъ джемисинден 2,8 ве t сайыларнынъ фаркыны чыкъарынъыз* (a ве эки бутюн онда беш (олгъан) сайыларнынъ джемисинден эки бутюн онда секиз (олгъан) ве t сайыларнынъ фаркыны чыкъарынъыз) «из общего между числами a и 2,5 выведите разницу между числами 2,8 и t» (Мат-ка, 220).

В связи с тем, что в тюркских языках возможна координация членов предложения, в крымскотатарском языке встречаются неполные глагольные словосочетания, в которых повторяющийся глагол опущен, например: Скважина бар, лякин мындаки сув акъчагъа сатыла - кубометри дёрт гривня (Къ. г.- 17 Июня 2009). Компенсация глагола в таком случае обусловлена постпозицией зависимого компонента и паузой до него.

Результаты. Глагольные словосочетания с числительным в зависимой части могут быть простыми и сложными; структура словосочетаний рассматриваемого типа может усложняться наличием изафетных словосочетаний, изафетных цепей, сочинительных словосочетаний и других сложных именных словосочетаний разных типов; главное слово глагольных словосочетаний может быть выражено причастием, деепричастием, сложным или простым глаголом; зависимая часть может быть представлена простым или сложным числительным, числительным с нумеративом, числительным с послелогом, в синонимичных конструктах числительное с распределительным значением может быть заменено количественными словами-наречиями показателями неопределенного минимума, неопределенного среднего, неопределенного максимума, общее распределительное значение Общее распределительное значение может передаваться с указанием определенного минимума и

определенного максимума; при переводе на русский язык наблюдается морфологическая трансформация числительных в зависимой части: переход числительного в прилагательное или структурное слово; семантические функции числительного в указанных конструктах связаны с обозначением количества субъектов действия, неопределенного множества субъектов действия, точного/приблизительного количества объектов действия, объема действия, количества действий, регулярности/повторяемости действия, последовательности действия, мгновенности действия, совместности действия, одновременности действия, направленности действия, тождественности действия, промежутка времени, за который выполняется действие, промежутка времени, спустя который выполняется действие, степени действия, точного/приблизительного возраста субъекта действия, условной приблизительности действия, результата действия, наличия определенного/неопределенного количества предметов, характеристику участников действия, состояние, степень образованности, дату рождения/смерти, период деятельности, место проживания, время, на которое прерывается действие, количество участников действие/действия, которых прерываются/не прерываются, точное/приблизительное расстояние действия

Выводы и перспектива дальнейших исследований. Приведенные выше результаты не исчерпывают возможностей описания глагольных словосочетаний с числительным. Думаем, что в будущем важно получить формализованное представление об этих конструктах с целью прикладного использования в программах автоматизированной обработки текста и для создания программ машинного перевода.

Литература

1. Пазова Л.К. Словосочетания с числительным в роли стержневого слова в русском и абазинском языках / Л.К. Пазова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.- №2, 2006.- ISSN 2071-6001.- С. 19-20 [Электронный ресурс] — Режим доступа до журн.: http://www.pglu.ru/media/vbook/vestnik/vestnik2006_2_04.php
2. Кузнецова Н.Г. категории лица и числа Южноселькупского глагола / Н.Г. Кузнецова // Linguistica Uralica.- № 1,1994.- С 35-52 [Электронный ресурс] — Режим доступа до журн.: <http://books.google.com.tr/books?id>
3. Меметов А. Крымтатарский язык. Ч.1 Общие сведения о языке. Ч.II Морфология. Учебное пособие / А. Меметов, К. Мусаев.- Симферополь: Крымучпедгиз, 2003.-288с.- На русском языке. – ISBN966-8025-35-0
4. Багаев Н.К. Современный осетинский язык.- Ч.2.: Синтаксис.- Орджоникидзе: Изд-во «Ир» стр. 23[Электронный ресурс] — Режим доступа.: <http://allingvo.ru>
5. Меметов А. Крымтатарский язык. Ч.1 Общие сведения о языке. Ч.II Морфология. Учебное пособие / А. Меметов, К. Мусаев.- Симферополь: Крымучпедгиз, 2003.-288с.- На русском языке. – ISBN966-8025-35-0.- С. 123

Сокращения:

- С.Н. — Нагаев С. Йылнамелердеки излер.- Ташкент: Гяфур Гъулам..., 1991.- 299.
ТМДЖ — Тапмаджалар / Топлагъан, ишлеген ве тертип эткенлер: Ш. Асанов, А. Велиев; рессам З. трасинова.- Т.: Эдебият ве санъат нешрияты, 1988.- ISBN 5=635=00005=9.- 136б.
Сл — Абдуллаев Э.М., Умеров М.У. Русско-крымскотатарский учебный словарь: Более 5000слов.- Симферополь: Крымучпедгиз, 1994
Лугъ — Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / Сост. С.М. Усеинов.- Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2007.- 640с.
Мат-ка — Возняк Г.М., Литвиненко Г.Н., Маланюк М.П. Математика: 5-джи сыныф дерслиги.- Симферополь: Сонат, 1999.- 248с.- ISBN 966-7347-15-Х
Къ.г. — Къырым газетасы

Селенділі Л. С. Дієслівні словосполучення із залежним числівником (на матеріалі кримськотатарської мови) / Л. С. Селенділі // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 40-46.

У статті описані диференціальні ознаки, виявлено структурні та семантичні особливості кримськотатарських дієслівних словосполучень з числівником.

Ключові слова: тюркські мови, кримськотатарська мова, синтаксис, дієслівні словосполучення, числівник, структура, позиція, семантика

Selendili L. S. The verb words combinations with a numeral dependent (on the basis of the Crimean Tatar language) / L. S. Selendili // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 40-46.

This article describes the distinctive features, revealed the structural and semantic features of Crimean Tatar verbs words combinations with numerals.

Keywords: Turkic languages, the Crimean Tatar language, syntax, verbs words combinations, numeral, structure, position, semantics

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

УДК 811.512.145'367

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Муртазаева А. Н.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: anifem@yandex.ru*

В статье приводится обзор научных исследований, посвященных проблеме прямой и косвенной речи с целью сформировать теоретические основы изучения прямой и косвенной речи в крымскотатарском языке

Ключевые слова: филология, крымскотатарский язык, синтаксис, прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь.

Постановка проблемы: Тема прямой и косвенной речи изучалась на материале тюркских, славянских, романских, германских и многих других языков. В работах ученых рассматривались виды прямой речи: несобственно-прямая речь, полупрямая речь и т.д. В крымскотатарском языке исследованием синтаксиса занимались такие ученые как А. Ислямов, Э. Акмоллаев, Л.С. Селендили (Оказ). Однако проблема прямой и косвенной речи так и не стала предметом детального анализа.

Целью данной работы является изучение теоретических предпосылок анализа прямой и косвенной речи в крымскотатарском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить такие **задачи**:

- собрать научно-теоретический материал, связанный с использованием прямой и косвенной речи в различных языках мира, в том числе, тюркских и, в частности, в крымскотатарском;

- определить стратегию изучения данной проблемы на материале крымскотатарского языка.

В общем языкознании проблема прямой и косвенной речи рассматривалась неоднократно. Так Т. П. Мордасова исследует антропоцентрическую сущность языка на примере текстовых фрагментов с косвенными засвидетельствованностями, извлеченными методом сплошной выборки из прозы 19-20 веков (более 2000 конструкций). На основании полученного материала автор отмечает, что «Косвенная засвидетельствованность, являясь антропоцентрической категорией, базируется на данных основных систем человека, прежде всего речи, а также мышлении, эмоциях, зрении, слухе. Основными подкатегориями косвенной засвидетельствованности являются перцептуальность, инференциальность, пересказывательность» [1].

Для изучения текстовых фрагментов автор использовал описательно-аналитический метод, обеспечивающий приемы наблюдения и позволивший выделить единицы описания, их свойства и признаки, а также многоаспектное описание языковых единиц, их сопоставление, типологическое обобщение, системно-структурный, функциональный, классификационно-типологический методы.

Изучая специфические функции неосуществленно-прямой речи в жанре исторического романа Г.О. Петросян подчеркивает необходимость разностороннего исследования функций и форм неосуществленно-прямой речи в разных жанрах художественных и нехудожественных стилей [2].

Интересным представляется исследование А.В. Бровиной, которая рассматривает сопоставительный анализ языковых средств выражения НПП (неосуществленно-прямой речи) в немецком и русском языках. При сопоставлении фрагментов, содержащих НПП, в произведениях австрийского писателя Ф. Кафки и их художественных переводов (из 3 произведений Кафки – романа «Процесс», новелл «Приговор» и «Превращение» и их русских переводов), автором работы были обнаружены особые случаи перевода, что напрямую связано с расхождением языковых систем, языковых и речевых норм [3].

В своей работе «Неосуществленно-прямая речь как лингвопрагматическая категория» О.В. Омелькина изучает НПП на материале немецкоязычной художественной прозы. Исследовательница проанализировала около 2500 страниц текста и определила параметр отграничения неосуществленно-прямой от внутренней речи, описала прагматическую специфику неосуществленно-прямой речи, выявила средства выражения этой специфики и их функциональную значимость, охарактеризовала неосуществленно-прямую речь как особый текстотип повествования в художественном тексте [4].

Структурно-семантическая характеристика прямой речи английского и русского языков была изучена Кузнецовой С. В. В рассматриваемой работе использован структурно-семантический метод, с помощью которого автор выясняет возможности структурного оформления внешней и внутренней прямой речи на материале английских и русских художественных текстов; метод количественного анализа позволил определить частотность употребления семантических разновидностей внешне и внутренне прямой речи в художественных текстах на сопоставляемых языках; используя сопоставительный метод автор охарактеризовала сходства и различия в оформлении и семантической репрезентации речевого высказывания в виде прямой речи в английских и русских художественных текстах.

Далее С. В. Кузнецова отмечает, что в сопоставляемых языках в одинаковой мере проявляются такие семантические разновидности прямой речи, как «речь – нейтральное высказывание, выражение эмоционального состояния говорящего, побуждение слушающего к действию, представление речи как речевого процесса и совмещение речевого действия с действиями неречевого характера» [5].

Беличенко Е.Е. в работе «Неосуществленно-прямая речь в языке художественной литературы» проанализировала 500 текстовых фрагментов из 6 произведений русских писателей XIX-XX веков, извлеченных методом сплошной выборки. Проанализировав текстовые фрагменты, автор описывает лингвистические структуры неосуществленно-прямой речи на различных языковых уровнях; композиционно-речевые формы неосуществленно-прямой речи; построение структурно-семантической типологии; выявляет функционально-семантическое своеобразие неосуществленно-прямой речи в анималистической прозе [6].

В.В. Сысоева, изучив нарративный потенциал неосуществленно-прямой речи в художественном тексте, описывает особенности коммуникативной структуры и ее

роль в организации нетрадиционного повествования - свободного косвенного дискурса. Для достижения цели автор рассмотрела около 1500 текстовых фрагментов из прозы XIX-XX веков [7].

В работе А.А. Боронина («Информативный потенциал авторских вводов конструкций прямой речи (На материале романов Дж. Голсуорси)») исследуется содержательная структура специфических фрагментов художественного текста - авторских вводов (АВ) конструкций прямой речи. Материалом для исследования послужили прозаические произведения выдающегося английского писателя Джона Голсуорси (6,5 тыс. авторских вводов конструкций прямой речи), собранного методом сплошной выборки из девяти романов Дж. Голсуорси. Проведенный, автором, анализ показывает, что авторский ввод в романах Дж. Голсуорси является средством, информирующим о различных элементах коммуникативной ситуации. Авторский ввод, совместно с другими сегментами текста, воссоздает в художественном произведении модель ситуации словесного общения, адекватную коммуникативным актам, имеющим место в действительности [8].

Сопочкина Г.А. методом лингвистического наблюдения, сопоставления, анализа, описания, моделирования и трансформации, сравнительно-описательным методом изучила лингвистическое описание системы способов передачи чужой речи и ее реализацию в идиостиле художественной прозы А.П.Чехова. Автор описала более 3000 текстовых фрагментов, на основании которых пришла к следующим выводам: чужая речь понимается как двукомпонентная единица сообщения о коммуникативном акте - высказывание, состоящее из предназначенного для передачи адресату исходного высказывания и вводящего его авторского контекста; средствам передачи чужой речи в русском языке присуща определенная типология: по различиям коммуникативной стратегии говорящего выявляются единицы высшего уровня (описательный и изобразительный способы передачи чужой речи); а по различиям реализуемых ими тактик - модификации способов: пересказ и цитирование различаемые по степени точности передачи ЧР, или модификации несобственной передачи чужой речи - замещение и слияние - по характеру передачи точки зрения говорящего [9].

В работе «Способы передачи чужой речи в русском языке» на примере классической литературы и литературы нового времени (А.П. Чехов «Рассказ госпожи NN», «Скрипка Ротшильда» и «Время ночь» Л. Петрушевской и перевода А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» на корейский язык) Чой Чжи Ен объясняет способы передачи и оформления чужой речи в русском и корейском языках. Проанализировав рассказы и переводы на корейский язык, автор приходит к выводу, что особенности русской чужой речи в переводе не отражены, а так же были выделены некоторые элементы, которые требуют дополнительного внимания переводчиков [10].

Работа Комарова А.С. «Конструкции, вводящие чужую речь, в художественном тексте» представляет собой исследование представления говорящим чужой речи в тексте современной англоязычной художественной прозы. В исследовании рассматриваются способы введения чужой речи в речь говорящего на понятийной основе теории регуляции речевого общения, представленного в художественном тексте. Исследователь выявил и проанализировал особенности речевого общения в художественном повествовательном тексте, которое подчиняется объективным законам

регуляции речи. Говоря о том, что «система регуляции речи вбирает в свою сферу не только межперсональный диалог, но и диалог создателя текста как единственного реального говорящего, слушающего и слышащего с персонажами и читателем»; автор отмечает, что «микросистема конструкций с чужой речью включает в себя языковые средства усиления характерности авторского повествования, через которые функция повествования и описания в различных типах авторской речи перемещается в персонажную речь» [11].

Интересной в плане преемственности является работа Е.И. Серновой «Способы введения прямой речи в нарративных текстах Анни Сомон: пунктуационное оформление». Автор выявила 2 типа прямой речи - двухкомпонентной и однокомпонентной структуры. Кроме того, в работе представлено 13 видов двухкомпонентных и 3 вида однокомпонентных конструкции. Таким образом показано, что прямая речь представляет собой одну из форм чужой речи и в этом качестве маркирует стремление говорящего субъекта донести до слушателя/читателя высказывание другого без изменений и без вмешательства в его слова [12].

В диссертационной работе «Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах» Шарапы Ю.В. было проанализировано более 2000 отрывков текста из произведений британских и американских писателей XX века. В исследовании ученый выделил 5 типов ННР: абсорбированную речь, цитатную речь, малоформатную рефлексивную, внутренний монолог, поток сознания, где первые 2 – внешняя разновидность, а остальные – внутренняя разновидность [13].

Работа С.В. Латышевой «Модусная обусловленность аспектуальной формы предиката в придаточном предложении высказывания с косвенной речью» посвящена установлению взаимосвязи аспектуальных форм предиката придаточного предложения в высказывании с косвенной речью с различными типами модуса. Автор указывает на то, что данные высказывания с косвенной речью входят в комплексный лингвосоцио-когнитивный «феномен, именуемый «чужой речью»». Принимая во внимание факт репрезентации исследуемых конструкций в формально-деривационном аспекте, автор работы рассматривает роль базовых модусных значений, представляемых через аспектуальные формы предиката придаточного, в коммуникативно-семантической организации высказываний с косвенной речью, представленных конструкцией «say/tell + придаточное», где высказывание с косвенной речью описывается как способ категоризации ситуации коммуникации в ее интеракционном понимании. Теоретической базой данного исследования является интрасубъективный подход [14].

Работа «"Чужая речь" как коммуникативная стратегия» Н.В. Максимовой демонстрирует возможность использования комплекса методов и исследовательских приёмов, накопленных традицией лингвистического анализа текста, а так же элементы лингвистического эксперимента, контекстуальный анализ, тема-рематический анализ высказывания и текста, целенаправленный анализ лексико-грамматической координации. В научной работе выявлены, охарактеризованы и разработаны основания концептуального лингвистического представления о системе и функционировании чужой речи. Изменение объекта и метода лингвистического исследования предопределило и

конкретику результатов указанной работы, где продемонстрированы текстовые формы чужой речи, обозначены параметры их описания (композиционное расположение чужого и своего на вертикали матрицы текстовой формы; маркированность тематической горизонтали матрицы с точки зрения чужого и своего и их соотносённость с предельной ремой-чужим; тип медиальной структуры, выражающей логико-смысловые отношения между чужим и своим) [15].

Методологическую основу многих вышеприведенных исследований составили работы В.Виноградова, М.М. Бахтина, В.И. Кодухова и др. [16, 17, 18, 19].

Выводы. Таким образом, собрав и проанализировав научно-теоретический материал, связанный с использованием прямой и косвенной речи в различных языках мира, мы определили стратегию изучения особенностей прямой речи, косвенной речи и несобственно-прямой речи на материалах крымскотатарского языка.

Перспективы. Изучив теоретические особенности прямой и косвенной речи, планируем в дальнейшем предпринять исследование прямой и косвенной речи на материале художественной литературы на крымскотатарском языке.

Литература

1. Мордасова Т.П. Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке: автореф. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»/ Мордасова Татьяна Петровна; Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. – Липецк, 2005. – 20 [1] с., включ. обл.: - Библиогр.: с. 19-20
2. Петросян Г.О. Функции и формы несобственно-прямой речи в жанре исторического романа (на материале произведений А.Н. Толстого «Петр I» и Ю.Н. Тынянова «Пушкин»): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филолог. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»/ Петросян Гаяне Оганесовна; гос. образ. учреждение Высшего проф. образования «Армавирский гос. пед. ун-т». – Ставрополь, 2008. – 27с., включ. обл.: ил. – Библиограф.: с. 26-27.
3. Бровина А.В. Сопоставительный анализ средств выражения НПР в немецком и русском языках: автореф. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое языкознание»/ Бровина Анна Викторовна; Укр. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 24с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 23-24
4. Омелькина О.В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/ Омелькина Оксана Владиславовна; Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2007. – 24с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 24
5. Кузнецова С.В. Структурно-семантическая характеристика прямой речи английского и русского языков: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук.: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое языкознание»/ Кузнецова Софья Владимировна; Тамбовский гос. тех. ун-т. – Москва, 2007. – 27с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 25-26.
6. Беличенко Е.Е. Несобственно-прямая речь в языке художественной литературы: автореф. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» [Электронный ресурс]/ Беличенко Елизавета Евгеньевна; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2006. – Режим доступа: <http://nauka-shop.com/mod/shop/productID/43775>
7. Сысоева В.В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте: автореф. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»/ Сысоева Валентина Владимировна; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2004. – 23с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 22
8. Боронин А.А. Информативный потенциал авторских вводов конструкций прямой речи (На материале романов Дж. Голсуорси): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» [Электронный ресурс]/ Боронин Александр Анатольевич; - Москва, 2004. – Режим доступа: <http://nauka-shop.com/mod/shop/productID/17864>

9. Сопочкина Г.А. Система способов передачи чужой речи и её реализация в идиостиле А.П. Чехова: автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец.: 10.02.01. «Русский язык»/ Сопочкина Галина Алексеевна; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. - Москва, 2003. – 32с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 31-32
10. Чой Чжи Ен. Способы передачи чужой речи в русском языке: автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук: спец.: 10.02.01. «Русский язык»/ Чой Чжи Ен; - Москва, 2001. – 20с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 19-20
11. Комаров А.С. Конструкции, вводящие чужую речь, в художественном тексте: автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04-германские языки/ Комаров Александр Сергеевич; Московский пед. гос. ун-т. - Москва, 2010. – 19с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 18
12. Сернова Е.И. Способы введения прямой речи в нарративных текстах Анни Сомон: пунктуационное оформление: автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.05 «Романские языки»/ Сернова Елена Игоревна; Воронеж. гос. ун-т. – Астрахань, 2006. – 24с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 23
13. Шарапа Ю.В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах: на материале английского языка: автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/ Шарапа Юлия Викторовна; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2001. – 18, [1]с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с.17-18
14. Латышева Светлана Владимировна. Модусная обусловленность аспектуальной формы предиката в придаточном предложении высказывания с косвенной речью: автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/ Латышева Светлана Владимировна; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2008. – 19, [1]с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 18
15. Максимова Н.В. "Чужая речь" как коммуникативная стратегия: автореф. дис. на соискание степени д-ра. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»/ Максимова Наталия Викторовна; - Санкт - Петербург, 2006. – 41с., включ. обл.: ил. – Библиогр.: с. 40-41
16. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / [Авт. предисл. и коммент. В.Г. Костомаров, Ю.А. Бельчиков] / Виноградов В.В. – М.: Высш. шк., 1981. – 320с. – Библиогр. Указ. тр. В.В. Виноградова по рус. стилистике: с. 313-316. Библиогр. в примеч. с. 302-313
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - 4-е изд. / Бахтин М.М. – М.: Сов. Россия, 1979. – С. 214. – Указ. имен.: с. 315-317
18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / [Примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]. – 2-е изд. / Бахтин М.М. – М.: Искусство, 1986. – С. 280. – Библиогр. в примеч.: с 404-435 – Указ. имен: с. 436-443
19. Кодухов В.И. Способы передачи чужой речи в русском языке// Уч. зап. ЛГУ.Т. 104. – Л., 1955. С.109-172

Муртазаева А. Н. Теоретичні основи вивчення прямої і непрямой мови в кримськотатарській мові / А. Н. Муртазаева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 47-52.

У статті приводиться огляд наукових досліджень присвячених проблемі прямої і непрямой мови з метою сформулювати теоретичні основи вивчення прямої і непрямой мови в кримськотатарській мові.

Ключові слова: Філологія, кримськотатарська мова, синтаксис, пряма мова, непряма мова, невластиво-пряма мова.

Murtazaeva A.N. Theoretical bases of studying of direct and indirect speech in kримськотатарском language / A.N.Murtazaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 47-52.

In article the review of scientific researches devoted to a problem of direct and indirect speech on purpose is resulted to generate theoretical bases of studying of direct and indirect speech in Crimean Tatar language

Key words: Philology, Crimean Tatar language, syntax, direct speech, indirect speech, a nesobstvenno-straight line speech.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК: 81'246.3'373.7

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА
«ДЛИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ»
В КРЫМСКОТАТАРСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Кубединова Л. Ш.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: kubedinova@gmail.com*

В статье описывается фразеологическая микросистема «Длительное высказывание» в трех неродственных языках – крымскотатарском, английском и русском. Также рассматриваются историко-этимологические корни некоторых из фразеологических единиц данной микросистемы в каждом из исследуемых языков.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, историко-этимологические корни, крымскотатарский язык, английский язык.

Постановка проблемы. Сопоставительное изучение языков, направленное на выявление универсального и национального, является актуальной проблемой современного языкознания. Особый интерес в этой связи представляют исследования в области фразеологии, которая наиболее ярко отражает своеобразие жизни того или иного народа, его культуру, традиции и менталитет.

Наличие многочисленных работ, выполненных на фразеологическом материале генетически родственных и неродственных языков (см., например, работы Е.Ф.Арсентьевой, В.Г. Гака, З.З. Гатиатуллиной, Д.О. Добровольского, О.Ч. Кшановского, В.М. Мокиенко, Ю.Ф. Прадида, А.Д. Райхштейна, Э.М.Солодухо, Ю.П. Солодуба, Ж. Финк и др.), наглядно свидетельствует об устойчивом интересе ученых к проблемам структуры, семантики, грамматического строения и функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ).

Целью данной статьи является описать особенности фразеологической микросистемы «Длительное высказывание», представленной глагольными и субстантивными ФЕ, в крымскотатарском, английском и русском языках.

Длительное высказывание на ту или иную тему независимо от того, почему оно производится (в силу привычки, свойства характера человека или его способностей) – не входило и до сих пор не входит в ряд положительных черт собеседника. Не кстати занимаемое время и испытываемое терпение слушающего ярко выражается во фразеологии трёх разноструктурных языков. Изречение Уильяма Шекспира «Brevity is a soul of wit» имеющее дословный перевод «Краткость – душа ума», в силу популярности его автора, известно во всем мире. Но благодаря А.П. Чехову, который перефразировал данный афоризм, в русском языке оно получило известность как «Краткость – сестра таланта». Данный афоризм можно считать одним из излюбленных для применения к человеку, который злоупотребляет «длиной» своей мысли.

В русском языке о болтливом, говорящем лишнее человеке могут сказать, что он *бесструнная балалайка*, а также, что у него *длинный язык* или *язык как помело (без костей)*. ФЕ *бесструнная балалайка* каламбурного происхождения: *балалайка* "народный щипковый музыкальный инструмент" и *балалайка* "балаболка" (в простонародном значении). В крымскотатарском языке существует практически полный эквивалент русской ФЕ *язык без костей* – *суксиз (кемиксиз) тиль* или *тильнинь суеги ёкъ*, а для описания болтливого человека, у которого всегда готов ответ, употребляют ФЕ *тилине шейтан тюркюрген*. Русской ФЕ *живая (ходячая) газета* 'о человеке, который знает и распространяет все новости' по значению в какой-то мере соответствует крымскотатарская ФЕ *капиксиз (бедава) деллял* 'человек, рассказывающий все услышанные новости'. В крымской деревне один из её жителей – глашатай, объявлял односельчанам о всех социально-значимых новостях и событиях: свадьбе, похоронах и т.д.

В английском языке больше внимания уделено не характеристике самого человека, любителя пустых и долгих разговоров, а содержанию самих слов, которые он произносит, например: *milk and water* 'суесловие, «вода»; что-л. пустое, бессодержательное (напр. разговор, книга)', *a gallery play* 'демагогия, стремление к дешевой популярности, «работа на публику»', *leaves without figs* 'пустые речи, пустые обещания'.

В русском языке пустые речи часто связывают с таким неорганическим, жидким веществом, как вода, например, *толочь воду (в ступе)* 'заниматься чем-л. бесполезным, попусту тратить время', *лить воду* 'говорить долго, многословно и бессодержательно', *переливать из пустого в порожнее* 'вести пустые разговоры'. Также значение целого ряда ФЕ построено на каламбуре слова *разводить*: *разводить антимонию (антимонию)* 'вести пустые, ненужные разговоры, когда требуются определенные решения, какие-л. действия', *разводить (травить) бодягу* 'заниматься пустыми шутками, балагурством', *бобы (на бобах) разводить* 'заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках', *разводить разводы (узоры)* 'просто странно говорить о пустяках; пустословить', *разводить (тянуть, заводить) волюнку* 'болтать, пускаться в лишние, отвлекающие разговоры'. «Каламбур (франц. *calembour* – игра слов) – алогичное языковое произведение, острога, основанное на игре слов, в частности, на смысловом объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию; или слов, которые формально являются синонимами или антонимами, а по содержанию находятся в разных синонимических и антонимических рядах» [1, 199].

Согласно словарю С.И. Ожегова существует три омонима слова *развести*, два из которых послужили основой для возникновения каламбура. Один из омонимов имеет значение «Развести² – то же, что растворить», а одним из значений другого омонима является «Развести³ – 2) перен. начать делать что-нибудь длительное, нудное, неприятное» [2, 523].

Существует несколько версий возникновения русской ФЕ *разводить антимонию (антимонию)*, которую связывают с французским названием сурьмы *antimoine*. Одна из версий происхождения оборота связана с долгими спорами относительно лечебных свойств сурьмы, включая и длившийся около ста лет судебный процесс

между Парижским парламентом, запретившим использование в медицине антимония, и лекарями, аптекарями, которые разводили и делали различные препараты из нее [3]. По другим источникам, выражение происходит от самого долгого и нудного процесса разведения и растирания лекарственных веществ, одним из которых являлась сурьма. Но интересным является тот факт, что, ни в самом французском, ни в итальянском, испанском, английском или немецком языках, нет ФЕ с лексическим компонентом «антимония/антимонии».

Некоторые лингвисты в своих статьях не раз отмечали, что значительное количество ФЕ русского языка, которые ошибочно считаются исконно русскими, являются на самом деле интернациональными, заимствованными из европейских языков. Например, Х. Вальтер пишет, что «слависты уже обратили внимание на столь большое число русско-германских сходжений и достаточно точно диагностировали многие из них как германизмы в славянских языках, в том числе и в русском» [4].

Профессор В.М. Мокиенко в статье «Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира» одной из главных причин наличия большого количества интернационализмов в русском литературном языке называет двуязычие, в частности русско-французское, которое в аристократической среде Российского государства было обычным явлением [5]. Можно предположить, что данная ФЕ является так называемым гибридом, родившемся в сознании человека-билингва владеющего в совершенстве двумя языками, русским и французским, и употребившем с одной стороны информацию о сурьме (*antimoine*), которая имеет прямое отношение к французскому языку и к истории Франции, а с другой стороны лексему русского языка «разводить», которая уже употреблялась в устойчивых выражениях со сходным смыслом.

ФЕ *разводит бодягу* также связана с настойкой или раствором водяного растения бодяга (бодяга) (*Spongia* или *Badiga fluviatilis*), которую раньше использовали от подтеков и ссадин на теле [6, 19]. Что касается ФЕ *разводит разводы (узоры)* 'просто так говорить о пустяках; пустословить' и *бобы (на бобах) разводит* 'заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках' (ФЕ появилась благодаря гадалкам, которые предсказывали по бобам), то по нашему мнению, они также основаны на метафоризации значения «начать делать что-нибудь длительное, нудное, неприятное» [2, 523]. Как дополнительный аргумент в пользу вышеизложенного добавим, что все вышеперечисленные ФЕ с компонентом *разводит* употребляются только по отношению ко второму или третьему лицу, но никак не к первому.

Но следует отметить, что В.В. Виноградов писал «есть все основания думать, что и шутивно-просторечное значение слов *разводит* — *развести* 'затянуть или говорить что-нибудь несурьзное и утомительно-скучное, длинное' (например, *развести чепуху, развести канитель, развести сантименты*) обособилось от фразеологического единства: *бобы разводит*» [7, 245].

Вряд ли можно найти народ, у которого не было в том или ином виде такого языческого обычая предсказания будущего, как гадание. «Суеверный страх перед зловещим прорицанием мог остановить любые грандиозные начинания, а добрые предзнаменования – толкнуть на самые рискованные авантюры» [8, 41]. Мы упоминали русскую ФЕ *бобы (на бобах) разводит*, в основе которой лежат наиболее ти-

пичные способы гаданий — захватывание бобов в горсть, рассыпание кучками с дальнейшим пересчитыванием, раскладывание на столе по определенной системе, подбрасывание над столом и т.п. [9, 49]. В крымскотатарской культуре также было распространено гадание на бобах (фасоли) — *бакъла бакъмакъ* и особенно на кофейной гуще — *фал бакъмакъ*, *фал ачмакъ*.

А вот в английской культуре, учитывая то, что свое предпочтение жители туманного Альбиона отдавали чаю, появились другие ФЕ — *read the tea-leaves, tell fortunes in a teacup* (следует отметить, что в настоящее время существует целая наука по гаданию на листьях чая — тассеография (*Tasseography*), а также издаются книги, выходят статьи и существуют даже сайты, где подробно объясняется, как гадать на чайных листьях и что означает то или иное их положение [10; 11]). Следует отметить, что, несмотря на то, что данные английские ФЕ основаны на образе чая, они могут применяться и по отношению к гаданию на кофейной гуще. Но и в русском, и в крымскотатарском, и в английском языках данные ФЕ также до сих пор сохранили свое первое значение ‘гадать, предсказывать будущее’.

Синонимический ряд ФЕ английского языка с интегральной семой «длительное высказывание» разнообразен по своему содержанию. Например: *shoot the breeze (shoot the bull AmE)* ‘болтать, трепаться о разных неважных вещах’, *be in full flow/flood BrE* ‘постоянно говорить о чем-л.’, *beat the air* ‘вести пустые разговоры; говорить на ветер; переливать из пустого в порожнее, толочь воду в ступе’, *beat about the bush BrE (beat around the bush AmE)* ‘ходить вокруг да около, говорить обиняками’, *wag one’s tongue* ‘говорить зря; сплетничать’.

Каждая ФЕ имеет свой яркий образ и историю возникновения. Эквивалент русской ФЕ *переливать из пустого в порожнее* английская ФЕ *beat the air* ‘вести пустые разговоры; говорить на ветер; переливать из пустого в порожнее, толочь воду в ступе’ происходит от средневекового обычая размахивать оружием в знак победы, когда противник не являлся на суд чести для разрешения спора оружием.

Одним из примеров фразеологической деривации является английская ФЕ *beat about the bush BrE (beat around the bush AmE)* ‘ходить вокруг да около, говорить обиняками’, которая произошла от пословицы *one beats the bush, and (while) another catches the birds* ‘один поднимает дичь, а другой ловит её; чужими руками жар загребать’. Во время ловли птиц кто-то из участников поднимал дичь, путем битья палкой по кустам, а другие ловили птиц в сети [12]. То есть первое действие служило преамбулой для настоящей ловли. В настоящее время, тот факт, что у двух президентов США была фамилия Буш (Bush), дал возможность данной ФЕ обрести новое дыхание.

Длительное высказывание собеседника, как правило, вызывает негативные эмоции, что ярко отражено во ФЕ всех трех языков. От прослушивания долгих и нудных разговоров страдают в первую очередь наши уши. Очевидны общие черты и в русском, и в крымскотатарском, и в английском языках того, как человек воспринимает воздействие своего собеседника на его слуховой орган: *прожужжать (прогудеть, прокричать, протрубить и т. п.) уши* ‘надоесть долгими, постоянными разговорами о ком-, чем-л.’, *натрубить в уши* ‘сообщить, рассказать, внушая что-л.’, *къулагъынынь этини ашамакъ* ‘надоесть, бесконечными разговорами о чем-л.’,

къулагъыны ашамакъ (тындырмакъ, сызлатмакъ, сасытмакъ(къаба)) ‘надоесть, бесконечными разговорами, вопросами, просьбами о чем-л.’, *къулагъыны (къулакъларыны) чынълатмакъ* ‘надоесть, бесконечными разговорами’, *bend smb. 's ear* ‘долго и нудно говорить с кем-л.’, *din in (into) smb. 's ears* ‘прожужжать все уши кому-л.’.

Длительными разговорами также воздействуют и на мозг человека: *мийини ашамакъ (чокъуламакъ, кемирмек)* ‘надоесть бесконечными разговорами о чем-л.’, *башыны ашамакъ* ‘надоедать неуместными, бесконечными просьбами, вопросами’, *башыны (башыны-козюни) айландырмакъ* ‘надоесть пустыми речами, неуместными вопросами’.

В английской фразеологии, задерживая длительными разговорами, долго и нудно изливаться кому-либо, «возьмут за пуговицу» *take smb. by the button*, или «наклонят ухо» *bend smb. 's ear*. Русские ФЕ (*стоять (торчать) над душой* ‘надоедливо, назойливо приставать с чем-л., просить о чем-л.’), *вымотать (всю) душу ((все) кишки)* ‘измучить, довести до полного изнеможения, надоедая чѐм-л. неприятным’, *влезть (залезть и т. п.) в душу* ‘путем назойливых расспросов проникнуть в личную, интимную жизнь кого-л.’ отражают одну из особенностей русской фразеологии – частое употребление во ФЕ лексемы «душа». Как отмечает С. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация», «огромное количество фразеологизмов со словом *душа* крайне редко имеет в английском переводе *soul* [душа] в качестве эквивалента» [13, 165-166]. Чаще всего вместо компонента *душа* употребляются такие компоненты, как *сердце* или *ум*.

Следует отметить, что, несмотря на то, что такое действие, как длительное высказывание подразумевает интенсивную физиологическую работу таких органов речи, как язык, губы, рот, в английской фразеологии во ФЕ с данным значением крайне редко эти органы речи фигурируют в качестве метонимических образов. Приведем этот короткий перечень английских ФЕ: *have a big mouth* ‘болтать, трепаться, быть трепачом’, *be on (all) the lips (be on everybody's/ everyone's lips)* ‘быть (у всех) на устах’, *leap (rush) to smb. 's lips* ‘посыпаться с языка’, *set/start tongues wagging* ‘вызвать толки’.

Английская ФЕ *be on (all) the lips (be on everybody's/ everyone's lips)* имеет полный эквивалент в русском языке – быть (у всех) на устах, и три неполных эквивалента в крымскотатарском – агъызлардан тюшмемек, тильде дестан олмакъ *быть у всех на устах (среди своего народа)*, тиллерде дестан олмакъ *быть у всех на устах (среди разных народов, за пределами своей страны)* («Дестан, фарси, эпический жанр. Распространѐн на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии. Бытует в двух видах: как народное творчество (в жанре сказания), в котором преобладают героические темы в поэтической форме, и литературная обработка сказочных сюжетов, легенд и преданий на романтические и героико-фантастические темы преимущественно в прозе. Однако прозаический текст часто перемежается со стихами - диалогами или монологами» [14]).

В крымскотатарском языке, в отличие от английского, напротив частыми метонимическими образами во ФЕ со значением «длительное высказывание» служат органы речи: язык, рот. Например, агъызыны юммамакъ ‘много говорить’,

агъызындан ташламамакъ ‘часто-часто упоминать, с удовольствием вспоминать’, тили (тиль) ачылмакъ ‘заниматься пустословием’, тилине тюк битмек ‘очень много говорить о чем-л. (вопросе, мысли); устать от постоянного говорения (часто о неудачных делах)’, тили къашынмакъ (къыч(дж)ымакъ) ‘заниматься пустословием’, тили-тамагъы (тамагъы) къурумакъ 1) ‘очень много говорить о чем-л., объяснять что-л., но не достигнуть желаемого’, 2) ‘очень много говорить’, тили чезильмек ‘без остановки говорить о чём-л., начать много говорить’, тили шишмек ‘беседовать, много говорить, делиться горем, невзгодами’. Перечисленные крымскотатарские ФЕ представляют собой полный синонимический ряд.

В русском языке тоже существует целый синонимический ряд ФЕ со значением «длительное высказывание», образно связанных с таким органом речи, как язык, и ни одного с компонентом *рот*. Например, *распутить язык* ‘разболтаться, позволять себе говорить лишнее’, *развязать язык (языки)* ‘разговориться; начать много говорить после молчания, давая показания, выдавая тайны’, *язык развязался (развяжется)* ‘о том, кто разговорился (разговорится), начал (начнет) много говорить (после молчания)’, *поточить язык* ‘поговорить, поболтать’, *дать волю языку* ‘начать много, безудержно говорить’, *болтать (чесать, трепать, трещать, молотъ) языком / чесать (трепать, мозолить, мочалить) язык* ‘говорить вздор, чепуху; пустословить’, *язык чешется* ‘о большом желании высказаться, высказать свое мнение’, *не сходит с языка (с уст)* ‘постоянно произноситься, упоминаться в разговоре’.

Очевидно, что некоторые крымскотатарские ФЕ имеют полные эквиваленты в русской фразеологии, а некоторые из них хоть и совпадают по лексическому содержанию, то имеют небольшие различия в смысловом плане и наоборот. Приведем некоторые примеры: *тили чезильмек* ‘без остановки говорить о чём-л., начать много говорить’ – *язык развязался (развяжется)* ‘о том, кто разговорился (разговорится), начал (начнет) много говорить (после молчания)’; *тили къашынмакъ (къыджымакъ)* ‘заниматься пустословием’ – *язык чешется* ‘о большом желании высказаться, высказать свое мнение’; *длинный язык* ‘о болтливом, говорящем лишнее человеке’ – *тили узун* ‘о насмешнике, человеке, говорящем колкости; о говорящем глупые, необдуманные вещи, которыми приносит вред самому себе’.

Долгие разговоры – это не только длительность действия. Семантика данного действия может подразумевать, как бессодержательность высказывания (болтовня подразумевает пустословие), так и различные виды обмана, такие как, вздор (чушь), сплетни. ФЕ ярко демонстрируют подобное явление, имея по несколько значений и, благодаря этому, попадая в разные фразеологические микросистемы. Например, *болтать (чесать, трепать, трещать, молотъ) языком / чесать (трепать, мозолить, мочалить) язык* ‘говорить вздор, чепуху; пустословить’, *язык как помело (без костей)* ‘кто-л. чрезвычайно болтлив; не прочь приврать’.

Выводы и перспектива. Результаты исследования фразеологической микросистемы «Длительное высказывание» в крымскотатарском, английском и русском языках ярко демонстрируют национально-культурные особенности фразеологических единиц в каждом из исследуемых языков. Тем не менее, несмотря на множество отличий в культурах представителей данных трех языков мы видим универсальные черты одного из аспектов восприятия человеком информации извне, а именно, информации

длительного, повторяющегося характера. Одними из таких универсальных черт можно назвать: негативность восприятия человеком длительной, повторяющейся информации и восприятие ее как пустой, ненужной и бессодержательной.

Литература

1. Селіванова О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) : монографія / О. Селіванова. – К.-Черкаси : Брама, 2004. – 276с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой. – М. : Рус.яз., 1988. – 750с.
3. Универсальный словарь искусств и наук 1728. – Режим доступа: <http://digicoll.library.wisc.edu>
4. Вальтер Х. Русская фразеология как сокровищница старых немецких оборотов / Х. Вальтер // Русский язык : исторические судьбы и современность : III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ им. Ломоносова, 20-23 марта. 2007 г. – Режим доступа к журналу : www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/5.pdf
5. Мокиенко В.М., Николаева Е.К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира / В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева // Балканская русистика, 2003. – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article>
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4т. / 1-4т. : М. – Рус. яз. – 1978-1980.
7. Виноградов В.В. История слов : около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов / отв. редактор Н. Ю. Шведова. – Москва : «Толк», 1994. – [2], 1138 с.
8. Куртсеитов А.М. Некоторые источники формирования фразеологизмов в крымскотатарском языке / А.М. Куртсеитов // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – 2005. – Т.18(57), №3. – С. 40–43.
9. Плотникова А.А. Бобы, фасоль и горох в символике рождения и смерти / А.А. Плотникова // Кодови словенских култура. – Београд, 1996. – Кн. 1. – С. 47-55.
10. Tea Association of the United States America. – Режим доступа: <http://www.teausa.org/general/tearead/tearead1.cfm>
11. Tea-cup Reading and Fortune-Telling by Tea Leaves, 2006: – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/18241>
12. Meanings and Origins of Phrases, Sayings and Idioms: – Режим доступа: <http://www.phrases.org.uk/meanings>
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 624 с.
14. Большая советская энциклопедия : в 30т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1978.
15. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 5-е изд., исправл. – М. : Живой язык, 1998. – 944 с.
16. Большой русско-английский фразеологический словарь / С.И. Лубенская. – 2-е рус. изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 1056 с.
17. Квеселевич Д. И. Современный русско-английский фразеологический словарь: свыше 5000 фразеологизмов / Д. И. Квеселевич. – М. : Астрель: АСТ, 2005. – 620, [4] с.
18. Крымскотатарско-русский словарь / сост. С. М. Усеинов. – Симферополь : «Оджакъ», 2005. – 396с.
19. Меметов А., Куртсеитов А. Къыскъа къырымтатарджа-русча фразеологик лугъат / А. Меметов, А. Куртсеитов. – Симферополь : КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрияты», 2009. – 94 с.
20. Озенбашлы Э. Айтымлар лугъаты / Э. Озенбашлы. – Симферополь : Доля, 2008. – 119 с.
21. Русско-крымскотатарский учебный словарь : более 5000 слов / сост.: Э.М. Абдуллаев, М.У. Умеров. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое издательство, 1994. – 384 с.
22. Фразеологический словарь крымскотатарского языка У. Курчки (рукопись) (архив Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского)
23. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А.И. Фёдорова. – М. : Топикал. 1995. – 608с.

24. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1987. – 543с.
25. Фразеологический словарь русского языка / авт.-сост. А.А. Легостаев, С.В. Логинов – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 448с.
26. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А.М. Эмирова. – Симферополь : Доля, 2004. – 176с.
27. Longman Dictionary of English Idioms – Bath : Longman Group Limited, 1979. – 387 p.
28. Longman Idioms Dictionary – Barcelona : Addison Wesley Longman Limited, 1998. – 398 p.

Кубединова Л. Ш. Фразеологічна мікросистема «Тривале висловлювання» у кримськотатарської, англійської та російської мовах / Л. Ш. Кубединова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 53-60.

В статті описується фразеологічна мікросистема «Тривале висловлювання» у трьох неспоріднених мовах – кримськотатарської, англійської та російської. Також розглядаються історико-етимологічні коріння деяких фразеологічних одиниць у даній мікросистемі у кожному з досліджуваних мов.

Ключові слова: фразеологія, фразеологічна одиниця, історико-етимологічні коріння, кримськотатарська мова, англійська мова.

Kubedinova L. S. Phraseological microsystem “Prolonged Utterance” in Crimeantatar, English and Russian languages / L. S. Kubedinova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 53-60.

This article is aimed to describe the phraseological microsystem “Prolonged Utterance” in three languages of different language families – Crimeantatar, English and Russian. The historic-etymological roots of some phraseological units of this phraseological microsystem in each of the studied language are examined as well.

Key words: phraseology, phraseological unit, historic-etymological roots, Crimeantatar, English.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ И ОБЩЕЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-313.1

ТОПОС МОСКВЫ В «НАКАНУНИЕВСКИХ» ФЕЛЬЕТОНАХ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Лаврова А. А.

*г. Каменец-Подольский, Украина
E-mail: lavrusha1406@i.ua*

В статье рассматриваются приемы моделирования художественного пространства в фельетонах М. Булгакова периода его работы в газете «Накануне». Анализируются оппозиции столица / провинция, низ / верх, профанне / сакральное.

Ключевые слова: М. Булгаков, фельетон, хронотоп, художественное пространство.

В хронотопе булгаковских произведений особое значение имеет пространство города. Е.А. Яблоков отмечает, что «Булгаков – писатель по преимуществу «городской»; по его собственному признанию, о деревне он писать не умел и не мог, в силу нелюбви к ней... Структура художественного пространства в булгаковских произведениях прежде всего обусловлена оценочно амбивалентным образом города» [8, 182]. В системе пространственных координат Булгакова чётко просматривается оппозиция провинция / столица: «После карикатурной провинции без газет, без книг, с дикими слухами – Москва, город громадный, город единственный, государство, в нём только и можно жить» [1, 295]. Однако, по замечанию М. Золотоносова, «лишь в булгаковских описаниях столицы акцент был сделан не на утверждающем пафосе (Москва – третий Рим), а на мифологических чертах, не лишённых оттенков инферности (Москва – второй Петербург); лишь у Булгакова «петербургский миф» XIX – начала XX века сменялся московским, и на Москву 1920-х годов переносились ставшие уже классическими мифологические свойства прежнего российского центра, представшего в литературе в первую очередь фантазмагоричным» [3, 159]. На это же указывает и Л. Фиалкова, отмечая характерную черту поэтики Булгакова: Москва у него – «фантастический город» [6, 359]. Она же подчёркивает, что «являясь моделью реального пространства, художественное пространство определённым образом соотносится с ним. Поэтому естественно, что в фантастическом пространстве ... легко узнаются московские улицы и переулки, угадываются особняки» [6, 360-361].

Автодиегетическая наррация позволяет Булгакову выстраивать повествование таким образом, что мы видим Москву и «московскую жизнь в её лихорадочной калейдоскопичности» [5, 82], словно в постоянном сравнении с прошлым: мы одно-

временно находимся в нескольких пространствах: Москве безвозвратно ушедшего времени, Москве времён разрухи, гражданской войны, Москве периода нэпа, Москве – городе будущего. И каждый раз мы видим город именно глазами Булгакова: не просто стороннего наблюдателя, а активного участника всех описываемых событий. В.Я. Лакшин отмечает, что Булгакову «нравится живописать пёструю и шумную современность – трамваи, магазины, плакаты, крики разносчиков; он буквально купается в ярких бытовых подробностях, знает описываемое на вкус, на ощупь и на цвет, глядит во все глаза и запоминает такие оттенки слов, такие его изгибы и интонации, что мы попадаем в живой трёхмерный и стереофонический мир» [4, 4].

М.А. Булгаков публикует свои первые фельетоны, написанные для берлинской газеты «Накануне», в июне 1922 года, всего десять месяцев спустя с момента его приезда в Москву после долгих мытарств дорогами гражданской войны, без средств к существованию, без имени в литературе. Период работы в «Накануне» стал важным событием в литературной биографии писателя. Фактически, Булгаков в период между 1922 и 1924 годами создал более двадцати пяти произведений, включая первую большую работу «Записки на манжетах» и два рассказа о гражданской войне – «Красная корона» и «В ночь на 3-е число». Однако большую часть его работ в «Накануне» составляют всё-таки фельетоны. В своих фельетонах, часто имеющих форму хроник, Булгаков постоянно обращается к теме «Москва и москвичи». Его фельетон «часто имел форму остроумного авторского монолога, перебиваемого отступлениями от основной темы, с непринуждённым переплетением повествовательных и разговорных интонаций» [2, 96]. Во всех фельетонах отчётливо слышен голос нарратора, порой ироничный, порой комментирующий и интерпретирующий новый образ жизни. Нельзя не согласиться с В.Я. Лакшиным, отмечающим, что Булгакова по праву можно назвать «певцом Москвы на рубеже старого и нового летосчислений её жизни» [4, 5].

Объединённые центральным образом – образом города, – фельетоны Булгакова созвучны с «Петербургской летописью» Ф.М. Достоевского, а также юмористически-сатирическим тоном его предшественников, в частности, любимого писателя Булгакова Н.В. Гоголя и, безусловно, Власа Дорошевича, наиболее популярного фельетониста конца XIX столетия. Композиционно фельетоны построены как фотомонтаж, документальное кино. Широкомасштабность многих фельетонов соседствует с краткостью, сжатостью, немногословностью изложения, однако яркая панорама современной Москвы для читателей эмигрантской газеты – отличительный знак работ Булгакова. «Так, изображение странных происшествий в соединении с городским пейзажем и голосом нарратора, характерно как для первого романа «Белая гвардия», так и для «Мастера и Маргариты», в котором писатель достигает уровня виртуозности» [9, 6]. Фельетоны Булгакова для «Накануне» уникальны своим по преимуществу ярким и оптимистичным изображением советской жизни. Они отражают ранний период нэпа (1922-1924 годы), когда, после разрухи и хаоса гражданской войны, жизнь начала налаживаться.

Прототипом фельетонов о Москве для «Накануне» стал написанный в январе 1922 года фельетон «Торговый ренессанс», который Булгаков посылает сестре в Киев в надежде (кстати, совершенно напрасной), что он будет опубликован в какой-

либо киевской газете. В этом живо написанном, однако довольно примитивном по композиции произведении автор изображает коммерческое воскресение Москвы в период нэпа: «Этот первый из известных нам собственноручных творческих текстов писателя – документ сразу и литературный, и биографический: он даёт возможность увидеть Москву начала 1922 года и несколько более раннего времени глазами самого Булгакова» [7, 173]. Возрождающийся город характеризуется Булгаковым с использованием мотива света и тьмы: «В глубине запущенных помещений загорелись лампочки, и при свете их зашевелилась жизнь: ... Вымытые витрины засияли. Вспыхнули сильные круглые лампы над выставками или узкие ослепительные трубки по бокам окон» [1, 216]; «На Петровке в сумеречные часы дня из окон на чёрные от народа тротуары льётся непрерывный электрический свет» [1, 217]. Аккомпанирует свету движение: «На Кузнецком целый день кипит на обледеневших тротуарах толчея пешеходов, извозчики едут вереницей и автомобили летят, хрипят сигналы» [1, 217], «Движение на улицах возрастает с каждым днём. Идут трамваи по маршрутам 3, 6, 7, 16, 17, А и Б, и извозчики во все стороны везут москвичей» [1, 218]. Живой, персонализированный тон повествования, его неожиданно яркий язык, выхваченные диалоги переводят «Торговый ренессанс» в разряд репортажа, главной целью которого фактически является информирование на злободневную тему – возвращение торговли. Для сравнения, фельетоны, которые напишет Булгаков для «Накануне», представят панораму Москвы начала двадцатых, изображая день сегодняшней, но также включая отголоски прошлого и намёк на будущее. Таким образом, принцип построения этих произведений местами хронологический, местами основывающийся на специализации или тематических ассоциациях. Однако во всех случаях мы слышим голос автора – описательный либо комментирующий.

Одним из наиболее интересных фельетонов, написанных для «Накануне», является «Москва краснокаменная» (1922) – первый фельетон Булгакова, напечатанный этой газетой. Оппозиция белый / красный, которая в свете исторических перемен в России приобрела оттенок классовый борьбы, обусловила замену обычного эпитета «Москва белокаменная» на «Москва краснокаменная» как обозначение коммунистического, большевистского города. Именно в это пространство переносит нас автор, изображая панораму Москвы в один из летних дней 1922 года. Однако в то же время фельетон имеет хронологический подтекст, соединяя в образе города прошлое и будущее, он построен на принципе специализации времени. Так, произведение начинается с изображения кусочка старой, «бывшей» Москвы, – города христианской веры и церковей, храма Христа Спасителя, позади которого некогда высился памятник Александру III, а «теперь только пустой постамент. Грузный комод, на котором ничего нет и ничего, по-видимому, не предвидится. И над постаментом воздушный столб до самого синего неба» [1, 226].

Словно объединяя пространства прошлого и настоящего, на ступенях храма Христа Спасителя появляются две фигуры. Одна, с мешком за плечами, ассоциируется с голодной Москвой прошлого, когда весь город был населён именно такими, «с горбами». Однако теперь, комментирует автор, для Москвы характерен второй: «Одет хорошо. Белый крахмал, штаны в полоску. А на голове выгоревший в грозе и буре бархатный околыш. На околыше – золотой знак. Не то молот и лопата, не то

серп и грабли – во всяком случае, не серп и молот. Красный спец» [1, 226]. Этот человек существует словно в другом пространстве – пространстве «хорошей жизни», в которой ему не приходится голодать, ведь он имеет возможность ежедневно посещать бывший Елисейский магазин, теперь «Эм-пе-о»: «Икра чёрная лоснится в банках. Сиги копчёные. Пирамиды яблок, апельсинов» [1, 227]. Соединяет эти два мира трамвай «Аннушка», несущийся по Москве. Однако мир благополучия оказывается «с душком», как осетрина «второй свежести»: так, приказчик отрезает спецу «не от того куска, в который спец тыкал, что посвежее, а от того, что рядом, где подозрительнее» [1, 226]. И одна из двух банкнот, выданных на сдачу, оказывается фальшивой. Новый мир, который строили большевики, оказывается населён призраками из прошлого, почти гоголевскими персонажами. И усиливают этот эффект зеркала, в которых отражаются то ли люди, то ли призраки.

Вернувшись на улицу, мы обзираем парад типов нэпмановского времени, где соседствуют нэпманы-нувориши, красноармейцы и «тени из прошлого»: «То с портфелями едут, то в шлемах краснозвёздных, а то вдруг подпрыгнет на кожаных подушках дама в палантине, в стомиллионной шляпе с Кузнецкого. А рядом, конечно, выгоревший околыш. Нувориш. Нэпман.

Иногда мелькнёт бесшумная, сияющая лаком машина. В ней джентльмен иностранного фасона» [1, 227]. Это и извозчики, которые «такие, как были в 1822 г., и такие, как будут в 2022, если к тому времени не вымрут лошади» [1, 227]. И в заключение, «обыкновенная совпублика – пёстрая, многоликая масса, что носит у московских кондукторш название: граждане (ударение на втором слог)» [1, 227]. Эти последние до сих пор штурмом берут пустые вагоны, демонстрируя «атавизм»: «Память о тех временах, когда не стояли, а висели» [1, 228].

Пространство реальное оборачивается пространством карнавальным, маскарадным: это смесь старого и нового в одежде, странной амальгаме уличных вывесок, рекламы, где мистические новые советские акронимы («Цупвоз. Цустран. Врывсельпромгвиу») соседствуют с привычными, традиционными названиями («Старо-Рыковский трактир», хотя и без ера). Однако внезапно карнавальное пространство меняется на inferнальное, внося трагическую ноту в разноцветную жизнь города: «И в пёстром месиве слов, букв на чёрном фоне белая рука – скелет руки к небу тянет. Помогите! Голод. В терновом венце, в обрамлении косм, смертными тенями покрытое лицо девочки и выгоревшие в голодной пытке глаза. На фотографиях распухшие дети, скелеты взрослых, обтянутые кожей, валяются на земле. Всмотрись, представишь себе, и день в глазах посереет. Впрочем, кто всё время ел, тому непонятно. Бегут нувориши мимо стен, не оглядываются...» [1, 228-229].

Несмотря на негативные аспекты московской жизни в период нэпа, тон повествования в основном оптимистический, проникнутый чувством удовлетворения от возрождения жизни, разрушенной гражданской войной. И если начальная сцена фельетона представляет драматическую сцену ушедшего прошлого – храм и пустой пьедестал, – то финал утверждает, что власть большевиков санкционирована самими небесами. Так, когда спец молится на ночь, уговаривая Бога послать дождь, который испортит большевикам «красный праздник», Бог выполняет мольбы, правда,

посылая дождь «в несуразное, никому не нужное время – ночью. А наутро на небе ни пылинки!

И баба бабе у ворот говорит:

– На небе-то, видно, за большевиков стоят...» [1, 229].

Для следующих фельетонов, которые Булгаков публиковал в «Накануне», характерна ещё более динамичная смесь позитивного и негативного, чем в «Москве краснокаменной». С одной стороны, они содержат виртуальную галерею негативных типов периода нэпа, мошенников, но с другой – надежду на новое общество.

Москва существует одновременно в нескольких плоскостях. Это и оппозиция низ / верх («На самую высшую точку в центре Москвы я поднялся ... Москва лежала, до самых краёв видная, внизу» [1, 279]), и мир сакральный, божественный, который соседствует с миром inferнальным («мой любимый бог – бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году» [1, 250]; «глядя на сверкающие адским пламенем котлы с асфальтом на улицах, я вздрагивал» [1, 252]); «Внутри не было ничего, кроме паутины и сморщенной бабы», которая не пускала в помещение распределителя «и после этого провалилась в какой-то люк» [1, 279]).

Одной из важнейших пространственных метафор фельетона «Бенефис лорда Керзона» (1923) становится мотив пребывания в воде. Образ воды возникает уже в зачине: «Пошёл весенний благодатный дождь» [1, 295]. Дождь, символизирующий обновление, призван подчеркнуть перемещение рассказчика из ненавистной ему провинции в лоно нормальной, привычной столичной жизни. Происходит словно перерождение, точнее, возрождение героя к новой жизни. Однако сфера действия водного мотива этим не исчерпывается: благодаря крещению дождём, в подсознании рассказчика неоднократно возникает мотив пребывания в водной среде. Пробираясь на бульварное кольцо, герой тоже движется, как в водной стихии: «Непрерывным потоком, сколько хватало глаз, катилась медленно людская лента». Поток делается всё шире, не давая герою выбраться из него, засасывая. «Решил катиться по течению. Над толпой проплыл грузовик-колесница» [1, 296]. И вот здесь пространство приобретает черты карнавального (вспомним, что *carra navalis* – корабельная повозка, в которой везли во время вакханалий изображение Диониса, триумфально возвратившегося в Грецию после длительных скитаний). Соседствует с ним и мотив вавилонского столпотворения: слышны крики на разных языках, среди демонстрантов – фигуры восточных людей в пёстрых халатах. Однако спокойный плавный поток превращается в бурную реку, полную закипающих водоворотов, в которой стремительно сталкиваются разные потоки, которая кипит и бурлит, в которой водятся свои водяные: «Из переулка вынырнул знакомый спекулянт» [1, 297]. Река постепенно превращается в «сплошное море» [1, 298]. Даже воздушное пространство уподобляется морю: «Над Москвой медленно плыл на восток жёлтый воздушный шар» [1, 298], из которого разбрасывают над городом листовки, ныряющие в небо.

Пересечение пространств «низа» («у подножия памятника кипело, как в муравейнике» [1, 298]) и «верха» («У Иверской трепетно и тревожно колыхались огоньки на свечках» [1, 297]), карнавальное пространство, несущее на себе отпечаток inferнального, порождают одновременно впечатление театральности происходящего (это

актуализировано уже в заглавии фельетона) и ощущение тревоги. Водная стихия плавно перетекает в хронотоп пути-дороги, который становится зеркальным отражением нарастающего страха, инфернализации пространства: «в людских волнах катились виселицы с деревянными скелетами» [1, 298], «Керзона несли на штыках, сзади бежал рабочий и бил его лопатой по голове» [1, 297]. Дорога становится местом встречи со своеобразным будущим страны: «Выехала колесница-клетка» [1, 228].

Выводы и перспектива. Поэтика времени у Булгакова характеризуется парадоксальным сочетанием статики и динамики: статические эпизоды чередуются с ускорениями времени. Остановленные мгновения, «точки» времени обнаруживают глубинную временную перспективу, соотносящуюся с вечным, мифологическим временем. Пространственно-временная модель многих произведений Булгакова смыкается с пространственно-временными конструкциями, наблюдаемыми в мифопоэтических памятниках. Историческое текущее время уживается у писателя с мифологическим. Напряжённое противостояние бинарных оппозиций, семантическое противопоставление «верха» и «низа», нарушение или стирание непрерывности и гомогенности пространства и времени, оппозиция «сакрального» и «профанного» времени / пространства — всё это является общим и для архаических универсальных схем космогонического содержания, встречающихся в мифологических текстах, и для произведений Булгакова.

Литература

1. Булгаков М.А. Собр. соч. В 5-ти т. – Т. 2 : Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны / М.А. Булгаков. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 211-662.
2. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа) / Л.Ф. Ершов. – Л. : Наука, 1977. – 281 с.
3. Золотоносов М. «Родись второрождением тайным...» : Михаил Булгаков : Позиция писателя и движение времени / М. Золотоносов // Вопросы лит. – 1989. – № 4. – С. 149-182.
4. Лакшин В. Булгакиада / В. Лакшин. – М.: Изд-во «Правда», 1987. – 46 с. – (Б-ка «Огонёк», № 35).
5. Петелин В.В. Жизнь Булгакова : Дописать раньше, чем умереть / В.В. Петелин. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 665 с.
6. Фиалкова Л. Москва в произведениях М. Булгакова и А. Белого / Л. Фиалкова // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. – М. : СТД РСФСР, 1988. – С. 358-368.
7. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – М. : Книга, 1988. – 672 с.
8. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.
9. Haber E.C. Bulgakov's Накануне Feuilletons / E.C. Haber // Михаил Булгаков : 1891-1940 : Посвящается памяти Михаила Булгакова : Записки русской академической группы в США. – Т. XXIV. – New York, 1991. – P. 3-19.

Лаврова А. А. Топос Москвы в «Наканунієвських» фельстонах Михайла Булгакова
/ А. А. Лаврова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 61-67.

У статті розглядаються прийоми моделювання художнього простору в фейлетонах М. Булгакова періоду його роботи у газеті «Накануне». Аналізуються опозиції столиця / провінція, низ/ верх, профане/ сакральне.

Ключові слова: М. Булгаков, фейлетон, хронотоп, художній простір.

Lavrova A. A. Topos Moscow in the «Nakanune» satirical articles of Michael Bulgakov
/ A. A. Lavrova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 61-67.

This article is devoted to the ways of modeling the artistic space in feuilletons of M. Bulgakov during the period of his work in the newspaper “Nakanune”. There is made the analysis of oppositions capital / province, top / low, profane / sacral.

Key words: M. Bulgakov, feuilleton, chronotope, artistic space.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК: 821.512.145 – 32.09

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА РАССКАЗА

Джемилева А. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: ayshe66@mail.ru*

В статье сделана попытка выявить исторические предпосылки возникновения жанра рассказа в крымскотатарской литературе; показать роль фольклорных жанров в развитии прозы.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, жанр рассказа, фольклор, эпос, роман, традиция.

Постановка проблемы. Выявление истоков зарождения жанра рассказа, его генезиса в крымскотатарской литературе – важный момент в определении жанровой «памяти» рассказа. Специфика генезиса и динамика жанровой поэтики национального рассказа в литературном контексте определяется как особенностями менталитета крымскотатарского народа, так и условиями его социально-исторического и культурного развития.

Анализ последних исследований по проблематике работы.

В крымскотатарском литературоведении нет специальных работ, посвящённых жанру рассказа, но имеются исследования теоретического характера, касающиеся проблемы рассказа в разные периоды его развития. Это работы А. Лятиф-заде, А. Крымского, Б. Чобан-заде, Р. Фазылова и С. Нагаева, И. Керимова, исследования Ф. Сеферовой, Ю. Шевкета.

Цель и задачи: Изучить исторические предпосылки возникновения жанра рассказа в крымскотатарской литературе; выявить роль фольклорных жанров в развитии прозы.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; описательный метод.

Формирование прозаического жанра в тюркских литературах имеет давнюю историю. Литературоведы относят к наиболее ранним образцам прозы «Киссаи-Рабгузий-дан» – книгу о жизни и деятельности пророков, которая отличается религиозным характером и изложена в прозаической форме [1, 5]. В ней собраны небольшие рассказы религиозно-мифологического содержания, созданные на основе корана и религиозных легенд. Как и во многих тюркских литературах, истоки крымскотатарского языка и крымскотатарской письменной литературы можно найти в Орхон-Енисей язылары (Орхон-енисейские надписи) (VI – VIII вв.) и письменных памятниках Махмуда Кашгари «Диван-и лугъати-т тюрк» («Словарь тюркских слов»), Юсуфа Баласагунского «Къудатгъу билик» («Знание, приносящее счастье»).

Имея тысячелетнюю историю, устное народное творчество крымскотатарского народа оказало большое влияние на возникновение прозы. Именно из фольклора

писатели черпали способы изображения людей, картин природы, образы, темы, мотивы и сюжеты для своих произведений.

Развитие национальной литературы тесно связано с фольклором, в котором получили своё отражение мудрость и мышление народа, мечты и желания, его философские, социально-исторические, художественно-эстетические взгляды, лексическое богатство крымскотатарского языка. Древнейшие крымскотатарские эпосы, эпические дестаны («Къопланды батыр», «Эдиге», «Чора батыр», «Ашыкъ Гъарип», «Нар къамыш», «Кёр огълу», «Таир ве Зоре» и др.) представляют собой полное и широкое художественное отображение многовековой борьбы народа за свою независимость и свободу, за справедливость и счастливую жизнь. Эпос может служить неисчерпаемым источником изучения словесного искусства народа, его языка, этнографии, философских взглядов, психологических и других сторон духовной и социальной жизни. Это результат творческих усилий многих поколений талантливых народных сказителей, художественное воплощение героической истории крымскотатарского народа. К эпосу постепенно притягивались сходные по идейному содержанию сказки, легенды, поэмы, предания. Наличие общих мотивов говорит о традиционных основах эпического творчества, позволяющих не только сохранять устное поэтическое наследие, но и постоянно его обогащать.

Предшественники жанра рассказа – эпические жанры фольклора (крымскотатарские народные сказки, сказания, легенды, предания, притчи и др.), из которых к рассказу приближены романтические сказания о реальных исторических личностях (предания (ривает) об Алиме-айдамаке), анекдоты (лятифе) (об Ахмет акае и Насредине оджа), героические сказания с вымышленными персонажами (легенда об Арзы кыз), легенды, посвящённые природе Крыма (легенды о скалах Демирджи и Кошка, легенда об Аю-Даге и др.). Мы полагаем, что ближе всех к крымскотатарскому рассказу стоят лятифе (анекдоты, смешные поучительные истории) – устные произведения прозаического характера, одноэпизодические, с лаконичным повествованием.

Значительная роль в становлении малых прозаических жанров в крымскотатарской литературе принадлежит древнетюрским памятникам. По мнению Н. Сейтягъева, фольклорные корни периода Золотой Орды прослеживаются в героическом эпосе, устных генеалогиях и фольклорных произведениях малых форм, которые послужили основой в становлении письменной исторической традиции [2, 4]. Эти жанровые формы характеризуются высоким уровнем проявления авторской личности и служат почвой для возникновения в крымскотатарской литературе малых прозаических жанров.

Развитие жанра рассказа в литературе крымских татар имеет глубоко национальную почву. Следует подчеркнуть, что письменная литература зарождалась в тесном сопряжении с эстетикой и практикой национального фольклора. Это по-разному преломлялось в различных жанрах. Поэзия первых десятилетий XX века использует язык и художественные приёмы героико-эпических песен. Прозаики обращаются к иному содержанию и жанрам фольклора; их привлекают произведения, в которых отражалось народное миропонимание.

В крымскотатарской литературе для обозначения малой эпической формы (рассказа) используется термин «икъе».

Критик и литературовед С. Нагаев отмечает, что в начале XX века в литературе получает развитие жанр романа [3, 13]. Жанр создаёт предпосылки для развития других жанровых форм. Здесь необходимо, в первую очередь, отметить романы И. Гаспринского «*Дар ур-Рахат мусульманлары*» («Мусульмане страны благоденствия»; 1887), «*Кунь догъды*» (Солнце взошло»; 1905), повесть О. Акчокраклы «*Хижяети Ненкеджан ханым дюрбеси*» («Рассказ о мавзолее Ненкеджан ханым»; 1899), повесть М. Нузета «*Селим сохта*» («Селим – студент медресе»; 1914), «*Бахытсыз хоранта*» («Несчастливая семья»; 1914), роман У.Ш. Тохтаргазы «*Саадет адасы*» – «Остров счастья»; 1911).

Возникновение жанра романа в национальной литературе способствовало появлению образцов малого прозаического жанра. В романе получила развитие повествовательная проза – идущая из фольклора традиция органического сочетания лирического и эпического начал, которая сыграла важную роль в зарождении прозы. Сюда следует отнести первые рассказы: **Н. Челебиджихана** «*Къарылгъачлар дуасы*» («Молитва ласточек»; 1913), **А. Одабаша** «*Унутмайджакъ*» («Не забудет»; 1923), **А.С. Айвазова** «*Аннеджигим, нердесинь?! Кель!*» («Мамочка, где ты?! Приди!»; 1927), **У. Ипчи** «*Кузь геджесинде*» («Осенней ночью»; 1932) и др., сыгравшие важную роль в формировании рассказа как жанра.

Становление и развитие жанров романа и повести в крымскотатарской литературе связано с именем Исмаила Гаспринского. Литературоведы акцентируют внимание на том, что «произведения Гаспринского ценны и тем, что он первым провёл в литературе разделение на жанры и крымскотатарские писатели и поэты Ш. Тохтаргазы, М. Нузет и О. Акчокраклы, продолжили его традиции» [3, 14]. Подтверждение находим в труде академика Агатангела Крымского «Литература крымских татар»: «Исмаил Гаспринский был не только талантливым журналистом, педагогом, но и талантливым литератором, который разрабатывал оригинальные и новые для крымскотатарской литературы жанры» [4, 146]. Датой рождения новой крымскотатарской прозы следует считать выход (1887 г.) первого крымскотатарского романа «Дар ур-Рахат мусульманлары» («Мусульмане страны благоденствия») И. Гаспринского.

Выводы. Таким образом, в начале XX века в национальной литературе интенсивно развивается процесс жанровой дифференциации. Несмотря на то, что в историческом плане корни крымскотатарского рассказа уходят вглубь веков, его жанровые особенности, приближённые к европейским формам, определились лишь в начале XX столетия. Это период трансформации фольклорной традиции в литературную, период зарождения в прозе малых жанровых форм.

Перспективы дальнейших исследований. Изучение истоков крымскотатарского рассказа имеет принципиальное значение для понимания его национального своеобразия. Важно не только установить время возникновения малого прозаического жанра в литературе, но и определить причины, давшие толчок к развитию жанровых форм, которые способствовали утверждению национальных черт рассказа на конкретном этапе развития литературного процесса.

Литература

1. Владимирова Н. Узбекский советский рассказ /Н. Владимирова, М. Султанова. – Акад. Наук Узб ССР, Ин-т яз. и лит-ры им. А.С. Пушкина, Государственное изд-во художественной лит-ры Узб ССР, Ташкент, 1962. – 160 с.
2. Сейтяг'яев Н. С. Исторична проза в кримськотатарській літературі XV-XVIII ст.: автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. філол. наук: спец. 10.01.10. /Сейтяг'яев Нариман Сейтаметович; Ін-т філол. Київськ. нац. ун-та ім. Тараса Шевченка. – К., 2005. – 20 с.
3. Нагаев С. Ылнамелердеки излер (Этюды о крымскотатарской литературе): Кырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар /С. Нагаев. – Т.: Гъ. Гъулам адына Нешрият матбаа бирлешмеси, 1991. – 304 с.
4. Крымский А. Литература крымских татар /А. Крымский. – Симферополь: Доля, 2003. – 200 с.

Джемилева А.А. Передумови виникнення жанру оповідання в кримськотатарській літературі / А.А. Джемилева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 68-71.

У статті зроблено спробу виявити історичні передумови виникнення жанру оповідання в кримськотатарській літературі. Також показати роль фольклорних жанрів у розвитку прози.

Ключові слова: кримськотатарська література, жанр оповідання, фольклор, епос, роман, традиція.

Dzhemileva A.A. Preconditions of origin of genre of story in crimeantatar literature / A.A. Dzhemileva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 68-71.

In article attempt to reveal historical preconditions of occurrence of a genre of the story and to show the role of folklore genres in development of prose in crimeantatar literature is made.

Keywords: crimeantatar literature, genre of story, folklore, epos, novel, tradition.

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

УДК 821.111-3.09

ПРОСТОРОВО-ЧАСОВА МОТИВІКА ОПОВІДАнь КІПЛІНГА

Симаковская А. С.

*м. Кам'янець-Подільський, Україна
E-mail: lavrusha1406@i.ua*

В статье рассматриваются условия формирования специфического кипплинговского хронотопа и принципы его художественного воплощения. Анализируются основные мотивы и лейтмотивы, символы малой прозы Кипплинга, их влияние на формирование художественного пространства и времени рассказов писателя.

Ключевые слова: Р. Кипплинг, художественное пространство, художественное время, хронотоп, мотив, символ.

У зламні епохи відбуваються активні трансформації в усіх сферах соціального життя. Саме тому і література в такі періоди переглядає свою усталену уяву про світ. В.Я. Гречньов, М.П. Утехін та інші дослідники вважають, що у ці моменти особливого розвитку та актуалізації набувають малі жанри [2; 6]. У романі важко показати особливості перехідного часу в усій їхній складності та діалектичності, тому аналіз перетворень і пізнання нового відбувається за посередництвом малого жанру. У вітчизняному і зарубіжному літературознавстві відсутні праці, де категорії простору і часу досліджувалися б на матеріалі малої прози Кіплінга. Метою статті є аналіз просторово-часової мотивіки малої прози Кіплінга. Згідно з окресленою метою у статті вирішується завдання розглянути особливості моделювання художнього простору та часу, їх символічного навантаження у малій прозі Кіплінга.

В основу аналізу покладено теорію М.М. Бахтіна про хронотоп [1], праці Н. Копистянської [4], В.Я. Гречньова, М.П. Утехіна.

Здається, що оповідання Кіплінга прийшли з казармового двору чи із джунглів, з пилу та шуму, в якому люди працюють, будують, борються за щось. «Ему невольно веришь во всем, что он рассказывает, – писав з приводу майстерності Кіплінга Купрін, – <...>у него, например, есть особая своеобразная манера вводит читателя в среду и интересы своих героев. Для этого он начинает повествование так просто, так небрежно и даже так сухо, как будто вы давным-давно знаете и этих людей, и эти причудливые условия жизни, как будто сегодня Кипплинг продолжает вам рассказывать о том, что вы сами видели и слышали вчера. Благодаря такому вводу вы долго испытываете какое-то недоумение, почти непонимание, заставляющее вас беспокойно напрягать память и часто возвращаться назад, к в уме прочитанным строкам» [Цит. за: 5, 60].

Враження від оповідання «Оманливий світанок» здатні дуже довго займати розум читача. Розповідь дійсно незвичайна, хоча світ, представлений в ньому, має життєву достовірність і не містить в собі фантастичних елементів, в той же час це досить дивний світ. У кінці твору, оповідач говорить дуже примітну фразу: «Я никогда не видел ничего, до такой степени не свойственного англичанам» [3, т. 5,

130], або, якщо буквально перекласти оригінал – «до такої міри неанглійського». Під «англійським» і «неанглійським» тут маються на увазі зовсім не риси національної вдачі. Автор підкреслює, що місце, в якому розгортаються події, не стара добра Англія, де усе давно вже встановилося і визначилося, а всесвіт, у якому панують абсолютно інші закони. Звичні норми і уявлення в ньому виявляються даремними.

Простір, у якому відбуваються описувані події, Кіплінг чітко не визначає: «Станция, служившая местом действия всех этих событий, хотя и довольно велика, стоит в стороне от железнодорожной линии, и потому терпит всяческие недостатки. Тут нет ни садов, ни оркестров, ни мало-мальски порядочных увеселительных мест, и тому, кто желал потанцевать, приходилось чуть ли не целый день тащиться в Лагор» [3, т. 5, 127]. Щодо визначення часу, то автор використовує певні алюзії: «румянец со ще чек девушек похитил апрельский зной», або «В самом начале мая, перед отъездом в горы, когда стало очень жарко и на станции осталось всего человек двадцать» [3, т. 5, 128].

Оповідач заздалегідь попереджає читача, що події, про які піде мова, не мають ясного і однозначного сенсу: «Никто не узнает всей правды, хотя женщины передают эту историю шёпотом друг другу после бала, когда убирают на ночь свои косы и сравнивают списки своих жертв. Мужчины не могут, конечно, присутствовать при этом, а потому и те и другие толкуют её по-своему» [3, т. 5, 125]. По-різному сприймають чоловіки і жінки одного з головних героїв «Оманливого світанку» – Сомареца. Оповідач зазначає, що він «был странный мужчина» [3, т. 5, 126]. Але усі сходяться в одному: Сомарец має серйозні почуття до старшої з двох сестер Коплей і, як з'ясується у фіналі, помиляються. Непорозуміння вирішується під час замиського пікніка, спеціально організованого для того, щоб Сомарец мав змогу порозумітися з тією, яку він дійсно любить, і внести ясність в двозначні стосунки, що склалися у нього з обома сестрами.

Читачеві, який знаходиться, так би мовити, в іншій, «англійській» реальності, здаються дивними і час, і місце, вибрані для пікніка: він має відбутися «при свете луны у старой гробницы, возле русла высохшей реки, в шести милях от станции» [3, т. 5, 128]. Ніч, світло місяця, стара гробниця, русло висохлої річки – усе це більше нагадує антураж готичної історії, ніж розповідь про замиську гулянку. Мотив ночі, в поєднанні з місяцем, старою гробницею та висохлою річкою, напружує увагу читача, змушує задуматись, що це все означає. Ми ніби підсвідомо налаштовуємось на події, які відбуватимуться у магічному, інфернальному просторі. Обстановка налаштовує на очікування чогось надзвичайного. Сам же опис пікніка явно перекликається з жанром пасторалі: «Мы собрались возле пруда. Кто-то захватил с собой банджо — этот нежнейший из музыкальных инструментов, — и три-четыре человека запели... Затем мы стали беседовать, группами или все вместе, лежа под деревьями, а с розовых кустов на наши ноги сыпались сожжённые солнцем лепестки, и беседовали так до самого ужина. Ужин был прекрасный, холодный, как лед» [3, т. 5, 129].

Задана ідилічна тональність руйнується згадкою про те, що пелюстки троянд, що осипають землю і учасників пікніка, обпалені сонцем, а вечір холодна, як лід. Речі, цілком звичайні для жителя Індії, але не для читача, якому відводиться роль спостерігача ззовні. Напруга досягає кульмінації, коли вибухає піщана буря, що ос-

таточко стирає усі натяки на пасторальність. Сцена набуває ще більшої фантастичності. Мотив піщаної бурі виступає в оповіданні як символ людини, що заблукала. В даному випадку заблукали всі персонажі твору у своїх сподіваннях. Вони були впевнені, що Сомарез кохає старшу сестру. Сам же головний герой цієї розповіді теж заблукав, сильна буря збила його з пантелику і він зізнався у коханні іншій сестрі. Оповідач, дізнавшись від Сомареца, що той любить не старшу, а молодшу сестру, вирушає за нею в гонитву, щоб повернути її і виправити помилку. Скачка крізь піщані вихори під гуркоти грому і спалахи блискавок викликає у нього асоціації з «поганим сном», він свідомо намагається поринути в оніричний простір. Але поступово в ньому міцніє впевненість в тому, що він є учасником театральної дії, вкрай умовної і «ненатуральної»: «эта сцена очень походила на театральную, причём сходство увеличивалось белыми от пыли, призрачными фигурами мужчин и женщин, которые, стоя под апельсиновыми деревьями, аплодировали Сомарезу, словно по окончании театральной пьесы» [3, т. 5, 131].

Також в оповіданні присутні і біблійні мотиви. Персонажі твору неодноразово згадують біблійні сюжети. Наприклад, сам пікнік вони називають «Ноїв ковчег», а згодом, як і у Святому Письмі, розгортається негода, в даному випадку буря, від якої всі герої ховаються у просторі цього ж «Ноевого ковчегу». Досить часто персонажі порівнюють бурю із судним днем: «Ветер, казалось, черпал песок и сваливал его в большие кучи; земля дышала жаром, подобным тому, который, говорят, будет в день страшного суда» [3, т. 5, 133]. Мотив піску нагадує героям оповідання про швидкоплинність часу, що протікає, наче пісок крізь пальці.

Оповідання Р. Кіплінга «Фінанси богів» вперше було опубліковано у 1891 році у збірці «Життя дає фору». Цю історію розповідає старий жрець маленькому хлопчику, який приніс йому пожертву і заховався під теплу ватну ковдру старого, щоб зігрітися. Жрець повідав хлопчикові легенду. Колись, дуже давно, біля храму сидів один бідняк, який сорок років провів у молитві. І ось бог Шива вирішив винагородити його, зробивши багатієм. Але про це дізнався один лихвар і захотів посісти місце жebraка на декілька днів. За це він пообіцяв старому багато срібла. Саме це срібло, що отримав жebraк від лихваря, і було тим обіцяним багатством богів. Так і став жebraк багатим, а лихвар залишився без нічого. В оповіданні притча виступає як дещо інший жанровий різновид, але розповідає її не наратор, а персонаж. Так само як і у міфі, у притчі говориться про часи першотворення, тобто тут діє міфічний (доісторичний) «ранній час», про що повідомляється ще на початку: «Давным-давно, когда боги ходили между людьми — как и теперь, только у нас нет достаточно веры, чтобы видеть это, — Шива, величайший из богов, и Парвати, его жена, гуляли в саду одного храма» [3, т. 3, 353].

В самому оповіданні наратор опосередковано говорить про час описуваних подій: «Ужин в чубаре Дхуини Бхагата [*Чубара Дхуини Бхагата — монастырь в северной Индии*] закончился, и старые жрецы курили или перебирали чётки» [3, т. 3, 351]. Про пору року ми дізнаємось уже від старого жреця, який говорить: «на земле туман, а в воздухе ночной холод и осенью нехорошо ходит голым» [3, т. 3, 351]. Таким чином, можна визначити, що події відбуваються восени, у вечірній час, коли всі вже закінчили працювати і спека почала спадати.

«Вышел маленький голый ребёнок с широко открытым ртом, с пучком ноготков в одной руке и связкой сушеного табака в другой» [3, т. 3, 351]. Квіти є символом краси, новонародженої дитини. Той, хто несе у руках квітку, не може зробити нічого поганого. Хлопчик несе жебраку квіти і тютюн для того, щоб той помолився за його хворого батька. Але оскільки було прохолодно, то «гобинд (жебрак. – А.С.) вытянул руку из-под своего громадного, разноцветного старого одеяла и устроил привлекательное гнёздышко рядом с собой» [3, т. 3, 352]. Мотив ковдри в оповіданні виступає захистом для маленької дитини, що боїться всього на світі і ще навіть твердо не стоїть на ногах. Хлопчик все більше і більше занурюється під неї, тому що відчуває тепло і захист.

Сива борода старого жреця є лейтмотивом цього оповідання, вона символізує знання, мудрість, досвід. Саме тому хлопчик тягнеться до неї, як до чогось незвіданого: «гобинд улыбался, когда ребёнок теребил его бороду» [3, т. 3, 352]. І не дивно, що жебрак розповідає дитині мудру легенду. Це легенда про бога Шиву та його дружину Парваті. У індійській міфології бог Шива є майстром і вчителем пізнання, яке приходиться до людини різними шляхами. В будь-якому випадку мудрість Шиви надає душевного спокою і щастя, врівноважує всі сили, які борються в людині. Бог Шива з'являється там, де виникають страждання, і вказує шлях до кращого життя, він «руйнує руйнації». В оповіданні ми бачимо, як боги встановлюють справедливість, карають лихваря, тобто руйнують план руйнації, який придумав сам лихвар.

Оповідання «Повернення Імрея» привертає увагу читача своєю загадковістю. Вперше воно було опубліковане у США у «Mine Own People» 1891 року, а згодом у збірці «Життя дає фору». Існує думка, що на написання цього оповідання Кіплінга надихнула історія, що трапилася з ним у 1888 році в Аллахабаді. У бунгало, де він жив разом з друзями, була стеля з тканини, що постійно провисала. Коли вже всі почули неприємний запах, то виявили, що там, за тканиною, була мертва білка. Цей інцидент автор і взяв за основу, тільки трохи його переробив.

В оповіданні розповідається про загадкове зникнення Імрея, який був офіційним службовцем, що мав відношення до Британського правління. Чому він зник, ніхто не розумів: «Без предупреждения, без какого-либо понятного повода, молодой, только что начинавший избранную им карьеру, он решил покинуть свет, т. е. исчезнуть с той маленькой индийской станции, где он жил» [3, т. 3, 340]. Простір оповідання окреслений маленькою індійською станцією. Через чотири місяці в будинок Імрея переселився Стрікленд, один із поліцейських чиновників Британського правління. У нього була собака Тітженс, якому він навіть виділив окрему кімнату: «Туземцы считали Титдженс домовым и обращались с ней с большой почтительностью и страхом» [3, т. 3, 341]. Оповідач деякий час жив разом із Стріклендом. Саме в цей період і почали відбуватись дивні події в бунгало Імрея. Оповідач постійно відчував чиясь присутність в будинку, собака Тітженс також був чимось стурбований. Наступного дня Стрікленд та оповідач помітили змії, що звисали зі стелі. Коли Стрікленд виліз нагору, то побачив за тканиною, що відділяла горище від житлових кімнат, тіло Імрея з перерізаним горлом. Як виявилось, Імрея вбив його слуга.

Художній час, в якому відбуваються події, обмежується лише певним періодом доби – сутінками. Лейтмотив сутінок показує нам усю загадковість зникнення Ім-

рея. У цей період відбувається все найдивніше, все найпотаємніше. Цей час називають ще часом собаки. Отже, Тітженс недаремно завжди насторожується і виглядає схвильованим в цей період. Як і оповідач, він відчуває щось страшне, містичне. Собака символізує трансцендентальну силу, за допомогою якої можна йти ниткою істини через лабіринти земних помилок. Мотив сутінок постійно протиставляється мотиву світла: «Когда наступали сумерки, Титдженс блестящими глазами, с поднявшейся дыбом шерстью, следила за движениями чего-то невидимого мне. Она никогда не входила в комнаты, но в глазах её выражался интерес, и этого было совершенно достаточно. Только когда мой слуга приходил заправлять лампы и комната принимала светлый и обитаемый вид, она входила вместе со мной и проводила время, наблюдая за невидимым лишним человеком, двигавшимся за моим плечом» [3, т. 3, 345].

Мотив лампи та свічки в цьому оповіданні символізує світло, тобто пошук істини і пояснень серед усього незвіданого. Лампа завжди є поряд з персонажами в період настання сутінок. Вона допомагає зробити явним те, що приховано від людського знання.

Змії, що звисають зі стелі, також несуть символічне навантаження в оповіданні. Наратор зазначає: «Я ненавижу и боюсь змей, потому что если поглядеть в глаза любой змее, то увидишь, что она знает всё о тайне падения человека и чувствует всё презрение, которое чувствовал дьявол, когда Адам был изгнан из рая. Не говоря о том, что её укус всегда бывает роковым, но и так неприятно, когда она обвивается вокруг ног» [3, т. 3, 347]. Змія символізує мудрість, безсмертя. В даному випадку змії натякають героям оповідання на швидке розгадування зникнення Імрея, вони показують їм шлях досягнення істини. Як виявилось, Імрей «повернувся», лампу вже загасили, тобто таємниця зникнення вже розгадана і немає чого боятись. Залишилось лише з'ясувати, хто його вбив.

Розслідувати вбивство знову допомагає лампа, тобто її світло: «при свете одинокой лампы Багадур-Хан (слуга. – А.С.) стоял смертельно бледный» [3, т. 3, 348]. Сам зовнішній вигляд слуги говорив про його причетність до цього вбивства. Поки Стрікленд розповідав слугі про покарання за вбивство, яке він здійснив, Багадур-Хан ненароком стає на розчавлену змію і помирає від отрути. Тобто змія символічно встановлює справедливість, смерть за смерть.

Отже, Кіплінг у своїх оповіданнях використовує важливі мотиви, що мають велике символічне значення: мотив лампи, змії, піщаної бурі, біблійні мотиви. Також автор тяжіє до інфернальності, використовує суто індійську символіку, звертається до індійської міфології, при цьому не пояснюючи її значення, досить часто використовує міфологічний хронотоп для передачі основної ідеї оповідання.

Список використаних джерел

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / Михаил Михайлович Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
2. Гречнёв В.Я. Категория времени в литературном произведении / В.Я. Гречнёв // Анализ литературного произведения. – Л. : Наука, 1976. – С. 126-144.
3. Киплинг Р. Собр. соч. в 6-ти т. / Редьярд Киплинг. – М. : ТЕРРА, 1996.

4. Копистянська Н. Аспекти функціонування простору, просторової деталі в художньому творі / Н. Копистянська // Молода нація : Альманах. – К., 1997. – Вип. 5. – С. 172-178.
5. Скляр Ф.М. Р. Кіплінг-новеллист: от репортажа к рассказу / Ф.М. Скляр // Вопросы зарубежн. лит. : Сб. научн. трудов. – Томск : Томский ун-т, 1979. – № 603. – С. 53-63.
6. Утехин И.П. Жанры эпической прозы / И.П. Утехин. – Л. : Наука, 1982. – 185 с.

Сімаковська А. С. Просторово-часова мотивіка оповідань кіплінга / А. С. Сімаковська // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 72-77.

У статті розглядаються умови формування специфічного кіплінгівського хронотопу і принципи його художнього втілення. Аналізуються основні мотиви та лейтмотиви, символи у малій прозі Кіплінга, їх вплив на формування художнього простору і часу оповідань письменника.

Ключові слова: Р. Кіплінг, художній простір, художній час, хронотоп, мотив, символ.

Simakovska A. S. Prostorovo-chasova motivika stories of Kipling / A. S. Simakovska // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 72-77.

This article is devoted to the peculiarities of modeling of specific Kipling's chronotope and the principles of its artistic embodiment. There is made the analysis of the main motives and leitmotifs, symbols of the Kipling's small prose, its influence on forming artistic space and time of writer's short stories.

Key words: R. Kipling, artistic time, artistic space, chronotope, motive, symbol.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 821.161.1+821.512.162

**АННА АХМАТОВА И
АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ПОЭТЕССА НИГЯР РАФИБЕЙЛИ**

Наджафова А. Г.

*Бакинский Государственный Университет, Военный Лицей им. Дж. Нахчиванского,
г. Баку, Азербайджан. E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В данной статье приводятся сведения о жизни и творчестве Анны Ахматовой, новые приобретенные качества ее творчества, которые характерны для Восточной литературы, выявляются жанровые и тематические сходства с Восточной литературой.

Ключевые слова: литература, творчество, Анна Ахматова, Нигяр Рафибейли

Постановка проблемы. Говоря об Анне Ахматовой и азербайджанских поэтессах, я всегда вспоминаю Нигяр Рафибейли. Почему именно Нигяр Рафибейли? Неужели в тот период не было других поэтесс? Конечно же, были. И десятки. Среди них были и довольно известные, имеющие своих почитателей. Поэтессы Медина Гюльгюн, Мирварид Дильбази, писательницы Азиза Джафарзаде, Алавийя Бабаева, Азиза Ахмедова творили плечом к плечу со многими мужчинами писателями, деятелями литературы того времени. Но ни одна из них творческими и жизненными параллелями (если это можно так назвать) не пересекаются с Анной Ахматовой как Нигяр Рафибейли. И не потому, что и Анна Ахматова, и Нигяр Рафибейли происходили из известных семей, обе были замужем за известными поэтами того времени, у обеих сыновья были известными учеными-писателями. Схожесть Анны Ахматовой и Нигяр Рафибейли в том, что обе они прожили трагическую жизнь, полную горя, ужаса, страданий и потрясений, тоски и ожидания. Нигяр Рафибейли так же как и Анна Ахматова, начала свое творческую деятельность очень рано. Она, как и Ахматова, никому не показывала своих произведений, читала их только самым близким подругам (Ахматова иногда даже сжигала их). Позже, Микаил Рзагулузаде в своей статье «Сердце-факел» вспоминает эти годы так: «... Мы вместе с Юсифом Мамедалиевым присутствовали на пятинадцатилетии Нигяр Рафибейли. В то время мы работали преподавателями в Гянджинском Педагогическом Техникуме. Нигяр, застенчиво склонив голову, читала свои стихи... В пятнадцать лет все поэты: и те, кто пишет стихи, и те, кто этого не делает. Но какие это были стихи...»

Несмотря на то, что Юсиф был химиком, он очень хорошо знал и любил поэзию. Знал наизусть произведения Физули, Фирдоуси, Тофика Фикрета, Гусейн Джавида, в студенческие годы и сам сочинял. А я был не только преподавателем литературы, но и считался «непримиримым борцом», критиком современной поэзии. Наряду с этим, стихи юной Нигяр затронули наши души! Именно за эти стихи мы подарили ей серебряную ручку с выгравированной на ней дарственной надписью... Дальнейшее творчество Нигяр показало, что мы не ошиблись!...» [4; 177]

Аббас Заманов в своей статье «Дар солнца» осветил первые творческие успехи Нигяр ханум: «Я знаком с Нигяр Рафибейли с конца 20-х годов, со времен учебы в

Бакинской Учительской семинарии. Мы учились на одном курсе. Она была худощавой, светловолосой девушкой. Всегда носила черный платок. Позже я узнал, что она носила его в знак траура по рано умершему отцу. И учителя, и студенты относились к ней с большой теплотой и любовью за ее скромность, усердие и приветливость...

В семинарии уроки родного языка и литературы проводились на очень высоком уровне. Писательские удостоверения были выданы студенткам Мирварид Дильбази и Нигяр Рафибейли Джавидом и Шаигом. Литературным кружком руководил Абдулла Шаиг. Нигяр Рафибейли систематически посещала занятия кружка, участвовала во многих дискуссиях. Мы слышали, что она пишет стихи. Но она читала их только лишь близким подругам. Как-то одна из подруг Нигяр, Саадет, принесла одно из стихотворений Нигяр. Сделала она это без ведома Нигяр. Мы напечатали это стихотворение в очередном номере стенгазеты. Таким образом стали известны всем поэтические способности Нигяр Рафибейли. Это стихотворение было посвящено проблеме освобождения женщин и стало обращением к женщинам и девушкам, призывом к участию в общественной жизни. Эта тема являлась лейтмотивом советской литературы. Я до сих пор помню две строки из стихотворения:

Гори каждый миг, сестра,

Не затухай никогда, сестра!.. (В этой статье авторами всех дословных переводов с азербайджанского языка являемся мы.) [4; 181-182]

Основной темой творчества Нигяр Рафибейли, так же как и многих других поэтов и писателей того времени, была тема освобождения женщин! На самом деле основной частью этой проблемы была не параллель быт-рабство-женщина. Больше внимания уделялось проблеме нравственного освобождения женщин. Так же как и многие другие просвещенные люди того времени, Нигяр Рафибейли считала, что свободную, сбросившую чадру и получившую образование женщину можно назвать счастливой.

Однако, интерес вызывает тот факт, что в поэзии Анны Ахматовой свободная, образованная, всесторонне развитая женщина не всегда бывает счастлива. Это уставшая от страданий женщина... В итоге, обеих поэтесс, перечисляющих «ингредиенты», необходимые «для счастья женщины», объединило чувство сожаления: бедные женщины!

Изучая жизнь и творчество Анны Ахматовой, мы становимся свидетелями того, как внезапно изменилось мнение интеллигенции и критиков того времени, которые еще совсем недавно восхищались тем, как «легко и просто» вошла поэтесса в литературу, как в одно мгновение почет и слава приняли ее в свои объятия. Можно сказать, что такие же события произошли и в жизни Нигяр Рафибейли. До выхода в свет первой книги, многие иронизировали, называя ее «мадам Рафибекова» или «мадмуазель Рафибекова». А позже, после появления первого сборника «Стихи» о «девушке-поэтессе» стали писать критические статьи.

Ильяс Эфендиев в своей статье «Судьба поэтессы» пишет о тех годах:

«...Еще в 1930-м году, в период моей учебы в средней школе в Карягине, в газете «Коммунист» вышла статья под названием «Мадам Рафибекова и мадмуазель Рафибекова», полная насмешек и оскорблений. Автором статьи был один из партийных руководителей Азербайджана Алигейдар Караев. Как любознательный, ин-

тересующийся печатью подросток, я сразу же прочитал эту статью. Прочитал несколько раз.

В статье говорилось, что юная поэтесса из Гянджи Нигяр ханум Рафибекова написала стихотворение под названием «Север и юг», в котором, якобы, она в символической форме называла «северян», Советскую власть «врагами».

Семнадцатилетняя девушка, чей отец долгие годы безвозмездно служил людям и был расстрелян, чья семья, дом были уничтожены, не заслуживала столь жестоких обвинений со стороны такого высокопоставленного чиновника как Гараев. Я считаю, что это подлый поступок, унижающий, в первую очередь, мужское достоинство. Мое воображение уносило меня очень далеко, и я представлял себе Зохака, который для того, чтобы подкупить змей скармливал им мозги младенцев. Я с большой грустью представлял себе те чувства, те муки, которые испытывала поэтесса, перенесшая в свои юные годы столько горестей. Эта беспомощная, одинокая девушка теперь в советской печати представлялась чудовищным, ужасным врагом.

В 1933-м году в шестом номере журнала «Революция и культура» было напечатано стихотворение Сулеймана Рустама. В стихотворении упоминалось и о статье Алигейдара Караева о «чудовищном враге»:

*Спасибо тебе, товарищ Караев, ты большевик!
Хотели б быть такими же ловкими, как вы!
Прочитали статью в газете «Коммунист»,
Услышали себя в твоём железном голосе.*

В этом стихотворении семнадцатилетнюю девушку называли вражеским поэтом. И это было не единственное тяжкое обвинение в ее адрес. Но считаю своим долгом сообщить, что позже Сулейман Рустам испытывал угрызения совести и жалел об ошибках, допущенных им в те ужасные годы...

В то время «пролетарская литература» была социальным выражением сталинской эпохи. Почти все произведения писались под диктовку властей. И по-другому не могло и быть. А литература, призывающая к идеям гуманизма, общественному самосознанию, проповедующая искренние чувства, порядочность и романтическую красоту, отвергалась и уничтожалась, как «вражеская пропаганда». На сцене появлялись вымышленные «положительные» герои, лишённые всяких человеческих чувств, и они боролись с вымышленными «врагами народа».

Но, оказывается, среди представителей «вражеской» литературы, которые были расстреляны или сосланы и провели долгие годы в сибирском аду, остались и те, кого упустили из виду... И в эти страшные годы, совершенно неожиданно, ответом на статью Алигейдара Караева, напечатанную в газете «Коммунист», вышло «Открытое письмо в Общество пролетарских писателей Азербайджана», автором которого был Микаил Рзагулузаде. Он писал, что стихотворение, за которое была раскритикована Нигяр Рафибейли, принадлежало ему. Неизвестный мне Микаил Рзагулузаде представлялся мне героем, средневековым рыцарем» [6; 7-9].

К сборнику «Стихи» Нигяр Рафибейли была написана статья «Девушка-поэт», автором которой был Али Назим. В статье так же звучала жесткая критика в адрес поэтессы:

«Она еще слишком юная. Слишком молода в суждениях и вдохновении. И даже в попытках казаться более опытной и повидавшей жизнь, она не может скрыть свою юность:

Слова –

Прошли предо мной шаг за шагом годы борьбы

От души вспомнила те мятежные годы –

должны быть приняты как неправдоподобное художественное вступление. В некоторых стихах она не может справиться с темой, материалом. И поэтому, в большинстве случаев стихи написаны по принуждению. В них только разум, а необходимые чувства, волнение задавлены схематичным набором слов. В стихотворениях «Баку» и «Пушкин» властвуют перенятые из книг впечатления, мысли.

Нельзя не отметить и третью отрицательную особенность стихов Нигяр. Одной из них является социализация Нигяр, неточности в стихах «Баку» и «Пушкин», образованные «крайне левым» схематизмом – это итог ее юношеской неопытности. «Письмо» Нигяр выражает идеи, скрытые в подсознании и уже давно ожидающие своего признания. Это очень сильное лирическое стихотворение посвящено теме расставания с «прекрасным другом». Обращенные к «прекрасному другу» слова очень точно характеризуют его:

Ты теперь далеко, вдали от нас,

Путь твой темнее ночи, ночь стала твоей дорогой...

Быть может, ночью плачешь, днем вспоминаешь нас,

Быть может, тоскуешь по родине, давно покинув ее.

Вероятно, это не «прекрасный друг», а чужестранец, друживший с поэтессой. Сама поэтесса говорит «корабль ушел вдаль, тогда мы и расстались» и «мы с тобой давно стали неразлучной парой». Особенность, являющаяся центральной в стихотворении, посвященном воспоминаниям о таком «друге» и разлуке с ним – невозможность создания здоровых и постоянных отношений с таким человеком. Поэтесса, неуверенная в отношении «друга» к ее письму, в конце пишет: «быть может когда-нибудь мы встретимся на перепутье» и «быть может воскресим любовь», предается туманным грезам. И эти грезы ее волнуют. И только в конце добавляя «быть может бросим камень друг в друга с противоположных линий фронта», поэтесса не исключает вероятность борьбы. Но какая слабая вероятность! Какая медлительность в подготовке к борьбе! Неужели Нигяр мечтает воскресить любовь не с «прекрасным другом», а с чужестранцем, врагом? Не противоречит ли это декларации из стихотворения «Анкета»? По признанию автора, «золотая страна» ни на миг не оставляла ее, всегда вела по жизни. Так не обманывала ли эту страну Нигяр? Нет. Мы считаем, что прошлое Нигяр взяло верх над сегодняшними днями, невольно ослабило ее. Так не должна поступать советская поэтесса – солдат, командарм, летчик и поэт страны гигантов.

Мы хотели бы, чтоб Нигяр искоренила эти пережитки в своем подсознании!...» [4; 170-174]

Конечно же, эти ошибочные заключения, данные Али Назимом о стихах юной поэтессы, являются требованием того времени. Большинство поэтов того времени, отличавшихся искренностью, говорящих «голосом души», а не по диктовке существ-

вующей власти, подвергались жесточайшей критике. Делалось это для того, чтобы отдалить их от выбранного пути, от принципов, идеологии.

Образы в произведениях Нигяр Рафибейли взяты из жизни. Но изображая их не такими, какие они на самом деле, а такими, какими видит их сама, Нигяр хотела отличаться от своих современников.

Анна Ахматова так же не писала по указке властей. Ахматова – независимый, свободный поэт, творивший по собственному желанию. И Нигяр Рафибейли, и Анна Ахматова не довольствовались фактами, взятыми из жизни. Они, используя все возможности воображения, пытались создать, не виданных ранее художественных героев. В стихотворении-обращении «Мой светлый мир» [5; 44] Нигяр Рафибейли пишет:

*Мир, открой мне свою тайну,
Отчего сияешь, меркнешь отчего?
Держа такую ношу на своих плечах,
Ты можешь вращаться вокруг своей оси?*

А в произведениях Анны Ахматовой мы можем увидеть образ человека, недовольного несовершенным миром:

*Мир не видал такой нищеты,
Существа он не знает неправней,
Даже ветер со мною на ты.
Там, за той оборвавшейся ставней. [2; 376]*

Одни только названия стихов Нигяр Рафибейли, привлекающие внимание к творчеству поэтессы «Попросила юности у солнца», «Когда восходит солнце», «Путешествие по временам года», «Давайте приветствовать город», «Травы, зеленющие осенью», «Не бойся солнца», «Тучи», «Море», «Гвоздики», «Лесные птицы», «Меня ждет море» и т.д., говорят о том, какой тонкой, лирической и чувствительной натурой она являлась.

Анна Ахматова так же использовала в своих лирических произведениях богатые, живые цвета природы. В ее стихах, так же как и в стихах Нигяр Рафибейли, часто встречаются названия, связанные с природой: «райский сад», «цветы», «ивовые листочки», «последняя весна», «увядший венок» и т.д.

Помимо этих особенностей, Анну Ахматову и Нигяр Рафибейли связывает еще и искреннее чувство: любовь к родине, привязанность к родной земле. Обе они любят родину, слагают ей песни. А во времена Великой Отечественной войны, их стихи, посвященные родине, обошли всю страну и были у всех на устах. В стихотворении «Клятва», написанном в 1941-м году, Ахматова писала:

*И та, чтож сегодня прощается с милым, -
Пусть долю свою она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилами,
Что нас покориться никто не заставит! [2; 198]*

А Нигяр Рафибейли к этой теме писала:

*Иди, мой мальчик, удачи тебе,
Любовь к Родене пусть поможет тебе.
На языке святое имя Родины,*

*Ура тебе, о Храбрый сын Родины.
Приноси тысячи побед с дорог, которых идешь,
Приноси хорошую весть из кровавой битвы боя [5; 72].*

Несмотря на то, что в поэзии Анны Ахматовой и Нигяр Рафибейли всегда была готовность к борьбе, обе поэтессы пропагандировали нежные, тонкие чувства. Основной темой поэзии Ахматовой и Рафибейли была тема любви. Правда, считают, что в поэзии Анны Ахматовой любовь равнозначна горю. Но несмотря на то, что любовь – это желание, тоска, беда, чахотка, чума, эвакуация, ссылка и все такое, для Анны Горенко – это жизненный стимул. Ни первый муж Анны Ахматовой поэт Н.С.Гумилев, ни «люди», которых она впоследствии любила, не смогли сделать ее в достаточной мере счастливой. Настолько, насколько была достойна Ахматова. Недостаток любви и внимания в жизни, перейдя в творчество, стали основной темой в произведениях Ахматовой:

*А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник – только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная ступень. [2; 7]*

Она даже произносит тост за счастье:

*Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, -
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что бог не спас. [2; 187]*

Исследовав творчество двух великих личностей, мы нашли всего лишь одну отличительную особенность. В отличие от Анны Ахматовой, источником вдохновения Нигяр Рафибейли был ее муж Расул Рза. Не могу утверждать, что сыграло в этом роль – национальная ли принадлежность или ее безграничная любовь к мужу, только все любовные стихи Нигяр Рафибейли были посвящены мужу Расулу. В своей статье «Нигяр Рафибейли», посвященной поэтессе, Гюльрух Алибейли пишет: «Семейный союз двух независимых талантов, двух великих личностей должен быть сложным и противоречивым, так как каждая из сторон должна сохранить свою индивидуальность, самолюбие. Брак двух таких независимых людей не часто оказывается долгосрочным, так как, подвергшись насилию, один из них обязательно взбунтуется, согласится на развод, но не потерпит унижения самолюбия (об этом говорит неудачный брак А.Ахматовой, автор). Благополучие семейного союза Расула Рза и Нигяр Рафибейли построено на трех факторах: искренняя любовь, высокая духовность и культура, имеющие многовековую историю семейные традиции. Эти три фактора превратили отличающийся своею поэтичностью, нежностью и искренностью семейный союз Нигяр Рафибейли и Расула Рзы, в пример для подражания, в феномен в истории нашей культуры. Расул Рза был счастливым мужем, главой семьи:

*Дорогая моя подруга!
Дни наши прошли в прекрасных мечтаниях,
Не скажу, что дни прошли бурно
Была зима, была весна
Иногда радостей было меньше чем горестей... [3; 113-116]*

Мы считаем, что наряду с примечаниями Гюльбрух ханум, есть еще одна главная причина: жизненные испытания в трудный противоречивый период, когда редко кто мог пережить все тяготы репрессий, превратили супругов в соратников. Анна Ахматова с Л. Гумилевым жили в то же трудное время, при тех же исторических условиях, но не сумели вместе пережить призрак репрессий.

Анна Ахматова не была слишком продуктивной поэтессой. Нигяр Рафибейли тоже писала мало, смогла реализовать только малую часть своего таланта, очень мало печаталась. Но произведения обеих поэтесс были продуктом настоящей поэтической души.

Анна Ахматова любила Пушкина, Нигяр Рафибейли – Физули. Отношение обеих к национальному классическому наследию, современной мировой литературе и искусству, культуре было практически одинаковым. И Ахматова, и Рафибейли обогащали родную литературу не только своими оригинальными произведениями, но и, одновременно, занимались переводами произведений классиков мировой литературы. Правда, Ахматова много раз просила, чтобы после ее смерти переводы стихов не печатались. Так как этими переводами она зарабатывала себе на хлеб. Однако, сделанные Ахматовой переводы произведений китайской, корейской, индийской, французской, болгарской, татарской, еврейской, грузинской литературы и по сей день пользуются успехом у читателей. Нигяр Рафибейли перевела на азербайджанский язык «Ифигению» Эврипида, «Хитрость и любовь» Шиллера, пьесы «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» Чехова, «93-й год» Гюго, «Овод» Войнич. Благодаря ей увидели свет переводы на наш язык произведений Месхети, Низами, Навои, Данте, Пушкина, Лермонтова, Адама Мицкевича, Шандора Петефи, Шелли, Роберта Бернса, Косты Хетагурова, Акакия Церетели, Григола Абашидзе, Ярослава Абашидзе, Марины Цветаевой, Людмилы Татьяничей, Блага Дмитрова, Амирты Питам и многих других видных поэтов.

Мое внимание привлекло стихотворение Анны Ахматовой «Перед весной бывают дни такие», так как оно переплетается с нашей темой. Ахматова написала это стихотворение летом 1915-го года:

*Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела
Как новую, с волнением поешь. [2; 110]*

Нигяр Рафибейли:

Yaz qabağı elə günlər olur ki,

*Qalın qar altında çöllər dincəlidir.
Əsir həzin-həzin ilıq küləklər
Quru ağacların sədası gəlir.
İnsanın bədəni çox gümrəh olur,
Öz köhnə evini tanımır bəzən
İnsanı bezdirən köhnə nəğmələr
İnsana xoş gəlir sanki yenidən. [5; 284]*

Как видим, стихотворение легко читается, здесь уместно использованы поэтические приемы, без каких-либо художественных изъятий. Перевод был сделан на профессиональном уровне поэтом-переводчиком и нет надобности в излишней демонстрации.

В 1964-м году в Италии 75-летняя Анна Ахматова была удостоена премии «Этна-Таормина». Награждение должно было состояться в городе Катанья. Можно себе представить насколько тяжело далось больной женщине это путешествие. Позже она рассказывала друзьям «как растерялась, увидев высокие ступеньки, ведущие во дворец». Она часто отмечала, что если бы она тогда упала, ее пришлось бы поднимать туда в кресле. А такого позора она бы не вынесла. 19 августа 1981-го года в газетах был напечатан указ Верховного Совета о присуждении Нигяр Рафибейли звания народного поэта. В то время Нигяр ханум уже тяжело болела. И все кроме самой уже знали, насколько это серьезно, что болезнь неизлечима... Нигяр ханум так и не узнала о кончине своего супруга... Смерть будто стеснялась ее... Прожила она всего 68 лет...

После смерти Анны Ахматовой, друзья, присутствовавшие на ее похоронах, писали: «Только стоя у гроба Ахматовой мы поняли, что потеряли великого русского поэта». То же самое можно сказать и о Нигяр Рафибейли. Только после ее смерти мы поняли, что потеряли прекрасного азербайджанского поэта.

Выводы и перспективы. И Анна Ахматова, и Нигяр Рафибейли оставили после себя свойственное только им поэтическое наследие. Проведенный нами анализ жизненных и творческих параллелей Анны Ахматовой и Нигяр Рафибейли, не могут в полной мере раскрыть нам образы этих талантливых женщин. Со временем будут продолжены более подробные исследования жизни и творчества этих великих поэтесс, и их произведения будут звучать на разных языках.

Литература

1. Ахматова А. А. Во вратах рая (сборник стихов) / Перевод на азербайджанский Чингиза Алиоглы. – Баку : Юрд-Гапп-Полиграф, 2000.
2. Ахматова А. А. Сочинения / Ахматова А. А. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. I. – 511 с.
3. Алибейли Г. Наш мыслящий мир / Алибейли Г. – Баку : Наука, 1998.
4. Гусейнов Р. Свет двух жизней / Р. Гусейнов, Н. Шамсизаде. – Баку : Юность, 1987.
5. Рафибейли Н. Я. Память славного рода / Рафибейли Н. Я. – Баку : Юность, 1993.

Наджафова А. Г. Анна Ахматова та азербайджанська поетеса Нігяр Рафібейлі / А. Г. Наджафова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 78-86.

У даній статті наводяться відомості про життя і творчість Анни Ахматової, нові придбані якості її творчості, які характерні для Східної літератури, виявляються жанрові і тематичні подібності зі Східною літературою.

Ключові слова: література, творчість, Ганна Ахматова, Нігяр Рафібейлі

Nadzafova A. G. Anna Akhmatova and Azerbaijan woman poet Nigar Rafibeyli / A. G. Nadzafova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 78-86.

Anna Akhmatova is one of the best-known Russian poets of the 20th century. This article informs its readers about the influence of Eastern Literary Milieu on her activity and acquaints them with her life period in Tashkent. During World War II Anna Akhmatova was evacuated to this city.

Keywords: literature, creativity, Anna Akhmatova, Nigar Rafibeyli

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК.398.2

**ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ЭПОСОВ
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ
(НА ОСНОВЕ «ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
УСТНОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»)**

Сеидова Г.А.

*Институт Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Напечатанные в журнале «Исследования по азербайджанской устной народной литературе» статьи об эпосоведении составляют основной фундамент азербайджанского эпосоведения. Значимая часть изданных об азербайджанских дастанах статей охватывают общетеоретические проблемы эпосоведения.

Ключевые слова: эпос, научный журнал, исследования, эпосоведение

Постановка проблемы. Журнал «Исследования по азербайджанской устной народной литературе» (далее «Исследования»- Г.С.) (1961-2010) сыграл большую роль в развитии Азербайджанской фольклористики. Напечатанные в журнале статьи об эпосоведении составляют основной фундамент Азербайджанского эпосоведения. Значимая часть изданных об азербайджанских дастанах статей охватывают общетеоретические проблемы эпосоведения. Среди этих статей важное место занимают вопросы классификации эпосов. С этой точки зрения, привлекает внимание, в первую очередь, статья М.Г.Тахмасиба «Об одном виде наших дастанов». Автор посчитал целесообразным выделить в статье и отдельно изучить один из видов азербайджанских дастанов, не упоминавшийся в советский период. Это дастаны религиозного характера [1, 3].

М.Г.Тахмасиб, рассказывая о дастанах с религиозным содержанием, или как он сам писал, «дастанах религиозной пропаганды», охарактеризовал их как отдельный вид следующим образом: «Такого типа, такого духа, такого намерения произведения встречаются среди эпосов и героического, и любовного мотива; однако изображение, воспевание ни любви, не геройства в них целью не является. Основной целью разработанных в этом ключе эпосов является религиозная пропаганда. Эти эпосы отличаются даже от произведений типа «Курбани». В «Курбани» в каком-то смысле, в каком-то виде, каким-либо творческим стилем, в любом случае, говорится о любви. Эта любовь, хоть и метафорична, является любовью, и составляет основу эпоса. В дастанах религиозной пропаганды же любви или нет вовсе, или же она является лишь фоном, средством» [1, 3].

Согласно исследователю, «дастаны религиозной пропаганды» могут быть на основе как героического, так и любовного мотивов. Он пишет: «Самым лучшим образцом дастана религиозной пропаганды, построенного на мотивах геройства, явля-

ется «*Doxa Qosa oğlu Dəli Domrul boyu*» («Песнь о Дели Домруле сыне Доха Годжа») «Китаби-Деде Коркуда» [1, 4].

М.Г.Тахмасиб, говоря о «дастанах религиозной пропаганды», построенных на любовном мотиве, повествовал о дастане под названием «Салех и Мелекуззаман». Автор, подчеркнув отсутствие перспектив в издании этого эпоса, сначала пересказал его содержание. Охарактеризовавший затем эпос с поэтической точки зрения исследователь показывает, что оно является любовным эпосом, обладающим героическими мотивами, даже авантурными приключениями. И здесь, как во всех любовных эпосах, есть и *buta*, есть и *badə*, и *aşıqlıq vergisi*, и поход за *buta*, и испытание, и счастливая встреча.

Салех, как и сазом, мастерски владеет и луком, мечом, поэтому мы называем это произведение «дастан на границе». Однако при всем этом основной целью этого эпоса является не воспевание любви, и не изображение героизма, основная идея произведения заключается в высказывании преимущества исламской религии над всеми остальными религиями, отображение верности истинного мусульманина своей религии даже перед лицом смерти, умения научить даже самого сильного врага келмеи-шехадат (одному из пяти правил мусульманина), призыва к распространению ислама, в их идеализации и пропаганде [1, 12].

Хотя в статье Х.Алиевой «Мамедгусейн Тахмасиб об эпосном творчестве» объектом изучения была деятельность, связанная с эпосным творчестве в целом, в работе центральное место занимает данная М.Г.Тахмасибом эпосам классификация. Х.Алиева пишет, что научная деятельность М.Г.Тахмасиба не ограничивалась только этой сферой, в многогранном, глубоком творчестве выдающегося исследователя изучение народных эпосов занимает особое место [2, 139]. В дальнейшем Х.Алиева, останавливаясь на знаменитом разделении ученого – эпосоведа, пишет: «М.Г.Тахмасиб так классифицировал азербайджанские эпосы:

I. Героические эпосы. У нас встречаются 3 вида эпоса, входящих в эту группу:

1. Древние богатырские сказки, волшебные сказки, созвучные с мифическими воззрениями героические эпосы

2. Героические эпосы, созвучные с историческими событиями.

3. Обычные героические эпосы.

II. Любовные эпосы. Встречаются следующие образцы эпосов, входящих в эту группу

1. Эпосы, находящиеся на границе любви и героизма.

2. Настоящие любовные эпосы:

а) любовные эпосы, связанные со сказками;

б) любовные эпосы, связанные с древним эпосом;

в) любовные эпосы, связанные с письменной литературой;

г) оригинальные любовные эпосы.

3. эпосы, посвященные иносказательной любви:

а) астральные эпосы;

б) аллегорические эпосы.

III. Семейно-нравственные эпосы» [2, 141-142]

В статье Х.Алиевой «Мамедгусейн Тахмасиб о классификации азербайджанских эпосов» были последовательно охарактеризованы исследования, проведенные на основе вышеуказанного разделения ученым-эпосоведом, затронуты характерные взгляды исследователя о каждом виде и относящихся к ним примерах.

Согласно Х.Алиевой, разделение на виды М.Г.Тахмасибом Азербайджанских народных дастанов путем классифицирования, их глубокий анализ на уровне фольклороведческих достижений проведением внутреннего разделения, открыло широкие возможности для последующих исследователей [3, 120].

Исследователь в своей статье «Мамедгусейн Тахмасиб о героических эпосах», пойдя тем же путем, на этот раз подверг анализу взгляды ученого-эпосоведа о характерных свойствах героических дастанов. Х.Алиева дала в статье знаменитое разделение М.Г.Тахмасиба о классификации эпосов, по ходу дела провела сравнительный анализ взглядов исследователя с другими взглядами [4, 60].

После М.Г.Тахмасиба одним из заметных исследований в области классификации эпосов является статья Ф.Баята «Тюркские эпосы в этнико-культурном контексте (особенности и вопросы классификации)». В произведении задачи были поставлены в 5 направлениях:

- а) Тюркские эпосы с точки зрения жанровых особенностей [5, 3];
- б) Тюркские эпосы в культурном контексте [5, 6];
- с) С точки зрения классификационного опыта тюркских эпосов [5, 8];
- д) Классификация тюркских эпосов с точки зрения культурной парадигмы [5, 17];
- е) Стиль эпоса, язык эпосов [5, 20].

Ф.Баят так определил основные для всех тюркских эпосов жанровые особенности: «Несмотря на различия эпосных традиций в тюркском мире, есть неизменное правило от дастанов с архаичной структурой до ветви называемых нами классическими дастанов. И оно заключается в том, что владея длинной сюжетной структурой, дастаны обеспечивают жизнеспособность самой обширной сокровищницы словесной культуры. Этот длинный структурный сюжетный жанр во всех случаях есть представление героической жизненной биографии. Этот герой является ставшим символом нации персонажем, освобожденным от личных особенностей, стремлений и желаний, национальный характер которого типизирован» [5, 3].

Автор пишет, что написанные до сих пор классификации можно группировать в следующем порядке:

1. Классификации по историко-культурным особенностям. Сюда были включены эпосы, сгруппированные под названием доисламских и послеисламских дастанов.
2. Классификации, написанные исключительно на основании тематики
3. Классификации по географии формирования или областям распространения дастанов
4. Классификации эпосов на основании текста по их архаизму и новизне, историчности и мифологичности [5, 6-7].

Ф.Баят, оценивавший классификации, данные тюркским эпосам в общем, указывает, что наряду с первыми работами по сбору и изучению были проведены и классификационные действия. Однако до сего дня не написана классификация, ко-

торуую бы приняли все исследователи, и самое главное, которая передала бы в полной мере функции и структуру тюркских дастанов, их жанровые особенности. В то время как турецкие научные деятели пытались написать общую для тюркских народов классификацию эпосов, фольклористы, живущие в бывшем Советском Союзе, старались классифицировать дастаны народов, к которым они принадлежали. Идеологические и политические причины этого необходимо искать в отсутствии тюркского сознания и видении народов с тюркскими корнями себя независимыми. Поэтому имеющие более высокую теоретическую подготовку советские фольклористы лишь замкнулись в узкой сфере и написали классификацию, отвечающую принципам народности.

Однако в силу не выдачи закрытым и тоталитарным советским режимом разрешения иностранным гражданам, особенно стран НАТО, на изучение словесной культуры живущих в Советском Союзе тюркских народов, фольклористы Турции старались написать общую классификацию эпосов в очень сложных и ограниченных условиях [5, 9].

Согласно автору, самая распространенная в Турции классификация представляет собой абстрактную классификацию доисламских и послеисламских эпосов [5, 9]. Несмотря на достаточное исследование дастанов, живущих в Советском Союзе тюрков, прошлые советские научные деятели написали классификацию с этническими особенностями (только эпосное творчество исследуемых тюркских народов) [5, 9].

Ф.Баят, обратившись в статье к опыту классификации тюркских эпосов, по ходу высказывая к ним отношение, представил классификационные модели, данные такими учеными как Фуад Керпюлю, Нихал Атсыз, З.Валиди Тоган, Шюкрю Эльчин, Ф.Гадри Тимурташ, Нихат Банарлы, Неджати Себетчиоглу, О. Чобаноглу, Умай Гюнай, А.Озтурк, К.Етиш, С.Суразаков, А.Маргулан, А.Коньратбаев, М.Авезов, М.Г.Тахмасиб, В.Жирмунски и Г.Зарифов [5, 10-17].

Классифицирующий тюркские эпосы с точки зрения культурной парадигмы Ф. Баят показывает, что отложив все эти классификации в сторону, тюркские эпосы можно разделить на две группы – архаичные и классические [5, 17]. Архаичность не должна пониматься как недостаток, так как если древность есть историко-хронологическое понятие, то архаичность является термином структурно-типологическим. В этом случае тюркское эпосоведение состоит из охватывающий эпосы с архаичной восточной структурой, и охватывающей классические эпосы западных ветвей. Входящие в восточное творчество эпосов якутские, тувинские, алтайские, шорские, хакаские эпосы архаичного типа. Архаичность проявляется в сравнении с составляющими западную ветвь традициями огузских, кипчакских, карлугских эпосов. Эти две ветви тюркской культуры эпосов отличаются друг от друга общественно-политическими, историческими, социальными и религиозными особенностями [5, 17].

Выводы и перспектива. Анализ статей о классификации эпосов приводит к следующим выводам:

Во-первых, вопрос классификации эпосов очень важен не только в связи с азербайджанскими дастанами, но эпосами тюркских и мировых народов в целом. На

самом деле, без классификации эпосов невозможно объективное изучение эпической системы.

Во-вторых, хотя различные исследователи в разные времена в Азербайджанском эпосоведении и предлагали те или иные разделения в связи с классификацией эпосов, среди них основное место занимает разделение М.Г.Тахмасиба. Исследования показывают и то, что самая успешная черта классификации М.Г.Тахмасиба обуславливается 2 факторами:

1. В разделении особенно был учтен классификационный опыт советских ученых-эпосоведов в области классификации тюркских дастанов.

2. В разделении, можно сказать, целиком были охвачены история и современный фонд азербайджанских дастанов

Все сказанное обуславливает актуальность разделения М.Г.Тахмасиба. С другой стороны, и в других классификациях эпосов, предложенных в азербайджанской фольклористике, разделение М.Г.Тахмасиба было взято за основу. По этой причине можно сказать, что в азербайджанской фольклористике пока не было предложено новое разделение, полностью отличающееся от классификации М.Г.Тахмасиба.

В-третьих, классификация эпосов, предложенная Ф.Баятом, охватывает не локальные варианты (национальные эпосы отдельных тюркских народов), а эпосы всех тюркских народов. Предложенная автором архаичная и классическая классификационная модель тюркских эпосов отражает в себе структурную типологию эпосов. Хотя с типологической точки зрения разделение на архаичный и классический эпос является приемлемым и для азербайджанских дастанов, в нем не находят себе места классификационные детали национальных дастанов, имеющиеся в разделении М.Г.Тахмасиба.

Литература

1. Тахмасиб М. Г. Об одном виде наших эпосов / М. Г. Тахмасиб // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. – Баку : Эльм, 1973. – Т IV. – С. 3–22 (на азерб. языке) .

2. Алиева Х. Об эпосном творчестве / Х. Алиева, Мамедгусейн Тахмасиб // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. – Баку : Сада, 2005. – Т. XVIII. – С. 139–153 (на азерб. языке).

3. Алиева Х. О классификации азербайджанских эпосов / Х. Алиева, Мамедгусейн Тахмасиб // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. – Баку : Нурлан, 2008. – Т. XXVII – С. 101–120 (на азерб. языке).

4. Алиева Х. Мамедгусейн Тахмасиб о героических эпосах / Х. Алиева, Мамедгусейн Тахмасиб // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. – Баку : Нурлан, 2007. – XXVI. – С. 93–110 (на азерб. языке).

5. Баят Ф. Тюркские эпосы в этнико-культурном контексте (особенности и вопросы классификации) / Ф. Баят // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. – Баку : Нурлан, 2007. – Т. XXVI. – С. 3–37 (на азерб. языке).

Сеїдова Г.А. Проблеми класифікації народних епосів в азербайджанській фольклористиці (на основі «Дослідження з азербайджанської усній народній літературі») / Г.А. Сеїдова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 87-92.

Надруковані в журналі «Дослідження з азербайджанської усній народній літературі» статті про епосознавство складають основний фундамент азербайджанського епосознавства. Значна частина виданих про азербайджанських дастанах статей охоплюють загальнотеоретичні проблеми епосознавства.

Ключові слова: епос, науковий журнал, дослідження, епосознавство

Seyidova G.A. Problems of classification of national eposes in Azerbaijan folklore (on a basis «Researches the Azerbaijan oral national literature») / G.A.Seyidova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 87-92.

Articles printed in «Researches the Azerbaijan oral national literature» scientific magazine about eposes make the basic base Azerbaijan epos creativity. A significant part published about Azerbaijan eposes articles cover general-theoretical problems of eposes.

Keywords: the epos, scientific magazine, researches, epos creativity

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

УДК. 821.512.162

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МУХАММЕДА ХАДИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ИГБАЛ»

Гарибли И.

*Институт Литературы им. Низами НАНА, г. Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Вернувшись из Турции в Азербайджан, М. Хади возобновляет свои связи с печатью и приступает к работе в редакции газеты «Игбал». Помимо работы в газете, он периодически публикует там свои стихи, статьи и переводы. И в этих произведениях основным вопросом, волнующим М. Хади, была судьба азербайджанского народа, вопрос свободы восточной женщины. Поэт превратил в объект обсуждения ряд общечеловеческих проблем.

Ключевые слова: свобода женщины, человеческая любовь, вера в будущее, общество, идеал свободы

Постановка проблемы. Проживавший с конца 1910 по конец 1913 года в Турции – Истанбуле, переживший всевозможные невзгоды, арестованный, сосланный в ссылку в Салоники и чудом спасшийся оттуда, больной, перенесший душевное потрясение М.Хади «в раскаянии смог вернуться в конце 1913 года в Баку» [1, 196], получив благодаря близкой поддержке Кара бека Карабейли лечение, он начал работать в газете «Игбал» [2, 15-16] и к концу 1914 года до участия в Первой мировой войне в составе «Татарского полка» выступал на страницах газеты со своими стихами, публицистическими произведениями, а также переводами. Первым произведением М.Хади, опубликованным в газете «Игбал», владельцем и директором которой был Сеид Гусейн, было стихотворение «Чине лятиф» («Нежное создание») [3, №532]. Как и другие произведения поэта на тему свободы матерей-женщин, это стихотворение общественного содержания тоже стало протестом, восстанием против строя, который довел женщину до плачевного состояния, превратил ее в бесправное существо. Жизнь восточных женщин в представлении М.Хади подобна духу Востока. Поэт, уподобляющий вуаль, которой женщины покрывали лицо, темной судьбе нации, а черную одежду – восточной среде, отмечает, что женщина, у которой отняли права, будучи живой, становится «живой смертницей» – смертной в руках деспотов. Нет суда, справедливости, чтобы противостоять этому. Похоже, что природа и общество одарили женщину лишь страданиями. Тому свидетельство хиджаб женщин. Поэт надеется, что так не будет продолжаться, отношение к женщине изменится, поскольку это требование века, приговор времени. М.Хади выражает свои надежды следующими словами:

*Придет тот день, когда весна проснется,
И разом вдруг восстанут все вокруг.
Пробьется блеск сиянья ваших лиц изящных.
Придет тот день, и в изобилии распустятся цветы ваших садов,
А в ваших душах будет суждено храниться розовой воде [4, 219].*

(Подстрочный перевод)

В последнем двустишии стихотворения поэт с уверенностью утверждает, что пока женщины не будут освобождены из темных заточений, невозможно проявление светлых чувств и счастья человечества. Как отмечает в своей ценнейшей статье о М.Хади Б.Вахабзаде, «по мнению Хади, пока не будет свободна мать, которая воспитывает полезных для общества людей, общество не сможет стать счастливым» [5, 40-41]. «Плачущие стихи» (*Газета «Игбал», 17 февраля 1914, № 580*), посвященные «Мастеру Акрему», написаны в связи со смертью видного турецкого поэта Махмуда Акрема Раджаизаде. В этом произведении М.А.Раджаизаде восхваляется как мастер искусства, имя и произведения которого будут жить вечно. Хотя стихотворение «Песни женщин», написанное на тему свободы женщин, было опубликовано в газете «Игбал» за №581 от 18 февраля 1914 года, однако в «Избранных произведениях» дата его издания показана как 17 февраля 1914 года, №586 [6, 426]. Стихотворение «Азхари-афкар» («Ясные мысли») [8, 224-225] в «Избранных произведениях», опубликовано в газете под названием «Зачем же ясные мысли?» (*Газета «Игбал», 24 февраля 1914, №586*). Данному стиху, задуманному как сравнение восточного и западного миров, отражающему жалкую в отличие от западных жизнь восточных женщин, дан такой подзаголовок: «Посвящено почтенному учителю, брату Ганизаде Султанмеджиду». Автор дает следующие толкования стихотворению, в конце которого стоит подпись «Абдулсалимзаде Мухаммед Хади» и с большим уважением упоминаются имена великих деятелей искусства Шекспира и Шиллера: «1. Человек, сравнивая культуру и Восток, стоит перед вопросом «зачем?»; 2. Знаменитый немецкий поэт Шиллер тоже был очень бедным. Он жил за счет продажи своих стихов в газеты». Напомним, что со стороны составителей ни эти замечания, ни посвящение стихотворения С.М.Ганизаде не были занесены в книги без надобности. Трех куплетное стихотворение «Весть о возлюбленной» («Паямидиларам») (*Газета «Игбал», 25 февраля 1914, №587*), посвященное проблеме свободы женщины, написано в связи с поступлением в женский университет в Истанбуле и дано такое примечание автора, которое было сокращено и не указано составителями книги: «О поступлении турецких женщин в университет пишут последние газеты Истанбула». Стихотворение «Осенние размышления» М.Хади, включенное в «Избранные произведения» и отражающее непосредственно идею свободы поэта, опубликовано в газете под названием «Осенние размышления: постойте», в подзаголовке к нему говорится: «Брату моему Расулзаде Мухаммеду Эмину». Дата написания стиха в газете указывается как «Баку, 28 февраля 1914» (*М.Хади. «Осенние размышления: постойте» (стихотворение). Газета «Игбал», 28 февраля 1914, №590*), ни примечания в подзаголовке, ни в конце стихотворения в «Избранных произведениях» не указаны. Напомним, что в то время директором газеты «Игбал» был Мухаммед Али Расулзаде, а главным редактором – Мухаммед Эмин Расулзаде. Первому полустишию 16-го двустишия стихотворения: «Бездвижимость подобна смерти, любое дело есть исцеленье», М.Хади дает такое толкование: «Почтеннейший Фикрет говорит, что истина в силе, а значит в руках злодеев. Светлейшая мудрость: всегда поверженным бывает невиновный». На самом деле это толкование позволяет раскрыть идею стиха. Так, в произведении поэт хочет сказать своему другу

М.Сабиту, что его цель – прожить достойную мужчины жизнь, а чтобы добиться этого, нужно бороться.

Хотя второе стихотворение в форме маснави и написано как посвящение «Другу А.Сабуру», однако речь здесь идет о великом турецком поэте Тофике Фикрете и о пользе его произведений турецкому народу. Не случайно, что стихотворение автора называется «Отец Халуга», поскольку Халуг был сыном Тофика Фикрета, обучающегося на инженера. В своей статье «Радостная весть для литературных энциклопедий», опубликованной в газете «Седа», М.Хади говорит не только о Тофике Фикрете, его произведениях, но и о Халуге (газета «Седа», 12, 13, 14 июня, 1911; №89, 90, 91). Спустя всего 6 дней после начала Первой мировой войны, в газете «Игбал» публикуется стихотворение Хади «Победа смеха» (М.Хади. «Зачем же ясные мысли?») (стихотворение). Газета «Игбал», 24 февраля 1914, №586). В этом стихотворении, сыгравшим вступительную роль для произведений военного цикла, поэт не показывает ужасов войны, и даже не делает попыток, однако указывает, что эта «игра», подобная шахматной, заставит одних смеяться, других же плакать. В обоих случаях; и смеющимся, и плачущим будет человек, а значит:

Кто впал в недоумение, удел тому досада,

Кто в недоуменье погрузил, быть в радости отвага.

Даже после возвращения из Турции М.Хади, проявляющий большой интерес теме женщины и ее места в обществе, подавляющей ее среды, пишет стихи «Распустившиеся цветы» («Новханде чичеклер») (Газета «Игбал», 9 июня 1914, №673) и «Подобна горю печальная красота» («Тимсали-мелал, хусни-мехзун»). Первое стихотворение, написанное 4 июня, и с надписью под заголовком «Посвящаю только расцветающие стихи ангелам-подросткам» поэт включил в книгу «Величие любви» («Эшг мохташем») [8, 40-41], а второе стихотворение не вошло в книги, изданные при жизни поэта. В первом стихотворении строками «Сплетенная из тьмы ночной одежда», автор горько сетует на судьбу восточной женщины, проклинает время и строй, которые привели ее в такое состояние, говорит о свободе женщин Запада и, наконец, обращаясь к женщине с вопросом «Не уж-то то судьба волос твоих восточная печаль?», М.Хади смог отразить апатию Востока, изображая во втором стихотворении картину, свидетелем которой ему удалось стать. Из семи куплетного стихотворения в рифме «абба» становится очевидным, что по дороге поэту повстречалась женщина с «богатой красотой, но бедным достатком». В представлении поэта слова «сошедшая с небес девица» являются знаком горестной судьбы, всех невзгод, осевших на лице этой красавицы, способной оживить мертвых как дух Масиха: весь внутренний мир этой «безмолвной, с красноречивыми глазами» красавицы, ее чувства и переживания можно разглядеть в ее взорах. Эта красавица молвит не словами, а взором, и сквозь эти очи пробивается все то горе, что на душе у нее. Стихи М.Хади «Ясные и светлые мысли» (Газета «Игбал», 7 сентября 1914, №731), как продукт суждений о вопросе «Каким должен быть стих и как его писать?», «Впечатления с театра военных действий» (Газета «Игбал», 21 сентября 1914, №744), как выражение светлого будущего общества, «Надежда – это дух театра-жизни» (Газета «Игбал», 25 сентября 1914, №747), как ответ на вопрос «Как следует служить Родине и народу?», будучи продуктом глубоких философских мыслей

великого мыслителя, также являются яркими образцами общественно-философской лирики тех лет.

В газете «Игбал», помимо стихов, издавались также статьи и переводы М.Хади. В статье «Мои горькие наблюдения в Турции» (*Газета «Игбал», 26 февраля 1914, №588*) поэт, который отправился в Турцию с большими надеждами, горько сетуя на увиденное и пережитое там, пишет больше о своих размышлениях по поводу литературы и искусства. Статья «Открытое письмо» (*Газета «Игбал», 3 августа 1914, №703*) в 698-м номере газеты «Игбал» была своего рода ответом на письмо с подписью «М.М.», обвиняющим М.Хади в некоторой вспыльчивости, изображении негативности общества и людей в его произведениях. Позже М.Хади отмечает, что все написанное мною я видел сам, и мое критическое отношение к людям рождается от любви к ним. Поскольку я люблю людей и считаю, что они – наивысшее создание Аллаха, при виде их плохих деяний я гневаюсь и пытаюсь выявить эту порочность, таков мой долг как гражданина и писателя. Статья М.Хади «Сеид Азим и его произведения» (*Газета «Игбал», 18 августа 1914, №714*) помогает проследить литературно-теоретические взгляды мыслителя. М.Хади, называющий Сеид Азима Ширвани «одним из литературных деятелей, ярких наставников, жизнь которых такая же темная, как и их судьба, поникших и деяния которых сделаны в спешке», высоко оценивал его поэтическое наследие. Автор отмечает, что поскольку литературное наследие таких мастеров искусства, как Сеид Азим, не должным образом издано и пропагандировано, многие имеют очень скудное представление об этом человеке – хозяине великого слова и мысли. Правда, он одобряет статьи Сеида Гусейна о Сеид Азиме в газете «Игбал» и указывает, что, хотя это необходимые шаги, однако они недостаточны для полного представления великого поэта. По мнению М.Хади, писать о Сеид Азиме недостаточно, нужно публиковать и его произведения, чтобы не пропал великий клад.

М.Хади прекрасно знал, что помимо классических литературных шедевров, Сеид Азиму принадлежат и памфлеты, многие из которых вместо славы приносят ему бесчестие. Учитывая все это, поэт отмечал, что следует издавать такого рода произведения Сеид Азима, которые не нанесут урон имени великого поэта. Однако безрассудное издание сыном Сеид Азима Мирджафаром его памфлетов, по мнению М.Хади, ни что иное, как неуважение к духу писателя. В этом отношении М.Хади пишет: «Выход Сеид Азима и его произведений на литературную арену в прошлом году был результатом безрассудности преемника-сына бедного поэта Мирджафара эфенди, издавшего, к великому сожалению, много ненадобных юмористических и сатирических стихов почтенного отца, и этим сделавшим большой грех. Это литературное и общественное преступление, а также суд общества являются исторической нечестивостью. Следователи, начальники и другие органы в целом были теми же нечестивцами и непристрастными историками. Поскольку газеты не привлекались к суду, следствию и допросу, на сегодняшний день мы, вынужденные молчать, сдаем виновника сотворенного преступления в руки собравшихся в верховном суде справедливых непристрастных исторических судей, у которых нет другой цели, кроме как выявить истину. Трудно не вспомнить слова наших опытных отцов: «Клевета для слуха то же, что полынь для языка» (*Газета «Игбал», 18 августа*

1914, №714). Позже автор, обращаясь к сыну Сеид Азима, говорит: «Ради приличия мы заявляем вам, достопочтенный учитель господин Мирджафар! Все сказанное – не «неведение» мудрости литературного произведения и его философско-общественной значимости, возможно, он претворился неосведомленным, не проявил тонкости и уважения к литературе. По слухам, дошедшим до нас, сборник произведений почтенного Сеида, издание которого в Иране не составляло никакого труда, сначала хотели передать для печати Исмаил беку, который был владельцем газеты «Терджуман», однако почтительный Исмаил бек сообщил, что без корректуры вышеупомянутая работа издаваться не будет. В общем... Что было, то прошло, посмотрим, что будет дальше...» (*Газета «Игбал», 18 августа 1914, №714*).

М. Хади считает важным отметить и то, что у Сеид Азима есть еще много не напечатанных произведений и почему-то Мирджафар не издает их сам, и не дает делать это другим. Автор задается вопросом: «Какова цель, какой может быть причина тому, почему Мирджафар забыл про них? Может быть, господину Мирджафару следует лучше знать, что у литераторов должно быть свое перо. Подобно тому, как поэты и писатели имеют свою человечность. Богатые мысли и работы писателей – это не золото скупых и подлых богачей, чтобы беззвучно храниться в железных сундуках, и ими никто не мог воспользоваться. Сегодня, прежде всего, разве не грех, чтобы такое произведение не стало достоянием народа, нуждающегося в продукте литературно-общественной мысли?» (*Газета «Игбал», 18 августа 1914, №*).

Автор, излагающий свои мысли о наследии Сеид Азима, с тревогой на душе отмечает в конце статьи, что неизданные произведения не только Сеид Азима, но и других поэтов, в том числе Моллы ага Бихуда остались в неведении и, если не найдется тех, кто их присвоит, они пропадут с исторической сцены. Кроме того, М. Хади опубликовал в газете «Игбал» и цикл переводов под названием «Ильхам-Хайям» (*Газета «Игбал», 24 марта, 3, 7, 12, 25 августа 1914, №№608, 703, 709, 715, 720*), а позже они вошли в «Избранные произведения» поэта [7, 379, 425-427].

Выводы и перспектива. Как видно из рассмотренных произведений, даже после возвращения из Турции в Азербайджана М. Хади с прежним энтузиазмом и борцовским духом продолжил свое творчество. Воспользовавшись возможностями, предоставленными ему редакцией газеты «Игбал», и божьим талантом, врожденным в нем, он прослужил Родине и своей нации.

Литература

1. Мирахмедов А. Мухаммед Хади / А. Мирахмедов – Баку : Язычы, 1985.
2. Гарибли И. Поэма Мухаммеда Хади «Исторические трагедии людей, или картины возрождения» / И. Гарибли – Баку : Эльм, 2001.
3. Хади М. Нежное создание (Чине-латиф) / М. Хади // Газета «Игбал», 18 декабря 1913. – №532.
4. Хади М. Избранные произведения / М. Хади – Баку : Эльм, 1978.
5. Вахабзаде Б. Художник и время / Б. Вахабзаде – Баку : Генджлик, 1976.
6. Хади М. Избранные произведения / М. Хади – Баку : Шерг-Герб, 2005.
7. Хади М. Избранные произведения / М. Хади – Баку : Эльм, 1978.

Гаріблі І. Твори Мухаммеда Хаді на сторінках газети «Ігбал» / І. Гаріблі // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 93-98.

Повернувшись з Туреччини до Азербайджану, М. Хаді відновлює свої зв'язки з печаткою і приступає до роботи в редакції газети «Ігбал». Крім роботи в газеті, він періодично публікує там свої вірші, статті та переклади. І в цих творах основним питанням, хвилюючим М. Хаді, була доля азербайджанського народу, питання свободи східної жінки. Поет перетворив на об'єкт обговорення ряд загальнолюдських проблем.

Ключові слова: свобода жінки, людська любов, віра в майбутнє, суспільство, ідеал свободи

Garibli I. M.Hadis' works on pages of the newspaper "Iqbal" / I.Garibli // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 93-98.

After coming back to Azerbaijan from Turkey M. Hady restored his relations with media and started to work at "Iqbal" newspaper. Along with working at the newspaper, he regularly published his poems, articles and translations there. The main issues that causes M. Hady to think in these works are the fate of Azerbaijani people, freedom of eastern woman, and he also made some other humanity issues the objects of discussion on the pages of the newspaper.

Key words: liberty of the women, human love, faith in future, society, ideal of the liberty.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 821.111 (73)

ИГРОВЫЕ КОДЫ В ПЬЕСЕ ТОМА СТОППАРДА «НАСТОЯЩЕЕ»

Бондаренко Л.В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: svetoniya@mail.ru*

В контексте игровой природы современной литературы пьеса Тома Стоппарда «Настоящее» может быть прочитана и понята лишь в процессе расшифровки игровых кодов текста на различных уровнях.

Ключевые слова: игра, интертекстуальная игра, игровые коды, игровое пространство, правила игры

Постановка проблемы. Сегодня мировую культуру вообще и современную литературу в частности принято рассматривать в контексте игры как способа самовыражения и существования человека в социуме. В классической работе Хейзинги *Homo Ludens* дается следующее определение понятия «игра»: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ, места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иног бытия», нежели «обыденная жизнь [1;49]».

Жан Поль Сартр трактует игру как форму существования человеческой свободы. А, по мнению Ортега-и-Гассет, игра – это высшая страсть, доступная в полной мере лишь элите, самоценная деятельность, смысл которой состоит в ней самой [2;49]. Гадамер полагает, что игра вовлекает индивида в свою орбиту как «превосходящая его действительность [3;28]».

Таким образом, игра рассматривается как адогматичный тип миропонимания, совокупность определенных форм человеческой деятельности, в основе которых лежит подражание. Именно эта форма игры легла в основу религиозного ритуала, а позднее и различных видов искусства. Только человеку свойственна языковая игра или лингвистическая, а также игра лексико-семантическая или игра смыслов, построенная на уже имеющемся у человека (*homo Ludens*) опыте.

Проникнув во все сферы человеческой деятельности, игра становится основой священного действия и религиозных церемоний. Однако театр со сценической игрой актеров еще со времен Древней Греции считают не игрой, но действием, в отличие от ритуала, который рассматриваю как игру (подражание). Правда, современный герой больше способен на игру интеллектуальную, игру слов и смыслов, чем на физическое состязание. Протагонист-интеллектуал 21 века реализует себя в диалоге и споре скорее, чем на турнире или войне, где нужны решительные физические действия. Являясь художественным отражением реальности, изменился и современный театр, в основе которого теперь есть слово, которое в то же время является действием: говорить – значит делать. Особенно ярко эти принципы наблюдаются в интеллектуальных пьесах современного английского драматурга Тома Стоппарда, кото-

рого считают мастером современной английской интеллектуальной комедии и одним из лучших писателей эпохи. Творческая карьера Т. Стоппарда привлекает внимание филологов, драматургов и литературных критиков на протяжении последних десятилетий в Европе, Америке и в Украине. Многие пьесы английского драматурга переведены на русский язык и ставятся в отечественных театрах. Игровой аспект в пьесах Стоппарда рассматривался в работах М. Эпштайна, К. Степановой, Л. Мармазовой, Л.Бондаренко и других авторов, что является одним из факторов, определяющих **актуальность** данного исследования. Другим важным моментом является тот факт, что мировую культуру, включающую человеческие отношения рассматривают как игру. Актуальна проблема духовного начала в человеке, подразумевающая присутствие искренних чувств: счастья, любви, страсти, уважения, ревности, зависти, страдания, и других. Актуальным представляется вопрос о том, существует ли различие между игрой и реальностью, отражением и истинным. Именно так переведено Т. Тульчинской и О. Варшавер на русский язык название пьесы Т. Стоппарда "The Real Thing" – «Отражения, или Истинное».

Научная новизна статьи обусловлена тем, что в отличие от опубликованных до настоящего времени научных работ по творчеству Т. Стоппарда в данном исследовании впервые рассматриваются игровые коды как основной художественный прием, на котором построена структурная композиция пьесы «Настоящее», с одной стороны, и главная тема произведения – с другой.

В основе интеллектуальной пьесы Т. Стоппарда лежит излюбленный прием автора «пьеса в пьесе», который он использует во многих своих работах: «Настоящий Инспектор Хаунд», «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Прыгуны». Посредством двойной игры со зрителем, Стоппард показывает нам самих себя, в роли зрителей и участников действия одновременно, создавая таким образом симультантный эффект игры и реальности. Прием «пьеса-в-пьесе» производит эффект зеркала. Мы читаем (смотрим) пьесу, действующие лица которой – актеры, играющие роли в другой пьесе. Так, сцена первая начинается с диалога Шарлотты и Макса которые по всей видимости – муж и жена. Шарлотта якобы вернулась из Швейцарии, куда она не ездила, и в чем ее пытается уличить Макс, который рылся в вещах «жены» и нашел ее паспорт. Далее начинается ироничная интеллектуальная игра Макса, посредством которой он – «муж» выражает свое недовольство и возмущение изменой жены. Но не более. Во всяком случае, острые переживания и чувства, если таковые имеются, скрыты за игровыми кодами диалога:

Max: ... "How's Ba'l?" Charlotte: "Who?" ... Max: "I mean Ba'l". ... "How's old Basel then? Keeping fit?" ... Charlotte: ... "I Didn't go to Basil." Max: "No? Where did you go then?" Charlotte: "Geneva". ... Max: "How's old Geneva, then? *Franc* doing well?" Charlotte "Who?" ... Max: "A *Swiss franc*. Is it doing well?[4;11]"

Макс играет словами и смыслами имени собственного «Basel», которое является названием города в Швейцарии и мужским именем, а Шарлота, не будучи уверена насколько много известно мужу, не знает, как поступить, переводя разговор на Макса, она предлагает ему выпить еще один коктейль. Макс продолжает использовать игровые коды для выражения своих чувств и мыслей: Max: ... "They wouldn't call it Lake Geneva if it was at Ba'l or Basel. They'd call it Lake Ba'l or Basel. You know

the Swiss. Utterly reliable. And they've done it without going digital...[4;12] ”. За словесной игрой Макса скрывается тоска по настоящему человеческому теплу и искренности отношений, ностальгия по традиции. «Going digital» означает переход от механических часов, точностью которых всегда славилась Швейцария, к электронным, главным производителем и поставщиком которых стала Япония. Швейцария – икона, символ порядка, надежности, стабильности, спокойствия, в то время как Япония – новый брэнд прогресса, нового, лишённого души. Весь мир человеческих чувств теперь можно разложить на «01» и представить в цифровом виде. Макс заключает: “Digitals have got no class, you see. They are science and technology[4;14] ”.

Доверчивый зритель полагает, что наблюдает сцену супружеской измены, которая, судя по названию пьесы, лежит в основе конфликта, а «настоящее» или «истинное» и есть та самая правда, которой добивается Макс от Шарлотты. Однако это было бы слишком просто и скучно и совсем не в «стоппардовском» стиле, для которого характерно замысловатое переплетение игровых кодов на различных уровнях. Окапывается мы не просто смотрим пьесу, но «пьесу-в-пьесе», а Макс и Шарлотта – актеры и играют в пьесе Генри, настоящего мужа Шарлотты. В момент, когда открывается дверь и входит Шарлотта, рушится построенный Максом картонный домик, что символизирует крушение последней зыбкой надежды Макса на то, что Шарлотта все-таки верна ему. Одновременно картонный домик является интертекстуальным кодом, связывающим «Настоящее» Т. Стоппарда с «Кукольным домиком» Г. Ибсена, задавая начало интертекстуальной игры, построенной на явных и скрытых игровых кодах, раздвигая тем самым рамки игрового пространства и усложняя правила игры. Одним из игровых кодов является музыка. Звучание музыки служит также соединительным элементом между сценами первого и второго актов.

Некоторые критики и литературоведы считают «Настоящее» во многом биографичным произведением Тома Стоппарда, причем Генри называют героем протагонистом, выражающим мнение самого автора. Вряд ли стоит так категорично утверждать по поводу биографичности пьесы и звучания в голоса автора в словах писателя-драматурга Генри, который, разумеется, наряду с другими персонажами пьесы является выразителем мыслей автора. В данном исследовании творчества Т. Стоппарда мы отходим от постмодернистского подхода к интерпретации неклассического текста, подразумевающего «смерть автора», опираясь на традиционный взгляд «присутствия» и звучания голоса автора среди *многоголосья текста*.

Главный герой пьесы – писатель-драматург Генри имеет жену Шарлотту, друга Макса, любовницу Анье (жена Макса) и дочь Дебби. Генри – новый герой-интеллектуал, признанный писатель, которого приглашают на телевидение, а пьесы его ставят в театре. Однако реальная жизнь для Генри становится сложнее, чем театральная. Макс точно подмечает относительно Генри: “There’s something wrong with you. You’ve got something missing. You may have all the words, but having all the words is not what life’s about [4; 34]”. Макс сравнивает Генри с его противоположностью – начинающим и не особенно талантливым писателем Броди, который не имеет такого изящного стиля, как у Генри, зато может писать реальную жизнь»: “That’s what life is about – messy bits of good and bad luck, and people caring not necessarily having all the answers [4; 34]”.

Главными составляющими игровых кодов в текстах Т. Стоппарда являются эмоционально-эстетическое переживание, выражающееся в музыке и танце («Аркадия», «Настоящее») или даже эпатажных номерах («Прыгуны», «Травести») и логика, рамках которой четко определяются правила игры, и строго требуется их соблюдение. Без правил нет игры. [3;11] Нарушение правил ведет к исключению из данной игры. Нарушение правил может выражаться, например, в бунтарстве или шулерстве. Первое подразумевает открытое игнорирование каких-либо правил, в то время, как шулерство – это скрытое несоблюдение правил игры. Так, тайная измена при внешней благопристойности в пьесе «Настоящее» - не является игрой, поскольку несет моральный смысл, что противно самой природе игры, которая, по Хейзинге - вне морали. Зато способы сокрытия отношений Генри и Анье, Анье и Броди есть игровые коды, составляющие стиль игры в рамках определенных правил, с одной стороны, и риск – с другой.

Выводы и перспектива. Система правил создает специфическое игровое пространство, моделирующее реальность. В процессе игры возникают «иные миры», лишаящие ореола сакрального. Внутри игрового пространства действуют особые правила. В несовершенном мире и сумбурной жизни игра создает временное, ограниченное совершенство. Игра есть творческий процесс, позволяющий индивиду обрести себя в окружающей его парадоксальной реальности, как это делают герои «Настоящего». Игра со зрителем, о которой последний даже не подозревает, подразумевает иронию ситуации, временные и вовсе неразрешимые загадки, экивоки, эффект обманутого ожидания. Эти и другие литературные приемы, используемые автором, способствуют созданию напряжения, что является неотъемлемым элементом игры.

Измена у Стоппарда представлена как игра, точнее как один из видов игры. В ней нет трагизма и глубоких чувств, собственно как нет выигравших и проигравших – лишь игра ради игры – в этом главный смысл пьес Стоппарда. Игра есть главная тема его интеллектуальных комедий. Она заменяет тему любви и измены, а классический любовный треугольник превращается в игровое поле; обманутые и обманывающие – в участников. С игрой типа «измена» встречаемся во многих пьесах Стоппарда, но наиболее ярко эта тема представлена в пьесах «Настоящее», «Прыгуны», где измена имплицирована и не проявляется явно. В «Аркадии» игра - измена одна из основных сюжетных линий.

В отличие от классической драмы, где читателю (зрителю) предлагается проблема и вариант ее решения, в интеллектуальной комедии Стоппара читателю самому предстоит стать участником творческого процесса, стать игроком, приняв правила, предложенные текстом. Игра у Стоппарда выступает как способ находить порядок среди хаоса. В интеллектуальной комедии Стоппарда не находим ни одного однозначного ответа на то, что же такое «настоящее». У всех персонажей разные взгляды на мир, да и они сами являются воплощением разнообразия, порой полярности этих взглядов. Например, что касается любви, для подростка Дебби, любовь не имеет ничего общего с верностью: «экссклюзивные права – не любовь», заявляет она, «это колонизация». Ответ Генри звучит наставительно: «Господи всемогущий. Еще один шедевр подделка. Как если бы Микеланджело работал на полистироле». [4,63].

Стоппард использует немецкое слово «ersatz», что означает ошибка, подделка, нечто не настоящее в противоположность «настоящему». В характерном для автора дуалистическом стиле, Стоппард пытается определить «настоящее» и в других своих пьесах: «настоящая» музыка - против фальшивки; «настоящий» секс - против «карнального объятия» («Аркадия»); «настоящее» «я» против разнообразных масок («Изобретение любви» «Травести»); «настоящие» мотивации, которые стоят за обещаниями политиков («Ночь и День»). И, что важнее всего для художника, «настоящее письмо» - против мусора («Травести», «Изобретение любви», «Настоящее», «Аркадия») - т.е. «настоящая игра» против шулерства. В каком-то смысле все самые значительные пьесы Стоппарда – это попытка определить, что же такое «настоящее», будь то философия, искусство, политическая свобода или пресса. Меняется территория поиска, а объект остается постоянным. Другими словами, поиск «настоящего» – это поиск правды в различных контекстах. А техникой этого поиска, методом, если хотите, у Стоппарда выступает игра, которая сама по себе и есть истина.

Игра в отношении современного текста распространяется и на понятие истины, которая, по Мишелю Фуко, понимается как «совокупность правил», которыми руководствуется субъект, организующий свои когнитивные практики в соответствии с нормативными требованиями, характерными для того или иного типа дискурса [5;120]. По оценке Фуко, именно игра в культурном контексте выступает главным предметом проблематизации для интеллектуалов, каковыми являются большинство протагонистов в пьесах Стоппарда – Генри в «Настоящем», Септимус и Брендон Найтингейл в «Аркадии», Флора Крю в «Индийской туши», Хаусман в «Изобретении любви», Милне в пьесе «Ночь и день».

Выводы и перспектива. Игра не способна выразить «настоящие» чувства, она способна лишь театрализовать их, создавая симулякры. Ни один из видов игры, по Гадамеру, не способен отразить реальность, поскольку в основе игры все же лежит язык, который сам по себе лжив. И, даже театр, основанный на действе, ритуале подчиняется сегодня законам языка, что особенно ярко проявляется в комедии идей Стоппарда. Литературные и театральные критики, среди которых Кеннен Тиннан, Джон Флеминг, Мэл Гассоу, Пол Делани, Ира Надель, Джим Хантер единодушно признают его виртуозное владение языком и чувство стиля. Сам автор считает, что главное для художника – «писать хорошо», не зависимо от темы и формы изложения, выбранной автором. Другими словами, у Стоппарда реальность превращается в игровое поле, персонажи в игроков, среди которых и сам автор.

В перспективе предполагается провести более глубокое комплексное исследование игры структуры в пьесах Т. Стоппарда.

Список литературы

1. Хезинга И. Homo Ludens / И. Хейзинга. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика: Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Прогресс-Традиция, 1991. – 258 с.
3. Гадамер Х. Истина и метод / Х. Гадамер. М.: Высш. шк., 1988. – 357 с.
4. Stoppard T. The Real Thing / Tom Stoppard. – NY.: F&F, 1984. – 81 p.
5. Фуко М. Забота об истине//Воля к истине / Мишель Фуко.- М.: Бизнес-информ, 1996. – 448 с.
6. Hunter Jim. Tom Stoppard / Jim Hunter. – L.: F&F Ltd, 2000. – 240 p.

Бондаренко Л.В. Ігрові коди у пєсі Тома Стопарда “Дійсне” / Л.В. Бондаренко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 99-104.

У контексті ігрової природи сучасної літератури пєса Тома Стопарда “Дійсне” може бути прочитана та зрозуміло тільки у процесі декодування ігрових кодів тексту на різних рівнях.

Ключові слова: гра, інтертекстуальна гра, гральні коди, гральний простір, правила гри.

Bondarenko L.V. Play codes in Tom Stoppard’s play “The Real Thing” / L.V. Bondarenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 99-104.

In the context of the playing nature of modern literature Tom Stoppard’s intellectual play “The Real Thing” can be perceived and interpreted exclusively in the process of decoding the playing codes on different levels of the text.

Key words: play, intertextual play, playing codes, playing space/field, play rules.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 821.512.162

ПОЭТИКА ЭПИТЕТОВ ЛИРИКИ МАХДЖУРА ШИРВАНИ

Бадалова Т. К.

*Гянджинский Региональный научный центр, Азербайджан,
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Простым, и в то же время самым сильным и одним из наиболее часто используемых средств художественного описания является эпитет. В статье исследуется поэтика эпитетов в лирике Азербайджанского поэта XVIII века М.Ширвани.

Ключевые слова: лирика, эпитет, поэтика, М.Ширвани

Постановка проблемы. Простым, и в то же время самым сильным и одним из наиболее часто используемых средств художественного описания является *эпитет* или, если сказать термином восточной классической поэзии, *tosif*. Эпитет - от др.-греч. ἐπίθετον — «приложенное», определение при слове, влияющее на его выразительность, а также слово, дополняющее другое слово, обозначающее вещь или действие, связано с его значением, признаком или качеством. «Эпитет играет важную роль в выявлении того или иного характерного признака события, его оценке, дает ясность, образность описываемой вещи, создает о нем живое представление. ... В азербайджанском литературоведении этот троп называется еще и *vəsf - хвалой*» [2, 130]. Как и все художественные средства, служащие индивидуализации признаков и свойств образа, и эпитет является средством для смыслового усиления, более образной и художественной подачи мысли, как один из показателей таланта и мастерства поэта ясно отображает своеобразие его поэтического ощущения, тонкость и меткость художественно-эстетических взглядов на вещи и события, наконец, талант «любить». Так, для более выпуклого доведения до внимания определенной черты какого-либо поэтического образа, вещи или же понятия, раскрытия отрицательных или положительных качеств, характеристики в зависимости от цели автора, к слову, выражающему эту мысль, добавляется другое определяющее слово. Именно из-за этого качества эпитет называют еще и *художественным определением*. Говоря о роли определений, знаменитый французский поэт Бодлер пишет: «Во плоти и крови возрождаются слова: существительное – в своем сущем величии, прилагательное – прозрачный плащ, окутывающий его и расцвечивающий глазурью...» [5, 83].

Основной материал. Эпитеты, используемые в поэзии Махджура Ширвани, Азербайджанского поэта XVIII века, служат более живому воплощению внутреннего мира, испытываемых чувств и смятений образа, более образной, более поэтичной и в то же время более воздействующей демонстрации равнодушия и бессовестности возлюбленной, бесконечности любви к ней, состояния, в которое вгоняет влюбленного тоска и разлука и пр. сцены. Правда, при этом часто встречаем принявшие традиционный характер, оформившиеся эпитеты *qələmi-sün (творческое перо)*, *abi-həyat (живая вода)* и др.) (для более наглядного доведения смысла посчитали нужным дать художественные определения вместе с определяемым словом). Но в то же

время поэт добился также нахождения притягательных и любопытных эпитетов. Необходимо особо отметить еще одно свойство, то что, как и все искусные знатоки слова, и Махджур Ширвани какую-либо поэтическую фигуру использовал не в отдельности, а в единстве с прочими художественными средствами, что само по себе показывает близкое знакомство поэта со всеми секретами классической поэтики и, вместе с тем, неразрывную и взаимную связь всех поэтических единиц. Например:

*...Ağlaram bülbültək fəsli-novbahar,
Neuçün bağa güli-xəndan gəlməyir?
(...Заплачу как соловей весной,
Почему ж нет в саду раскрывшегося цветка?)*

Параллельные выражения «соловей» и «раскрывшийся цветок» одни из наиболее часто используемых в классической поэзии метафор. Махджур также воспользовавшись этими метафорами, уподобляет любимую раскрывшемуся цветку, а себя - плачущему от тоски по цветку соловью. Вернее, назвав любимую *güli-xəndan* - «раскрывшимся цветком», а себя *bülbül* - «соловьем», создает интересную художественную картину. К слову, такие метафоры часто встречаются в творчестве Физули, стоящего на самой недостижимой вершине образности и художественности. В приведенном нами примере слово «*xəndan*» (раскрывшийся) как определение слова «*цветок*» в составе сочетания «*güli-xəndan*», а «*novbahar*» как определение слова «*fəsil*» «сезон» в составе сочетания «*fəsli-novbahar*», выступая как эпитет, служит усилению поэтики и силы эстетического воздействия стихотворения. – Влюбленный герой Махджура в весенний сезон, в период цветения, подобно плачущему соловью, из-за кручины по не пришедшей на встречу любимой рыдает без остановки.

Р.Алиев пишет: «... самым общим признаком эпитета является то, что он является словом, создающим образ, выражением, носящим образное свойство слова» [4, 230]. Большинство эпитетов в лирике Махджура Ширвани, будучи близким по значению к определяемому слову словом, служат более образному выражению его художественной формы, обогащению общей смысловой нагрузки стихотворения: *güli-gülşən* (луговой цветок), *cayi-qürbət* (чужбинная местность), *tufani-bəla* (бура бед), *nari-cəhənnəm* (адский огонь) и др. сочетания, в которых одно из двух примерно одинаковых по смыслу слов определяет другого, нашли широко применение в творчестве Махджура Ширвани. Эпитеты в лирике Махджура Ширвани в зависимости от момента использования и целей различного оттенка: эпитеты, служащую более выразительной и воздействующей подаче красоты возлюбленной; эпитеты, используемые для описания настроения, глубины скорби, безвыходности ситуации, в которую попал влюбленный; эпитеты, используемые для отображения неверности, равнодушия возлюбленной и т.д. Следовательно, «посредством эпитетов писатель доводит до внимания такую черту отображаемого события, которую читателю знать очень важно» [3, 73].

В классической восточной поэзии под понятием «женской красоты» подразумевалось воспевание красоты в целом, священности, непорочности и т.д. И в это время использовались самые нежные, самые изящные образы. Эти изящества явно видны и в творчестве Махджура. Для воспроизведения образа возлюбленной он использует такие эпитеты, как *güli-xəndan* (раскрывшийся цветок), *güli-gülşən* (цвет-

ник, луговой цветок), *məhi-taban* (яркая, блестящая, светящаяся луна), *məhi-pakizə* (чистая, непорочная, непятнистая луна), *tazə nihal* (недавно поднявшееся молодое деревце), *müəttər qönçeyi-baği-cinan* (ароматный бутон райского сада), *tuti-yi-şəkkərzəban* (сладкоголосый попугай, или же птица певчая), *türlə rüxsar* (несравненное по красоте лицо), *nafeyi-sərbəstə* (скрытый, таинственный аромат). Эти эпитеты незаменимые нюансы для живописного описания портрета красавицы. Например, *bu nə simin təni-mövzun...* (сколь же пропорционально это серебряное тело), *ey büti-növrəstə* (эй, красавица-подросток) и т.д. В строках, сказанных устами влюбленного, не сложно полностью представить образ любовницы.

Bu nə simin təni-mövzün, qədi bir tazə nihal!
Bu nə dişdir, nə gülüşdür, bu nə rüxsareyi-al!..
 (Сколь же пропорционально это серебряное тело,
 как недавно поднявшееся молодое деревце
 Что за зубы, что за смех, что за румяное лицо)

И вот, как будто лицезрешь нарисованную рукой искусного мастера портрет красавицы. Мастер, создавая её привлекательную осанку, поражающую воображение прекрасное лицо, пропорциональное тело, алые щеки и пр. не скупился на самые яркие краски и как бы сам говорит «Браво!» этой таинственной красоте, дарованной всевышним.

При этом необходимо отметить еще один аспект, заключающийся в том, что для сотворения всестороннего, совершенного облика созданного им образа, Махджур искусно использовал и ряд эпитетов, служащих созданию мысленно-чувственного богатства и широты: *müəttər qönçeyi-baği-cinan* (ароматный бутон райского сада), *bu gərm badeyi-gülün* (теплый розовый бокал), *xoşəlhan tutiyi-şəkkər zəban* (сладкоголосый попугай, или же птица певчая) и т.д. Как видно, Махджур Ширвани, воспользовавшись возможностью классической поэтики «охарактеризовать какой-либо объект несколькими художественными определениями (*tənsiqüs-sifat*) [1, 268], и увеличил художественность стихотворения, и обогатил поэтический язык, еще более усилил силу выразительности и воздействия. И этим добился создания интересных художественных картин.

Вызывают интерес и эпитеты, используемые для описания настроения влюбленного поэта. Выбранные с этой целью эпитеты, наряду со служением делу живописного отображения безвыходности, сокрушенного состояния охваченного любовной кручиной влюбленного, в то же время ясно проявляют недовольство Махджура судьбой. Чтобы указать свое состояние, безвыходность ситуации, в которой оказался, подверженность неизлечимой скорби, Махджур воспользовался художественными прилагательными «беспомощный», «рыдание» и пр. Наиболее часто используемыми поэтом эпитетами преимущественно являются эти: *bəni-bicərə*, *möhlük dərd*, *müskül hal*, *çəsmi-bimar*, *bəni-dilxəstə*, *divanə könlüm*, *müxlisi-şeyda* и т.д. Эти эпитеты участвуют в описании страданий влюбленного в качестве важного элемента.

Yıǵdılar bazari-eşqi əhli-sevda getdilər...
Vamiqi-qərqi-bəla, Fərhadı-şeyda getdilər,
Vərqəvi Gülşə ilə Məcnuni-rüsva getdilər...

*(Собрались воедино все влюбленные
Погрязший в бедах Вамиг,
Истинный влюбленный Фархад,
Варга и Гульша, осрамленный Маджнун*

В этом отрывке, приведенном нами из муашшара «Gəl, vəqtdir» (**муашшар müəşşər** - форма азербайджанского классического стиха, каждая строфа которого состоит из десяти стихотворных строк. Первая строфа имеет одну общую рифму, эта же рифма повторяется в последней строке остальных строф), Махджур Ширвани словно собрал воедино отдельных героев, превратившихся в символы ашугства, и что любопытно, не отделяя себя от них, каждого из них охарактеризовал по отдельности:

*Saraldı rəngi-ruyım, qəm yükündə qamətim xəmdir,
Ənisim guşeyi-möhnətdə hər dəm xuni-didəmdir.
(Пожелтело лицо, тело согнулось под тяжестью печали
В доме скорби близкими стали лишь окрававленные очи мои)*

В действительности слова «**möhnət**» (страдание) и «**qəm**» (скорбь) сами по себе не являются определениями. Однако, выступая в составе используемого сочетания в роли эпитета, в качестве определения служат определению, уточнению и раскрытию сущности слова, к которому относятся: пожелтело лицо влюбленного от тоски по любимой, под грузом скорби согнулась спина, в доме скорби с ним остались лишь его кровавые слезы. Эта картина действительно всесторонне отображает полноценный, завершенный образ влюбленного.

В зависимости от цели и мысли, которую он желает довести, меняются и эпитеты поэта. Различные эпитеты, относящиеся к одному образу, служат его определению с различных сторон. Например, чтобы показать неверность любимой, использует эпитеты «**vəfasin tərək edən dildar**» (вероломная возлюбленная), «**büti-əyyar**» (коварный идол), «**vəfasiz həmdəm**» (неверный собеседник), «**yari-biqrar**» (ветреная возлюбленная) и др.

Противопоставление больным глазам влюбленного (больным из-за пролитых слез, вызванных разлукой с любимой) неверности любимой и её измены своему обещанию, благодаря посредству используемых в стихотворении эпитетов, порождает более резкие эмоции и отношение. И сам поэт как будто не понимает причину столь сильного увлечения неверной подругой и лишь приходит к выводу о том, что сложное дело полюбить ветреную возлюбленную — «**yari-biqrar sevmək**».

Известно, что инверсия считается самой характерной особенностью для художественного языка и порой даже одним из свойств, увеличивающих его силу воздействия. И М.Ширвани в своем творчестве часто пользуясь этим методом, поменяв место художественного определения с определяемым словом, добился красоты выражения, звучания, в то же время, более поэтичного доведения мысли. Например; **yaşmağı gülgün** (цветастый платок), **qəddi bəstə** (нозкорослый) и т.д. Здесь необходимо обратить внимание на один момент. В таких выражениях, как **dişləri inci** зубы жемчугом, **dəhani püstə** губы фисташкой и др. участвуют два понятия, вернее, сравниваются, одно уподобляется другому. И поэтому, здесь образован не эпитет, а совершенная метафора. А вышеприведенные слова «**gülgün**» (цветастый) и «**bəstə**»

(низкий, малый), выступая в роли эпитета, послужили определению цвета и признака определяемого им объекта.

З.Будагова пишет, что «эпитет-художественное определение, может относиться как к вещи, так и к движению» [2, 131]. И в стихах Махджура использовались и эпитеты, художественно определяющие именно движение:

*Məhcuram, əgməzdim şaha gərdənim,
Qaldım boynı əgri, sultan gəlməyir.
(Я Махджур, не преклонюсь перед шахом
Шею искривил, но султан (возлюбленная) не пришел)*

В действительности, если детализировать, в первом примере слово «*əgri*» (кривой) является художественным определением слова «*boyum*» (шея) и, образуя с ним единое составное, используется как эпитет, относящийся к движению *qalmaq* (остаться).

Говоря об эпитетах необходимо отметить еще один аспект. Известно, что в поэзии при обращении к какому-либо образу, особенно возлюбленной, в качестве обращения используются различные метафоры. И Махджур в своих стихах, обращаясь к любимой, пользуется эпитетами:

*Gözlərin yad eylərəm, ey şux, can qəsdindədir...
(Вспомню глаза твои, о игривая, которые намерены отнять душу)*

М.Ширвани часто использует в качестве обращения слово «*şux*» (игри-вый), регулярно используемое в поэтическом творчестве как обращение к красавице, словарное значение которого «*nazli, gözəl, oynaq, şən, işvəli*» (кокетка, капризная, избалованная), а также и другие подобные эпитеты.

Выводы и перспективы. Анализ используемых Махджуром Ширвани в своей лирике художественных определений еще раз показывает, что без эпитетов поэтические описания и вправду выглядят очень тусклыми и блеклыми. И поэт знал это свойство поэзии, по мере необходимости пользуясь эпитетами, старался воздействовать на духовный мир читателя.

Литература

1. Араслы Н. Поэтика Низами (литературные источники и средства художественного изображения) / Араслы Н. – Баку: Элм, 2004. - 454 с.
2. Будагова З. Система метафор / Будагова З. // Стилистика азербайджанского художественного языка (очерки). – Баку: Элм, 1970. - 113-139 с.
3. Литературоведение // Энциклопедический словарь / составитель А.Мирахмедов. – Баку: Азербайджанская энциклопедия NPВ, 1998. - 240 с.
4. Алиев Р. Теория литературы / Алиев Р. - Баку: Мутерджим, 2008. - 360 с.
5. Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге / Якобсон Р.- Москва: Прогресс, 1987. - 460 с.

Бадалова Т. К. Поетика епітетів лірики Махджура Ширвані / Т. К. Бадалова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 105-110.

Простим, і в той же час самим сильним і одним з найбільш часто використовуваних засобів художнього опису є епітет. У статті досліджується поетика епітетів в ліриці Азербайджанського поета XVIII століття М. Ширвані.

Ключові слова: лірика, епітет, поетика, М. Ширвані

Badalova T. K. Poetics of epithets of lyrics of Majur Shirvani / T. K. Badalova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 105-110.

Strongest and one of most often used means of the art description is the epithet. In this article are investigated the poetics of epithets in the lyric of Azerbaijani poet of XVIII century M. Shirvani.

Keywords: lyrics, an epithet, poetics, M. Shirvani

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 393.838 (=512.145)

ВЗАЄМОДІЯ ЛІРИЗМУ Й ГУМОРУ В КРИМСЬКОТАТАРСЬКОМУ ПІСЕННОМУ ФОЛЬКЛОРИ (НА ПРИКЛАДІ ПІСНІ «АКЪ КЪОЮН»)

Гуменюк О. Н.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru*

В статье речь идет о сочетании лирических и юмористических аспектов в поэтике крымскотатарской народной песни, детально анализируется такой характерный с этой точки зрения образец национальной песенной культуры как «Акъ къоюн» («Белый ягненок»).

Ключевые слова: фольклор крымских татар, народная песня, поэтика.

Постановка проблеми. Про кримськотатарську народну пісню маємо ряд вагомих праць. приналежних перу її визначних дослідників, зокрема таких як Олексій Олесницький [1, VII–XI], В'ячеслав Пасхалов [2], Асан Рефатов [3], Яг'я Шерфедінов [4, с. 3–8], Муртаза Веліджанов [5, с. 5–57], Февзі Алієв [6; 7, с. 6–19]. Однак немало аспектів поезики кримськотатарської народної пісні ще вивчені недостатньо. Це стосується і такої її особливості як вишукане, часто грайливе поєднання ліризму й гумору, властиве багатьом зразкам національної фольклорної лірики кримських татар. До речі, така особливість характерна також і для поезики української народної пісні, тож дослідження в цьому напрямку можуть прислужитися в майбутньому плідним компаративістичним студіям, покликаним окреслити спільні й відмінні риси в пісенних культурах наших народів. Мета цієї статті – простежити особливості поєднання ліричних та гумористичних настроєвих аспектів у кримськотатарському пісенному фольклорі, чому сприятиме детальний літературознавчий і певною мірою музикознавчий аналіз такого характерного з цього погляду пісенного зразка як «Акъ къоюн» («Білий баранчик»).

Серед грайливих пісень, вміщених у підсумковому збірнику Я. Шерфедінова, пісень, в яких вигадливо поєднуються, своєрідно перегукуються жартівливі та власне ліричні інтонації, своїм образним ладом, нестандартною композицією, яка зримо окреслюється в незвичній строфіці, виділяється пісня «Акъ къоюн» («Білий баранчик») [8, с. 65]. Тут маємо два дворядкові куплети з характерним дещо подовженим вбгуком у третьому рядку кожного з них. У цих двох коротесеньких куплетах за допомогою мальовничих образних штрихів, фразеологічних та інтонаційних повторів, стрімкого дріботливого ритму відтворено нехитру зворушливу картинку – ми, здається, не лише виразно бачимо, а й діткливо відчуваємо, як гірською стежкою до річки жваво спускається білий баранчик:

Акъ къоюн, безъ баш къоюн,
Дагълери энип де гелир,
Яр.

.....

Акь кьоюн, безь баш кьоюн,
 Дереден атлап да гелир,
 Яр
 (Білий баранчик, світлоголовий баранчик
 З гір спускається додолу,
 Яр.
 .....
 Білий баранчик, світлоголовий баранчик
 Через ущелину перескочив,
 Яр).

Звертає на себе увагу вигук *яр*, що по-своєму знаменує тимчасову, нетривалу паузу, зупинку в бігу баранчика, який ніби на мить спинився, аби розгледітися до-вкола. *Яр* – це характерний, притаманний кримськотатарській фольклорній пісенно-сті вигук, який стрічається значно рідше, ніж, наприклад, *аман*, але вочевидь криє в собі не журливо-елегійний, а запальний, життєствердний відтінок. Це немов згусток енергії, яка накопичується в плінні пісні й ефектно розряджається в такому яскравому зойку. В даному разі це явно має стосунок до нерозтраченої молоді енергії зображуваного тут жвавого баранчика.

Після кожного з цих двох раптово завершених вигуком *яр* дворядкових куплетів подається розлогий десятирядковий приспів. Тут певною мірою розвивається жвава безжурність, мила пустотливість куплетів, але разом з тим в гру рішуче вступають власне ліричні інтонації, пойняті лагідною елегійністю. Виразно заявляється любовна тема. В першому ж рядку приспіву обігрується певна семантична означеність щойно стрінутого вигуку *яр*. Слово «яр» у кримськотатарській мові, як і в українській, позначає глибоку западину, урвище, тож поява слова з таким значенням в контексті окресленого в куплеті гірського краєвиду, навіть якщо воно й синтаксично відокремлене від попередньої фрази, може не тільки служити оформленню яскравого пісенного вигуку, а й мати власне смислове вмотивування (баранчик спускається з гір у яр). На думку дослідника кримськотатарської лексики Айдера Меметова слово «яр» у значенні урвища має питомо тюркське походження [9, с. 156]. Але слово з таким звучанням має ще й інше значення – кохана людина. Тут воно, як небезпідставно зазначає той же дослідник, кореспондується з іранським впливом. Можна припустити, що й українське *ярій* (весняний, палкий), і кримськотатарське *ярыкъ* (саяво, світло) належать до цього ж закоріненого в давньоіранську традицію семантичного гнізда. Відтак поява після вигуку *яр*, що завершує куплет, у першому ж рядку приспіву цілком конкретного слова *ярем* (мій коханий, моя кохана; мабуть, краще перекласти виразом позбавленим, як і в кримськотатарській мові, родової визначеності – моє кохання, – аби пісня могла успішно виконуватися представниками обох статей) може служити ключем до розгадки певної таємничості куплетів, їх позірної несумісності зі змістом приспіву, несумісності, що викликає ефект жартівливості, посилення властивої пісні грайливості. У перегуку з приспівом доволі прозоро оприявнюється певна еротична символіка куплетів.

Розлогий десятирядковий приспів можна сприймати як вияв жагучого очікування того райського блаженства, яке своєрідно закодоване в куплетах. У першій

частині приспіву висловлюється сподівання на взаємність почуттів коханої людини й лунає зворушливий заклик зглянутися на силу пристрасті ліричного героя (чи героїні). Настійність цього благального заклику увиразнюється характерними повторами, лагідними звертаннями («ярем», «джаваным» – «кохання моє», «красо моя»), ненав'язливою й тактовною, але впливовою сув'яззю вигуків («яр», «аман», «аманым аман»), сув'яззю, в якій відчутну роль виконує схоже на пісенний вигук семантично містке слово «гель» («прийди»), яке багаторазово, владно звучить у передостанньому рядку першої частини приспіву, створюючи ефект грайливого й емоційно насиченого переливу:

Акъикъат ярем де олса,
Уйкъусун болюп де гелир,
Уйкъусун болюп де гелир, яр.
Гель, гель, гель, гель, гель, аман,
Аманым аман, дживаным!
(Правдивим є кохання моє,
З'явиться не в сні, наяву,
З'явиться не в сні, наяву, яр.
Линь, линь, линь, линь, линь, аман,
Ой прилинь до мене, аман, красо моя!).

У другій частині приспіву посилюється емоційна напруга, ще відчутніше передається пристрасне очікування жаданої зустрічі, а водночас увиразнюється і властива пісні жартівлива грайливість, чому сприяє відповідна композиційна організація строфи, система повторів та вигуків, зокрема градаційне повторення майже ідентичних рядків, у яких розвиток ліричного сюжету означається лише зміною окремих слів, насамперед числівників, які подаються в послідовному ряді від одного до п'яти, як у дитячій лічилці:

Бирде де гельсень тез олур, аман,
Экиде де гельсень тез олур, аман,
Учьде де гельсень тез олур, аман,
Дёрте де гельсень яныма.
Беш те де алсам яныма
(О першій прийдеши саме в час, аман,
О другій прийдеши саме в час, аман,
О третій прийдеши саме в час, аман,
О четвертій прийдеши і будеш поруч зі мною,
О п'ятій теж обніму тебе).

Певна зміна емоційного характеру другої частини приспіву (посилення інтенсивності очікування) виразно передається і в музиці, зокрема в музичному ритмі, який стає дріботливішим, чи не кожен голосний звук тут припадає лише на одну ноту (здебільшого четвертну, а то й восьмушку), легкі переливи (дві, а тим більше три ноти на один голосний звук) майже зникають, зберігаються лише наприкінці окремих фраз.

Висновки та перспектива. Поєднання відстороненої мальовничості, лаконічної пружності коротеньких дворядкових куплетів із емоційною насиченістю розло-

гого десятирядкового приспіву, в якому щиро й безпосередньо передається любовна жага, випрозорує властиву образному ладу твору еротичну символіку, зумовлює ефектну взаємодію власне ліричних та жартівливих аспектів поетичного вислову, чому сприяє також тактовне й виразне застосування характерної для фольклорної поезики системи експресивних повторів та вигуків.

Література

1. Олесницький А. Песни крымских турок. Текст, перевод и музыка / Олесницький А. – Москва, 1910. – 85 с.
2. Пасхалов В. Музыкальная структура крымских песен / Пасхалов В. // Песни Крыма / Собраны и записаны А.К. Кончевским. – Москва, 1929. – С. 6–9.
3. Refatov N. Qъgъm tatar jъrlaгъ / N. Refatov. – Qъgъm devlet nesrîjatъ, 1932. – 52 + 98 b. [У виданні вміщена вступна стаття кримськотатарською та російською мовами: Azizof J. Muqaddime. – Азизов Я. Вступительная статья. – С. 3–12; передмова: Refatov N. Qъgъm tatar halq musikas. – С. 13–20; подаються тексти – с. 21–52; ноти – с. 1–97; на звороті титульної сторінки нотного розділу зазначено: Нотная часть сборника исполнена в нотопечатне Гиза РСФСР, Москва].
4. Шерфединов Я. Песни и танцы крымских татар / Шерфединов Я. – Симферополь: Крымское гос. из-во, 1931. – 94 с.
5. Велиджанов М. Къырымтатар халкъ йырларынынъ сёзлери акъкъында / Велиджанов М. // Къырымтатар халкъ йырлары / Ил. Бахшыш, Э. Налбандов. – Акъмесджит: Таврия, 1996. – С. 5–57.
6. Алиев Ф. Йыржды далгъалар: Музыка акъкъында фикирлер, хатывларвар ве тшоунджелер / Алиев Ф. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1989. – 152 с.
7. Алиев Ф.М. Антология крымской народной музыки – Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Алиев Ф. М. – Симферополь: Крымское уч-пед. гос. и-во, 2001. – 600 с.
8. Шерфединов Я. Звучит кайтарма – Янърай къайтарма / Шерфединов Я. – Ташкент: И-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
9. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка / Меметов А.М. – Симферополь: Крым-мучпедгиз, 2000. – 288 с.

Гуменюк О.М. Взаємодія ліризму й гумору в кримськотатарському пісенному фольклорі (на прикладі пісні «Акъ къююн») / О.М. Гуменюк // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 111-114.

У статті йдеться про поєднання ліричних та гумористичних аспектів у поезиці кримськотатарської народної пісні, детально аналізується такий характерний з цього приводу зразок національної пісенності як «Акъ къююн» («Білий баранчик»).

Ключові слова: фольклор кримських татар, народна пісня, поезика.

Humeniuk O.M. The interaction of lyrical and humorous aspects in the poetic of folk song by the Crimean Tatars / O.M. Humeniuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 111-114.

The authoress of the article pays attention on the reconciliation of lyrical and humorous aspects in the poetics of folk song by the Crimean Tatars, she reliably analyses such typical in this meaning sample of national song culture as “Aq qoyun” (“White lamb”).

Key words: folklore by Crimean Tatars, folk song, poetics.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК - 398 (=512.145): 008

МАГИЧЕСКОЕ ЧИСЛО 3 В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Кокиева А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье рассматривается **магическое число 3** в крымскотатарском фольклоре. Все коды культуры предопределяют метрически-эталонную сферу мировоззрения. Сегодня при чтении фольклорных произведений понимание этого пласта осложняется. Всё это создаёт предпосылки для исследования основного значения культурного пространства.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, магические числа культурное пространство, код культуры, символ.

Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. («Учь» ракъамынынъ бедий вазифелери).

Айдынлатылгъан меселенинъ муимлиги къырымтатар фольклорында ишлетильген 3 ракъамы насыл маналар анылаткъанынен багълыдыр. Бу мевзунынъ къырымтатар фольклорында аля даа огренильмегени исе тедкъикъатымызнынъ муимлигини къайд этмеге давет эте ве апробатив бир талиль олгъаныны косътере.

Мевзунынъ сонъки теткъикъатларда талиль олунувы. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары («учь» ракъамынынъ бедий вазифелери) къырымтатар фольклористикасында огренильмедиде. Дигер халкъларнынъ фольклорында «учь» ракъамынынъ къулланылувыны теткъикъ эткен Бородин А.И.[1], Богораз В.Г. [2], Давидова О.А. [4], Durbilmez Вагъам [5], Джураев М. [6], Жуковская Н.Л. [7], Иванов В.В., Топоров В.Н. [8], Кенесбаев С. [9], Косвен О.М. [10], Красных В.В. [11], Никифоров А.И. [15], Огибенин Б.Г.[16], Пропп В.Я. [17], Хроленко А.Т. [18], фольклоршынасларнынъ ишлерини къайд этмек ерлидир.

Тедкъикъатымызнынъ эсас макъсады – фольклор эсерлеринде къулланылгъан «учь» ракъамынынъ тарихий-мифологик ве поэтик вазифелерини тайинлемектен ибареттир. Алып баргъан теткъикъатымыз къырымтатар эдебияты кафедрасында тайинленген мевзунен сыкъ багълыдыр. Къырымтатар фольклор эсерлеринде чешит-тюрю ракъамлар (сайылар) ишлетильмекте. Фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ тарихий эсасы ве поэтик табиатына коре: аныневий ве тылсымлы ракъамлар чешитинден ибареттир. [10,с.15]. Ракъамлар вастасынен айтылмагъа истенильген медений кодларнынъ сатыр асты маналарынынъ тайинленюви **медениет коду анылайышыны** муджесемлей. Медениет коду исе тарифленген мундериджесине коре: соматик, феза, вакъыт, предмет, биоморф ве рухий медениет кодларына такъсимлене. [10, с. 232-233].

Къадимий девирлерден берли халкъымызнынъ анында кодлаштырылып, муджесемленген сёзлер, ибарелер миллетнинъ медений вариети сайылмакътадыр. Бу

медений вариант асырлар теренлигинден бизим кунюмизге халкъ агъыз яратыджылыгы ве эдебий абиделер вастасынен келип еткендир. Бу медений вариант эр бир тарихий девирде миллетнинъ фаний дюньясындаки медений къыйметлерини тайинлеу вазифесини эда этип кельмекте ве *медений код* анълайышыны такъдим этмектелер.

Халкъ агъыз иждадынынъ бедиемлигини мукеммелештирген ракъам ремзлери (симгъалары) муайен структуралы-семантик ве поэтик вазифелерини беджерелер. Поэтик формулалар теркибинде тургъунлашып къалгъан ракъамлар бедий метинде анъаневий шекильде ишлетилелер. [10, с. 25]. Халкъымызнынъ башына тюшкен сургюнлик фаджиасы тесиринден миллетимизнинъ медений кодуны сакълап кельген ибарелердеки маналар баба-деделеримиз къуйгъан маналардан эп узакълашып, бизге асыл ве ич де анълашылмагъан бир медений пластны тешкиль этилер.

Белли фольклошынаслар Никифоров А.И. [15], Пропп В.Я. [17] да анъаневий учълукнинъ сырыны тапув заруриетини къайд этмектелер. А.И.Бородин [1], Давидова О.А. [4], Хроленко А.Т. [18, 13-131] киби алимлер къадимий къабилелерде саюв системасы тек «учъ» ракъамы иле косътерильгени ве «учъ» сонъки ракъам вазифесини беджергенини тайинлейлер. В.Г.Богоразнынъ [2, 32] язгъанына коре, «Учълук къадимий саюв системасынынъ сонъки ве оны бешлик эсап усулындан айырып тургъан бир ракъамдыр. А.И.Никифоров [15,270], О.М. Косвен [10], В.Я. Пропп [17, 96] киби алимлер де бу гипотезаны къувветлейлер.В.В.Иванов ве В.Н. Топоровлар [8, 36,81] къадимий славянларнынъ диний мифологик системасында учъ ракъамынынъ семантик эсасы алемнинъ вертикали учъке болюнювине багълы олгъанынен исбатлайлар. В.Г. Огибенин [16], 13 ве Н.Л. Жуковскаялар [7,97] учъ ракъамынынъ мифологик тасавурлар иле багълы олгъаныны космик модельнинъ трихотомик структурасынынъ эврими мисалинен исбатлайлар.

Къырымтатар масалларында анъаневий учълукнинъ генезиси къадимий инсанларнынъ дюньябакъышы иле багълы олгъаны учъ ёл мотиви, учъ башлы сималар ве сюжет элементлерининъ учъ дефа текрарланувы киби магик учълук иле багълы мураккеп семантик конструкциялар сечиле. Алемнинъ учъке болюнюви акъкъындаки тасавурлар эсасында пейда олгъан учълук структурасы къадимий тюрк мифологиясында универсаль космик модель оларакъ къулангъан. Кок–Ер–Ер асты учълуги ильки мифлерде тасвирленип, къараманларнынъ фаалиетини озюнде муджессемлеген эпик межян ареалыдыр. Къадимий тюрк мифологиясында Кок – Танърылар – яхшы рухлар межяны, Ер – инсанлар дияры, Ер асты – явуз кучълер, олюлер алами сыфатында тасавур этильген. Мифтеки трихотомик, яни учъ алем мотиви къырымтатар масалларындаки эпик межян анълайышынынъ тизилишине эсас олгъан.

Къырымтатар масалларында учъ сайысы пек чокъ къуланылмакътадыр. Меселя «учъ кунъ муллет», «четтен учъ адам кетирмек», «учъ юз акъча мирас», «тойнынъ учюнджи куню», «учъ йыл гъурбетликте булунмакъ», «юкъудан учъ кунъ сонъра уянмакъ», «къуш кимнинъ башына учъ кере къонса, о кишини хан сайланмасы», «падишанынъ учъ огълу», «учъ башлы дев», «сачларынынъ уджуны учъ айыры джепке сакъламакъ», «мейданны учъ сыра шеклинде къушатмакъ», «учюнджи джума», «учъ кунъ гизлемек», «хасталангъан сонъ, учъ кунъ кечкен сонъ ольмек», киби келимелер масалларда къуланылгъаныны къайд эте билемиз.

«Эдиге», Къопланды Батыр», Кёр огълу», «Къозукюрпеч» кырымтатар дестанларында расткельген «эвленмек ичюн учь шарт къоймакъ», «Учь батыр», «учь кере тевбе этмек», «Учь унь учь гедже тойнынъ девам этилюви», «учь къуюнынъ сувуны ичмек», «Эвнинъ огюнде учь кере долашып къапы тюбюнде излерины къалдырмакъ», «учь аршын къалынлыкъта бир шей», Учь йигитнинъ бир къаледе яшамасы» киби учь ракъамы къулланылгъан ибарелер сечмек мумкюн. Дестанларда учь ракъамы эсернинъ композициясыны бельгилеген муимден муим элементлердендир. Олар эсернинъ башындан сонъуна къадар сюжетни озюне бойсундырып келелер. Шунинъ ичюн де аьнаневий учьлик эпик дестанларнынъ поэтик структурасыны муим компонентлеринден бири оларакъ эсаплана.

Нетиджелер. Бойледже, «учь» ракъамы кырымтатар фольклор эсерлеринде белли бир мерасимлернинъ теркибинде ишлетильгенини ве «учь» иле багълы поэтик формулаларда халкъымызнынъ дюньябакъышларында шекилленген къадимий тарихий-этнографик хусусиетлер акс олунгъаныны ве «учьлюк» аьнанелери чокъусы урф-адетлер ве мерасимлер иле алякъадар мотивлер ве левхаларда къулланылгъаныны сечемиз. «Учь» ракъамынынъ къулланылувы мифологик тюшюнджелер теркибине киритилип, фольклор метинлеринде эпик чокълукъны аьнлатаракъ, озюнде тылсымлы ремзлерни муджесемлегенини айыра билемиз.

Теткъикъ олунгъан меселенинъ келеджекте къыйметли тарафлары

Кырымтатар фольклор эсерлеринде ракъамларнынъ тарихий эсаслары ве бедий алемини огренюв меселеси, тефеккюр муджизелери оларакъ сайылгъаны себебинден, къадимий мифологик тасавурларнынъ эмиетини терен аьнламагъа ёл ачалар. Къадимий девирлерде яшагъан миллетлернинъ дюньябакъышынынъ поэтик табиатыны теткъикъ этильмесине кениш имкяниетлер ярата билелер. Аьнаневий ремзлер тарзында халкънынъ аьнына синъип къалгъан, ве, кунъделик яшайышта мерасим ве адетлеримизнинъ сырлы алемине сефер къылмагъа муит яраткъан ракъамлар, халкъ акъыл-идракининъ аьнаневий инджеликлерини темелли огренмеге хызмет этелер.

Къулланылгъан эдебият:

1. Бородин А.И. Число и мистика / Бородин А.И. – Донецк, – 1975. – 239с.
2. Богораз В.Г. Христианство в свете этнографии / Богораз В.Г. – Л., – 1928. – 146с.
3. Bozcigit. Dobruca tatar masallari. Birinci kitap / Mahmut Enver., Nedret Mahmut. – Bucuresti – 1988 – 262 s.
4. Давидова О.А. Числительные в русских пословицах и поговорках / Давидова О.А. // Специфика фольклорной лексики и фразеологии. – Курск, 1978. – 123с.
5. Durbilmez Bayram. Qırım türk anlatılarında sayı simqelığı / Durbilmez Bayram // Millî folklor uluslararası Kültür Araştırmaları Dergisi – 2007. – №76., s.177- 190.
6. Джураев М. Магические числа в узбекских народных сказках / Джураев М. –Ташкент: «Фан», – 1991. – 153с.
7. Жуковская Н.Л. Формы проявления культа природы в пантоне и ритуалах ламаизма / Жуковская Н.Л. // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., –1970. – С. 113.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. - М. – Л., – 1969. – С. 36, 81.
10. Кенесбаев С. Жеті, уш, тоғыз, қырық пен байланысты угымдер / Кенесбаев С. // Известия АН КазССР. Серия филологическая. № 4 (29). – 1946.
11. Косвен О.М. Ибтидоий маданият тарихидан очерклар / Косвен О.М. Тошкент, – 1960 й. – 153с.

12. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – Москва: «Гнозис».- 2002. – 284с. – ISBN 5-94244-009-3.
13. Къырымтатар эфсанелери.– Акъмесджит: Таврия нешрияты, 2004. – 340с. ; Къырымтатар эфсанелери – С. 4–73. – ISBN 966-572-512-2.
14. Къырымтатар эфсанелери. – Акъмесджит: Таврия нешрияты, 2004. – 340с.; Къырымтатар дестанлары. – С. 243–336. – ISBN 966 – 572- 512- 2.
15. Къырымтатар масаллары. 2-инджи ишленильген нешир/ [Тертип эткенлер: К.Джаманакълы, А.Усеин]. – Симферополь: КъДЖИ «Къырымокъувпеднешир» нешрияты, 2008. - 384с. – ISBN 978-966-354-200-3.
16. Никифоров А.И. Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления / Никифоров А.И. // Советский фольклор. №2-3. – М., 1936. – С.269.
17. Огибенин Б.Г. Структура мифологических текстов «Рыгведи» (ведийская космогония) /Огибенин Б.Г. – М., – 1968. – С. 13.
18. Пропп В.Я. Фольклор и действительность / Пропп В.Я. – М., –1976. – С.96
19. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / Хроленко А.Т. – Воронеж. – 1981. С. 130-131.
20. Эдиге бий. Дестан. // Ыылдыз, 1989, №4 – С. 96 – 120.

Кокієва А. Магічне число 3 у кримськотатарському фольклорі / А. Кокієва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 115-118.

У статті розглядається магічне число 3 у кримськотатарському фольклорі. Усі коди культури показують метрически-еталонну сферу світогляду. Сьогодні при читанні фольклорних творів розуміння цього шару ускладнюється. Все це створює передумови для дослідження основного значення культурного простору.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, магічні числа, культурний простір, код культури, символ.

Kokiyeva A. Magic number 3 in Crimean Tatars folklore / A. Kokiyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 115-118.

In the article examined magic number 3 Crimean Tatars folklore. All of codes of culture and spiritual predetermine the metrical-standard sphere of world view. Today at reading of folk-lore works understanding of this layer is complicated. All of it creates pre-conditions for research of basic value of cultural space.

Keywords: Crimean Tatars folklore, magic numbers are cultural space, code of culture, character.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 820/89 (100-87)

ФИЛОСОФИЯ И ДИДАКТИКА В РАМКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Усеинов Т.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: useinovtb@mail.ru

“Философия и дидактика в рамках средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии”. В предложенной статье рассматриваются стихотворные формы, которые несут филологско-дидактичную мысль, оказываются сущностью и особенностями.

Ключевые слова: средневековая крымскотатарская силлабическая поэзия, философия, дидактика.

Постановка проблемы. Средневековая крымскотатарская письменная силлабическая поэзия философско-дидактической направленности, по сей день, остаётся практически неизученной, что не даёт возможности всестороннего изучения поэтического наследия данного периода.

Цель работы – изучение силлабических поэтических форм, несущих философско-дидактический смысл.

Вступление. Традиции написания художественно оформленной философско-поучительной литературы известны на Востоке издревле. Существует перечень народных силлабических стихотворных форм, допускающих использование, в их рамках, данной смысловой нагрузки (*агъыт, дастан, кошма, семай и др.*).

Если в классическом *диване*, в некоторых стихотворных формах, раскрытие философско-дидактической мысли играет жанрообразующую функцию (*газель, месневи и др.*), то в крымскотатарской письменной силлабической поэзии таковых не выявлено. Философия и дидактика, как правило, применяются ашыками, в стихах, фрагментарно (не более двух *бентов* подряд) и не занимают всего объёма произведения (редкие исключения не берутся во внимание) [3,352-353; 3,344-345 и др.].

Своего расцвета философия и дидактика достигают в период Средневековья в мусульманской классической дворцовой поэзии (и соответственно, в *ашыкской поэзии*, ориентирующейся на *диван*). Эти два понятия очень близки и переплетаются.

В восточной поэзии (крымскотатарской, в том числе) дидактика несёт черты “религиозного, нравственного и философского характера” [1,248]. В роли главного героя выступает образ *поучающего* или *размышляющего*.

Отметим несколько основных семантических направлений философско-дидактической поэзии ашыков:

1. *Размышления о бренности земной (человеческой) жизни;*
2. *Коварность мира (Судьбы);*
3. *Размышления о человеке (его роли и предназначении).*

1. Размышления о бренности земной (человеческой) жизни. Главной тематикой, разворачивающейся в философско-дидактических произведениях, является философские размышления о бренности земной жизни и поучения, согласно этой позиции.

“Главный герой – наставляющий”. Дидактика в творчестве народных поэтов (ашыков) – это разнообразное направление, в котором доминирующее положение занимает *напутствие (поучение)* главного героя о бренности человеческой жизни. Данная тематика скрупулёзно освещена *диваном*. Вспомним *месневи* средневекового крымского правителя Газы Герай хана II (1554-1607) “Долап” (“Водяное колесо”), где колесо напоминает главному герою (хану) о коварности и скоротечности жизни.

Крымскотатарские ашыки “подхватывают” эту тему и успешно её используют. Так, автор поучает *главного героя*, напоминая ему о краткости жизни, при этом используя религиозные понятия и термины: “Сырат” (*религ.* труднопроходимый и находящийся над Адом мост в Рай), “Мизан” (*религ.* Весы) и “Суаль” (*религ.* Вопрос):

...4. ...Mahşer günü üç nesneden korkum var

Biri Sırat biri Mizan bir Sual.

Подстрочный перевод:

...4. ...Есть страх у меня перед тремя вещами в день Страшного Суда,
Один – мост в Рай, один Весы, один Вопрос [3,146].

“Главная героиня (возлюбленная) – наставляющий влюблённый”. Основной объём поучающих строк (о бренности мира) выпадает на данную *образную систему*. Как правило, *влюблённый* с этим призывом обращается к своему *объекту любви*.

В ниже следующем случае страдающий в любви *молодой человек* напоминает своей *возлюбленной* о скоротечности и бренности жизни (молодости). Время “цветения розы (бутона)”, т. е. человеческой молодости (расцвета) очень короток и поэтому *наставляющий влюблённый* призывает красавицу “здро” взглянуть на жизнь:

...2. ...Nice senin gibi ğonce fidanın

Açılan gülleri sola-gelmiştir...

Подстрочный перевод:

...2. ...Сколько [было – Т. У.], подобных тебе, ростков с бутоном,
Раскрывшиеся розы [у которых – Т. У.] увяли... [2,37].

Это же наставление-призыв звучит и в другом стихотворении, где *главный герой* обращается к *красавице* со словами о прекращении мучений и страданий, источником которых она является:

...4. Der Gevheri dud-ı siyahım yeter

Bülbülüm gülşende fiğanım yeter...

Подстрочный перевод:

...4. Скажет Джевхери: “Чёрных стенаний (ахов) моих достаточно,
Мой соловей в розарии, плачей (стонов) моих достаточно...” [3,146].

Наставляющий влюблённый, в разговоре с *возлюбленной*, сравнивает проживание человека на Земле с кратковременным ночлегом. На утро же всё бренное существование, традиционно, заканчивается:

...3. Bu dünya fanidir kopup göçeriz...

Подстрочный перевод:

...3. Этот мир бретен—остановимся на ночлег и “переедем”... [3, с.148].

Жизнь человеческая быстротечна. Так сложилось, что *проживающий*, в нём, не может находиться без *возлюбленной*. *Наставляющий влюблённый*, называя “госпожой”, призывает *главную героиню* к взаимности:

1. ...Bu fena dünyada yarsız olunmaz

Gel bir dem sürelim heman efendim...

Подстрочный перевод:

1. ...Невозможно в этом брennom мире без возлюбленной,

Приди, моя госпожа, одно мгновение проведём сейчас... [2,26].

Развивая тему объединения с объектом любовной страсти, поэт-ашык использует метафорические образы, которые придают сюжету дополнительную привлекательность.

Не оставляя на день Воскресения, звучит наставление броситься в объятия друг другу, чтобы исчез “туман”, “накрывающий” отношения между двумя молодыми:

...4. ...Sarılalım kıyamete kalmasin

Kalksın üstümüzden duman efendim.

Подстрочный перевод:

...4. ... Давай бросимся в объятия, не будем откладывать на день Воскресения,

Пусть исчезнет, моя госпожа, над нами туман [2,26].

Не найдя понимания со стороны *девушки*, *молодой человек* безнадежно, “с головой”, погружается в страдания. Как ни странно, он злорадствует. Ему не остаётся ничего, как “утешать” себя мыслью о том, что и *возлюбленная*, рано или поздно, потеряет привлекательность и будет вычеркнута из “тетради красоты”, т. к. всё в этом мире брленно:

...5. ...Bu güzellik defterinden

Sen de bir gün silünürsün.

Подстрочный перевод:

...5. ...Из этой книги (тетради) красоты,

И ты, в один из дней, будешь вычеркнута... [3,518].

Каноничным является правило упоминания в *силлабической ашыкской поэзии*, для пояснения и подтверждения своей мысли, имён исторических и легендарных личностей. Главный герой перечисляет имена общепризнанных и авторитетных людей Востока, не забывая упомянуть их уход из этого мира:

...3. Arda kaldı dünya Süleymanlar’dan

Rüstem ve Sührab kahramanlardan...

Подстрочный перевод:

...3. Позади остался мир от Сулейманов,

От героев Рустема и Сюхраба... [3,75].

“*Слушатель – размышляющий влюблённый*”. Размышляя о несправедливом отношении красавицы к нему, *влюблённый* думает о брренности жизни и обращается с речью к *слушателю* (окружающим):

...3. Bu dünya ezelden fanidir fani

Kara yerler alti derya ummanı...

Подстрочный перевод:

...3. Этот мир с незапамятных времён бренен, бренен,
Суша (земля) и шесть морей-океанов... [3,432].

2. Коварность мира (Судьбы). “*Слушатель – поучающий*”. Ашыки часто представляют образ *Судьбы* коварным, непредсказуемым, порой несправедливым и т. п. Мир “разношёрстен”, в нём есть место несправедливости. Всему виной же, по мнению ашыков, *Судьба*.

“*Всевышний – размышляющий*”. Неправедливость касается и самого автора. Он, в роли *размышляющего* и вопрошающего, обращается к Всевышнему вмешаться в сложившуюся ситуацию, прося отпустить его грехи и проявить *милость и милосердие*:

1. ...Kuluñ deđil miyim ya Rabbi ne var...

Подстрочный перевод:

1. ...Разве я не раб Твой – Боже мой!.. [3,145].

“*Мир – размышляющий*”. Хотя и редко, ашыки используют эту *образную систему*. Поэтическая форма построена на основе монолога *размышляющего*:

1. Yürü hey pîrezen bi-vefa dñnya
Sana dil verenler hep payımaldir...

Подстрочный перевод:

1. Двигайся! Эй, старуха, непостоянный мир,
Те, кто отдают тебе сердце (душу) – все уничтожены... [3,352].

3. Размышления о человеке (его роли и предназначении). Вопрос о смысле жизни человека, о причине его существования на брэнной Земле занимал умы с незапамятных времён и до сегодняшнего дня.

Ашыки, также, вступают в полемику по данной теме. Что парадоксально – средневековому человеку было легче, проще найти ответ на данный вопрос, который таится в вере. Чем дальше человек от веры, тем запутаннее и сложнее выглядит для него эта проблема.

“*Слушатель – размышляющий*”. Для любого набожного мусульманина смысл (цель) человеческой жизни формулируется достаточно лаконично и, в то же время, ёмко – “в том, чтобы его душа попала в Рай”.

Само по себе, тело не представляет никакой ценности, ровно до того момента, пока в него Всевышним не будет помещена Душа, которая превращает, в свою очередь, человека в “Соловья”:

1. Adem ođlu řu dñnyaya gelende
Kuru ağaçta bir gül bitmiş gibidir
Huda'm can virüp dil söyleyende
Viran bađda bülbül ötmüş gibidir...

Подстрочный перевод:

1. Сын Адама при “прибытии” в этот мир,
Подобен проросшей розе на высохшей древесине.
Когда Бог мой дал душу и сердце,
Это подобно пению Соловья в разрушенном саду... [3,344].

“*Влюблённый – поучающий*”. *Поучающий* советует *главному герою* быть набожным, так как всё в этом мире связано с велением Бога.

Истинный *влюблённый* не должен стесняться раскрыть собственные чувства, для него должна существовать лишь *она* – объект вождения:

...4. Gevheri der aşık olan itmez ar
Tut yüzünü Hakk'a Huda'ya yalvar...

Подстрочный перевод:

...4. Скажет Джевхери: “Тот, кто является ашыком не стыдится”,
Повернись лицом к Всевышнему, проси Бога... [3,146].

“*Ашык – поучающий*”. *Наставляющий* полемизирует о предназначении настоящего *ашыка* и что важнее для него – панегирик или же лирика?

Влюблённый должен сочинять и исполнять лирико-романтические народные стихотворения (где бы он не находился), панегирик же – это занятие временное и периодическое.

Поэт-сказитель должен переживать и “вынашивать” каждое своё слово, каждую строку. Сложность ситуации заключается в том, что не каждый слушатель способен понять истинный смысл, заложенный в строках. Задача же ашыка сложна – донести своё слово до масс:

...24. Söyle kelamı kalbinde pişir
Her can kıymet bilmez yerine düşür...

Подстрочный перевод:

...24. Молви речь – обжигай в сердце,
Не каждая душа будет знать истинной цены–доведа до места... [2, с.54].

Выводы и перспектива. Прделанное исследование позволило сделать следующие выводы:

– существует перечень *силлабических поэтических форм*, в рамках которых допускается использование *философско-дидактической семантической нагрузки* (*агъыт, дастан, кошма, семаи и др.*);

– *философия и дидактика*, как правило, применяются ашыками, в стихах, фрагментарно (не более двух *бентов* подряд) и не занимают всего объёма произведения (редкие исключения не берутся во внимание);

– *философия и дидактика* – понятия достаточно близкие и переплетающиеся;

– в восточной поэзии (крымскотатарской, в том числе), подобно большинству мировых литератур, *дидактика* несёт черты религиозного, нравственного и философского характера;

– *философско-дидактические* стихотворные формы являются неотъемлемой составной частью *средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии*.

Литература

1. Дидактическая литература // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1972. – Т.8. – С.248.
2. Aşık Ömer / [Haz.Elçin Ş.]. – Ankara: Kültür bakanlığı, 1999. – 123 s. – ISBN 975-17-0073-6.
3. Cevheri divanı. İnceleme – Metin – Dizin – Bibliyografiya / [Haz.Elçin Ş.]. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 1998. – 763 s. – ISBN 975-16-1045-1.

Усеїнов Т.Б. Філософія й дидактика в рамках середньовічної кримськотатарської письмової силабічної поезії / Т.Б. Усеїнов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 119-124.

У запропонованій статті розглядаються віршовані форми, що несуть філолофсько-дидактичну думку, виявляються сутність і особливості.

Ключові слова: середньовічна кримськотатарська силабічна поезія, філософія, дидактика.

Useinov T.B. Philosophy and didactics within the framework of medieval crimean tatars written syllabic poetry / T.B.Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 119-124.

In offered article the poetic forms bearing a philosophy and didactic idea are considered, come to light essence and features.

Key words: medieval crimean tatars syllabic poetry, philosophy, didactics.

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

ЯЗЫК, ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА ВОСТОЧНЫХ СТРАН

УДК 81`362

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ И УРУМСКИЙ ЯЗЫКИ В СВЕТЕ АРЕАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ИЗМЕНЕНИЯ

Мазинов А. С.

*Крымский государственный медицинский университет им. С.И. Георгиевского
E-mail: achtemm@yahoo.com*

В статье описываются процессы взаимодействия и закономерности развития крымскотатарского и урумского языков как частное проявление общих контактов европейских и азиатских суперэтнических образований (славянских, византийских, персидских и тюркских), в результате взаимодействия которых появляются новые народы и языки. Этнические процессы определяют многие параметры рождающегося языка. Формирующиеся диалекты крымскотатарского языка в той или иной степени испытывали как внутреннее, так и внешнее влияние индоевропейских языков. Подобные процессы происходили во всех автохтонных языках Крымского полуострова.

Ключевые слова: этнолингвистика, автохтонные языки Крыма, крымскотатарский, урумский язык.

Постановка проблемы. Исследование автохтонных языков Крыма – одно из перспективных направлений современной украинской тюркологии. Существует ряд работ по основным разделам урумского, караимского, крымчакского и крымскотатарского языков [11–14], но не изучены история происхождения, контакты, взаимовлияние данных языков, их изменения в процессе развития, соответствие изменений, происходивших в описываемых языках, общезыковым и региональным тенденциям.

Цель данной статьи – проследить особенности изменения крымскотатарского и урумского языка с конца XVIII до сегодняшних дней, выявить причины сходства и отличий данных языков, определить соответствие изменений, происходивших в них, общим тенденциям развития языков региона.

Соотнесение отличительных и сходных черт некоторых тюркских языков Крыма позволяет выявить лингвистические процессы, связанные с их изменением в целом и структурных уровней и единиц в частности. Также могут быть исследованы скорость и направление их изменения. Диахроническое описание языкового материала зафиксированного в последние 200 лет, а также синхронное исследование сегодняшнего состояния крымскотатарского, урумского, караимского и крымчакского языков позволяет сделать ряд выводов, отражающих общую динамику языковых процессов полуострова.

Анализируемые явления соотносятся с общеязыковыми процессами и могут рассматриваться как часть иерархии, вершина которой определяется существованием ностратических единиц и процессов их обслуживающих, приводивших к сохранению или утрате, дивергенции данных единиц, а также к процессам заимствования в результате взаимовлияния хамито-семитских, индоевропейских и тюркских языков. На Крымском полуострове (как и в некоторых других регионах Евразии) данные процессы происходили в миниатюре, так как в регионе на протяжении почти двух тысяч лет сосуществовали представители всех трёх вышеуказанных суперэтнических и языковых групп.

В указанном направлении следует исследовать следующие проблемы, соотнося их с общеязыковыми факторами: а) причины сходства урумских диалектов и говоров крымскотатарского языка; б) причины существующих отличий и процессы, приводящие к их появлению; в) соотнесение данных локальных процессов с общими процессами взаимодействия хамито-семитских, индоевропейских и тюркских языков в евразийской контактной зоне, условно очерчиваемой в наших работах меридионально от Москвы до Стамбула [8–10]. Две первые проблемы связаны с различными языковыми процессами, происходившими на Крымском полуострове и ближайших к нему регионах переселения ромейского и урумского населения. Процессы эти имели разные векторы и скорость развития. При более детальном рассмотрении эти проблемы имеют две составляющие: а) этническую, как исходную базовую определяющую компоненту и б) последующую, трансформирующую составляющую, связанную с экономическими, культурными, политическими и другими экстралингвистическими факторами, повлиявшими на развитие одного из этих языков.

Один из рассматриваемых языков – урумский формировался в горном Крыму как язык княжества Феодоро в период, предшествующий его захвату Турцией. Исходные языки: готский и аланский, вероятно, использовались в местах расселения их носителей: готский преимущественно в районе горы Ай-Петри, аланский в полосе от Бахчисарая до Алушты. Больше информации о готском языке, сведения о котором сохранились в письме фламандского дипломата Авгиера Бусбека от 16 ноября 1562 года [15]. Исследователи отмечают влияние греческого языка на готский [1; 15]. В работах А.Н. Гаркавца высказывается мнение о первичной тюркизации языка урумов, последующего влияния греческого языка и конечной его ретюркизации [5]. Полный переход в основном на тюркские говоры среднего диалекта крымскотатарского языка, вероятно, произошел в XVI – XVII веках. Первой причиной постепенной замены языка у горной крымской народности, на наш взгляд, стал захват генуэзцами южнобережных земель, отрыв феодоритов от ослабевающей Византии и византийской культуры. Как противовес генуэзской экспансии усиливаются политические связи правителей Феодоро с крымскими ханами, соответственно укрепляются и торгово-экономические и культурные связи. Окончательно урумские говоры формируются с присоединением княжества к Турции и превращения его в отдельный кадылык. На наш взгляд, контакты горной крымской народности с населением предгорной зоны в этот период не прекращаются. Хотя и высказывается мнение об отрыве Мангупского кадылыка от Бахчисарая [4; 16], связи горной части Крымского полуострова с предгорной зоной сохраняются. Лингвистическим подтверждением

этого является доминирование кыпчакских говоров как в урумском языке [2], так и в горных говорах крымскотатарского языка. Анализ говоров и диалектов урумского языка по карте (ситуация на конец XVIII века), составленной А.Л. Бертье-Делагартом, приведённой М.А. Араджиони, подтверждает превалирование кыпчакских говоров. Косвенным подтверждением, может служить существующая до сих пор этнопсихологическая близость горных крымских татар к культуре и языку средней полосы Крыма и среднему диалекту крымскотатарского языка. Сегодня крымскотатарские говоры деревень, расположенных между Бахчисараем и Балаклавой в значительной степени унифицировались. В районе реки Черной количество огузской лексики незначительно увеличивается. Говоры отдельных деревень отличаются от общего языкового поля этого региона. Например, говоры сёл Коуш, Озенбаш и др. фонетически близки к алуштинскому наречию.

Динамику развития урумских говоров деревень описываемого региона можно проследить сопоставив данные приведенные А.Л. Бертье-Делагартом (ситуация на конец XVIII века) и материалы исследований А.Н. Гаркавца, отражающие состояние описываемых говоров во второй половине XX века [3; 6]. Как отмечает А.Н. Гаркавец: «Надазовські урумські говори, навпаки, дуже не однорідні саме в діалектному відношенні. І це так само відбиває специфіку діалектного поділу кримськотатарської мови останні чверті 18 століття» [6]. Неоднородность урумских говоров, сохранившуюся с 18 века, и относительную однородность современных горных говоров крымскотатарского языка, вероятно, следует объяснить консорционной замкнутостью урумского языка, попавшего в инородное окружение, и естественным развитием крымскотатарского языка, диалекты которого получили вследствие депортации дополнительный толчок к унификации как внутри диалектной, так и междиалектной. Ещё один фактор, способствовавший различению урумских и крымскотатарских родственных говоров – относительная отделённость южнобережных и горных говоров в Крыму и активные контакты урумов с ромеями в Надазовье. В целом в Горном Крыму произошло вытеснение и замена индоевропейских языков – готского и аланского тюркскими диалектами. Причина замены – доминирование на полуострове западнотюркского, западнокыпчакского языка Крымского ханства и центростремительные силы, возникшие в результате генуэзской, турецкой и российской экспансий. В результате этого сближения происходит постепенное разрушение границ отделяющих диалекты, наречия, говоры.

Наряду со сближением языков, происходит конфессиональная унификация четырёх основных этнических групп населения, сформировавших крымскотатарский народ: южнобережцев, горцев, татар и ногайцев. В результате выселения Екатериной II христианского населения основная часть полуострова принимает ислам. В горной части Крыма к моменту переселения уже существовала исламизированная часть населения, поэтому эти процессы в данном регионе не были столь болезненны и радикальны. Более радикальный переход происходит у южнобережцев, где население целых деревень принимает ислам [3; 7]. Уничтожение конфессиональных отличий повлияло на лексико-семантическую структуру говоров горных крымских татар: исчезает из оборота христианская греческая лексика, вводится арабско-мусульманская. Так, например, обряд венчания, обозначаемый греческой лексемой

στεφάνι – *стефан этмек*, сохранившаяся в урумском языке, заменяется в речи южнобережного и горного населения на *нишан этмек*, выражение *вафтиз этмек* ‘крестить, окрестить’ стилистически окрашенным *чокъунмакъ*.

Все описанные виды трансформации соответствуют общей тенденции изменения языков отдельного региона, их сближения и унифицирования единиц разного уровня: фонетических, морфологических, лексико-семантических. Унификация происходит также на разных уровнях диалектного членения: в пределах говора, диалекта, что приводит, в конечном итоге, к выработке единого регионального языка на базе доминирующего языка этноса, формирующего ядро новой нации и государства. Подобные процессы происходят в русском и турецком языках, также расположенных в евразийской восточноевропейской контактной зоне.

Выводы и перспектива. Итак, на основе вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

1. Анализируемые явления соотносятся с общеязыковыми процессами и могут рассматриваться как часть иерархии, вершина которой определяется существованием ностратических единиц и процессов их обслуживающих и процессов заимствования, которые, в свою очередь, приводят к появлению сходных черт.

2. Первой причиной постепенной замены языка у горной крымской народности стал захват генуэзцами южнобережных земель, отрыв феодоритов от ослабевающей Византии. Окончательно урумские говоры формируются с присоединением княжества к Турции и превращения его в отдельный кадылык.

3. В Горном Крыму произошло вытеснение и замена индоевропейских языков – готского и аланского тюркскими диалектами. Причина замены – доминирование на полуострове западнотюркского, западнокыпчакского языка Крымского ханства и центростремительные силы, возникшие в результате генуэзской, турецкой и российской экспансий.

4. Первой причиной постепенной замены языка у горной крымской народности стал захват генуэзцами южнобережных земель, отрыв феодоритов от ослабевающей Византии и византийской культуры.

5. Неоднородность урумских говоров, сохранившуюся с 18 века, и относительную однородность современных горных говоров крымскотатарского языка следует объяснить консорционной замкнутостью урумского языка, попавшего в инородное окружение, и естественным развитием крымскотатарского языка, диалекты которого получили вследствие депортации дополнительный толчок к унификации как внутри диалектной, так и междиалектной.

6. Все описанные виды трансформации соответствуют общей тенденции изменения языков отдельного региона, их сближения и унифицирования единиц разного уровня: фонетических, морфологических, лексико-семантических.

Литература

1. Араджиони М.А. К вопросу об этнолингвистической ситуации в Крыму в XVI–XVIII вв. / М.А. Араджиони. // Записки историко-филологического товарищества А. Белецкого. – Вып. 2 – Киев, 1998. – С. 70 – 86.
2. Араджиони М. А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XXв.). / М. А. Араджиони. – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1999. – 132 с.

3. Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Т.2. / А. Л. Бертье-Делагард. – Симферополь: Доля, 2011. – 274 с. – ISBN: 978-966-366-385-2.
4. Васильев А. В., Автушенко М. Н. Загадка княжества Феодоро / А. В. Васильев, М. Н. Автушенко. – Севастополь, "Библекс", 2006. – 416 с.
5. Гаркавец А.Н. Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А.Н. Гаркавец – К.: Наукова думка, 1988. – 176 с.
6. Гаркавец О.М. Урумы Надазов'я: Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки / О.М. Гаркавец – Алма-Ата: Український культурний центр, 1999. – 624 с. – ISBN 5 – 7667 – 6672 – 6. С.13.
7. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. / Ю.А. Кулаковский. – К. : «Стилос», 2001. – 250 с. – ISBN: 966-8009-16-9.
8. Мазин А.С. Этнические контакты и заимствованная лексика / А.С. Мазин // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 155. – С.136 – 139.
9. Мазин А.С. Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон / А.С. Мазин // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 90 – 92.
10. Мазин А.С. Тюркские языки Крыма. Структура, функционирование, контактные явления / А.С. Мазин // *Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra. III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu 26-29 Mayıs 2010.* – С. 555 – 559.
11. Меметов А.М. Земаневий кырымтатар тили / А.М. Меметов. – Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2006. – 320 с. ISBN: 966-354-025-7.
12. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка / К.М. Мусаев. – М. :Наука, 1964. – 344 с.
13. Мусаев К.М. Синтаксис караимского языка / К.М. Мусаев. – М. : Academia, 2003. – 347 с. ISBN: 5-87444-190-5.
14. Реби Д.И. Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь / Д.И. Реби. – Симферополь : Доля, 2004. – 224с. ISBN: 966-8584-26-0.
15. Тищенко К. Етновна історія прадавної України / К.Тищенко. – К. : «Аквілон-плюс», 2008. – 480 с. ISBN: 978-966-2172-02-7.
16. Фадеева Т. М., Шапошников А. К. Княжество Феодоро и его князя / Т. М. Фадеева, А. К. Шапошников. – Симферополь, 2005. – 280 с.

Мазин А.С. Кримськотатарська і урумська мови у світлі ареальних процесів зміни / А.С. Мазин // *Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації».* – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 125-129.

У статті описуються контакти закономірності розвитку кримськотатарської і урумської мов, як окремих прояв загальних контактів європейських і азійських суперетнічних утворень (слов'янських, візантійських, персидських і тюркських), взаємодії яких з'являються нові народи і мови Етнічні процеси визначають багато параметрів мови, що народжується. Діалекти кримськотатарської мови, в тому або іншому ступені випробовувалися внутрішній, так і зовнішній вплив індоєвропейських мов Подібні процеси відбувалися у всіх автохтонних мовахКримського півострова.

Ключові слова: етнолінгвістика, автохтонні мовиКриму, кримськотатарська, урумська мова

Mazinov A. S. Crimean Tatar and Urum languages in the light of areal processes changes / A. S. Mazinov // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University.* – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 125-129.

The article describes the contacts and develops of Crimean Tatar and Urum languages as a private display of general contacts European and Asian super ethnic formations (Slaving, Byzantium, Persian and Turkic) which resulted in the appearance of new nations and languages. Ethnic processes determine many parameters of a language being born. Forming dialects of the Crimean Tatar language were subjected to a certain degree to both external and internal influence of indo-European languages. The similar processes took a place in all of regional languages of the Crimeanpeninsula.

Keywords: ethno linguistics, autochthonous languages of Crimea, Crimean Tatar, Urum languages.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК – 81. 411. 21' 367. 625' 373. 7

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА НА МЕЗОСИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Бекиров Р. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail:rbekirov@mail.ru*

В статье делается попытка классификации глагольных фразеологизмов арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать и классифицировать группу фразеологизмов, имеющих в своём составе глагольный компонент.

В ходе исследования установлено, что фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: фразеологизм, классификация, глагольный, сказуемое, арабский язык.

Постановка проблемы. Фразеология арабского языка относится к числу малоисследованных областей арабского языкознания. Это связано с тем, что фразеология рассматривалась лишь как вторичный раздел стилистики, риторики и других наук. Но роль фразеологических единиц в арабском языке трудно переоценить.

Актуальность. На протяжении длительного периода времени арабский язык характеризуется определенным постоянством в фонетической, морфологической, лексической, грамматической и других областях. Актуальность исследования определяется неразработанностью проблемы и недостаточной изученностью арабских фразеологических единиц. В современной арабистике изучение фразеологии и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи - собрать, систематизировать и классифицировать группу глагольных фразеологизмов. Особое внимание, по нашему представлению, следует уделить:

- 1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по арабскому языкознанию;
- 2) выявлению сферы употребления и распространения данной фразеологии в письменных источниках;
- 3) исследованию лексико-семантических и грамматических особенностей глагольных фразеологизмов.

Материалом для исследований могут послужить данные первоисточников (произведения доисламской поэзии, Коран, материалы классического и современного арабского литературного языка и живых народных говоров и другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего, мы бы выделили: сравнительно - исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [1, с. 5].

В методологическом отношении, обоснованным является исследование фразеологии арабского языка в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [1, с. 8].

Как отмечалось ранее, фразеологизм можно сопоставить со словом как единицей языка, которая имеет некоторые общие с фразеологизмом признаки, а также со словосочетанием (или предложением), поскольку словосочетание (реже предложение) является генетическим источником фразеологизма [9, с. 9].

В рамках данной статьи хотелось бы исследовать фразеологические единицы, генетическим источником которых были предложения.

К глагольным фразеологизмам, генетически восходящим к предложениям, следует отнести фразеологические единицы, включающие в себя грамматический субъект, что делает невозможным перевод их на русский язык инфинитивной конструкцией. Т.е. такие фразеологические единицы следует соотносить не со словом (лексемой), словосочетанием (синтагмой), а с предложением. Их глагольный компонент всегда будет находиться в зависимости от именного, так как последний выполняет функцию подлежащего. По нашему представлению, подобные фразеологизмы можно классифицировать следующим образом:

1) *Глагол + имя в именительном падеже*

В эту группу входят фразеологические единицы, которые могут передавать душевное состояние человека, явления природы и некоторые действия.

«أكلته الغيرة» - (буквально) Его съела ревность. – Ревность мучила его [7, с. 39]. Ревность, как явление абстрактное, конечно не обладает способностью есть, но завладевая мыслями и чувствами человека, как бы поедает его, что, в итоге, приводит к фразеологизации всего выражения и появлению новой фразеологической единицы.

«سقط السماء» - (буквально) Небо упало. – Прошел дождь (снег). Для передачи явления выпадения дождя или снега используется сочетание глагола «سقط» - «падать» (глагол в форме прошедшего времени, единственного числа, действительного залога, мужского рода, третьего лица) и имени «السماء» - «небо» (существительное мужского рода, единственного числа, именительного падежа, определенного состояния), образующие вместе фразеологическую единицу.

Идиоматичность фразеологизмов, обозначающих явления природы, отображается в том, что им придаются действия, которые были бы свойственны живым существам. Как, например, в следующих фразеологических единицах:

«تنفس الربيع» - (буквально) Весна задышала. – Весна началась [3, с. 86]. Естественно, что весна не может дышать, однако подобного рода олицетворение делает его образным, сравнивая весну с дышащим человеком, который расцветает благодаря дыханию. Также возможна аналогия с началом жизни, так как при рождении человек или любое другое живое существо начинает дышать, то есть начинает жить.

«ضحكت الأرض» - (буквально) Засмеялась земля. – Земля принесла плоды [3, с. 86]. Сочетание глагола «ضحكت» - «засмеялась, рассмеялась» (прошедшее время, 3-е

лицо, женский род, действительный залог, единственное число) и имени «الأرض» - «земля» (существительное женского рода, единственного числа, определенного состояния) становится фразеологичным, в виду придания субъекту выражения черт свойственных одушевленным существам. Например, у человека, увидевшего плоды труда своего, непременно улучшится настроение и он скорее всего рассмеется. На этих элементах образности и возникла эта фразеологическая единица.

2) *Глагол + предлог + слитное местоимении + имя в именительном падеже (возможно со слитным местоимением)*

Фразеологические единицы, имеющие такую структуру, малочисленны. Они помогают описывать различные состояния объекта.

«جارت عليه الحيلة» - (буквально) Удалась, прошла над ним уловка. – Он попался на удочку [7, с. 148]. Этот фразеологизм передает чувство «обманутости», «неудобства». Глагольный компонент представлен в форме прошедшего времени, единственного числа, действительного залога, третьего лица, женского рода, именной в форме женского рода, единственного числа, определенного состояния. Предлог со слитным местоимением указывает на действие, производимое над объектом.

«ضاقتْ به صدرها» - (буквально) Стеснилась она и ее грудь им. – Он ей надоел [7, с. 465]. Здесь передается чувство «неловкости», «обузы». Глагольный компонент представлен в форме прошедшего времени, единственного числа, действительного залога, третьего лица, женского рода, именной в форме мужского рода, единственного числа, определенного состояния, об этом свидетельствует наличие у последнего слитного местоимения. В данном контексте, предлог со слитным местоимением вводит причину создания определенного душевного состояния.

3) *Глагол + имя в именительном падеже + слитное местоимение*

Именной компонент фразеологических единиц, указанной структуры, выступает в качестве подлежащего, чаще всего обозначающих различные части тела, органы зрения, слуха и другие. Обладатель же всего перечисленного, выражается посредством слитного местоимения. Такие фразеологизмы служат для выражения различных состояний души, демонстрации эмоций позитивного и негативного характера.

Так чувство «сохранения лица» или же наоборот – «позора», может быть передано следующими фразеологическими единицами:

«أبيض وجهه» - (буквально) Побелело его лицо. – Он обелил себя [7, с. 95]. Этим фразеологизмом передается чувство «сохранения лица», «сохранения чести», «отбеливания». Глагольный компонент «أبيض» - «побелеть», представленный в форме прошедшего времени, единственного числа, третьего лица, мужского рода, изъявительного наклонения, слитное местоимение именного компонента вводит «обладателя лица». При изменении глагольного компонента, изменяется как слитное местоимение, так и именной компонент: «أبيض وجهها» - «она обелила себя», «أبيض وجهي» - «я обелил себя», «أبيض وجههما» - «они (оба) обелили себя», «أبيضت وجهنا» - «мы обелили себя», «أبيضت وجهكم» - «вы обелили себя».

«أسود وجهه» - (буквально) Почернело его лицо. – Он опозорился [7, с. 381]. Этот фразеологизм служит для передачи чувства «стыда», «позора», «очернения». Глагольный компонент «أسود» - «почернеть», находится здесь в форме прошедшего времени, мужского рода, единственного числа, изъявительного наклонения, третье-

го лица в соответствии с именным компонентом. В данном случае также отмечается зависимость изменения имени и слитного местоимения от изменения глагола: «إسودَّ وجهي» - «я опозорился», «إسودَّ وجهك» - «ты опозорился», «إسودَّ وجهاكم» - «вы (оба) опозорились», «إسودَّتْ وجوهنا» - «мы опозорились», «إسودَّتْ وجوههم» - «они опозорились» + *имя в именительном падеже + имя в винительном падеже*

Фразеологические единицы такой структуры включают в себя глагол и имя существительное в именительном падеже, а также существительное или прилагательное в винительном падеже, выполняющие функцию прямого объекта или именной части составного сказуемого [3, с. 89].

«بلغت الروح أنفه» - (буквально) Дух достиг его носа. – Он умирал от усталости [7, с. 47]. Образность, заключенная во фразеологической единице, передает значение «чрезвычайной усталости» через «достижение носа духом». Подобное сравнение носит скорее абстрактный характер нежели конкретный, что и придает ему больший символический смысл. Слитное местоимение при объекте вводит скрытый субъект. Так, например, если изменится местоимение, то изменится и понятие о субъекте: «بلغت الروح انفها» - «Она умирала от усталости».

Отмечая фразеологизмы, в которых компоненты могут нести как конкретный, так и абстрактный характер, необходимо отметить такой:

«وضعت الحرب أوزارها» - (буквально) Война сложила свое бремя (ношу, тяжести). – Война окончилась [2, 47:4].

Образ, несущий в себе ассоциативную идею «духа, достигающего ключиц», может быть передан фразеологической единицей «بلغت روحه التراقي» - (дословно) Дух его достиг ключиц. – Он был при смерти. Сравнивая фразеологизмы «بلغت روحه التراقي» и «بلغت الروح أنفه», следует отметить, что в обоих случаях используется образ «достижения души чего-либо», однако конечный смысл указанных фразеологизмов зависит от значения прямого объекта, входящего в их состав. Также становится очевидным тот факт, что при изменении слитного местоимения при субъекте, изменится и понятие о нем:

5) *Глагол + имя в именительном падеже + предлог + имя в родительном падеже (или имя родительном падеже со слитным местоимением)*

Фразеологические единицы такой структуры обладают высокой степенью идиоматичности. Часто компонентами таких фразеологизмов являются имена, обозначающие различные части тела. Они могут передавать как симптоматические проявления, так и некоторые действия. Так, например, в следующем фразеологизме, наблюдается значение «стесненности», ввиду того, что глагольный компонент «إحتبس» означает – 1) быть заключенным в тюрьму; 2) запирается; 3) задерживаться; быть стесненным (о дыхании) :

«إحتبس الصوت في خلفه» - (буквально) Звук заперся, был стеснен в его горле. – Звук застрял в его горле [7, с. 153]. Он не мог говорить. Слитное местоимение при имени в родительном падеже вводит понятие о «владельце» объекта и, в случае изменения слитного местоимения, изменится и понятие о принадлежности.

«وقع الحافر على الحافر» - (буквально) Упало копыто на копыто. – Походить как две капли воды [7, с. 182]. Образ «схожести», «подобия» передается здесь через «попада-

ние копыта на копыто», что в природе практически недостижимо. Таким образом выражение приобретает высокую степень идиоматичности и делает его фразеологизмом.

«إسودت الدنيا في وجهه» - (буквально) Мир почернел в его лице. – В глазах у него потемнело [7, с. 381]. Арабскому языку, также как и русскому, свойственно придание отрицательного, негативного и других подобных оттенков посредством «потемнения», «почернения» чего-либо. Здесь через образ «почернения мира в лице» передается смысл, заключенный во фразеологизме. Слитное местоимение при имени в родительном падеже свидетельствует о принадлежности к объекту, над которым производится действие, передается чувство, сопровождающее это действие. Изменение местоимения приводит к трансформации «владельца лица», т.е. изменению его категориальных признаков: «إسودت الدنيا في وجهي» - В глазах у меня потемнело.

Фразеологические единицы, не имеющие явного субъекта

Существенным признаком фразеологических единиц, генетическим источником которых являются предложения, является, как правило, наличие в них грамматического субъекта. Однако, в этой части исследования, мы бы хотели рассмотреть такие фразеологизмы, где субъект отсутствует. Такая структура схожа с фразеологическими единицами, происходящими от словосочетаний, но такая аналогия невозможна, так как последние могут сочетаться с многими грамматическими субъектами, а первые такую возможность не имеют. К тому же, фразеологические единицы, происходящие от предложений, имеющих субъект, не переводятся на другие языки инфинитивной конструкцией, что, также, обусловлено отсутствием инфинитива у глагола арабского языка.

Юшманов Н.В. в своем исследовании «Грамматика литературного арабского языка» отмечает: «Семитский глагол не имеет времен в европейском понимании. Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению во времени на прошедшее, настоящее и будущее семит пользуется двойным делением по законченности на совершенное и несовершенное» [6, с. 49-50]. Далее также указывается: «Отправной формой глагола считается простейшая – третье лицо мужского рода единственного числа совершенного времени действительного залога первой породы, например: فعل «он сделал», «он делает» или «он сделает», что в европейских словарях обычно переводится неопределенным наклонением – «делать»» [6, с. 50].

«جاء الى الدنيا» - (буквально) Прийти в мир. – Появиться на свет, родиться [7, с. 151]. С глагольным компонентом «جاء» могут быть употреблены различные субъекты: «أحمد» - «Ахмед», «فلان» - «некто», «ولد» - «ребенок, сын». Характерной же чертой бессубъектных фразеологических единиц является отсутствие субъекта как константы, а перевод их на русский язык инфинитивной конструкцией возможен для них, также как и для фразеологизмов, происходящих от словосочетаний.

«خطم بالكلام» - (буквально) Надеть намордник на речь. Охмутать речь – Заставить замолчать [7, с. 227]. Этот фразеологизм обладает достаточной степенью идиоматичности, ввиду своей образности, так как глагол «خطم» означает «надевать намордник или недоуздок». На речь, же, невозможно надеть намордник, поскольку речь не обладает материальностью, в прямом смысле слова. Перевод этого фразеологизма инфинитивной конструкцией также возможен, так как в нем может быть поставлен любой субъект, но не будет постоянным, обязательным.

Исходя из сказанного выше, очевидна актуальность проблемы, связанной с перспективами исследования глагольной фразеологии арабского языка, ее классификации, а также исследованию и систематизации арабской фразеологии.

Источники и литература

1. Иванова Л.П. «Методы лингвистических исследований»/ Л.П. Иванова. - Киев: ИСДО, 1995, - 87 с.
2. Коран. 2-е изд. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1986.
3. Ушаков В. Д. Фразеология Корана: Опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка./ В.Д. Ушаков. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. - 204 с.
4. القرآن الكريم. مصحف الشروق المفصل الميسر مختصر. تفسير الامام الطبري.
5. ريمون فلاور. مصر منذ قدوم نابليون حتى رحيل عبد الناصر. المجلس الاعلى للثقافة القاهرة 2000
6. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка./ Н.В. Юшманов – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1985. – 175 с.
7. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов./ Х.К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.
8. Фавзи А. М., Шкляров В. Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь./ А.М. Фавзи, В.Т. Шкляров. – М.: Русский язык, 1989. – 616 с.
9. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978. - 543 с.

Бекіров Р. О. Класифікація дієслівних фразеологізмів арабської мови на мезосинтаксичному рівні / Р. О. Бекіров // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 130-135.

У статті робиться спроба класифікації дієслівних фразеологізмів арабської мови. Ставляться наступні завдання: зібрати, систематизувати і класифікувати групу фразеологізмів, що мають в своєму складі дієслівний компонент.

В ході дослідження встановлено, що фразеологія як древня і обширна частина складу арабської мови є інтересом для вивчення ряду проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: фразеологізм, класифікація, дієслівний, присудок, арабська мова.

Bekirov R. A. Classification of verbal phraseological units of Arabic Classification of verbal phraseological units of Arabic at mezosyntactic level / R. A. Bekirov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 130-135.

The attempt of classification of verbal phraseological units of Arabic is done in the article. The following tasks are put: to collect, systematize and classify the group of phraseological units, having a verbal component in the composition.

It is set during research, that phraseology as ancient and vast part of composition of Arabic is interest for the study of row of problems of Arabic linguistics.

Keywords: phraseological unit, classification, verbal, predicate, Arabic.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК – 81.161.1 = 512.161 + 347.78.034

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ХАРАКТЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Гванцеладзе А. Н.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: annagvantseladze@hotmail.com*

В статье рассматриваются особенности передачи лексики, отражающей национально-культурный характер, выделяются способы перевода и грамматические трансформации.

Ключевые слова: тюркские языки, турецкий язык, русский язык, переводоведение, безэквивалентная лексика, грамматические трансформации, компаративистика.

Постановка проблемы. В процессе перевода текста, переводчик имеет дело не столько с набором определенных графических символов и знаков, а непосредственно с информацией, которая отражает исторические особенности, культуру и быт народа. Лексемы, отображающие национальный колорит исходного языка (ИЯ), не всегда имеют соответствия в языке перевода (ПЯ). Поэтому подобные слова и словосочетания требуют особого внимания. Вопрос передачи и классификации лексики национально-культурного характера, несмотря на разностороннюю исследованность, остается открытым [1 – 4].

Результаты нашей работы основаны на данных перевода лексики характерной для русской культуры на турецкий язык, а предыдущие работы по теме рассматривали большей частью направление перевода с иностранного языка на русский. Этим объясняется **актуальность** предпринятого исследования.

Цель исследования. Определить пути и способы передачи безэквивалентной лексики национально-культурного характера, в частности реалий, с русского языка на турецкий язык. Для достижения поставленной цели предполагается решить ряд **задач: 1)** выделить пласт лексики, не имеющей эквивалентов в турецком языке; **2)** классифицировать данный пласт лексики; **3)** описать варианты перевода лакунарной лексики национально-культурного характера и выявленные трансформации, в случае наличия последних.

Методология. Методологической основой исследования служат описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный и семантический анализ.

Анализ исследований и публикаций по теме. Вопросами передачи безэквивалентной лексики (далее БЭЛ) занимались многие лингвисты и переводчики, так как этот класс лексики является неотъемлемой деталью разговора об эквивалентности и адекватности перевода.

Термин БЭЛ неоднороден и часто отождествляется с понятием реалии. Так, А.Д. Швейцер относит к категории БЭЛ «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [5, с. 108]. Г.Д. Томахин привязывает БЭЛ к реалиям, характеризуя первые как «слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре» [6, с.5].

Я. И. Рецкер определяет БЭЛ как «обозначение реалий, характерных для страны ИЯ и чуждых другому языку и иной действительности» [7, с.58]. Однако такой подход сужает понятие БЭЛ и сводит его к группе слов, обладающих национально-культурной спецификой и привязанных к предметам материальной культуры.

Ряд ученых предполагает более обширное толкование термина. Л.С. Бархударов под безэквивалентной лексикой понимает «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [8, с.94].

По мнению Е.М. Верещагина безэквивалентными называются лексические понятия, «план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием» [9, с.17]. При этом, говоря о лексических понятиях, автор имеет в виду несовпадение между семантическими долями (СД), как элементарными понятиями, объединяющими их, общего для них понятия [10, с.15]. В противном случае, гипо-гиперонимические соответствия можно было бы ставить в ранг эквивалентных. И тогда, характерное для русской культуры слово *салон* (с.241, в скобках ( ) приводятся сведения о странице текста, местонахождении примера) – *широкое женское пальто с пелериной и прорезями для рук*, которое было переведено как *kadın mantosu* (с.365) – *женское манто*; или слово *коты* (с.51) – *женская обувь, род полусапожек, ботинок, башмаки с высокими передами*, которое передается в переводе как *kurduralar* – *башмаки*, могли бы выступать эквивалентами друг друга, однако это недопустимо из-за различия в наборе семантических признаков. Из примеров видно, что в языке перевода отсутствие видового понятия, обусловлено отсутствием предмета как такового, но никак не отсутствием понятийной категории как женская верхняя одежда или обувь. Некоторые смыслоразличительные СД, позволяющие выделить *салон* и *коты* из общего понятия «верхняя одежда» и «обувь», не передаются при родо-видовых заменах. А значит, полученные варианты перевода не могут претендовать на полную эквивалентность.

Наиболее четкое разграничение между реалиями и БЭЛ проводят С. Влахов и С. Флорин. Ученые приходят к выводу, что БЭЛ – это лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в ПЯ. За реалии же исследователи принимают слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода [11, с.42-47].

Таким образом, понятие БЭЛ рассматривается шире, чем реалии, и включает в себя последние как класс. Ученые отмечают также постоянство реалий вне зависимости от наличия или отсутствия константного эквивалента в ПЯ, в то время как

безэквивалентной может считаться лексика в пределах пары сопоставляемых языков [12, с.42-43].

Ученые выделяют несколько пластов лексики, характеризуемой как безэквивалентная. Л.С. Бархударов относит к ним 1) имена собственные, географические наименования, названия учреждений и организаций; 2) реалии; 3) случайные лакуны [13, с. 94 – 95]. Интерес для нашего исследования представляет БЭЛ национально-культурного характера. Рассуждая о непереводаемости, А.Д. Швейцер выделяет два ее уровня: языковая непереводаемость, куда относятся вопросы передачи жаргона, диалектизмов, варваризмов, игры слов, говорящих имен, ассоциаций словесных образов, грамматических категорий отсутствующих в ПЯ, и культурная непереводаемость, куда входят реалии [14, с.101-109]. Рассуждая о реалиях, С. Влахов и С. Флорин отмечают, что в состав БЭЛ входят собственно безэквивалентные слова («единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в ПЯ» и подобно терминам, лишённые коннотаций), реалии, частично выходят за пределы БЭЛ термины, междометия и звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения, отступления от литературной нормы; имена собственные и фразеологизмы [15, с.9 – 43]. Постараемся обобщить доводы ученых и систематизировать группы БЭЛ: 1) по характеру отношений между лексемой, денотатом и внеязыковой средой: а) БЭЛ национально-культурного характера (*салон, коты, армяк, балалайка, аришин*); б) БЭЛ научно-экономического характера (*визитный билет*); в) случайные лакуны (*мещанка, Зевес, всходить на Голгофу*); 2) по уровню непереводаемости: а) БЭЛ языкового уровня непереводаемости (*...толпа разодетых мещанок... (с.50) - ... sicili bicili tuvaletler giymiş esnaf karıları... (с.74) – категория рода, отсутствующая в турецком языке передается лексически через сочетание esnaf karıları (жены мещан)*); б) БЭЛ экстралингвистического уровня непереводаемости (*салон, армяк, аришин, унтер-офицер, коляска*).

В настоящей работе мы обращаем внимание на особенности передачи безэквивалентной лексики национально-культурного характера и, в частности, на вопросы передачи реалий русской культуры на турецкий язык.

Традиционно к такой лексике ученые относят реалии, экзотизмы, диалектизмы, историзмы, имена собственные, фразеологические словосочетания, игру слов, отступления от литературной нормы [16, 17]. Причем, данные лексические и фразеологические единицы не всегда можно считать безэквивалентными в чистом смысле, поскольку явление безэквивалентности начинает действовать только в узком поле двух сопоставляемых языков. То есть, определенные элементы приведенной классификации могут выходить за границы БЭЛ.

Детально раскрыть вопрос тонкостей передачи с русского языка на турецкий безэквивалентной лексики национально-культурного характера было бы трудно в одной статье. В данной работе мы остановимся на особенностях передачи на турецкий язык реалий русской культуры. Теоретической стороной передачи реалий занимались Л.С. Бархударов, В. С. Виноградов, С. Власов и С. Флорин, И.С. Алексеева, Г.Д. Томахин. В трудах этих ученых сформированы различные классификации реалий. Наиболее общая трактовка дана у Л.С. Бархударова, ученый относит к ним слова, «обозначающие предметы материальной и духовной культуры, свойственные

только одному народу: названия блюд национальной кухни, видов народной одежды, народных танцев, видов устного народного творчества, названия характерных только для одной страны политических учреждений и общественные явления, торговые и общественные заведения [18, с. 95].

Г. Д. Томахин разделяет реалии на два уровня: 1) лексический: а) местные (названия местных достопримечательностей, жаргонизмы), б) временные (реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы), в) ономастические реалии (топонимы, антропонимы, названия произведений литературы и искусства, государственных и общественных учреждений); 2) афористический (цитаты, фразеологизмы). По способам выражения автор делит реалии на: отдельные слова и аббревиатуры, словосочетания, предложения [19, с. 5 – 10].

Более детальны классификации В.С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина. Последние классифицируют реалии в соответствии с их предметным (географические, этнографические, общественно-политические реалии), местным (в плоскости одного языка, в плоскости двух языков), временным и переводческим делением [20, с. 47 – 78].

Систематизация ранее описанных классификаций позволяет нам предпринять попытку предложить свою версию деления реалий на группы: 1) по понятийным областям: а) человек (названия одежды, блюд и напитков, предметов домашней утвари, элементов интерьера, бытовых построек, названия религиозных обрядов и таинств, праздников и элементов религиозного культа, формы речевого этикета, лексем, выражающие эмоциональное состояние человека), б) общество (номинации административных органов, государственных учреждений, политических партий, движений, общественных организаций, названия профессий, титулов, чинов, званий, должностей и рода занятий, номинации социальных классов), в) природа (названия растений, животных, птиц), г) денежные единицы, номинации длины, веса, д) виды транспорта, е) досуг (музыкальные инструменты, танцы, песни, исполнители, фольклор, мифология, названия праздников); 2) по происхождению: а) исконные реалии данного языка, б) диалектизмы, в) экзотизмы; 3) по степени распространения: а) локальные, б) национальные, в) региональные, г) интернациональные; 4) по формально-структурному выражению: а) аббревиатуры и сокращения, б) слова, в) словосочетания; 5) по распространению во времени: историзмы и архаизмы.

Наличие самого понятия «безэквивалентная лексика» не означает, что определенный пласт единиц не может быть передан другим языком. Л.С. Бархударов утверждал, что любой язык обладает способностью выражать «принципиально любые понятия, предметы и ситуации» [21, с.71 – 72].

Для наших параллельных текстов характерны следующие способы лексического отображения реалий:

- нулевой перевод – отказ от передачи значения лексической единицы ИЯ в переводе: Помню, **батюшка**, очень хорошо помню (с.7) – *Hatırlıyorum buraya geldiğinizi, çok iyi hatırlıyorum dedi* (с.10), Пятнадцать копеек в день, **сударь**, не заработает...(с.16) - ... *bütün gün, o da hiç durup dinlenmeden çalışarak, günden on beş kopek bile kazanamaz!*(с.25)). Однако необходимо отметить, что нулевой перевод не отличается константностью на протяжении всего текста и может про-

извольно использоваться самим переводчиком в зависимости от выбранной формы передачи сообщения оригинала. Так, например, дважды встречающаяся в тексте обедня (церковная служба утром или в первую половину дня) первый раз опускается – ... он два раза ходил ... к **обедне** (с.49) – Raskolnikov, yılda bir iki sefer, annesiyle, babasıyla buraya gelirdi...(с.74), а во второй раз передается описательным приемом – А Катерина Ивановна приказала вас очень просить быть завтра утром на отпевании ... за **обедней**...(с.206) – Katerina İvanovna uyağın sabah, **sabah duasından** (утренняя молитва) sonra...(с.311);

- транслитерация – переводческий прием, при котором в качестве эквивалента лексической единицы используется ее графико-фонетическая оболочка: ... выходили ... с **балалайками** (с.50) – ... şarkılar söyleyerek **balalayka** çalarak meyhaneden çıktılar (они вышли из трактира распевая песни и играя на балалайке – с.75), Так и есть: стояла значительная укладка, побольше **аршина** в длину... (с.70) – Tam da düşündüğü gibiydi, karyolanın altında, uzunluğu **bir arşını** geçen ... bir çekmece vardı (Под кроватью, точь-в-точь как он предполагал стоял ящик побольше аршина в длину, с.106), За что давеча дурачок Разумихин **социалистов** бранил? (с.239) – Şu Razumihin budalası ne diye geçenlerde **sosyalistlere** küfretti?(Этот дурачок Разумихин давеча ругал социалистов, с.361). ...нищим любила подавать и о **монастыре** все мечтала...(с.200) – Dilencilere sadaka vermesini sever, hep **bir manastıra** kapanmayı düşünürdü.(Любила подавать милостыню и все думала уйти в монастырь, с.302). Транслитерация целесообразна если замена родо-видовым понятием или описательный перевод ведут к потере национального колорита. Значение транслитерированной единицы ИЯ может быть раскрыто в ПЯ при помощи сноски, пояснения в скобках, или же через контекст, однако, даже это не всегда обеспечивает полное понимание значения лексической единицы реципиентом ПЯ. Стоит отметить, что для наших параллельных текстов использование приема транслитерации характерно при передаче имен собственных и реалий-экзотизмов, попавших в русский язык из европейских языков и ставших характерной особенностью русской культуры определенного периода времени: генерал Кобылев (с.107) – general Kobulyev (с.161). Радищев (с.98) – Radişçev (с.148). ...вот так же вчера вечером, в одной комнате, в шесть голосов, да еще **пуншем** напоил предварительно (с.223) – ...dün gece de böyle... Bir odada altı ses birden. Üstelik de önceden hepimize bol bol **punç** içirmişti.(так и вчера вечером... Шесть голосов в одной комнате. Да к тому же, сперва напоил нас пуншем, с.337). Сам ты описал его, как **мономана**, когда меня к нему привел.(с.184) – Onun bir **monomanı** olduğunu zaten sen kendin ortaya attın.(Это же ты назвал его мономаном – с.276). ...вертел какой-то весьма чувствительный **романс** ... (с.136) – ... **romans** okuyordu...(пел романс, с.204). Транслитерация использовалась переводчиком для передачи тех экзотизмов, которые некогда называли денотаты и понятия чуждые русской культуре и впоследствии вошедшие в ее состав, для передачи же стилизованных лексических единиц, отражающих не столько определенные референты, сколько призванные передать колорит эпохи и привычки времени, то для их передачи переводчик использует стилистически нейтральные описательные эквиваленты, иногда жертвуя стили-

стической функцией экзотизма: Ну, его с надлежащими **онёрами** (фр. почести) и представили в такую-то часть, сюда то есть (с.120) – Onu kendisine yaraşan **törenle** dediği karakola, yani bizim karakola getirmişler... (Его с соответствующими церемониями привели в такой-то участок, то есть в наш, с.181). Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... **аванантненькая** (фр. приятная, привлекательная)... а?(с.109) – Doğrusu bu kadının bu kadar **iyi ve anlayışlı** olacağını hiç beklemediyordum. (По правде говоря, я не ожидал, что эта женщина будет так добра и отзывчива, с.161). Отказ от транслитерации был выбран переводчиком для того, чтобы не перегружать иностранного реципиента излишне незнакомой информацией и не препятствовать адекватному восприятию целостности текста;

- калькирование – переводческий прием, при котором составные части БЭЛ заменяются их буквальными соответствиями в ПЯ. Калька может быть полной – мелким чиновничеством (с.6) – küçük memurlar (с.8), Летний сад (с.65) – yazlık bahçe (с.100) – и полукалька – Марсово поле (с.65) – Mars meydanı (с.100), Малая Нева (с.65) – küçük Neva (с.100). Важно отметить, что применение этого приема не часто встречается в исследуемых нами параллельных текстах и преимущественно связано с передачей топонимов и названий учреждений и т.д.;
- описательный перевод – переводческий прием, заключающийся в передаче БЭЛ с помощью развернутого описания, раскрывающий суть понятия, которое называет единица ИЯ: титулярный советник (в царской России гражданский чин 9 класса, с. 12) – dokuzuncu dereceden bir memur (чиновник 9 ранга, с.18), штаб-офицерская дочь (дочь офицера в чине полковника, підполковника, с.14) – yüksek rütbeli subay kızı (дочь офицера в высоком чине, с.21), образ (изображение святого, в данном случае Девы Марии) – Meryem Ana resmi (изображение Девы Марии, с.49), простенок (часть стены между дверьми или окнами, с.7) – iki pencere arası (пространство между окнами, с.11), мужик – bir Rus köylüsü (житель деревни в России, с.44), владычица (зд. Дева Мария, с.30) – kutsal Meryem Ana (святая Дева Мария, с.46). Преимущество описательного перевода заключается в возможности наиболее полно и точно передать суть понятия, выраженного БЭЛ. Он позволяет максимально снизить потери при передаче лакун;
- родо-видовая замена или гиперонимический перевод – переводческий прием, при котором лексическая единица ИЯ, не имеющая эквивалента в ПЯ передается через более широкое или более узкое в семантическом отношении понятие. Для наших текстов характерны замены видового понятий родовым. Это в общих чертах передает картину происходящего в оригинале и не загружает иностранного реципиента объёмными описаниями особенностей и признаков лексической единицы, но вместе с тем, некоторых смысловозначительных элементов прагматики, национальной специфики и колорита. Так, например, вицмундир (форменная одежда гражданских чиновников в виде фрака в Российском государстве до 1917 г., с.18) – bir frak (фрак, с.21), купеческие приказчики (наемное лицо у купца или в каком-нибудь торговом заведении, выполнявшее поручения торгового характера, занимавшееся по доверенности хозяина торговлей в магазине, с.30) – mağaza tezgâhtarları (торговец, с.45), телега (четырёхколесная повозка с низким кузовом и оглоблями, предназначенная для перевозки грузов жи-

вой тягой, с.37), воз (с.66), коляска (четырёхколесный рессорный экипаж с откидным верхом, с.48) – *araba* (телега, повозка, с.57, с.103, с.72), городской (низший чин городской полиции, с.43), унтер-офицер (чин младшего командного состава из солдат в армии Российского государства до 1917 г., с.44), служивый (относящийся к несению службы, связанный с исполнением служебных обязанностей, обычно военных, с.45) – *polis* (полицейский, с.64, с.65, с.66), крытая гарнитуром (гарнитур – обивочная мебельная ткань, плотная шелковая ткань, с.70) – *kumaş kaplı* (отделанный тканью, с.117).

- функциональная замена – переводческий прием, который предполагает использование вместо лексической единицы ИЯ, аналогичную по функции, единицу ПЯ. Функциональная замена характерна для передачи реалий быта, а именно названий одежды, головных уборов, а также для интерпретации форм речевого этикета: кацевейка (верхняя распашная короткая кофта, с.6) – *pelegrin* (пелерина, накидка, с.10), **кисейные** занавески (тонкий, прозрачный, с.7) – **tül perdeler** (тюль – тонкая сетчатая, гладкая или с узорами, ткань, с.10), лампада (небольшой сосуд с фитилем на поплавке, наполняемый деревянным маслом и зажигаемый перед иконами, у православных и католиков, с.7) – *kandil* (светильник, лампада, с.11), батюшка (фамильярное или дружеское обращение к собеседнику, с.6) – *efendim* (вежливое обращение в разговоре, с.10). Функциональная замена может проявлять себя в грамматических трансформациях и не всегда предполагает замену лакуны на лексическую единицу ПЯ, относящуюся к той же части речи. Примером может служить передача понятий тонкий и прозрачный, выраженных в оригинале прилагательным кисейный словосочетания кисейные занавески. При переводе имя прилагательное оригинала переходит в имя существительное ПЯ, которое, однако, сохраняет ту же, что и оригинал, семантическую функцию: определяет главный член словосочетания *perdeler* (занавески) как тонкие, сетчатые, то есть прозрачные. Можно говорить, что определяющим для использования приема функциональной замены является сохранение и передача семантической функции единицы оригинала.

Наряду с семантическими изменениями при передаче БЭЛ национально-культурного характера возникают разного рода грамматические преобразования, обусловленные нормами и особенностями строя ПЯ, а также риском искажения смысла сообщения в случае сохранения исходной формы лексической единицы ИЯ. Еще одной причиной грамматических трансформаций является попытка сохранить функцию лексической единицы оригинала.

Рассматривая параллельные тексты романа, мы наблюдали грамматические трансформации следующего характера:

- замена частей речи: 1) существительное ИЯ может передаваться прилагательным ПЯ: *солонина под хреном* (с.18) – *etli turp* (с.27), *шляпник* (с.5) – *şapkacı* (с.7) (интересным является то, что перевод *шляпника* как *şapkacı*, его словарным соответствием, недопустим, так как в оригинале фраза «Эй ты, немецкий шляпник!» обращает внимание на причудливую, выделяющуюся в толпе немецкую шляпу героя, а не на то является ли он мастером по изготовлению шляп или нет; именно это черта и передается в ПЯ через прилагательное *şapkacı*, в обратном

случае прямой эквивалент *şarkacı* привел бы к сдвигу в смысловом и функциональном плане всего высказывания Ф.М. Достоевского);

- перевод лексической единицы ИЯ при помощи словосочетания в ПЯ: 1) существительное ИЯ может передаваться в ПЯ словосочетанием существительного с зависимым прилагательным: за *версту* заметят (с.5) – *bir verstlik yoldan fark edilir* (заметен с расстояния в версту, с.8), празднолюбцы (те, кто любят праздность, лентяи, с.15) – *işsiz güçsüz adamlar* (досл. люди без работы, без дела, с.21), сумасброд (безрассудный человек, действующий о случайной прихоти, с.28) – *kaçık adam* (ненормальный, неуравновешенный человек, с.46), пенсия (фр. оклад сверх жалования, оклад по выходе в отставку со службы, пенсия, с.27) – *emekli maaş* (пенсия, с.48), барышня (зд. вежливое обращение к девушке с.44) – *küçük hanım* (девушка, барышня, почтительное обращение, с.67); 2) существительное ИЯ может передаваться в ПЯ одноаффиксным изафетом: образ – *Meryem Ana resmi*, баба – *bir köy kadını*, щи – *lahana çorbası*, мужик – *bir Rus köylüsü*; 2) прилагательное ИЯ может передаваться в ПЯ словосочетанием прилагательного с зависимым наречием: нецеремонные (слова) – *pek açık saçık (birtakım sözler)*, хмельной (с.36) – *iyice sarhoş (с.)*; 3) прилагательное ИЯ может передаваться в ПЯ как словосочетание существительного с причастием, где причастие может быть как главным так и зависимым членом словосочетания: дворянский – *soylular için kurulan* (основанный для знати), сенные (двери) – *koridora açılan kapı* (двери, открывающиеся в коридор), драдедамовый – *şat kumaşından yapılmış* (сделанный из сирийской ткани), суеверный – *kör inançlara kapılır (insan – человек слепых верований)*

Одним из способов перевода БЭЛ национально-культурного характера является использование устойчивых оборотов и фраз ПЯ, они никак не могут претендовать на полное семантическое сходство с оригиналом, однако позволяют передать настрой и характер лексической единицы ИЯ: *обмундировка – üst(üm) baş(ım)*, *заморить – (hayvanın) pestilini çıkaracaksın*.

Выводы. Таким образом, мы рассмотрели понятие безэквивалентная лексика и, обобщив предыдущие классификации, разделили ее на группы. В работе мы более детально остановились на вопросе передачи БЭЛ национально-культурного характера, в частности, на особенностях перевода реалий. Этот пласт лексики мы также разделили на группы, объединив их в 5 классов в соответствии с понятийными областями, происхождением, степенью распространения, формально-структурным выражением и распространением во времени. Выделили 6 приемов передачи реалий, характерных для наших параллельных текстов и рассмотрели грамматические трансформации, наблюдающиеся при их передаче на турецкий язык.

Перспективы. Вопрос отображения и адекватной передачи национального колорита и культурного своеобразия оригинала не ограничивается переводом одних реалий. Интерес для изучения представляет также особенности и способы передачи аллюзий, отступления от литературной нормы и стилизация речи. Передача этих элементов необходима для адекватного восприятия своеобразия подлинника иностранным реципиентом.

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Электронный ресурс] / В. С. Виноградов. — М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с. — ISBN 5-7552-0041-6. — Режим доступа: <http://www.linguists.narod.ru/downloads.html>.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — М. : Международные отношения, 1975. — 240 с.
3. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Международные отношения, 1980. — 341 с.
4. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М. : Русский язык, 1980. — 320 с.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. — М. : «Наука», 1988. — 215 с. — ISBN 5-02-010882-0.
6. Томахин Г. Д. Реалии – Американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и факультетов иностр. яз. / Г.Д. Томахин. — М. : Высш. шк., 1988. — 239 с.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. — М. : Международные отношения, 1974. — 214 с.
8. Бархударов Л. С., там же, с.94.
9. Верещагин Е. М., там же, с. 17.
10. Верещагин Е. М., там же, с. 15.
11. Бархударов Л. С., там же, с.71 – 72.
12. Влахов С., там же, с. 42 – 47.
13. Бархударов Л. С., там же, с. 94 – 95.
14. Швейцер А. Д., там же, с. 101 – 109.
15. Влахов С., там же, с. 9 – 43.
16. Влахов С., там же.
17. Бархударов Л. С., там же.
18. Бархударов Л. С., там же, с. 95.
19. Томахин Г. Д., там же, с. 5 – 10.
20. Влахов С., там же, с. 47 – 78.
21. Бархударов Л. С., там же, с. 71 – 72.
22. Латышев Л. К. Технология перевода. Учеб. Пособие по подготовке переводчиков (с немецким языком) / Л. К. Латышев. — М. : НВИ – Тезарус, 2000. — 280с. — ISBN 5-89191-022-5.
23. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. — М. : Высшая школа, 1990. — 253 с. — ISBN 5-06-001057-0.
24. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс], режим доступа : <http://slovarozhegova.ru/>.
25. Шире круг: русско-украинско-крымскотатарский учебный тематический словарь / [Новикова Т.Ю., Богданович Г.Ю., Балашова И.Г., Буц Н.В., Оказ Л.С., Девлетов Р.Р.] – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2009. – 240 с. — ISBN 978-966-1551-35-9.
26. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка: в 4т. / В.И. Даль. — М. Русский язык, 1978.
27. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. — Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те., 1983. — 480 с.
28. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza: 2 Cilt / F. M. Dostoyevski. — İstanbul: Kumsaati Yayınları, 2002. — 738 s. — ISBN 975841478X.

Гванцеладзе А.М. Особливості передачі безеквівалентної лексики національно-культурного характеру (на матеріалі російських та турецьких паралельних текстів роману Ф.М. Достоевського «Злочин і покарання») / А.М. Гванцеладзе // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2011. — Т. 24 (63), № 3. — С. 136-145.

У статті розглядаються особливості передачі лексики, яка відображує національно-культурний характер, виділяються засоби її переклада та граматичні трансформації.

Ключові слова: тюркські мови, турецька мова, російська мова, перекладознавство, безеквівалентна лексика, граматичні трансформації, компаративістика.

Gvantseladze A.N. Peculiarities of translation of the culture – specific vocabulary (on the material of the Russian and Turkish parallel texts of the F.M. Dostoyevsky’s novel “Crime and Punishment”)
/ A.N. Gvantseladze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 136-145.

The features of the translation of the culture – specific items are described in the article. There are general methods of translation and grammatical transformations marked out.

Key words: the Turkic languages, the Turkish language, the Russian language, translation, culture – specific items, grammatical transformations, comparative-contrastive grammar.

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

УДК. 81-13 + 821.512.162

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ «ШЕРЕФНАМЕ»)

Мамедова Л. Я.

Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com

В данной статье исследуются синтаксические функции прилагательных. Автор исследует прилагательные на основе поэмы Низами Гянджеви «Шерефнаме». Отметим, что это произведение написано на персидском языке.

Ключевые слова: персидские прилагательные, Низами Гянджеви, «Шерефнаме»

Постановка проблемы. Анализируя произведения великого Низами, мы наблюдаем как, воспевающий красоту поэт, использовал слова и выражения в самых красивых формах. Он не только воспевал красоту, но и также показывал неэтические аспекты, которые противоположны красоте. И самое оптимальное языковое средство, которое он использовал, с этой целью было прилагательное.

Низами мастерски смог использовать богатейший потенциал прилагательных. В его произведениях наблюдается употребление прилагательных в качестве всех главных членов предложения. В статье анализируются синтаксические свойства прилагательных на материале произведения «Шерефнаме». В отличие от русских и азербайджанских лингвистов персидские учёные принципиально не сгруппировали прилагательные. Хотя персидские лингвисты не анализировали прилагательное, как отдельную часть речи, в предложении при обозначении признака предмета, указывали на прилагательное. Например, Хасан Ахмед Гиви и Хасан Энвери в книге «Грамматика персидского языка» рассматривают прилагательное как определение и часть речи, которая может быть определена, как прилагательное была включена в эту категорию. Они дали следующее определение прилагательного:

«Прилагательное-определение существительного, качество, количество существительного, а также характеризующее слово или же группа слов. Прилагательное, относящееся к существительному, называется определением.

Имена прилагательных в функции определений в литературном языке, встречаются, как правило, после определяемого слова и приобретают функцию изафета: آب گرم ab-i garm (горячая вода); کوه بلند kuh-i boland (высокая гора); هواى سرد hava-yi sard (холодная погода) [6, 45]

Благодаря широкому семантическим и грамматическим возможностям именного сказуемого, выраженного прилагательным, подлежащее может получить всестороннюю качественную характеристику. Например:

أبجی خانم بلند بالا لاغر و گندم گون بود

Абджи-ханум была высокой, худой и смуглой [5, 357].

В основном прилагательные делятся на 6 групп:

1) Изъяснительные

- 2) Указательные
- 3) Числительные
- 4) Вопросительные
- 5) Выражающие удивление
- 6) Неопределённо-личные местоимения [5, 110].

Как мы видим, здесь прилагательное определяется не как часть речи, а как единица входящая в состав определяемого. И поэтому числительные, и даже местоимения входят в эту группу, где происходит их совмещение. Здесь прилагательное определяется в рамках предложения, где у него имеются соответствующие функции.

Мухаммед Джавад Шариат в книге «Грамматика персидского языка» развивая данную тематику, пытается определить границу между прилагательным и существительным. Он пишет:

«Иногда определять границу между существительным и прилагательным очень сложно. Например, первая категория существительного مرد мужское слова иногда означает мужество и отвагу, является прилагательным. В таких случаях прилагательное, относящееся к существительному может его и характеризовать.

Для разграничения существительного от прилагательного автор предлагает своеобразную формулу. Согласно этой формуле благодаря словам выполняющим роль сказуемого по определенным признакам можно легко определить существительное или прилагательное. Например:

Хасан хороший – حسن خوب است.

Ребёнок мальчик – بچه پسر است.

Слово خوب здесь безусловно прилагательное, слов же پسر по лексическом признакам существительное [7, 260-261].

Прилагательное выполняет функцию определения в том случае, когда у человека объективный и субъективный миры взаимосвязаны с предметами и широта мысли меняет характер. Широта мысли пропорциональна диапазону восхвалений. Это и есть специфическая черта произведений Н. Гянджеви. Глубокое мышление писателя, вызывающее разновидности фантазии и богатство лексикона, помогли ему творить шедевры. Для передачи своих мыслей автор использовал все части речи, а чтобы показать качество и форму предмета использовал огромное число прилагательных.

Наиболее интересно наблюдать случаи употребления прилагательного в роли определения в произведениях Н. Гянджеви:

بدان چار گوشه خط اطلسی بر انگیخت اندازه هندسی

[2, 57]

Он с шёлковым почерком

Нарисовал геометрическую фигуру.

В данном примере, обратите внимание, как поэт смог выразить дополнение в роли определения. В этом куплете هندسی прилагательное относится к слову اندازه.

Прилагательное в роли определения в предложении относится ко всем членам предложения, которые обозначают предмет:

Относится к подлежащему:

همان عهد دیرینه بر جای داشت علمهای پیشینه بر پای داشت

[2, 75]

То самое прошлое обещание было на месте,
Древние науки были в работе.

جوابی نوشت آنچنان دلپسند که بوسید دستش سپهر بلند

[2, 159]

Так приятно ответил что,
Голубое небо поцеловало его руку.

В двух куплетах определение стоит у подлежащего. В первом куплете слова *دیرینه* – прилагательные определяют слово *عهد*, слова *پیشینه* - прилагательное определяют слово *علمها*, слова *بلند* - прилагательные определяют слово *سپهر*. Во всех трёх куплетах прилагательные определяют подлежащее.

Относится к дополнению:

کسی کز تو در تو نظاره کند ورقهای بیهوده پاره کند

[2, 9]

Смотрящий человек на тебя

Порвёт не нужные листы.

شود برگ ریزان ز شاخ بلند دل باغبانان شود دردمند

[2, 27]

С высокой ветки падает листок,

Сердце садовника впадает в грусть.

سراینده کن ناله چنگ را در آور برقص این دل تنگ را

[2, 19]

Воспевай стон Ченги,

Пусть сыграет это грустное сердце.

رخی چون گل وبر گل آورده خوی بمن داد جامی پر از شیر و می

[2, 62]

Щёки как будто цветок и характер цветок

Мне дал бокал с молоком и вином.

بیا ساقی از سر بنه خواب را می ناب ده عاشق ناب را

[2, 30]

Да забудь ты сон с виночерпием

Настоящим влюблённым дай внушительное вино.

В каждом куплете примеры относятся к дополнению. В первом куплете слова *بیهوده* - прилагательные определяют слово *ورقها*, во втором куплете слово *بلند* - прилагательное определяет слово *شاخ*, в третьем куплете слово *تنگ* - прилагательное определяет слово *دل*, в четвёртом куплете слова *شیر و می* - прилагательные определяют слово *جامی*, а в последнем куплете слово *ناب* - прилагательное определяет слово *می*. Это еще раз доказывает что, независимо от состава (простое, составное или сложное) в качестве определения могут выступать разные части речи.

З.И.Пейсиков, обсуждая тему «подлежащее выражённое прилагательным», подчеркивает богатый потенциал прилагательных в нижеуказанных примерах:

سفید در دو حرکت سیاه را مات می کند

Два хода и белые - проигрывают чёрным,

پیر نمی تواند سرخ را از زرد تشخیص بدهد

Старик не может отличить красный цвет от золотого.

В этих предложениях سفید и پير несмотря на то что, слова являются прилагательными, они субстантивируются и выполняют роль подлежащего.

سیاهان که تاراج ره می کنند بدزدی جهان را سیه می کنند

[2, 24]

(В дороге набросок воруют, крадут

Воровством подняли мир)

В этом куплете слово سیاهان – прилагательное обозначает предмет, выражает понятие путём лексического значения, принимает множественное число и таким образом выступает в функции подлежащего.

Так как дополнение выражает объект, все части речи в функции дополнения должны быть в объектной форме, что характерно, прежде всего, для существительных. Это также характерно и для прилагательных. Рассмотрим следующий пример:

مرد پير را پشتش گرفت

(Старик взял мужика на спину)

پير را پشتش گرفت

(Старика взял на спину)

بیمار را در مان کردم

(Я вылечил больного)

سفید را به بالای سرش بلند کرد

(Белую - поднял на голову)

В этих предложениях нет слов, указывающих на предмет и их значение не меняется. И это зависит от того что здесь происходит объединение значений слова مرد со словом پير и بیمار, значение слова سفید со словом бумага. Слова в первом предложении только обозначают признак, во втором предложении и обозначают признак и выражает его. Эти слова относятся также к третьим и четвёртым предложениям прилагательных, после того как субстантивируются, могут быть дополнением. Например:

چو بدخواهان را در گل آکنده کرد پراکندگان را پراکنده کرد

[2, 127]

(Недоброжелатель в грязи запачкал,

Расставшихся друг от друга отделил)

دگر دشمنان را در آرد به خاک شود دوست پیروز و دشمن هلاک

[2, 81]

(На лишних врагов нападает,

Друг победит, враг умрёт)

فسرده دلان را در آرد به کار غم آلودگان را شود غمگسار

[2, 45]

(Кто не в силах в движение приведёт,

Кто в грусти, сочувствие даст)

Косвенное дополнение بدخواهان, پراکندگان, دشمنان, دلان, فسرده, آلودگان, غم при использовании послелога выражает соответствующие значения:

گه آری جنیدی ز بتخانه گهی آشنائی ز بیگانه

[2, 6]

(Иногда из храма вытащишь Джунейда

И иногда чужого превратишь в близкого)
Прилагательное также может выступать в роли именного сказуемого:
گریوه بلندست و سیلاب سخت میچان عنان من از راه بخت

[2, 10]

(Гора высокая, гроза острая.

Мою уздечку не вороти назад с счастливой дороги)

اگر نیکم و گر بدم در سرشت قضای تو این نقش بر من نبشت

[2, 10]

(По характеру будь я добр или плохой

Это твоя судьба написала мне)

هوای معتدل بوستن دلکش است هوای دل دوستان زان خوش است

[2, 61]

(Воздух луга восхитителен

Сердце друзей с ними хорошо)

Выводы и перспектива. Как видно, прилагательное выражает не только признак, но и также качество предмета, которое встречается при его употреблении в роли главных членов предложения. Низами Гянджеви в своём творчестве использовал эти качества в богатейших формах.

Литература

1. Современный Азербайджанский язык. Ч. 3; [на азерб. языке]. – Баку, 1981.
2. Гянджеви Н. Шерефнаме / Н. Гянджеви; [на азерб. языке]. – Баку, 1947.
3. Арендс А.К. Краткий синтаксис современного персидского языка / А.К. Арендс. – Москва, 1941.
4. Пейсиков Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка / Л. С. Пейсиков. – Москва, 1959.
5. Пейсиков Л. С. Лексикология современного персидского языка / Л. С. Пейсиков. – Москва, 1975.
6. دکتر حسن احمد گبوی/ دکتر حسن انوری. دستور زبان فارسی. تهران 61377
7. دکتر محمد جواد شریعت. دستور زبان فارسی. تهران 71364

Мамедова Л. Я. Синтаксичні функції прикметників (на матеріалі твору Нізамі Гянджеві «Шерефнаме») / Л. Я. Мамедова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 146-150.

У даній статті досліджуються синтаксичні функції прикметників. Автор досліджує прикметники на основі поеми Нізамі Гянджеві «Шерефнаме». Зазначимо, що цей твір написано на перській мові.

Ключові слова: перські прикметники, Нізамі Гянджеві, «Шерефнаме»

Mammadova L.Y. The syntactic functions of the adjectives (on Nizami Ganjavi's poem "Sharafname") / L.Y. Mammadova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 146-150.

The paper investigates the role of the Persian adjectives as the main and auxiliary parts of sentence. The analysis reveals their big syntactic potential. For this purpose the poem "Sharafname" written by the great Azerbaijani classic Nizami Ganjavi serves as an empiric material in the research.

Keywords: Persian adjectives, Nizami Ganjavi, "Sharafname", sentence

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811.161.1+811.411.21

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ

Шеремет В. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: sheremetvitaliy@gmail.com*

В статье рассматривается место категории падежа в машинном переводе.

Ключевые слова: языкознание, машинный перевод, категория падежа.

Постановка проблемы. Основными методами работы с языковым материалом в прикладной лингвистике, на данный момент, являются методы моделирования, алгоритмизации - методы формального представления информации [1, 61]. Перевод, как один из способов представления языкового материала, также является объектом моделирования. Научные изыскания последнего десятилетия в этой области вскрывают неразрывную связь лингвистической стороны языка с экстралингвистической (типичные речевые ситуации, социальная стратификация и др.), без учета которой невозможна реализация электронного перевода на уровне, удовлетворяющем международным стандартам [2, 56]. В связи с этим машинный перевод предстает сложной, многоаспектной проблемой, требующей комплексного подхода. Категория падежа, как часть лингвистической системы, также участвует в процессах формализации. Одно из основных требований, предъявляемых к корректному языковому моделированию, – точная запись элементов, обращение к конкретно-семантическому началу с целью последующей их идентификации и классификации [3, 79]. В современной лингвистике, как правило, вопрос формализации категории падежа решается при помощи грамматических таблиц, включающих в себя все возможные морфологические формы [4]. Недостаток существующих систем перевода - обращение к подобным таблицам, так как перевод представляется задачей, требующей комплексного (основанного на синергии всех уровней языка) решения.

Задачам комплексного решения данной проблемы отвечает подход, основывающийся на поиске лингвистических эквивалентов, позволяющий работать при переводе на разных языковых уровнях и на стыке грамматических категорий (что особенно важно для перевода с/на неблизкородственные языки). Именно поэтому изучение категории падежа на уровне лингвистических эквивалентов, как в близкородственных, так и в неблизкородственных языках играет важную роль для осуществления перевода машиной.

Работа в этой области практически не ведется: можно назвать только несколько изысканий, посвященных определенным аспектам вопроса перевода категории падежа [5; 6], ориентированных, прежде всего, на одноуровневые переводческие решения, что обуславливает новизну данного исследования.

Данные обстоятельства обусловили **цель** работы: выявить роль категории падежа в машинном переводе. Поэтапное достижение цели отражено в следующих **задачах**: **1)** рассмотреть этапы развития машинного перевода через призму соответ-

ствующих пониманий категории падежа; **2)** пронаблюдать на практике реализацию перевода категории падежа в электронных переводчиках на морфологическом, синтаксическом, стилистическом уровнях; **3)** выявить роль категории падежа в машинном переводе.

1. Первым этапом машинного перевода: 1949-1960 года. Доминирующими в этом периоде для прикладной лингвистики является концепция «текст-текст» и принцип дешифровки [7]. В теории перевода основное место занимает порождающая грамматика. Соответственно падеж, применительно к машинному переводу (МП), понимается исключительно в русле выразителя глубинных отношений [8]. В отрыве от перевода падеж изучается на морфо-семантическом уровне [9]. Следующий этап развития теории и практики перевода: 1960-1973 года. Его характеризуют: **1)** накопление знаний о языковых формах (в частности, грамматический словарь А. А. Зализняка [10]); **2)** появление теории эквивалентности [11]; **3)** исследование семантики слов с целью достижения эквивалентного перевода (например, рассмотрение падежа как единицы, обладающей инвариантным значением со множеством вариантов [12]). Исследования, которые велись впоследствии, тяжело разделить на этапы, т.к. одновременно разрабатывалось множество теорий и подходов, как к падежу, так и к переводу. Общее положение дел заключается в привлечении все большего количества языковых и внеязыковых фактов [13;14], активном использовании наработанной базы для составления морфемных, синтаксических анализаторов (<http://morpher.ru>, <http://company.yandex.ru/technology/mystem/> и др.), электронных переводчиков (<http://russian.babylon.com/index.html>, <http://www.promt.ru/> и др.), систематизации теории перевода [15]. Наряду с этим образуются новые и оцениваются сформировавшиеся теории, описывающие категорию падежа [16;17;18;19;20;21].

Основными результатами эволюции теории и практики перевода стала алгоритмизация, разбиение переводческого процесса на этапы (морфологического анализа, анализа синтаксиса и т.д.), базирование на различных лексикографических массивах (представленных особым образом знаниях) [22, 214]. В плане категории падежа – успешное моделирование применительно к лексикографическим системам [23].

2. Анализ современного состояния практики перевода позволяет судить о роли категории падежа в машинном переводе (см. таб.1.1.).

Таблица 1.1. Сравнительный анализ результатов электронного перевода

Фраза ИЯ	Фраза ПЯ		
	http://pereklad.online.ua/	Google translation	Google translation
я стал врачом	я став лікаркою	Ben bir doktor oldu	أصبحت طبيب
во имя веры	в ім'я віри	iman adına	في اسم الإيمان
через посредство новых законов	через посредство новых законів	yeni yasa ile	من خلال قوانين جديدة
я слышал, что ощущающему любовь человеку все подвластно	я чув, що людині, що відчуває любов, все підвладно	Ben bir kişi aşk her şeyi tabi hissediyorduydum	سمعت أن يشعر الشخص الحب كل شيء يخضع ل

Так, например, переводная фраза أصبحت طبيباً неоднозначна, в отличие от фразы ИЯ (исходного языка), очевидно, что во время перевода была допущена ошибка, ее источник – неправильная транслация падежа.

Электронный переводчик в некоторых случаях не распознает сложные **падежные конструкции** (во имя) и переводит их дословно (iman adına), в то время, как в ПЯ (переводящем языке) есть точный эквивалент: (bir şey uğrunda). В связи с этим смысл выражения теряется.

В ряде случаев при машинном переводе утрачивается **стилистическая** нагрузка фразы из-за подмены падежной конструкции (yeni yasa ile вместо aracıyla, vasıtasıyla).

При переводе падежа в **синтаксических** конструкциях первоочередный статус синтаксиса можно наблюдать в русско-украинской транслации, где причастная форма на –ущий, была заменена соответствующим ей придаточным оборотом. В турецком и арабском языках присутствует попытка пословного перевода, который ведет к смысловым потерям. Потеря языковой специфики (так, например, фраза سمعت أن يشعر некорректна и требует добавления местоимения в именительном падеже, сочетание الشخص الحب يشعر является именным предложением, тогда как в случае перевода причастия на –ущий является необходимым изменить порядок слов и состояние подлежащего, либо использовать другую синтаксическую конструкцию. Схожая ситуация наблюдается и в машинном переводе на турецкий язык.

Роль категории падежа в МП заключается в следующем:

1) она уточняет общее значение фразы и позволяет более точно подобрать переводческий эквивалент;

2) она тесно связана с другими категориями различных языковых уровней (семантического, синтаксического, стилистического), что обуславливает ее важность для эквивалентного перевода конструкций, в состав которых она входит.

Выводы и перспективы. Теория перевода на данный момент располагает обширным материалом, собранным в процессе становления переводческой мысли. Недостатком сложившейся ситуации является то, что накопленные данные не реализованы в должной мере на практике. Так, например, является очевидным, что основным принципом работы с падежной категорией, внедренным в электронный переводчик, является эквивалентный перевод на простейшем уровне, зачастую – элементный. Важность роли категории падежа в МП не учитывается, в то время как, анализ показывает, что перевод падежа затрагивает область не только морфологии, но и семантики, синтаксиса, стилистики.

Рассмотренные в данной работе положения не исчерпали вопроса эквивалентного перевода категории падежа и предполагают дальнейшую их разработку в направлении оптимизации систем МП.

Список использованной литературы

1. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика / Марчук Ю. Н. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 61.
2. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика / Марчук Ю. Н. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 56.
3. Широков В. А. Элементи лексикографії / Широков В. А. – К.: Довіра, 2005. – С. 79.
4. Широков К. В. Іменна словозміна у сучасній турецькій мові / Широков К. В. – К.: Довіра, 2009. – 318 с.
5. Савицкая Г. В. Функциональные эквиваленты русского творительного падежа (адвербиального) в немецком языке. : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «германские языки» / Савицкая Галина Викторовна ; МНУ. – Минск, 1983. – 188 с.
6. Шуан Сунь. Семантическая интерпретация падежных форм в системах русско-китайского машинного перевода : на примере творительного падежа : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 «Сравнительно-сопоставительное языкознание» / Сунь Шуан ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 198 с.
7. Fawcett P. Translation and Language: Linguistic Theories Explained / P. Fawcett. Manchester, – St. Jerome Publishing, 2003. – 224 p.
8. Ал-Самраи М. М. Р. Глубинные падежи и их реализация в поверхностной структуре персидского языка : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 : «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии» / Ал-Самраи Мохаммад Мухи Рашид ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2004. – 194 с.
9. Якобсон Р. О. Избранные работы / Звегинцев В. А. – М.: Прогресс, 1985. – С. 169-172.
10. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение / Зализняк А. А. – М.: Наука, 1973. – 370 с.
11. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Бархударов Л. С. – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
12. Падучева Е. В. Об описании падежной системы русского существительного (некоторые проблемы омонимии при машинном переводе) / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания, 1960. – № 5. – С. 104–111.
13. Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика / Лангаккер Р. У. – М., 1992. – 54 с.
14. Финкельберг Н. Д. Теория и технология перевода / Финкельберг Н. Д. – М.: Восточная книга, 2010. – 400 с.
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода [электронный ресурс] / В. Н. Комиссаров. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty/extfile/help2/html/unnamed_22.html.
16. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики [электронный ресурс] / Г. П. Мельников. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov.htm>.
17. Дремов А. Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. «Русский язык» / Дремов Алексей Федорович ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 187 с.
18. Лаврентьев А. М. Типологический анализ категории падежа в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Лаврентьев Алексей Михайлович ; Новосиб. гос. университет. – Новосибирск, 1999. – 229 с.
19. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление Кацнельсон С. Д. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
20. Потье Б. Типология [электронный ресурс] / Б. Потье // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XXV. Контрастивная лингвистика. – режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25/source/worddocuments/_10.htm.
21. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – 1981. – № 10. – С. 305–340.
22. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика / Марчук Ю. Н. – М.: Восток-Запад, 2007. – 238 с. – ISBN: 5-17-039480-2.
23. Широков К. В. Іменна словозміна у сучасній турецькій мові / Широков К. В. – К.: Довіра, 2009. – 318 с.

Шеремет В.В. Роль категорії відмінку в машинному перекладі / В.В. Шеремет // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 151-155.

У статті розглядається місце категорії відмінку у машинному перекладі.

Ключові слова: мовознавство, машинний переклад, категорія відмінку.

Sheremet V.V. The place of the case grammatical category in the machine translation / V.V. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 151-155.

In the article the place of the case grammatical category in the process of the machine translation is observed.

Key words: linguistics, machine translation, case grammatical category.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 821

ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ, ПРОЙДЕННОГО КЛАССИЧЕСКОЙ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИЕЙ, В ПРОИЗВЕДЕНИИ Э. ДЖ. В. ГИББА

Кареева Л. Я.

*Институт Литературы имени Низами НАН, Азербайджан,
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В представленной статье в систематическом виде исследованы исторические периоды тюркоязычной поэзии, особенности каждого периода и его влияние на последующий период. Описана работа о формировании тюркоязычной поэзии знаменитого английского востоковеда Э.Дж.В. Гибба «История Османской поэзии».

Ключевые слова: литературный стиль, национальный дух, стихотворная форма, поэтическая система, рифма

Постановка проблемы. Выдающийся востоковед Элиас Джон Вилкинсон Гибб – автор шеститомного произведения «История Османской поэзии». В первом томе указанного труда Э. Дж. В. Гибб демонстрирует свое отношение к истории зарождения тюркской монументальной поэзии, её особенностям и кругу влияния. В своей работе учёный охватывает все периоды становления Османской империи и рассматривает успешные и неуспешные моменты, наблюдаемые в османской поэзии на этих исторических этапах.

По мнению Гибба, для верной оценки периодов османской поэзии необходимо раскрыть её цели и традиции. Автор работы делит путь развития османской поэзии на два периода – Старую Школу - азиатскую, и Новую - европейскую. Первая школа охватывает период с начала древней истории до середины XIX века, второй период, начавшийся со второй половины XIX века, за несколько лет сумел превзойти предшествующий ему литературный период. Учёный указывает на то, что старый период османской поэзии охватывает пять с половиной столетий, и, несмотря на множество пройденных им этапов за этот долгий промежуток времени и на сложности, с которыми сталкивалась поэзия на различных периодах своего развития, она оставалась верной традициям и сохраняла свои основные особенности и свойства.

Гибб условно делит этот длительный начальный этап поэзии на четыре периода. Первый период охватывает 1300-1450 года, второй - 1450-1600 года. На первом периоде, именуемом периодом зарождения поэзии, западная ветвь тюркского языка начала формироваться как литературный язык. Востоковед отмечает, что на втором периоде связанные с языком сложности уже были преодолены, поэты стали объединяться вокруг поэтической школы, основанной на традициях знаменитого персидского поэта Джамии. Гибб показывает, что на третьем периоде, охватывающем полностью XVII век, поэзия ещё более совершенствуется и наблюдается замена литературного стиля Джамии стилем Урфи, а затем стилем Саиба Табризи. Четвёртый период, охватывающий XVIII – первую половину XIX вв., Гибб называет периодом колебания. Многие поэты этого периода следовали по поэтическому пути персид-

ского поэта Шовкати, подражали ему, но это длилось недолго. Несколько позже против этого подражания выступает новое направление, после кратковременного существования идея «тюркизации поэзии» рушится, и поэзия вновь обращается назад - к персоязычному периоду. По мнению автора, именно в этот отчаянный период вошло солнце новой, западной культуры, и повеяло дыханием жизни на места, осенённые тенью смерти. Конечно, востоковед совершенно прав, говоря о том, что эти четыре периода тесно связаны друг с другом, что литературная традиция настолько тонкая вещь, что различить её не так уж просто. Однако при детальном рассмотрении этих периодов в каждом явно выступает определённое течение и для системного исследования пути развития османской поэзии они имеют большую значимость.

Гибб относит к великой османской расе не только тюрков западного и восточного происхождения, но и татар, туркменов и монголов, и отмечает, что «эта раса никогда не создала никакой религии, философии и литературы с утверждающей печатью собственной гениальности. Ибо истинный гений этой расы заключается не столько в мысли и воображении, а в её активности, действительности. Турки и все представители тюркской расы, прежде всего, воины». До влияния исламизации на Среднюю Азию построенные тюрками общества на первых порах служили, можно сказать, военной цели. Во время одного похода сплочённые вокруг одной идеи различные роды, семьи или же отдельные личности расходились. Но немного погодя они вновь превращались в членов нового кратковременного единства. Основываясь на наблюдениях учёного, следует отметить, что самыми характерными чертами турок были качества, свойственные совершенному воину: преданность и отважность. Элиас Гибб так характеризует это: «Нет необходимости говорить об отважности турок. Всеми миру известно, что отважность – врождённый знак, передаваемый каждому чистому турку по наследству. Преданность также присущее им качество, которое проявляется во многих направлениях. Подобные особенности, возможно, являются самыми явными атрибутами, составляющими основу османской поэзии» [1, 6].

В качестве самого яркого примера качества, свойственного туркам, Гибб приводит их отношение к исламу. По его мнению, религиозные чувства турок не были сильными. В древние времена, до прихода иноземных миссионеров, религиозность для турок заключалась в поклонении природе. Затем некоторые турки в результате иноверного влияния приняли буддизм или же христианство. Однако по истечении времени большая часть их приняла ислам. Конечно, это не было следствием того, что эта религия более согласовывалась с их душой, это был всего лишь результат условий, в которых они оказались. Вместе с тем турки со времени принятия этой веры вплоть до сегодняшнего дня с непоколебимой отвагой и верностью защищают и берегут её. Гибб пытается дать ещё больше сведений, связанных с верой турок, он указывает на то, что они не применяли никакого насилия в связи с этой верой, не делали попыток навязать эту веру другим народам, востоковед подчеркивает, что и в этом вопросе они преданно следовали принятым принципам. Конечно, эта преданность составляет основу тюркского характера, поэтому мы попытаемся раскрыть, каково было в дальнейшем её влияние на литературу. По мнению английского востоковеда, основная причина того, что турки не смогли создать литературу,

которая бы выразила истинный гений их расы, которая полностью отразила бы их национальный дух, заключается в полученном от своих предков воспитании в духе воина. Однако они любят свою культуру, берегут её и прекрасно знают её цену. Таким образом, турки подобно тому, как раньше чистосердечно, со всей душой приняли ислам, беспрекословно, безоговорочно и искренне следуя его принципам, так они приняли и персидскую литературную систему до мельчайших её подробностей. Они даже не стали разбираться ли персидская культура с их природой, соответствует ли она ей. Не было и попыток согласовать персидскую культуру со своими национальными особенностями. Напротив, турки сами пытались приспособиться к ней, заставили себя думать как персы и смотреть на всё глазами персов. В привязанности и преданности этой принятой ими системе кроется причина такого долгого существования Старой османской поэтической школы. В самом деле, пятисот пятидесятилетняя преданность турок это традиции – всё та же характерная особенность турок, которая полностью отразилась в поэзии.

С начала создания литературы турки с целью ещё большего обогащения словарного запаса родного языка широко использовали арабские и персидские слова и выражения, превратив это, своего рода, в традицию. Эти заимствованные слова, хотя и сохранили свою первичную форму, были увязаны с правилами тюркского языка, отуречены. Вследствие этой тесной связи, влияния на родной язык положений персидской мысли и вкуса, османский поэтический язык второго и последующих периодов напоминал сложное и пёстрое мозаичное табло. На протяжении пяти с половиной столетий, которые охватывает Старая поэтическая школа, особенно в третий период, не вызывало удивлений использование любого арабского и персидского слова словно родного турецкого. Тот или иной поэт или писатель, пишущий на основе этих классических языков, естественно был свободен в выборе и использовании заимствованных слов и выражений согласно своему вкусу и знаниям. Единственным требованием было согласование заимствованных слов и выражений с правилами турецкой грамматики. Отметим, что с созданием Новой Школы такая свобода была несколько ограничена. Таким образом, некоторое очищение языка от наиболее чужеродных элементов, от иноязычных слов, которые с трудом вписываются в язык, взамен использование подобно другим народам слов и выражений, связанных с научным и техническим развитием стало традицией. Однако принцип использования остался неизменен. Арабские и персидские слова сейчас с большой осторожностью заменялись французскими. Выражаясь словами Гибба, с целью выражения новых идей, порождённых новой культурой, западные слова и выражения низвели древнюю азиатскую фразеологию с престола славы, на которой она восседала долгими годами, и превратили их в часть языка, на котором ныне говорят. Мысли английского востоковеда по поводу истории турецкой поэзии представляют ценность как результат долгих и глубоких исследований учёного. Автор так выражает своё отношение к источникам, которые считают, что турки писали более под влиянием арабов, чем персов: «Мы знаем об использовании персидского стиля в литературе Старой Школы. Перед тем, как начать исследование турецкой поэзии, необходимо бросить взгляд на исторические условия, когда персы указывали литературный путь туркам» [1, 8]. Гибб, хотя и не указывает на эти источники, не соглашается с ними. По нему, за исключе-

нием фикха и религии, это суждение неверно. В литературе, особенно в поэзии, турки подражали персам. Ни один турецкий поэт не подражал стилю того или иного арабского поэта. В то время как тот или иной турецкий поэт пытался создать стихотворение в стиле своего персидского учителя.

Востоковед попытался исследовать формы поэтической системы, заимствованной турками у персов. Он, говоря о стихотворных формах, пишет о том, что заимствованная турками у персов литературная система, само по себе уже было заимствованием. Всё, связанное со структурой стиха, можно сказать, до мельчайших моментов, персы переняли у арабов. Османцы всего лишь дополнили её, присоединившись к персизированной арабской системе. Приблизительно к концу XVII века, когда в литературе начал проявляться национальный дух, османцы начали использовать свои новые, несложные, довольно простые поэтические формы. Такая подвергнутая изменениям система как единственная просуществовала до 1879 года. В указанное время великий реформатор Хамид бек внёс в турецкую поэзию конкретные западные поэтические формы. Элиа Гибб пишет о том, что на формирование мыслей ему по этому поводу повлияли три книги, и отмечает, что каждая из этих трёх книг была написана в Средней Азии ранее XIV столетия, которое считается началом поэзии на османском, точнее сказать, западном тюркском языке. Говоря о том, что книга «Кутатгу-Билик» («Наука о счастье») - самая древняя из них, востоковед отмечает, что это произведение было написано в жанре маснави. Учёный также добавляет, что данное произведение было переведено на немецкий язык профессором Вамберином и с его содержательным и ценным предисловием было издано в 1870 году в Германии [1, 71]. Востоковед считает «Кутатгу-Билик» самой первой книгой на языке тюрков. Произведение было завершено в 1069-1070 годах. Оно было написано на уйгурском наречии тюркского языка.

Второй древней книгой, о которой повествует востоковед, является «Диван-и-хикмет» Ходжа Ахмеда Ясави. Гибб, говоря о том, что книга была написана примерно пятьдесят лет после «Кутатгу-Билик», пишет о том, что по мнению Валида Челеби дата создания произведения 1106 год. Однако Гибб не соглашается с этим. Он отмечает, что согласно книге «Хазинатуль-асфия» Гуляма Маммеда, Ходжа Ахмед Ясави являлся самым известным турецким шейхом и скончался в родном городе Ясе между 1166-67 годами, учитывая это невозможно согласиться с тем, что книга была написана некоторое время спустя. Книга написана на чагатайском наречии узбекского языка. Согласно сведениям, данным в начале книги, Диван является вторым томом произведения автора. К сожалению, нет никаких сведений о его первом томе. Состоящая в основном из небольших по объёму стихотворений книга носит в целом суфийский характер. Все стихи представлены четверостишием. Первые три строки рифмуются между собой, четвёртая же, заключительная, открывает новую рифму. Все четвёртые строки в четверостишиях связаны рифмой. Подобная форма считается весьма популярной среди тюрков. В некоторых случаях одинаковая рифмовка повторяется в середине и конце первой, а также в середине и конце второй строк. Использование такой рифмовки свойственно и персидской литературе. Однако размер, используемый Ясави чисто тюркский.

Третьей из древних тюркоязычных книг, указанных востоковедом Гиббом, является книга «Юсиф и Зулейха», повествующая об истории любви, упоминаемой в священных писаниях, это произведение предположительно написано неким по имени Али в 1233 году. Гибб сообщает также о том, что это произведение с множеством образцов было опубликовано Т. Хоутсманом в 1889 году в 34-ом томе журнала, издаваемого Восточным Обществом Германии. Гибб приходит к выводу, что за исключением прозы, основанной на совершенно других принципах, эти три книги, являющиеся образцами родной тюркской поэзии, дают возможность сделать вывод о существовании множества общих положений между тюркской и персидской поэзиями. Гибб считает это весьма естественным. Он отмечает, что одним из факторов, делающим важным заимствование персидско-арабской поэтической системы было то, что используемые турками названия наук, искусств, стихотворных форм, размеров, технических терминов и т.п. было арабского происхождения. В то время как все эти слова на арабском языке употреблялись в различных значениях, в метафоричной форме, на турецком языке лишь незначительная часть этих слов использовалась в первичном значении, другая часть, не придавая значимости первичному смыслу слов, использовалась в качестве технических терминов. Далее автор анализирует стихотворные формы османской поэзии, это свидетельствует о глубоких знаниях востоковеда в области восточной поэзии. Он отмечает, что во всех сферах, связанных с персидской и османской литературой, внешний вид поэзии был определен строгими и непреложными, недопускающими никаких исключений правилами, твердо установленными канонами.

Выводы и перспектива. Таким образом, в поэзии существовали восемнадцать конкретных поэтических форм, каждая форма была приспособлена к определенной теме. Аналогично, для выражения своих мыслей поэт должен был выбрать одну из восемнадцати видов. Создание новых же было никоим образом невозможно, подобная мысль даже не приходила на ум поэтов - представителей Старой Школы. Соответственно, число стихотворных видов также было ограниченным. Однако число возможных стихотворных разновидностей было немалым. Далее в своём труде учёный востоковед касается проблемы стихотворных форм, даёт подробные сведения о строке, бейте, о поэтической форме маснави, газели, касыде, кыт'а, мустазад, рубаи, тардж-и-банде, таркиб-банде, мураббе, мухаммаса, мусаббе, мусеммене, мутезза, муашшере, шарги и др.

Литература

1. Gibb E.G.W. History of Ottoman poetry / Gibb E.G.W. - London. volume I, 1900

Караєва Л. Я. (Laila Roshan) Опис історичного шляху, пройденного класичною тюркомовною поезією, у творі Е. Дж. В. Гібба / Л. Я. Караєва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 156-161.

У представленій статті в систематичному вигляді досліджено історичні періоди тюркомовної поезії, особливості кожного періоду та його вплив на наступний період. Описано роботу про формування тюркомовної поезії знаменитого англійського сходознавця Е. Дж. В. Гібба «Історія Османської поезії».

Ключові слова: літературний стиль, національний дух, віршована форма, поетична система, рифма

Garayeva L. Y. (Laila Roshan) The description of the historical period of Turkic language poetry in the work of E.J.W.Gibb / L. Y. Garayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 156-161.

In this article the historical periods of Turkic poetry, characteristics of each period and its influence on the subsequent period are systematically investigated. The famous English Orientalist E. Dzh. V. Gibbs "History of Ottoman Poetry" work, about forming of the Turkic poetry, is described.

Key words: literary style, national spirit, form of poem, poetical system, rhyme, literary tradition, poetry, imitation, poetical pattern, figurative sense

Поступила в редакцію 01.09.2011 з.

УДК 811.512.1

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ ТУРЕЦКИХ ГАЗЕТ

Козан О.

*Университет Гази, г. Анкара, Турция
E-mail: olena.kozan@gmail.com*

Целью данной статьи является выявление случаев языковой игры в заголовках турецких газет, их анализ и классификация. Для анализа были выбраны газетные заголовки с примерами языковой игры из двух ведущих национальных газет отличной идеологической направленности. В результате анализа были выявлены различные способы использования языковой игры в заголовках турецких газет.

Ключевые слова: турецкий язык, языковая игра, газетный заголовок, язык газет.

Постановка проблемы. В настоящее время вопросы исследования языковой игры в языке СМИ и языке газет, в частности, находятся в центре внимания исследователей на постсоветском пространстве. Существует несколько монографий по проблеме (С.И.Сметанина, Е.А. Земская, С.В.Ильясова), имеются диссертации по различным аспектам данного феномена (С.Г.Михейкина, Н.В. Сабурова), выходят в свет статьи исследователей (И.Н.Качалова, Т.А.Славгородская, А.Н.Зеленов, Н.С.Трифорова и др.). Подобный интерес к данной проблематике вызван динамикой изменений в языке русских СМИ в постсоветский период. Многие исследователи отмечают, что «в последние десятилетия 20 века ЯИ стала характерным признаком газет» [1, с.28].

В турецкой лингвистике на современном этапе исследования языка газет и языка газетных заголовков, в частности, на наш взгляд, не получил должного внимания. На турецком языке имеются ряд работ, касающихся вопросов языка прессы, в частности, исследование Cemal Yıldız «Yazılı Basında Metin ve Manşet. Basın Dili Üzerine Bir Araştırma» и Gürsel Sağlamöz «Basın Dili». Однако в данных работах затрагиваются, в большей степени, вопросы структурных особенностей языка газет и заголовков. Лингвистическое исследование газетного заголовка турецких газет нам удалось найти в нескольких статьях турецкой исследовательницы Deniz Zeyrek. В работах «Gazete Haber Başlıkları İnceleme Denemesi» (1992), «Gazete Haber Başlıklarının Yönlendiriciliği Üstüne» (1992) автор анализирует газетные заголовки турецких газет в рамках прагматики, видя свою задачу в определении способа обеспечения языковыми средствами определенной перспективы взгляда на событие/объект в газетном заголовке [2, с. 29].

Таким образом, на современном этапе в турецкой лингвистике имеется небольшое количество примеров лингвистического анализа газетного заголовка и отсутствует какой-либо подход к феномену языковой игры в языке газеты, что позволяет предложить классификацию и определения, разработанные российскими исследователями.

Прежде всего, следует отметить, что не существует единого подхода к определению феномена языковой игры (ЯИ). Исследователи приводят различные трактовки данного явления [см. 1, 29]. В данной работе мы будем придерживаться определения, сформулированного И.В.Цикушевой: «Языковая игра - осознанное и целенаправленное манипулирование ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [3, с.170].

Исследователи выделяют различные уровни ЯИ: фонетический, графический, морфологический, словообразовательный, а также в качестве отдельного вида ЯИ-игру с прецедентными феноменами.

Среди особенностей реализации фонетической игры (ФИ) отмечают звукоподражание определенной манере произношения в речи людей и подражание звукам издаваемым животными [1, с.52].

Под графической игрой (ГИ) понимают манипулирование средствами графики, к которым относят: буквы, знаки препинания, использование пробелов между словами, прописных букв, отступов, возможных подчеркиваний [1, с.56]. К ГИ относят также игры с антропонимами/топонимами и игры с аббревиатурами [1, с.70].

Морфологическая игра (МИ) слов заключается в «использовании слова в другой, чуждой ему морфологической категории. Внешне эта игра напоминает имитацию нелитературной речи, противостоящей литературным нормам. Но по своему содержанию необычная для слова грамматика развивает в тексте и новые содержательно-эмоциональные эффекты» [4, с.231].

В рамках словообразовательной игры (СИ) выделяют приемы: контаминации (слияние слов различными способами), «предсказамус-прием» (образование слов по конкретному образцу), «фокус-покус прием» (прием рифмированного эха, повторотзвучие), игры с сочетаемостью слов [1, с.199].

Игру с прецедентными феноменами (ПФ) можно охарактеризовать как включение интертекстуальных ссылок различного рода в структуру газетного заголовка.

Проведенный в рамках данной работы анализ показал, что в заголовках турецких газет используются различные способы создания ЯИ с присущими турецкому языку и турецкой культуре специфическими чертами. Материалами для анализа послужили заголовки двух ведущих национальных газет (с наибольшими тиражами по данным 2010 года) отличной идеологической направленности - «Zaman» [Z] и «Hürriyet» [H] - за период 01.01.2010- 31.01.2011.

1. Фонетическая игра

«**A be epimiz Çingeneyiz**» (Z, 11.01.2010). В данном заголовке обыгрывается произношение турецких ромов (людей цыганского происхождения), а именно: пролонгация звуков, глухое произношение буквы «Н» в начале слова. Кроме того, заголовки представляет собой трансформированный прецедентный феномен, напоминающий читателю об убийстве журналиста армянского происхождения Хранта Динка в 2007 году, после которого в Турции прошли многочисленные акции протеста под лозунгом «Herimiz Ermeniyiz». В статье говорится о необходимости преодоления стереотипов по отношению к национальным меньшинствам.

«**Ay lav dis geym**» (Z, 24.01.2011). В данном заголовке имеет место подражание английскому произношению с турецким акцентом: неразличение кратких и долгих

гласных звуков, непроизношение звука межзубного «th». Оригинал фразы : «I love this game». В статье высказывается личное мнение автора о «заговоре» военных кругов, и предыдущие перевороты в Турции сравниваются с компьютерными играми.

На наш взгляд, специфическим для фонетической игры в заголовках турецких газет является использование междометий, часто несущих мощный эмоциональный заряд. Например:

«**Vay canına!**» (Z, 18.03.2010). Данное междометие передает смешанное чувство удивления [5, с.771].

«**Yuuh Konferansı**» (H, 09.01.2010). Междометие «yuh» выражает чувство недовольства и гнева [5, с.812].

«**Breh breh breh**» (H, 04.04.2010). Междометие «Breh» может выразить удивление, азарт в зависимости от ситуации [5, с.122].

«**Cizzz:)**» (H, 17.04.2010). В качестве междометия может использоваться в обращении к детям для предотвращения их доступа к опасным объектам [5, с.141]. В данном заголовке имеет место также графическая игра, в частности, использование пиктограммы, изображающей эмоцию радости («смайлик»).

2. Графическая игра

Данные анализа показали, что данный вид ЯИ является наиболее популярным в языке газетных заголовков. Самый востребованный способ ГИ- апострофизация. Ниже представлены наиболее яркие, на наш взгляд, примеры ГИ с использованием способа апострофизации.

«**Zam'biya**» (H, 06.01.2010). В заголовке, состоящем, казалось бы, из одного слова-названия страны, с помощью апострофа выделена часть слова «zam», которое в самостоятельном варианте имеет значение «повышение цен» [5, с.820]. В статье идет речь о повышении цен, которое коснулось многих товаров и услуг, в том числе, первой необходимости.

«**Sizin ampul k'açlık?**» (H, 21.01.2010). На первый взгляд заголовок представляет собой вполне обычный вопрос: «На сколько (ватт) рассчитана ваша лампочка?». Однако в результате апострофизации в смысловое измерение входит слово «açlık», одно из значений которого «голод» [5, с.7]. Смысловое измерение углубляется и наличием культурной реалии: лампочка является символом правящей партии «Справедливости и Развития» (АКР). В статье идет речь о голодной забастовке, организованной работниками монопольного сектора, в частности, о смерти одного из участников забастовки. Таким образом, заголовок содержит в себе критику в адрес правящей партии.

«**Roman'tizm ...**» (H, 17.03.2010). С помощью апострофизации образован антропоним «Roman» - турецкий ром, лицо цыганского происхождения. В статье идет речь о политике «снятия границ», проводимой правящей партией, в этот раз по отношению к ромам Турции. Заголовок подразумевает критическое отношение автора статьи по отношению к такой политике- «романтизм».

«**Basın'ç**» (H, 22.05.2010). В результате апострофизации в смысловое измерение входят два самостоятельных слова «basın» (пресса) и «basınç» (давление) [5, с.83]. В статье речь идет о возрастающем с каждым годом числе журналистов, которые присутствуют на съездах партий.

«İlla...» (Н, 26.12.2010). Слово «illa» означает «во чтобы то ни было, в любом случае» [5, с.368]. Апостроф вносит в смысловую измерение еще одну единицу «il»-единица административного деления в Турции. В статье речь идет о возможности предоставления статуса «иль» некоторым поселениям городского типа, что оценивается автором в критической перспективе.

«Kül'tür başkenti» (Н, 30.11.2010). С помощью апострофа образована смысловая единица «kül» (пепел) [5, с.487]. В статье речь идет о пожаре в историческом здании железнодорожного вокзала Стамбула Хайдарпаша в год, когда Стамбул получил статус «культурная столица» Европы.

Среди других способов ГИ нами выделен способ капитализации.

«LİStE» (Н, 01.04.2010). С помощью капитализации в заголовке «liste» (список) образована смысловая единица «lise» (лицей). В статье приводится список лицеев, которые закончили известные турецкие политики.

«Yok öyle...Her canı çeken ÇÖKmez» (Н, 26.06.2010). Данный заголовок интересен тем, что включает несколько видов ЯИ. Капитализация позволяет вычлени из «çökmek» (присесть, опуститься на колени) [5, с.174] смысловую единицу «ÇÖК». В самостоятельном контексте данная единица являлась бы повелительной формой глагола «çökmek», однако «ÇÖК», написанная заглавными буквами, представляет собой еще и аббревиатуру-кальку с английского VIP (Very Important Person): Çok Önemli Kişi. В статье, в частности, идет речь о переполненном салоне VIP аэропорта в Стамбуле, при виде которого Премьер-Министр Турции сделал выговор должностным лицам за то, что многих пассажиров пропускают в салон без контроля.

3. Морфологическая игра

Нами выделен один пример МИ в заголовке: «Ucubeleşme» (Z, 21.12.2010). Данный заголовок представляет также интерес с точки зрения прецедентного текста (ПТ), содержащегося в нем. Источником ПТ в данном случае является речь Премьер-Министра Турции, в которой он назвал статую, установленную в Карсе и призванную служить «рукой мира», в частности, в отношениях Турция-Армения, «ucube» (что-то, что приводит в удивление своим отторгающим видом) [5, с.752]. От данной языковой единицы образован глагол «ucubeleşmek» и отглагольное имя «ucubeleşme». В статье речь идет о необходимости преодоления наигранности в отношениях между турками и армянами.

4. Словообразовательная игра

СИ в турецких заголовках наиболее ярко проявляет себя в способе «предсказамус-прием»:

«Kömürizm» (Н, 21.05.2010). В данном случае образованный окказионализм напоминает «komünizm». В статье речь идет о серии «привычных» аварий на угольных (kömür) шахтах в Турции. Автор выражает протест против такой «привычки» и отношения к ней в обществе.

«Recepsiyon» (Н, 31.10.2010). Окказионализм, из которого состоит заголовок, образован от «resepsiyon» (официальный прием). В данном случае имеет место также игра с антропонимом: Ресер – имя Премьер-Министра Турции. Речь идет об обещаниях государственных лиц Турции «не терпеть более» политики Израиля по

отношению к Палестине и о приглашении Посла Израиля на официальный прием по случаю Дня Республики.

«**Açılım'ken iyidi...şimdi niye kaçılım?»** (H, 22.12.2010). Данный заголовок интересен и словообразовательной игрой, и культурной реалией, содержащейся в нем. До недавнего времени слово «açılım» имело узкое применение, главным образом, в астрологии («склонение») [5, с.6]. В настоящее время этот термин (от глагола açmak – открывать) в общем смысле обозначает политику развития отношений с национальными меньшинствами, проводимую Партией Справедливости и Развития. Окказионализм «kaçılım» образован от глагола «kaçmak» (сбегать, убежать от ч.л.) [5, с.391].

«**Apaçileştiremediklerimizden misiniz?»** (Z, 24.01.2011). Данный заголовок также имеет культурную реалию в своем составе. Слово «Apaçi» вошло в турецкий разговорный язык, как название молодежного танца и музыки, однако со временем оно стало применяться для названия стиля одежды, прически и даже образа жизни в целом. Окказионализм заголовка построен по принципу образования одного из самых длинных слов турецкого языка: «çekoslovakyalılaştıramadıklarımızdan mısınız».

«**Almamyı**» (H, 13.01.2011). Данный заголовок интересен своей двойной природой использования ЯИ. На первый взгляд, это игра с антропонимом «Almanya»-Германия. В статье речь идет о словах канцлера Германии, в которых звучал отказ принимать Турцию в Евросоюз. С другой стороны, заголовок представляет собой слитное написание глагольной формы «almam» (от глагола «almak») и междометия «ya», что в самостоятельном написании можно было бы перевести как «не возьму, и все тут».

В турецких заголовках имеют место игры с сочетаемостью слов. В основном, контраст создается за счет использования английских и турецких единиц.

«**Soft Ergenekonculuk**» (Z, 13.01.2010). В данном заголовке можно выделить также прием морфологической игры с культурной реалией. В недавнем прошлом «Ergenekon» из топонима превратился в название скандала, разгоревшегося вокруг военных кругов Турции в связи с обвинениями в их адрес в подготовке государственного переворота. Из названия явления был образован субъект действия (Ergenekoncu) и собирательное существительное (Ergenekonculuk).

«**Sultan &Şah**» (Z, 04.05.2010). Заголовок состоит из турецких слов, однако слияние происходит посредством символа, пришедшего из английского языка.

5. Игры с прецедентными феноменами

В заголовках турецких газет используются как трансформированные прецедентные тексты, так и их первоначальные варианты. Источниками прецедентных текстов являются: названия/герои художественных фильмов; названия/строки литературных произведений; пословицы/выражения; мифологические герои и лица, упоминаемые в религиозных книгах.

«**Ya kadınlar Bihter, erkekler Ezel olmak isterse!**» (Z: 11.01.2010). Личные имена взяты из популярных современных турецких сериалов «Aşk-ı Memnu» и «Ezel».

«**Hababam sınıfı uyanamıyor...**» (H: 23.07.2010). Трансформированное название турецкого фильма-комедии «Hababam uyanıyor» по мотивам рассказа Р.Ильгаза с Кемалем Суналом в одной из главных ролей.

«**Ve Kurtlar Filistin’e indi**» (H: 29.01.2011). Реминисценция на трансформированное название культового турецкого сериала «Kurtlar Vadisi», по мотивам которого был снят отдельный фильм «Kurtlar Vadisi. Filistin».

«**Google, leb demeden leblebeyi anlayacak**» (Z: 25.08.2010). Имеет место трансформация выражения «leb demeden leblebeyi anlamak».

«**Nuh’un gemisindeki balık**» (Z: 17.01.2010). Активизация прецедентного феномена из Библии Nuh’un gemisi (корабль Ноя).

«**BDP’nin Pirus zaferi**» (Z: 13.09.2010). Активизация прецедентного феномена из мифологии Pirus zaferi (Пиррова победа).

Выводы и перспектива. Проведенный анализ позволяет заключить, что в заголовках современной турецкой прессы используются различные приемы языковой игры. Наиболее часто использующийся прием – прием графической игры способом апострофизации. В качестве специфического для фонетической игры в турецком языке можно выделить частое использование междометий. Словообразовательная игра также имеет место в заголовках. В качестве еще одной особенности языка турецких заголовков можно отметить комбинацию способов языковой игры, что углубляет смысловое измерение заголовка и заставляет читателя разгадывать смысловые слои. Результаты анализа позволяют говорить о факте постепенного изменения языка турецких газет, который и на современном этапе отличается наличием строгих норм и правил.

Литература

1. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В.Ильясова, Л.П.Амири. – М.: Флинта. 2009. – 296с.
2. Deniz Zeyrek. Gazete haber başlıklarının yönlendiriciliği üstüne // Gazi Üniversitesi Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi. – Cilt 8. – Sayı 3. – 1992. – s.29-43.
3. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объекта лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена. – №90. – 2009. – с.169-171.
4. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 2002. – 383с.
5. Türkçe Sözlük. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları. – Sayı: 293. – 1969. – 832 s.

Список условных сокращений

1. [H] – Hürriyet, газета.
2. [Z] – Zaman, газета.

Козан О. Мовна гра у заголовках турецьких газет / О. Козан // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 162-168.

Метою даної статті є виявлення випадків мовної гри в заголовках турецьких газет, їх аналіз і класифікація. Для аналізу було обрано газетні заголовки з прикладами мовної гри з двох провідних національних газет різної ідеологічної спрямованості. В результаті аналізу були виявлені різні способи використання мовної гри в заголовках турецьких газет.

Ключові слова: турецька мова, мовна гра, газетний заголовок, мова газет.

Kozan O. Wordplay in the headlines of Turkish newspapers / O. Kozan // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 162-168.

The aim of this article is to define the wordplay cases in the headlines of Turkish newspapers, to analyze and to classify them. The headlines with the examples of the wordplay for the analysis were chosen from the two leading national newspapers of different ideological direction. As a result different ways of using wordplay in the headlines of Turkish newspapers were determined.

Key words: Turkish language, wordplay, headline, newspaper language.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811.222.1'373

**ВЛИЯНИЕ ПУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АКАДЕМИИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
НА СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ГАЗЕТЫ «ИРАН»)**

Сухоруков А. Н.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В данной статье рассматривается степень влияния пуристической деятельности Академии персидского языка и литературы на современный персидский язык, проводится сравнительный анализ лексики правительственной газеты «Иран» за 1995 и 2010 гг. и анализируется уровень успешности лексических нововведений Академии.

Ключевые слова: пуризм, лексические заимствования, современный персидский язык.

Постановка проблемы. На протяжении 19-20 вв. в персидский язык проникло немало слов западного происхождения, в первую очередь французского и английского. Имеются лексические заимствования также из русского, итальянского, немецкого и некоторых других европейских языков. По мере проникновения иностранных слов, внутри персидского языка усиливалось стремление к защите и сохранению своего языкового наследия. Первоначально это были разрозненные попытки отдельных деятелей или учебных центров, но вскоре работа по очищению персидского языка получила государственную поддержку и стала более централизованной. В разных политических условиях последовательно было создано три Академии, которые ставили себе задачей борьбу за чистоту персидского языка.

Относительно успешности лексических нововведений последней Академии, ввиду малого промежутка времени после создания ею эквивалентов к западным лексическим заимствованиям (ЗЛЗ) и ознакомлением населения с новыми терминами, делать какие-либо определённые выводы представляется преждевременным. Однако уже сейчас становятся заметны отдельные тенденции в употреблении тех или иных нововведений Академии. Прежде всего, они находят отражение в языке средств массовой информации – телевидения, радио и периодической печати.

Цель данной работы – определить степень влияния Академии персидского языка и литературы (АПЯЛ) по очищению современного персидского языка от ЗЛЗ на язык СМИ на примере газеты «Иран» за 1995 и 2010 г. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить случаи употребления ЗЛЗ на страницах газеты «Иран» за 1995 и 2010 года;
2. Произвести сравнительный анализ заимствованной лексики западного происхождения в статьях газеты «Иран» за указанные периоды;

3. Систематизировать полученные результаты, сделать выводы.

Предмет исследования – влияние пуристической деятельности АПЯЛ на современный персидский язык.

В качестве объекта исследования выступают ЗЛЗ на страницах газеты «Иран» за 1995 и 2010 годы;

При написании работы использовались общенаучные методы - сравнительный анализ, обобщение, наблюдение и классификация.

Актуальность научного исследования определяется наличием значительного числа ЗЛЗ в лексике современного персидского языка, неоднозначным отношением к словам западного происхождения и неопределённостью взглядов на успешность внедрения новых слов – эквивалентов ЗЛЗ.

Анализ последних исследований. Несмотря на относительную новизну проблематики, уже издано несколько работ, в которых в том или ином ракурсе рассматривается вопрос о следовании новым лексическим нормам АПЯЛ со стороны органов периодической печати. Так, А.Куранбеков в статье «Проблемы формирования научно-технической терминологии в персидском языке» [1], подвергает анализу одну обширную статью из приложения к газете "Эттелаат" на предмет определения степени влияния АПЯЛ на формирование лексики современного персидского языка, после чего высказывает мысль о малоперспективности замены иноязычных научно-технических терминов в Иране. Близкой позиции придерживается и Сотова О.М. - другой исследователь из России, которая в своей диссертационной работе [2] после анализа состава лексики современных публицистических изданий, ориентированных на широкую читательскую аудиторию, пришла к выводу об активной интеграции заимствованных терминов в язык прессы. Иной точки зрения придерживается филолог из Таджикистана – А.Мухабатов. В ходе своего диссертационного исследования «Спортивная терминология современного персидского языка» [3] он проанализировал лексику СМИ Ирана и пришёл к выводу, что большинство слов, рекомендованных Академией к употреблению закрепляются в активном фонде персидского языка. Вместе с тем, среди самих иранских исследователей вопрос определения успешности внедрения лексических нововведений АПЯЛ не особо популярен. Под предлогом недостаточного периода времени после принятия новых терминов и продолжающегося этапа ознакомления населения с неологизмами – эквивалентами ЗЛЗ, исследователи ограничиваются, преимущественно, теоретическими разработками и декларативными высказываниями важности борьбы за очищение персидского от западных заимствований.

Основной материал. Академия персидского языка и литературы - специальный орган, созданный в 1990 году по предложению президента страны Хошеми-Рафсанджани. Академия утверждена в качестве высшего научного учреждения, контролирующего и координирующего все научные филологические центры страны. Одной из задач, поставленной перед Академией, является осуществление контроля над созданием новых слов и поиском лексических эквивалентов при переводе с иностранных языков на персидский [4,7].

В 1995 году при АПЯЛ в отдельную структуру был преобразован отдел, в ведение которого перешла работа по организованному процессу упорядочивания лекси-

ческой системы современного персидского языка и поиску слов-эквивалентов к иностранным заимствованиям. Терминологический отдел (*Горух-э ваджэгозини, Terminology Department*) начал свою работу «с горсткой сотрудников» [5,9], но получил большие полномочия. В настоящее время в рамках Терминологического отдела действует около 50 специализированных групп по различным тематическим направлениям, в которых занято более 200 высококвалифицированных специалистов [6,16]. В Терминологическом отделе работает несколько специальных советов по координации и согласованию, в состав которых входят как филологи, так и специалисты в той области науки или искусства, разработкой лексики которой данная группа занимается. Каждый из советов следит за работой в определённом направлении (группа гуманитарных наук, технических, искусствоведческих, и т.д.). Совет контролирует, чтобы новое слово, с одной стороны, абсолютно точно передавало смысл термина или понятия, которое решено было заменить, даёт толкование этого слова. С другой стороны, специалисты-филологи подтверждают, что представляемый к утверждению эквивалент является новым, нигде в ином смысле не употребляется, в полной мере отражает вкладываемое в него содержание и составлен в соответствии с нормами персидского словообразования.

Решением от 18 октября 1995 года меджлис запретил использование западных лексических заимствований (ЗЛЗ) в государственных учреждениях. Высказывания о недопустимости чрезмерного употребления западных лексических заимствований стали традиционными для всех уровней власти. Президент Ирана с 2005 г. М.Ахмадинежад более других своих предшественников сконцентрировал внимание на этом вопросе. Однако, лексика западного происхождения, особенно та её часть, которая имеет интернациональный характер, глубоко закрепилась в персидском языке и замена её была бы сопряжена с большими сложностями. Совет АПЯЛ после неоднократных доработок летом 1997 г. утверждает «Принципы и критерии к отбору и определению слов», в которых чётко представлены и прокомментированы требования к выработке новых терминов. Было принято решение разделить ЗЛЗ на nereкомендованные к употреблению и на разрешённые, к nereкомендованным подобрать полноценные и адекватные эквиваленты из резервов персидского языка и довести их до сведения всего населения. Отдельные результаты работы Академии в этом направлении публиковались с 1997 г. [7,165-174], но полноценные словари новых терминов периодически стали выходить начиная с 2004 года. Всего в период с 2004 по 2010 год было опубликовано 7 томов «Словаря терминов, утверждённых Академией персидского языка и литературы» [5-6, 8-12]. По словам Г.Ходдад Аделя, главы Академии, а прежде – меджлиса Ирана, 7 частей указанного словаря включают 30 тыс. утверждённых слов и оборотов по различным тематическим направлениям [13].

В соответствии с поставленной задачей решено было произвести сравнительный лексический анализ периодических изданий Ирана за 1995 и 2010 гг. Выбор 1995 года обусловлен тем, что в том году Терминологический отдел АПЯЛ начал свою работу по подбору эквивалентов к ЗЛЗ, результаты их деятельности не дошли до населения и потому издания до 18.10.1995 г., когда было опубликовано решение меджлиса о запрете использования западных слов в госучреждениях, можно считать рубежной точкой при изучении степени распространения заимствован-

ной лексики. Как уже отмечалось, объектом исследования стали материалы газеты «Иран». Лицензией на её издание обладает IRNA (Islamic Republic News Agency) – главное информационное агентство страны. Газета выходит ежедневно, нацелена на широкий круг читателей и представляет официальную позицию правительства страны по всем вопросам.

Было рассмотрено газетных материалов общим объёмом 500 тыс. лексических единиц, по 250 тыс. на издания 1995 и 2010 г., что соответствует 110 газетным полосам для каждого года. Мы понимаем, что рассмотренный объём не является достаточным для однозначных и категорических выводов. Естественно, что некоторые ЗЛЗ не оказались вошедшими в номера газет рассмотренного периода. Тем не менее, проделанная работа позволяет определить основные тенденции в развитии и изменении лексики современного персидского языка (СПЯ) и места ЗЛЗ в нём.

В проанализированном материале за 1995 год было выявлено 501 различное ЗЛЗ, которое было употреблено 5044 раза. Однако в таком же объёме за 2010 г. 433 разных ЗЛЗ задействованы были лишь 4358 раз. По отношению ко всему тексту ЗЛЗ для 1995 и 2010 года занимает соответственно 2.02% и 1.74%. Необходимо отметить, что при подсчёте количества употреблённых различных ЗЛЗ слова, имеющие общий корень, но относящиеся к различным категориям с точки зрения морфологии либо отличающиеся по значению, определялись как одно заимствование, но имеющие различные формы. Так, например, слова فیلم - «фильм», فیلمبردار - «кинооператор», فیلم برداشتن - «снимать фильм», فیلمبرداری - «киносъёмка», فیلمنامه - «киносценарий», فیلمنامه نویس - «автор киносценария» и т.п. рассматривались как одно ЗЛЗ, а не 6 и более.

Если в соответствии с данными 7-и томного «Словаря утвержденных Академией слов» все обнаруженные европеизмы и американизмы разделить на дозволенные и недозволенные, то необходимо отметить следующее: в материалах газеты «Иран» за 1995 и 2010 гг. количество различных нереконмендованных Академией, но использованных авторами статей ЗЛЗ оказалось примерно одинаковым, при этом значительно изменился состав слов. Общими для 1995 и 2010 гг. было лишь 91 ЗЛЗ, тогда как различных нереконмендованных заимствований использовано было 269. Из них 179 в 1995 и 181 в 2010 году. Незначительное увеличение общего числа различных нежелательных ЗЛЗ на страницах газеты «Иран» в 2010 году, по нашему мнению, обусловлено несколькими факторами. В первую очередь тем, что к этому времени в персидский язык проникли новые слова западного происхождения, которые в 1995 году не имели широко распространения и не попали в рассматриваемые статьи. Преимущественно, это слова компьютерной тематики, такие как آن لاین - «он-лайн» (2 употребления в 2010 г.), دیجیتال - «цифровой» (6 употреблений), سایت - «сайт» (23), وب لاگ - «веблог» (2), وب سایت - «вебсайт» (2). Кроме того, некоторые ЗЛЗ, ввиду их относительной новизны (برند - «бренд»), ещё не нашли отражения в словарях утверждённых Академией терминов, а потому не могут однозначно рассматриваться как запрещённые, хотя, формально, они отсутствуют и в перечне утверждённых.

Показателем успешности пуристической деятельности АПЯЛ может служить тот факт, что со страниц газеты «Иран» 2010 года полностью исчезли такие ЗЛЗ, как اتیکت - «этикетка» (19 употреблений в 1995 г.), سوبسید - «субсидия» (15 употребле-

ний), بن - «чек» (15), ترمينال - «терминал, вокзал» (8), آسانسور - «лифт» (5), سندیکا - «синдикат» (5), فریزر - «морозильная камера» (4), آماتور - «аматор» (3), مارگارین - «маргарин», راکت - «ракета», تلفن موبایل - «мобильный телефон» и др. Все они оказались заменены новыми эквивалентами, введёнными Академией.

Значительно снизилась частота употребления следующих ЗЛЗ: کامپیوتر - «компьютер» (68-4), تکنولوژی - «технология» (65-7), اتومبیل - «автомобиль» (63-7), آدرس - «адрес» (59-15), سرویس - «обслуживание» (55-19), تایپ - «печать, печатание» (10-1), فتوکپی - «ксерокопия» (19-1), کوپن - «купон» (28-2), کد - «код» (24-6), فاکس - «факс» (22-1), آپارتمان - «квартира» (16-4), کنگره - «конгресс» (22-5), مکانیک - «механический» (25-6), فیش - «учётная карточка» (13-1) и др. В скобках последовательно даны показатели частоты использования их для 1995 и 2010 годов. Снижение частоты употребления отмеченных выше слов связано не с уменьшением их востребованности, а с ростом употребления их эквивалентов, предложенных Академией.

Однако есть ряд нереконмендованных к употреблению ЗЛЗ, которые за истекший период стали более употребительны. Подобных слов достаточно мало, введённые к ним эквиваленты ещё не получили достаточно широкого распространения, хотя также используются авторами статей. Ниже приводятся некоторые примеры ЗЛЗ этого типа. В скобках указана частота их употребления в 1995 и 2010 годах: ژنتیک - «генетический» (3-8), استراتژیک - «стратегический» (13-30), پروژه - «проект» (64-102), دکترین - «доктрина» (0-5), دوپینگ - «допинг» (1-6), سناریو - «сценарий» (1-11), شوک - «шок» (1-6), فیلتر - «фильтр» (0-4) и др. Причину продолжающегося использования нереконмендованных ЗЛЗ при наличии созданных их эквивалентов хорошо выразил один из сотрудников персидской службы ВВС, который 15.01.2011 сказал, что их вещание ориентировано на широкий круг слушателей и в этом случае главное, чтобы их правильно услышали и поняли. Именно поэтому они пользуются общеупотребимой лексикой, избегая неутвердившихся и не всем до конца понятных неологизмов АПЯЛ. Видимо, подобными мотивами пользуются и многие авторы статей газеты «Иран», продолжая, зачастую, использовать нереконмендованные, но хорошо знакомые читателю ЗЛЗ.

Вместе с тем, суммарное количество употреблений неутверждённых Академией ЗЛЗ за рассматриваемый период заметно снизилось, с 1504 в 1995 году до 1080 в 2010.

Что касается неологизмов – эквивалентов ЗЛЗ, то необходимо отметить, что многие из них вошли в употребление и до 1995 года, чему способствовала политика противостояния проникновению западной культуры и поощрения всего отечественного. Уже в газетных материалах 1995 года обычными становятся такие слова, предложенные 1 и 2-ой Академиями, как آزمون вместо تست - «тест», فرایند вместо پروسه - «процесс», نهاد вместо اتومبیل - «автомобиль», بزرگراه вместо اتوبان - «автострада, автобан», کارکنان вместо همایش - «конгресс, симпозиум», ارگان вместо پرسنال - «персонал», آدرس вместо نشانی - «адрес» и многие другие. Степень их употребление не претерпела значительных изменений с 1995 по 2010 гг.

В другую группу можно выделить те неологизмы – эквиваленты неутверждённым ЗЛЗ, которые в 1995 году находились на начальном этапе внедрения, но в 2010 году стали вполне привычными для читателя. Эта группа неологизмов самая значительная по объёму и включает в себя большую часть инициированных Академией

лексических нововведений. Ниже приведены примеры некоторых из них: بارانه вместо «субсидия» - سوبسيد (2 упоминания в 1995 и 118 в 2010 г.), توريسم جهانگردى - «туризм» (2 и 17 упоминаний соответственно), رایانه вместо «компьютер» - کامپیوتر (2-14), تلفن همراه вместо «мобильный телефон» - تلفن موبایل и др. Последний из указанных неологизмов интересен тем, что он не сразу был воспринят населением, которое пыталось самостоятельно подобрать эквивалент к данному ЗЛЗ. В газетах 1995 года для передачи этого понятия употреблены были также تلفن بی سیم - «беспроводной телефон» и تلفن قابل حمل - «переносной телефон».

Последнюю группу неологизмов – эквивалентов к нерекондованным ЗЛЗ составляют те, которые получили распространение уже после 1995 года. Большинство этих слов в настоящее время хорошо знакомы рядовому читателю, но до момента начала работы Терминологического отдела АПЯЛ они были либо вообще не известны, либо их знал ограниченный круг специалистов. Указанные ниже слова в лексике рассмотренных номеров газеты «Иран» за 1995 год не были встречены ни разу: رزمایش - «военные учения» (13 упоминаний в 2010 г.), سامانه سیستم - «система» (29), هلی کوپتر - «вертолёт» (3), پایانه - «терминал», ترمینال - «технология» - فناوری, کاتالوگ - «каталог», کاتالوگ کالا برگ - «финал», مرحله نهایی или دیدار نهایی вместо распространённого прежде فینال - «финал», ظرفیات قابلیت - «потенциал», مهاجر - «нападающий» (спорт.), کارت برگ - «карточка» в различных значениях.

Стремление избежать употребления ЗЛЗ проявилось на страницах газеты «Иран» 2010 г. также и в том, что авторы стали активнее использовать ресурсы своего родного языка для передачи новых понятий. Стали естественными такие слова и словосочетания как مرحله نهایی или دیدار نهایی вместо распространённого прежде فینال - «финал», ظرفیات قابلیت - «потенциал», مهاجر - «нападающий» (спорт.), کارت برگ - «карточка» в различных значениях.

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что за рассматриваемый период с 1995 по 2010 гг. в лексике газеты «Иран» частота употреблений ЗЛЗ снизилась с 2.02% до 1.74%. При этом использование нерекондованных ЗЛЗ, что является более важным показателем борьбы за чистоту языка, снизилась почти в 1,5 раза - с 0.60% до 0.43% от общего лексического объёма.

Таким образом, на основании проведённого краткого сравнительного анализа лексики газеты «Иран» за 1995 и 2010 гг., можно сделать следующие выводы: 1) употребление ЗЛЗ, особенно неутверждённых АПЯЛ, заметно снизилось; 2) за рассмотренный период увеличилось использование созданных Академией эквивалентов к ЗЛЗ; 3) использование нерекондованной лексики западного происхождения продолжает иметь место;

Перспективы дальнейших исследований. Полученные результаты сравнительного лексического анализа газеты «Иран» за 1995 и 2010 гг. представляют несомненный интерес для исследователей современных тенденций в лексике персидского языка, дают возможность определить эффективность деятельности АПЯЛ по очищению персидского языка от иностранных заимствований и предоставляют материал для дальнейшей исследовательской работы по сравнительному анализу лексики современного персидского языка.

Литература

1. Куранбеков А. Проблемы формирования научно-технической терминологии в современном персидском языке / А. Куранбеков // Вопросы филологии. – 2003. - № 2 (14). - С. 16-18 ISSN 1562-1391

2. Сотова О.М. Основные структурно-семантические особенности терминообразования в современном персидском языке: автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.22 «Языки народов стран Европы, Азии, Африки...» / Сотова Ольга Михайловна: Москва. Институт языкознания РАН. – Москва 2008. – 17 с.
3. Мухабатов А. Спортивная терминология современного персидского языка : автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.22 «Языки народов стран Европы, Азии, Африки...» // Мухабатов Абдулфазл; Душанбе. Ин-т яз. и лит. им. Рудаки. Акад. наук Респ. Таджикистан. - Душанбе, 2007. - 22 с. – Библиогр.: с.22
4. آشنای با فرهنگستان زبان و ادب فارسی / گردآوری متن: شیرین عاسمی، ناهید حجازی .- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1383-68ص.
5. تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 2 فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 1384-370- ISBN 978-962-7531-36-2
6. تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 3 فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 1385-247- ISBN 978-964-7531-31-2
7. / نوروزی سپیده // نامه فرهنگستان، 1 سپیده نوروزی . واژه های مصوب فرهنگستان زبان و ادب فارسی . واژه های عمومی - 10 (2) - شماره 1376 فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی.- ISBN 1025-0832- (165-174) .- ص.10
8. فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر اول/ تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 1384-250- ISBN 978-964-7531-37-0
9. تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 4 فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 1386-456- ISBN 978-964-7531-59-1
10. 1387-625/ تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 5 فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 1386-456- ISBN 978-964-7531-76-4
11. 1388 -532/ تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 6 فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 1386-456- ISBN 978-964-7531-37-0
12. 1389 -474/ تدوین گروه واژه گزینی.- تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسی، 7 فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان، دفتر 1386-456- ISBN 978-964-7531-37-0
13. 2011 ژانویه 22 - 27 /- ص.4705 تاسیس بنیاد سعدی برای حمایت از زبان فارسی // روزنامه "ایران" # .

Сухоруков О.М. Вплив пуристичної діяльності Академії перської мови й літератури на сучасну перську мову (на матеріалі лексики газети «Іран») / О.М. Сухоруков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 169-175.

У даній статті розглядається ступінь впливу пуристичної діяльності Академії перської мови й літератури на сучасну перську мову, проводиться порівняльний аналіз лексики урядової газети «Іран» за 1995 і 2010 рр. та аналізується рівень успішності лексичних нововведень Академії.

Ключові слова: пуризм, лексичні запозичення, сучасна перська мова.

Sukhorukov O.M. The influence of puristical activity of Persian Language and Literature Academy upon the modern Persian language on the basis of vocabulary of "Iran" newspaper / O.M. Sukhorukov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 169-175.

This article deals with the influence of puristical activity of the Persian language and literature Academy upon the modern Persian language. The comparative analysis of the vocabulary of governmental newspaper "Iran" for 1995 and 2010, and the analysis of the success rate of the Academy lexical innovations are given in the present article.

Keywords: purism, lexical loans, modern Persian language.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811

РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Момынкулов Ж. Б.

*Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан
E-mail: janatmot@bk.ru*

В статье рассматриваются вопросы текущего состояния казахского языка, перспективы расширения сферы его применения, проблемы, возникающие в этом процессе. В статье также исследуются актуальные вопросы развития и распространения казахского языка в качестве государственного языка Республики Казахстан.

Ключевые слова: казахский язык, развитие, государственный язык, проблемы, внедрение, казахскоязычный, русскоязычный, общество.

Постановка проблемы. Процесс развития современного казахского языка носит затяжной и системный характер. Внедрение казахского языка в качестве государственного языка Республики Казахстан осуществляется без научно обоснованного подхода. В сфере регулирования языковой ситуации, в частности повышения функциональности государственного языка Руководству Республики Казахстан необходимо провести ряд серьезных реформ, которые в долгосрочной перспективе могут снять данный вопрос с повестки дня.

Объектом исследования данной работы являются вопросы развития, текущего состояния казахского языка, перспективы расширения сферы его применения, проблемы, возникающие в этом процессе, которые в настоящее время существенно замедляют темпы внедрения государственного языка во различных сферах общественно-экономической жизни казахстанцев.

Актуальность темы данной работы обусловлена все возрастающим интересом к исследованию актуальных проблем развития казахского языка как государственного языка независимой Республики Казахстан.

Казахский язык – это родной язык казахского народа. Казахский язык входит в кыпчакскую подгруппу тюркских языков, а тюркские языки соответственно входят в состав алтайской языковой семьи. Казахский язык по масштабам распространности и применимости занимает приблизительно шестидесятое место среди языков мира. Количество носителей данного языка составляет примерно 12-13 млн. человек. Из них около 9-10 млн. являются гражданами Республики Казахстан. Казахский язык – государственный язык Республики Казахстан.

Однако вопрос внедрения и развития государственного языка в Казахстане до сих пор не решен полностью. Развитие казахского языка – задача государственной важности для Республики Казахстан.

Развитие казахского языка, возрождение национальной культуры и национального самосознания представляет огромное значение для казахстанского общества. В момент обретения независимости эти вопросы были ключевыми, став основой для

формирования массовых общественно-политических движений, определивших политический облик того периода.

«Мы должны приложить все усилия для дальнейшего развития казахского языка, который является главным фактором объединения всех граждан Казахстана» – сказал президент Казахстана Назарбаев [1].

В 1989 году, 22 сентября, был принят Закон Казахской ССР "О языках в Казахской ССР", который определил статус казахского и русского языков. Тогда было введено понятие «государственный язык». В частности, в данном законе говорилось, что "государственным языком Казахской ССР является казахский язык", а русский язык является "языком межнационального общения".

Когда был принят первый закон о языках, в стране, особенно в казахской среде, царил некая эйфория. Появлялись общественные организации по поддержке казахского языка, открывались курсы по обучению государственному языку. Не зная свой родной язык казахи стали подписываться на казахоязычную прессу, русскоязычные преподаватели-казахи стали читать лекции на казахском языке. Шел активный процесс самоидентификации казахского общества. Но когда в 1991 году Казахстан объявил о своей независимости, то казахстанское общество все вопросы развития государственного языка со своих плеч перебросило на плечи государства. По мнению директора Президентского Фонда развития государственного языка Б. Абдыгалиева из-за переживаемых экономических кризисов общество оставило изучение языка на второй план.

После обретения независимости Казахстан объявил казахский язык государственным языком. В Конституции Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, статья 7 гласит: «В Республике Казахстан государственным является казахский язык». 11 июля 1997 на основе Конституции был принят закон «О языках в Республике Казахстан». В статье 4 «Закона о языках» говорится о том, что: «Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык».

В этом законе также говорится о том, что: «Государственный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства и делопроизводства, действующий во всех сферах общественных отношений на всей территории государства».

Долгом каждого гражданина Республики Казахстан является овладение государственным языком, являющимся важнейшим фактором консолидации народа Казахстана. Правительство, иные государственные, местные представительные и исполнительные органы обязаны: всемерно развивать государственный язык в Республике Казахстан, укреплять его международный авторитет; создавать все необходимые организационные, материально-технические условия для свободного и бесплатного овладения государственным языком всеми гражданами Республики Казахстан; оказывать помощь казахской диаспоре в сохранении и развитии родного языка». [2]

В Казахстане также были приняты Концепция языковой политики Республики Казахстан и Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы, где к 2010 году во всех центральных и местных исполнительных органах планировалось поэтапное внедрение государственного языка. В Государственной программе функционирования и развития языков на 2001-2010 годы отмеча-

ется, что «не функционирует или слабо применяется государственный язык в ряде органов государственного управления. В этой связи государственным органам необходимо провести работу по поэтапному переходу до 2010 года делопроизводства, ведения учетно-статистической, финансовой и технической документации на государственный язык и при соблюдении положений пункта 2 статьи 7 Конституции Республики Казахстан осуществить этот переход. Концепция языковой политики в Казахстане определяет для себя главную сложность в «создании оптимального языкового пространства государства», требующего «чёткого определения функционального соотношения языков, при котором государственный язык должен занять достойное место». [3]

По официальным данным 2007 года число граждан Казахстана, владеющих государственным языком республики, достигло примерно 70 процентов. 14 лет назад, когда был принят Закон «О языках в РК», указанный показатель не превышал 40 процентов.

В 2008 премьер-министр РК Карим Масимов заявил что Казахстан не намерен признавать русский язык вторым государственным. «У нас все говорят по-русски, но далеко не все говорят по-казахски» — сказал он.

26 июля 2010 года Министр культуры РК Мухтар Кул-Мухаммед (ссылаясь на Послание президента РК Н.А. Назарбаева на 2010-2011 гг.) сообщил: «Реализация поставленных задач позволит достичь к 2020 году уверенных результатов: доля казахстанцев, владеющих государственным языком, возрастет с 60 до 95 %», «доля казахстанцев, владеющих русским языком, составит не менее 90 %, сейчас это 89 %. Доля казахстанцев, владеющих английским языком, составит порядка 20 %». [4]

4 августа 2011 года Министерством культуры РК был подготовлен законопроект, в котором говорится, что: «заявления (жалобы) в государственные органы и ответы государственных органов на обращения физических и юридических лиц и другие документы, ведение учетно-статистической, финансовой, технической и иной документации в системе государственных органов Республики Казахстан, так же вся документация, исходящая из государственных органов, в обязательном порядке должны быть на казахском языке». А для ведения учетно-статистической, финансовой, технической и иной документации в организациях Республики Казахстан сделана оговорка, эта информация обеспечивается на казахском языке, и только «при необходимости» - на русском языке. Наименования юридических лиц и объектов с даты принятия закона будут должны даваться только на казахском языке. В сфере образования число казахских групп и классов должно быть не менее 50 % (в детских садах, школах, проф. лицеях, в высших, средних и среднеспециальных учебных заведениях, являющихся частной собственностью).

В этом же году выдвинут проект изменений в ряд законодательных актов по вопросам языковой политики; затем объявлено, что его требования смягчены.

6 сентября 2011 года общественные деятели потребовали от президента Казахстана исключить из конституции пункт об употреблении русского языка наравне с государственным – казахским. Среди подписавшихся были герой СССР летчик-космонавт Тохтар Аубакиров, народная артистка СССР Бибигуль Тулегенова, а также политики, писатели, публицисты и многие другие.

7 сентября 2011 года Советник президента Казахстана по политическим вопросам Ермухамет Ертысбаев отреагировал на письмо общественных деятелей с заявлением "что подавляющее большинство казахстанского электората выступит против такой позиции" и добавил, что русский язык, уже никто, никогда и нигде не сможет вытеснить". Председатель Мажилиса Парламента РК Урал Мухамеджанов сказал, что выступает против внесения поправок в Конституцию страны, меняющих статус русского языка.[5]

9 сентября 2011 года появилось открытое письмо к важнейшим политическим деятелям страны в котором авторы предлагали более мягкие реформы в вопросе усиления роли Казахского языка в Казахстане.

Но если двадцать лет назад главным барьером в развитии казахского языка являлось отсутствие необходимых средств, кадров, методических пособий, национальных учебных заведений, то в настоящее время, по нашему мнению, все эти проблемы сняты с повестки дня. В Казахстане приняты Концепция языковой политики РК и Государственная программа функционирования и развития языков на 2001—2010 годы, с 2010 года во всех центральных и местных исполнительных органах ведется поэтапное внедрение государственного языка.

Для нормального функционирования государственного языка созданы практически все институциональные условия. Это в первую очередь указывает на недостаточность исключительно административных методов развития государственного языка. В этой связи необходимо искать другие, инновационные технологии изучения языка, опирающиеся на мотивацию. В целом нужно изменить отношение людей к государственному языку, их психологию.

Одним из главных препятствий на пути активного внедрения казахского языка в политический дискурс является то обстоятельство, что в политической элите роль основного рабочего языка продолжает играть русский язык.

Если бы в Казахстане языковой вопрос решался законом, то государственный язык давно бы был внедрен во все сферы общественной жизни казахстанцев. Для казахского языка проблема заключается в том, что на него, как на государственный язык, низка востребованность.

В 1999/2000 учебном году – из 3,5 миллиона учащихся школ республики 1,6 миллиона обучались на казахском языке (50,6 %), 1,5 миллиона – на русском (45 %). По данным, опубликованным в 2009 году, из 2,546 млн учащихся бюджетных школ на казахском учились 1,543 млн (60,6 %), на русском — 0,904 млн (35,5 %). То есть количество школ с казахским языком обучения постепенно растет.

18 января 2011 года Агентство РК по статистике сообщило, что на начало учебного года численность студентов, обучающихся на казахском языке, в РК составила 319 940 человек, что составляет примерно 52%. [6]

Следует констатировать что, со времени обретения суверенитета в Казахстане проделана большая работа в области языковой политики, принята Концепция языковой политики (1996 г.), Закон «О языках в Республике Казахстан» (1997 г.), разработана и осуществляется Государственная программа функционирования и развития языков на 2001 - 2010 гг., Программа «Триединство языков».

Языковая политика в РК направлена в первую очередь на возрождение казахского языка, расширение сферы его применения, а также сохранение общекультурных функций русского языка и развитие языков народов Казахстана. Несмотря на это, в Казахстане роль государственного языка де-факто выполняет русский, а казахский играет декоративную роль. Большинство населения Казахстана являются билингвами. В Казахстане сформировался национальный тип билингвизма (казахско-русского билингвизма), когда владение русским языком широко распространено среди титульного населения республики. Однако при определенной языковой политике государства есть вероятность того, что национальный тип билингвизма будет вытеснен региональным, когда два языка знают и используют жители определенных районов страны. Языковая политика является важнейшим элементом во взаимоотношениях этносов, проживающих на территории Казахстана.

Если раньше языковая ситуация в Казахстане определялась историческими и культурными контактами русского и казахстанского народов, то сейчас, в современных условиях, она скорее всего будет определяться в первую очередь экономическими интересами. Если экономические связи между Казахстаном и Россией будут развиваться и укрепляться, то будет развиваться и расширяться объективная потребность в русском языке и, следовательно, различные формы его изучения.

В языковой политике РК необходимо отдать приоритетное место дальнейшему развитию нормативно-правового обеспечения, расширению, углублению терминологической и лингвистической базы казахского языка.

В их числе "обеспечение функционирования государственного языка в качестве языка государственного управления; совершенствование нормативно-правовой базы; обеспечение функционирования государственного языка в качестве основного языка делопроизводства во всех государственных органах; организация и органах местного самоуправления с определением графика перехода делопроизводства на государственный язык.

Нужна государственная программа по расширению сферы применения казахского языка, его кодификации (совершенствования языковых норм) и модернизации языковой системы. Необходима также осуществление следующих мер: совершенствование письменности, стандартизация языка, упорядочение научно-технической терминологии, создание лексической основы для компьютеризации языка, автоматического перевода и др.

На современном этапе применение казахского языка затрудняется рядом обстоятельств, среди которых - низкий уровень развития современного казахского языка в целом, проблемы развития "его возможностей в отображении новых социокультурных реалий путем взаимодействия с другими мировыми языками, так и использовании в этом внутреннего потенциала языка". Несмотря на принимаемые меры не удается пока в полной мере реализовать государственный статус казахского языка. Основная причина заключается в том, что этот статус до сих пор лишь декларирован, но не подкреплен в достаточной мере механизмом, который обеспечил бы его повсеместное изучение и использование.

До сих пор не разработан образовательный стандарт казахского языка в русскоязычной аудитории, сама методика определения уровня знаний казахского

языка. Если основная тенденция предыдущей программы развития языков сводилась к переходу делопроизводства на казахский язык, то новая программа основной упор делает на обучение, методику овладения казахским языком. В итоге переход делопроизводства породил лишь институт перевода с русского на казахский язык: начальным языком большинства документов по-прежнему остается русский, а это функция государственного языка.

Русскоязычные специалисты говорят о «слабой функциональности» казахского языка в литературе – научной, детской, научно-фантастической, переводной и др. – результат советской языковой политики и отсутствия языковой реформы в годы независимости, условий для развития языка.

В последнее время в таких сферах, как законодательство, государственное управление, образование, наука, культура, средства массовой информации казахский язык начинает применяться все более активно. Например, в сфере государственного управления одним из требований трудоустройства для будущих государственных служащих становится требование знания государственного языка, в объеме необходимом для выполнения своих служебных полномочий.

Рассматриваемый процесс реформирования приведет к необходимости финансовых вливаний из государственной казны в указанные сферы. Также, способствует активной деятельности для нормального функционирования, развития, распространения государственного языка.

В перспективе, языковая проблематика в Казахстане может быть политизирована, т.е. переведена в политическую плоскость. Доказательством этому может послужить демографическое увеличение казахскоязычной аудитории, возрастания ее требования, постоянные выступления национал-патриотов во главе народного писателя Мухтара Шаханова.

Выводы и перспектива. Государственный язык является ключевым приоритетом, главным фактором духовного и национального единства. Овладение им должно стать долгом и обязанностью каждого гражданина Казахстана, стимулом, определяющим личную конкурентоспособность и активное участие в общественной жизни.

Знание казахского языка является базовым условием межэтнического мира и согласия. Руководство Казахстана не ставит цели вытеснить русский язык, оно просто хочет поднять до такого же уровня государственный язык, при этом не ущемляя права русскоязычных граждан.

В годы независимости казахский язык развивался медленными темпами, руководством страны были упущены важные для развития государственного языка возможности.

В Казахстане роль государственного языка де-юре выполняет казахский язык, а де-факто русский.

Стране нужна государственная программа по расширению сферы применения казахского языка, его кодификации (совершенствования языковых норм) и модернизации языковой системы.

В будущем необходимо осуществление следующих мер: совершенствование письменности, стандартизация языка, упорядочение научно-технической термино-

логии, создание лексической основы для компьютеризации языка, автоматического перевода и др.

До сих пор не разработан образовательный стандарт казахского языка в русскоязычной аудитории, методика определения уровня знаний казахского языка.

В центральных органах власти РК нужно перейти к повсеместному использованию казахского языка - при ведении делопроизводства, во время официальных выступлений, заседаний и т.д.

При приеме на государственную службу должно строго требоваться знание государственного языка.

Необходимо изменить отношение общества к государственному языку.

В перспективе в Казахстане языковая проблематика будет политизирована. Неправильное решение языковой ситуации в Казахстане в среднесрочной перспективе может привести к этническим конфликтам между казахами и русскими, являющимися в равной степени гражданами РК.

Системный подход к решению данной проблемы существенно снял бы напряженность и чувство дискомфорта между различными этническими группами в казахстанском обществе. Поляризация и расслоение общества по языковому принципу в будущем может разделить общество на две противоборствующие группы: славяноязычную и тюркоязычную.

Русскоязычные граждане Казахстана должны понимать что, знание казахского языка может и не даст в будущем существенной экономической выгоды, но откроет перед ними новые перспективы, дает возможность понимать духовный мир казахов, их культуру, менталитет и психологию. Это и будет основой взаимопонимания и взаимоуважения между народами.

Данный фактор сблизил бы славянский и тюркский миры.

Литература

1. Развитие казахского языка, возрождение национальной культуры и самосознания очень важны для общества - конференция в Алматы. [Электронный ресурс]: <http://www.inform.kz/kaz/article/2135447>
2. О языках в Республике Казахстан», Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151, Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., № 13-14, ст. 202.
3. О Концепции языковой политики Республики Казахстан», Распоряжение Президента Республики Казахстан от 4 ноября 1996 г. № 3186.
4. Уроки казахского языка: 20 лет спустя. [Электронный ресурс]: <http://www.parlam.kz/a/site.dep/sadvakasov/news>
5. Там же.
6. Козырев Т. Языковой вопрос и гражданская идентичность казахстанцев. [Электронный ресурс]: <http://anatili.kz/?p=7031>

Моминкулов Ж. Б. Розвиток казахської мови в період незалежності Республіки Казахстан
/ Ж. Б. Моминкулов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 176-183.

У статті розглядаються питання поточного стану казахської мови, перспективи розширення сфери його застосування, проблеми, що виникають у цьому процесі. У статті також досліджуються актуальні питання розвитку та розповсюдження казахської мови як державної мови Республіки Казахстан.

Ключові слова: казахська мова, розвиток, державна мова, проблеми, впровадження, казахоязичний, російськомовний, суспільство.

Momynkulov Z.B. Development of Kazakh language in the period of independency of Kazakhstan
/ Z.B. Momynkulov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 167-183.

The article deals with issues of actual Kazakh language, prospects of widening its spheres of using and problems related to this process. In this article actual problem of development and spreading of Kazakh language as a State Language of Kazakhstan are considered.

Keywords: Kazakh language, development, State / official language, problems, introduction, Kazakh speaking, Russian speaking, society.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 371.32:811/821.222.1(073)

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА В США

Сухоруков А. Н., Буякевич К. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: sankafd2004@gmail.com*

В представляемой статье производится анализ степени распространения изучения персидского языка в учебных заведениях США, даётся характеристика научной работы в области иранской филологии крупнейшими американскими университетами и рассматривается деятельность наиболее значимых общественных организаций, связанных с изучением персидского языка и литературы.

Постановка проблемы. В соответствии с классификацией языков, размещённой на сайте Госдепартамента США, персидский язык, наряду с дари и ещё четырьмя языками, является «стратегическим» (critical-need) языком, владение которым представляет особую важность для государственных интересов страны [1]. В 2002 году Конгресс США разработал специальный законопроект «No Child Left Behind», направленный на максимальное содействие изучению иностранных языков с самого раннего детского возраста. Законопроект предусматривает расширение программы преподавания иностранных языков с тем, чтобы в итоге каждый ребёнок знал, как минимум, один язык кроме английского [2]. После этого во многих детских садах были созданы специальные группы с языковым уклоном. Персидские группы в детских садах открылись в Вашингтоне (округ Норд-Вест), в Лос-Анжелесе и некоторых других крупнейших городах.

В январе 2006 года президент США Дж.Буш во время выступления на встрече с руководителями университетов, помимо прочего, отметил, что страна испытывает острую потребность в специалистах, особенно офицерах разведки, владеющих персидским языком[3]. На этой же встрече Буш презентовал «Инициативу по национальной лингвистической безопасности (NSLI), которая должна была бы решить проблему с нехваткой квалифицированных кадров со знанием «стратегических» языков. Данная программа получила в пользование ресурсы четырёх федеральных агентств и большие полномочия.

По данным Ассоциации современного языка Америки (MLA) количество студентов, изучающих персидский язык с 1998 года имело стабильно высокий процент роста: 82% - с 1998 по 2002 гг., примерно столько же с 2002 по 2006, тогда как средний уровень по всем языкам составил 12,9%. По состоянию на осень 2006 г. на персидском отделении обучалось 2037 студентов, т.е. 0,13% от общего числа учащихся на языковых курсах. К 2010 году их количество превысило уже 3000 человек [4].

Цель данной работы — определить степень распространения изучения персидского языка в учебных заведениях США; - дать краткую характеристику научной работы в области иранской филологии крупнейших американских университетов; -

проанализировать деятельность наиболее значимых общественных организаций, связанных с изучением персидского языка и литературы.

Анализ исследований по проблематике работы. Источники по данной проблематике условно можно разделить на две части: англоязычные (США) и иранские. Англоязычные источники представляют собой, большей частью, публикации в периодической печати и электронные ресурсы университетов и информационных агентств, ряд ценных материалов размещён на официальном сайте Госдепартамента США. Особый интерес вызывают иранские источники в виде отчётов о командировках в США представителей Академии персидского языка и литературы или научных сотрудников иранских университетов [5;6;7;8].

Актуальность исследования. В условиях продолжающегося политического и идеологического противостояния Исламской республики Иран всему западному миру в лице Америки вопрос изучения персидского языка в этой стране представляет особый интерес. В США располагается более чем одномиллионная иранская диаспора преимущественно из числа интеллигенции или финансовой элиты, покинувшей страну после революции 1978-79 гг. Исламская республика является наследницей богатейшей культуры древнего Ирана — с одной стороны, с другой стороны — независимый политический курс и стабильный экономический рост Ирана при традиционном внимании США к богатому нефтью району Персидского Залива способствуют растущему интересу к этому языку. Учитывая неоднозначную сложившуюся ситуацию и отсутствие в широком доступе общих исследований по проблематике, данная работа может оказаться полезным источником для специалистов.

Основная материал. Изучение персидского языка в США началось с созданием в 1919 г. Института Востока при университете Чикаго. В настоящее время Институт Востока более известен как крупнейший центр по исследованиям в области древнеперсидского языка. В этом центре используются последние цифровые технологии для анализа тысяч записей с глиняных табличек, возраст которых превышает две тысячи лет. В 1925 г. семейная пара американских искусствоведов Артур Поп и Филлис Акерман основала Американский институт иранского искусства. Именно здесь впервые начинается углублённое и систематическое изучение персидского языка. Позже это учебное заведение будет переименовано в Институт Азии в Нью-Йорке и развернёт активную деятельность не только в сфере языка, но и иранистики в целом.

В настоящее время персидский язык и литература изучаются практически во всех крупных университетах США. Наиболее авторитетными центрами считаются кафедры иранистики в Калифорнийском и Колумбийском университетах, а также в Гарварде и университете Чикаго. Многочисленные исследования в области персидского языка и литературы проводятся в университетах штатов Огайо, Мэриленд, Техас, Аризона, Юта и в Принстоне.

Центр иранских исследований при Колумбийском университете в Нью-Йорке был создан в 1967 году. С середины 1970-х гг. под руководством профессора Эхсана Йаршатера была начата работа по созданию крупнейшей энциклопедии «Ираника». Планируется составление 15 томов, больше половины из которых уже увидело свет. Над написанием различных разделов энциклопедии было задействовано почти 1400

учёных, в т.ч. и зарубежных. Сотрудники Центра иранских исследований Колумбийского университета занимаются также переводческой деятельностью. Наиболее заметной работой в этом направлении является перевод и издание в 10 томах «Шахнаме» Фирдоуси. Колумбийский университет располагает богатейшей библиотекой по иранской филологии. Общий фонд подобной литературы составляет около 100 000 различных наименований изданий, многие из которых уникальны. В университете действует программа по переводу изданий в цифровой формат, что значительно облегчит доступ к редким источникам [6,с.238].

Одним из самых мощных в Северной Америке центров по изучению персидского языка является Отдел по изучению Ближнего Востока при Гарвардском университете. Этот отдел был создан в 1954 году во многом благодаря почётному профессору университета Ричарду Нельсону Фраю. Под его руководством с 1981 года начал работу проект по исследованию устной истории, записаны воспоминания 134 лиц, свидетелей и участников важных событий в современной истории Ирана. Общая длительность записей составляет около 900 часов и 18000 страниц стенограммы. Фрай является автором многочисленных научных статей и более десятка книг. В 2003 году президент Ирана Мохаммад Хатами назвал Ричарда Фрая одним из самых крупных ученых в области иранистики [9].

В Калифорнии, где располагается самая крупная диаспора иранцев в США, изучение персидского языка предлагается в университетах в Беркли, Лос-Анджелесе, Фуллертоне и Ирвине. Наиболее авторитетным центром является кафедра персидского языка и литературы Калифорнийского университета Лос-Анджелеса (UCLA). По словам Хоссейна Зияи - заведующего этой кафедрой, ежегодно 40-50 студентов получают степень бакалавра по персидскому языку и литературе [10]. Стоит отметить, что Калифорнийский университет в США был первым, который предложил степень бакалавра в области иранистики. В настоящее время в университете имеется также магистратура и докторантура по персидской филологии. Калифорния по общему числу изучающих персидский язык, несомненно, занимает в США первое место. Помимо университетских курсов, где преподавание фарси ведётся в качестве основного восточного языка, предлагаются разнообразные факультативные программы, ориентированные не только на филологов, но и на политологов, культурологов, экономистов, журналистов, историков и т.д. Благодаря такому широкому охвату, ежегодно более 800 студентов в Калифорнии проходят курсы ознакомления с персидским языком и Ираном в целом.

Учебная программа университета штата Огайо предусматривает изучение как древней, так и современной литературы, а также мифологии, фольклора, сравнительной персидской литературы и др., детально изучаются жанры и стили, разнообразные направления (в том числе исмаилизм и суфизм), проводятся научные конференции, семинары и памятные вечера. Ричард Дэвис - заведующий кафедрой ближневосточных языков в университете Огайо, сыграл важную роль в популяризации персидской литературы среди американской и английской аудитории читателей. Дэвис перевел некоторые из шедевров персидской классики, в том числе национальный эпос Шахнаме Фердоуси и романтическую средневековую сказку Фак-

раддина Горгани «Вис и Рамин». Переводы Дэвиса отличает легкость восприятия, особый стиль изложения и точный размер.

В Принстонском университете ведётся работа по созданию универсального электронного словаря персидского языка, который позволит переводить лексику любого языка мира на персидский и назад. Данная программа получила название «ПершиаНэт» (PersiaNet), осуществляется она под руководством д-ра Кристиана Фелбаума и Фархада Кейвана. Каждая словарная статья будет содержать информацию о сфере употребления слова, его синонимах и антонимах, раскрывать значение слова и степень его употребления. Пользователи, зарегистрировавшись, получат возможность участвовать в совершенствовании словаря. Проект ещё не запущен в пользование, лишь специальные сотрудники работают над наполнением словарного фонда по адресу www.persianet.us. Иранские филологи также проявили интерес к данной программе [6, с. 236].

Кафедра иранской филологии университета Техаса добилась значительных успехов в области исследований иранской литературы 19-20 вв., особое внимание уделяется изучению современной персидской литературы. Классическая литература Ирана исследуется лишь в качестве объекта, необходимого для проведения работ по сравнительной грамматике или литературе. Персидское отделение в университете штата Аризона также активно занимается научными исследованиями, в настоящее время восемь докторантов этого университета работают в области персидского языка и литературы.

В 2006 году в рамках Программы по проблемам национальной безопасности (NSEP) Министерство обороны США предоставило специальный грант Мэрилендскому университету для подготовки специалистов по персидскому языку. На этот грант претендовало несколько крупнейших образовательных центров страны. Сильной стороной университета Мэриленда, помимо высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава, является разработанная и внедрённая инициатива ректора университета, направленная на активное практическое применение изучаемого языка в различных областях вне занятий в аудитории, овладение языком происходит в тесной связи с предполагаемой спецификой предстоящей работы, будь то журналистика, экономика, культура или политика. Руководить проектом, под который были получены значительные государственные средства, будет центр по изучению иностранных языков «Флагман» [1]. Программа, предложенная этим признанным лидером в сфере преподавания иностранных языков, предполагает возможность личного общения с носителем языка 4 часа в неделю, практическую направленность при изучении языка и возможность пройти лингвистическую практику на протяжении лета или всего года в Таджикистане, язык которого достаточно близок к персидскому.

Следует отметить, что изучение и преподавание персидского языка в США в каждом учебном заведении ведётся по разным учебным программам и направлениям, что является немаловажным при подготовке специалистов самого разного профиля.

В 1967 г. с целью всестороннего развития исследований, связанных с Ираном, и содействия ирано-американским научным и культурным отношениям, было создано крупнейшее объединение американских университетов и музеев - Американский

институт исследований Ирана (The American Institute of Iranian Studies (AIrS)). Это некоммерческая организация, существующая на средства самих её членов, либо за счёт добровольных поступлений. Институт проводит исследования в области древнего и современного Ирана, предоставляет гранты, и даёт возможность участия в проектах, предусматривающих языковую подготовку и финансирование аспирантов и научных сотрудников, работающих в области иранистики, регулярно проводит конференции по различным направлениям, связанным с Ираном. Американский институт исследований Ирана позиционирует себя как представителя всей американской высшей школы и науки в целом в контактах с другими странами и Ираном в первую очередь. Лишь Американский институт иранских исследований имеет возможность отправлять студентов в Иран - ежегодно предлагает около 10 стипендий для повышения уровня владения персидским языком в университете Деххода в Тегеране. Требования к кандидатам достаточно серьёзные — допускаются лишь аспиранты или магистры с утверждённой темой научного исследования и рекомендациями от нескольких видных учёных-иранистов. Длительность практики колеблется от одного до трёх месяцев в зависимости от уровня подготовки практиканта и поставленных перед ним целей.

В 2000 году благодаря усилиям Амидяра Джалали с целью повышения общего уровня осведомлённости относительно иранской культуры и защиты исторического наследия персидского языка был создан Центр культурного наследия Ирана «Роушан». Это частная организация, которая старается полностью отстраниться от политики, активно взаимодействует с учебными центрами, музеями и культурными организациями, ежегодно проводит выставки иранского искусства и оказывает всестороннюю поддержку в области изучения персидского языка в Америке [7, с.241]. Из числа акций «Роушан» можно отметить следующие: предоставление нескольких грантов университетам Аризоны, Лос-Анжелеса и Вашингтона общей суммой около 350 000 долларов на проведение исследований в области персидской филологии и культурологии, финансирование нескольких проектов по изучению персидского языка в школах и детских садах, поддержка многочисленных научных конференций (в 2002 г. на конференцию по иранистике Роушан собралась более ста лучших специалистов со всего мира), помощь Колумбийскому университету в работе на «Ираникой», выделение около 130 000 долларов на культурные мероприятия Бостонской иранской общины, предоставление несколько грантов аспирантам Университета Вирджинии для практики и проведения в области персидского языка, обеспечение финансовой поддержки многочисленных выставок, оформление именных стипендий наиболее талантливым студентам и тем ценителям персидского языка, которые не имеют достаточных средств для оплаты полного курса обучения. Несколько слов относительно стоимости обучения в университетах США по специальности персидская филология - цена за обучение в бакалавриате составляет, в среднем, немногим более 10 тысяч долларов за семестр и колеблется в зависимости от престижности учебного центра.

По данным 2011 года более 20 учебных заведений Северной Америки, имеющие отделения персидского языка и литературы, являются членами Ассоциация изучения персидской общности (ASPS). Это объединение исследователей и учёных,

заинтересованных в изучении персидского языка, литературы и культуры. Ассоциация издает специальный журнал и сборник научных статей, рецензии на книги и отчеты о конференциях. В области иранской филологии работают также Международная организация по изучению иранистики (ISIS), Ассоциация по развитию культуры Ирана, Центр персидского литературного наследия, Совет по распространению персидского языка и литературы и некоторые другие.

Выводы и перспективы. Проведя краткий анализ ситуации с изучением персидского языка в США, можно сделать следующие выводы: а) несмотря на относительно небольшую историю изучения персидского языка в америке, страна обладает целым рядом крупных исследовательских центров мирового уровня; б) преподавание персидского языка осуществляется во всех крупнейших университетах страны; в) имеется тенденция постоянного роста числа студентов, изучающих персидский язык (с 600 в 1998 до 3000 в 2010 г.); г) страна продолжает испытывать потребность в квалифицированных кадрах со знанием персидского языка, - язык отнесен к категории высшей степени востребованности. Несмотря на очевидную актуальность темы целостных исследований в этой области не проводилось. Статья может быть использована для дальнейшей разработки данного вопроса.

Источники и литература

1. Служба новостей «Голос Америки» [Электронный ресурс].- режим доступа: http://www.voanews.com/russian/news/america_farsi-maryland-2010-04-30-925684_84.html - название с экрана.
2. PUBLIC LAW 107-110—JAN. 8, 2002 115 STAT. 1425 107th Congress/ - No Child Left Behind Act of 2001. Education.Intergovernmental relations. 20 USC 6301 note. WEEKLY COMPILATION OF PRESIDENTIAL DOCUMENTS, Vol. 38 (2002): Jan. 8, Presidential remarks. - 670 p.
3. President Introduces Foreign Language Initiative // New and enhanced programs to help Americans study critical-need languages. 05 January 2006 - [Электронный ресурс Госдепартамента США].- режим доступа: http://www.america.gov/st/washfile-english/2006/January/20060105171218_jmnam-deirf0.6831934.html#1ZSdZ7xMN#ixzz1aUiEKqUX - название с экрана.
4. U.S. Students Making Progress in Persian. Popularity of language courses grows to record numbers. 22 July 2010 // Jeff Baron - [Электронный ресурс Госдепартамента США].- режим доступа: <http://www.america.gov/st/educ-english/2010/September/20100722141620ffej0.3439142.html> - название с экрана.
5. صادقی. پنجمین همایش شورای گسترش زبان و ادبیا فارسی در آمریکای شمالی / علی اشرف صادقی // نامه فرهنگستان ، - شماره 19 (3) - شماره 1381 فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی . - شماره 1381 رضوی. گزارش سفر پژوهشی / محمد رضا رضوی // نامه فرهنگستان ، فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی . - شماره 28 (4) (233-241 ISSN 1025-0832
- زندى مقدم. مؤسسه «روشن» با هدف پاسداری از میراث زبان فارسی و ارتقای سطح درک و آگاهی همگانی/ زهرا زندى مقدم // نامه - شماره 38 (2) - شماره 1387 دو سخنرانی به زبان فارسی در آمریکا // نامه فرهنگستان ، فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی . - شماره 28 (4) (241-242 ISSN 1025-0832
- زندى مقدم. مؤسسه «روشن» با هدف پاسداری از میراث زبان فارسی و ارتقای سطح درک و آگاهی همگانی/ زهرا زندى مقدم // نامه - شماره 38 (2) - شماره 1387 دو سخنرانی به زبان فارسی در آمریکا // نامه فرهنگستان ، فصلنامه فرهنگستان زبان و ادب فارسی . - شماره 28 (4) (233-241 ISSN 1025-0832
9. Persian Studies in United States Reflects Dynamism and Growth.- [электронный ресурс].- режим доступа: <http://www.payvand.com/news/09/jul/1266.html>. - название с экрана.
10. Howard Cincotta. State Universities Lead Expansion of Persian Studies in U.S.// Payvand Iran News/ 07/29/09.-Howard Cincotta,Special Correspondent, America.gov.- режим доступа: <http://www.payvand.com/news/09/jul/1272.html>. - название с экрана.

Сухоруков О.М. Вивчення перської мови в США / О.М. Сухоруков, К. А. Буякевич // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 184-190.

У статті, що представляється, виробляється аналіз міри поширення вивчення перської мови в учбових закладах США, дається характеристика наукової роботи в області іранської філології найбільших американських університетів і розглядається діяльність найбільш значимих громадських організацій, пов'язаних з вивченням перської мови і літератури.

Ключові слова: перська мова, США.

Sukhorukov O. M. The study of Persian in the USA / O. M. Sukhorukov, K. A. Buyakevich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 184-190.

In the presented article is produced analysis of degree of distribution of study of Persian in educational establishments of the USA, description of the advanced study is given in area of Iranian philology of the largest American universities and activity of the most meaningful public organizations, related to the study of Persian and literature is examined.

Keywords: Persian language, USA.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811.512.1

**РАМКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО
В ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М. АУЭЗОВА «ПУТЬ АБАЯ»**

Борибаева С. Б.

*Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан
E-mail: sofikazgu@mail.ru*

В работе рассматриваются именные предложения в казахском языке на материале романа-эпопеи М. Ауэзова «Путь Абая». Выявляются их отличия от глагольных предложений и определяется коммуникативное назначение именных предложений.

Ключевые слова: тюркские языки, казахский язык, синтаксис, односоставные предложения, именные предложения, глагольные предложения.

Постановка проблемы. Объектом синтаксиса в казахском языкознании, начиная со второй половины XX века, были словосочетание и предложение. При этом можно утверждать, что предложение заслуживает особого внимания. Язык – средство общения, предложение – основная форма выражения мысли человека в этом общении. Поскольку человеческие мысли разнообразны, соответственно, предложения, их состав, с помощью которых эти мысли передаются, также многообразны [1, с.106-107].

Предложение отображает человеческую мысль в качестве коммуникативной единицы, организованной в соответствии с правилами внутренней структуры синтаксических конструкций. Что касается предложений, отображающих реальную картину действительности через грамматические единицы, то среди исследователей сформировались различные точки зрения относительно лингвистической структуры предложения.

Если обратиться к воззрениям о предложении, его видах, то они прямо противоположны. Теперь они дополняют друг друга, создавая его обобщенную характеристику.

Мнений относительно предложения, его правил многообразны. В языкознании при определении предложения называются следующие его признаки: предикативность, модальность, коммуникативность, интонация.

Профессор М. Балакаев дает следующее определение предложения: «Последовательность конкретных слов, построенная на основе предикативных отношений и выражающая несколько законченных мыслей, называется предложением» [1, с.16]. Согласно определению, признаком предложения является наличие подлежащего и сказуемого, связанных предикативной связью. В лингвистической литературе преобладала точка зрения о том, что функцию сказуемого выполняют глаголы. Выполнение именными частями речи функции сказуемого на протяжении многих лет оставалось вне рассмотрения. Однако во всех работах, посвященных синтаксису, при

рассмотрении видов предложений говорилось об именных частях речи, связанных с образованием сказуемого.

В казахской литературе именные предложения весьма широко использовал в своем романе-эпопее «Путь Абая» гениальный писатель, выдающийся мастер слова М. Ауэзов.

«Язык эпопеи очень богат. Это язык, в котором использованы богатейшие лексические ресурсы разговорной речи и фольклора, а также письменной литературы. По этой причине данное произведение можно назвать сокровищницей казахского языка. С позиции учащегося, владеющего казахским языком на уровне среднего, в романе немало слов, значения которых ранее были не известны или недостаточно ясны. Такие слова, благодаря роману об Абае, вошли в литературный язык и нашли широкое применение. Например, шынайы (истинный, искренний, настоящий), шытырман (чаща, густые заросли), шаткалан (труднопроходимое место, трудности), паш ету (сделать известным, прославленным), нөпір (толпа, масса), арандау (очутиться в неприятном положении), шат-шадыман (восторг, восторженный), түс шайысу, әктеу, танаурау (запыхаться), иен (бесхозный), жұрт (люди), тоқмейіл (безразличный). Кроме того, устаревшие слова, использованные М. Ауэзовым, отделились от начального значения и приобрели новое. Например, қыжыл (обида, злоба), әбзел (сбруя), күдіс (сгорбленный), қырбай (натянутые отношения), сығыр (узкий), үйездеу (скапливаться, сгущиваться), опаздау, бақыл болу (скряжничать).

Все это относится к словарю М. Ауэзова. Однако речевое мастерство Ауэзова измеряется не только его лексиконом. Мастерство использования богатства языка измеряется и синтаксическим построением. В этом отношении мастерство Мухтара исключительно» [2, с.151-152]. О всемирно известном романе-эпопее гениального писателя, ученого М. Ауэзова писал К. Сатпаев: «Роман Ауэзова «Абай» является не только художественным произведением, но и значительным научным трудом. Специалисты различных отраслей знаний не могут не обратить внимания на роман. Никто из ученых, исследующих прошлое казахского народа, не может не соприкоснуться с этой книгой: филолог, получив из нее сведения о богатом фольклорном материале, узнает и о зарождении и формировании казахского литературного языка». Эти слова, сказанные в 40-е годы, сегодня стали как бы ориентиром для сознательного человека, пытающегося понять сокровенную тайну эпопеи» [3, с.38-39]. С тех пор вокруг романа-эпопеи появилось множество монографий, научных исследований, статей. Проходят годы, и раскрываются новые секреты великого произведения.

«Один из основных корней художественной силы романов М. Ауэзова – это речевое мастерство. Речевое мастерство, красноречие писателя всегда явственно ощущается и в авторском рассказе, и в описаниях природы, и в словесных, портретных характеристиках героев. Языковое богатство языка казахов, создававшееся и приумножавшееся на протяжении веков, писатель основательно усвоил и в изобилии, мастерки использовал в своих романах. Иными словами, он нашел в родном языке много выразительной, образной энергии. Это естественно, так как любой художник слова не может создавать язык на пустом месте. Он обогащает язык своего народа новыми словами, словосочетаниями. Широко используя богатство родного

языка, он поднял на новую высоту казахский литературный язык. В этом смысле романы М. Ауэзова играют особую роль. Они дают ясное представление о богатстве современного литературного казахского языка, многообразии его граней и изобразительных возможностей» [4, с.136].

«Путь Абая» – главная книга М. Ауэзова. Писатель Мухтар Ауэзов, начав с небольших видов эпоса и драмы, перейдя к более сложным жанрам, вырос до эпопеи, в которой многовековую истину связал с исторической судьбой родного народа, и стал воспарившим высоко и не знающим равных себе исследователем; в качестве ученого Мухтар Ауэзов, прекрасно разбирающийся в особенностях мировой литературы и искусства с давних времен до сегодняшних дней, детально анализировал и внимательно следил за процессом развития казахского национального искусства слова как части мирового литературного фонда, осуществлял справедливую критику, рассматривая с позиции всемирной высоты; преподаватель Мухтар Ауэзов был замечательным воспитателем, передававшим энциклопедические знания своим ученикам» [5, с. 294-295].

Первая книга исторического романа «Абай» вышла в 1942 году, вторая – в 1947. В 1949 году диалогия была удостоена государственной премии СССР. Диалогия «Путь Абая» стала продолжением цикла исторических романов о великом поэте и его народе: первая книга вышла в свет в 1952 году, вторая – с исправлениями в 1956 году.

В 1959 году книга «Путь Абая» в виде тетралогии была удостоена Ленинской премии.

Первые две книги были изданы на казахском и русском языках в 1948-1949 годах. В 1952 и 1956 годах они были переизданы с исправлениями. «В изданиях 1948-1949 годов (1,2 книги) есть исправления, внесенные чужой рукой. Похоже, это было редактирование издания, подготавливаемого к 1952 году. По-видимому, автор был согласен с ними, так как в более поздних изданиях они сохранились. Неизвестно, корректировалось ли издание в процессе печати, однако во время представления рукописи этому было уделено большое внимание: каждое выделявшееся слово или предложение хотели исправить. И таких исправлений было много. Если в первых изданиях часто встречались слова «еді», «екен», то позже они либо исчезли совсем, либо были заменены другими словами.

Отмечается большая разница в использовании именных предложений в первом и втором изданиях эпопеи «Абай».

При сопоставлении текстов первого (1942, 1947) и второго (1961) изданий можно отметить следующие отличия.

Роман Ауэзова «Абай»	Роман Ауэзова «Путь Абая»
Глава «В пути» (1942, 1 книга)	Глава «В пути» (1961, 1 глава)
1 Айғыздан туған Смағұл Оспанмен <i>түйдей құрдас болатын</i> (96 б.).	1 Айғыздан туған Смағұл Оспанмен <i>түйдей құрдас</i> (97 б.).
2 Дәл жанында үлкен биік шелекке ашытып қойған түйенің қымызы <i>бар еді</i> (96 б.).	2 Дәл жанында үлкен биік шелекке ашытып қойған түйенің қымызы <i>бар</i> (98 б.).
3 Ұлжанның күз уақытында Зере мен балаларға әзірлеп отыратын ағы <i>осы болатын</i> (96 б.).	3 Ұлжанның күз уақытында Зере мен балаларға әзірлеп отыратын ағы <i>осы</i> (98 б.).

«Шытырманда» бөлімі (1942, 1 кітап)	«Шытырманда» бөлімі (1961, 1 бөлім)
4 Үнсіз уайымдаған ана <i>қаралы еді</i> (144 б.).	4 Үнсіз уайымдаған ана <i>қаралы</i> (142 б.).
«Тайғақта» бөлімі (1947, 2 кітап)	«Тайғақта» бөлімі (1961, 2 бөлім)
5 Жәй басып, ауыр тыныс алып, демігіп келе жатқан, өзінің <i>шешесі екен</i> (4 б.).	5 Жай басып, ауыр тыныс алып, демігіп келе жатқан, өзінің <i>шешесі</i> . (385 б.).
6 Барлық тұлғасы Құнанбай тектес бұл жас әйел, – осы үйдің келіні, Абайдың апасы, <i>Мәкіш еді</i> (11 б.).	6 Барлық тұлғасы Құнанбай тектес бұл жас әйел – осы үйдің келіні, Абайдың апасы - <i>Мәкіш</i> (385 б.).
«Тағы да әнде» бөлімі (1947, 2 кітап)	«Биікте» бөлімі (1961, 2 бөлім)
7 Быйылғы қыс, Абайдың ел сөзінен, тынышсыз жүрістерден өзін босатып алып, үйде көбірек орнығып отырған <i>қысы еді</i> (430 б.).	7 Биылғы қыс, ел сөзінен, тынышсыз жүрістерден Абай өзін босатып алып, үйде көбірек орнығып отырған <i>қысы</i> (766 б.).
8 Мұхамеджан да Көкбай мен Мұқа сияқты жақсы әншімін деген <i>жігіт болатын</i> (435 б.).	8 Мұхаметжан да, Мұқа сияқты жақсы әншімін деген <i>жігіт</i> (771 б.).
9 Оның үстіне, бұның өзінің де анда-санда өлең шығаратыны <i>бар еді</i> (435 б.).	9 Оның үстіне, бұның өзінің де анда-санда өлең шығаратыны <i>бар</i> (771 б.).
10 Соңғы жылдар Абайдан шыққан өлеңнің бәрін көшіріп алып, жаттап айтып жүретін Абай айналасындағы жас достың <i>бірі еді</i> (435 б.).	10 Соңғы жылдар Абайдан тараған өлеңнің бәрін көшіріп алып, жаттап айтып жүретін Абай айналасындағы жас достың <i>бірі</i> (772 б.).

Наблюдаются существенные отличия в использовании глагола в главе «Жолда» («В пути»), изданной в 1942 г. и в 1961 г. Ср.: Айғыздан туған Смағұл Оспанмен *түйдей құрдас болатын* (1942) и Айғыздан туған Смағұл Оспанмен *түйдей құрдас* (1961). В первом издании составной глагол представлен в виде сказуемого, а во втором автор превратил имя в сказуемое и опустил глагол.

В других предложениях также изменены сказуемые. Сказуемого во втором предложении в первом издании является составным, а в последующем образце состоит из одного слова *бар*:

Бар еді – бар.

В третьем предложении убрал глагол *болатын* и превратил местоимение в именное предложение:

Осы болатын – осы.

Первоначальный вариант четвертого предложения включал в себя составное сказуемое с прилагательным, которое в последующем варианте превратилось в сказуемое, выраженное прилагательным:

қаралы еді – қаралы.

В пятом предложении первого издания сказуемое является составным, образованным из нарицательного имени и вспомогательного глагола *екен*, а во втором издании оно превратилось в сказуемое, выраженное именем:

Шешесі екен – шешесі.

В шестом предложении сказуемое в виде имени собственного и глагола *еді* заменено сказуемым в виде имени собственного, уточняющего предложение:

Мәкіш еді – Мәкіш.

В седьмом предложении мы видим слово, замещающее *Абай* и вспомогательный глагол *еді* и отсутствие *еді* в последующем варианте:

Қысы еді – қысы.

Кроме того, автор изменил названия некоторых глав второй книги. Например, прежнее название второй главы «Энде» было изменено на «Жайлауда», во втором издании четвертая глава была переименована с «Анда» на «Оқапта», а седьмая глава – с «Тағы да энде» на «Биікте».

В восьмом простом предложении первого издания было имя собственное *Көкбай*, а во втором издании оно отсутствует, при этом глагольное сказуемое автор превратил в сказуемое, выраженное именем нарицательным:

Жігіт болатын – жігіт.

Девятое предложение в первом издании было представлено в виде составного сказуемого, а во втором издании сказуемое без вспомогательного глагола *еді*:

Бар еді – бар.

В последнем предложении составное сказуемое также было преобразовано в именное путем удаления вспомогательного *еді*:

Бірі еді – бір.

На наш взгляд, отказ автора от использования вспомогательных глаголов *болатын*, *еді* и использование имен в функции сказуемого является стилистическим приемом, благодаря которому мысль передается более точно, конкретно и емко. Что касается вспомогательного глагола *еді*, то его корень «*e* не имеет сейчас полного лексического значения, поэтому и со стороны значения, и со стороны формы является неполноценным словом. Однако несмотря на неполноценность лексического значения и грамматической формы, такие слова выполняют особые функции. Вспомогательный глагол *еді* исторически был образован из прошедшего времени глагола *e* (*ep*) (*ep+ді*). Соответственно, к какому бы слову не присоединялась форма *еді*, она всегда придавала ему значение прошедшего времени и спрягалась, выступая в роли вспомогательного слова, выражающего принадлежность к тому или иному времени» [7, с. 248]. Также «глагол *болатын* выполняет функцию и основную, и вспомогательную. Вспомогательная функция глагола *бол* отличается от функции других вспомогательных глаголов, поскольку его основная функция – производить от имен составные глаголы. Эту его функцию не могут выполнять другие вспомогательные глаголы. Последний компонент составного сказуемого, произведенного с помощью глагола *бол*, изменяется и производит лучшие описательные глаголы» [7, с. 265-267].

Об именных сказуемых писал профессор М. Балакаев: «В казахском языке именные слова (имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение) могут выполнять функции сказуемого. Наличие рядом с ними вспомогательного глагола не является обязательным. А вспомогательные глаголы, стоящие за именными сказуемыми, используются не только для выражения дополнительного временного значения, но и для изменения формы предложения. Если предложения *Мен оқушымын. (Я ученик). Сен оқушысың. (Ты ученик). Ол – оқушы (Он – ученик)* мы рассматриваем как именные предложения, то предложения *Мен оқушы едім. (Я был учеником). Мен оқушы болатын болдым. (Я стану учеником). Сен оқушы болатын болдың. (Ты станешь учеником)* мы относим к особым простым предложениям с глагольно-именным составным сказуемым. Несмотря на то, что они занимают промежуточное положение между именными и глагольными предложениями, в них преобладают особенности именных предложений» [1, с.131-132].

Выводы и перспектива. Существует несколько причин замены М. Ауэзовым глагольных предложений именными. Во-первых, именные предложения, в отличие от глагольных, являются более сжатыми и со стороны смысла, и со стороны объема. Во-вторых, исторически именные предложения были образованы раньше глагольных предложений. Использование писателем преимущественно именных предложений показывает осведомленность автора о внутреннем развитии языка.

Литература

1. Балакаев М. Қазіргі қазақ тілі. Сөз тіркесі мен жай сөйлем синтаксисі. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 106-107, 16 с.
2. Қаратаев М. Қазақтың тұңғыш эпопеясы // Мұхтар Әуезов тағылымы: Әдеби-сын мақалалар мен зерттеулер. – Алматы: Жазушы, 1987. – 151-152 с. 3. Сәтбаев Қ. Аса үздік шығарма // Мұхтар Әуезов тағылымы: Әдеби-сын мақалалар мен зерттеулер. – Алматы: Жазушы, 1987. – 38-39 с.
4. Нұрқатов А. Ел өмірінің айнасы // Мұхтар Әуезов творчествосы: Мақалалар. – Алматы: Жазушы, 1965. – 136 с.
5. Қабдолов З. Менің Әуезовім. – Алматы: Санат, 1997. – 294-295 с.
6. Әкімов Т. Түсініктер // Әуезов М. Абай жолы. – Алматы: Жазушы, 1989. – 1-кітап. – 597 с.
7. Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы: Ана тілі, 1991. – 248 с.
8. Әуезов М.О. Абай: тарихи роман. – Алматы: Қазақтың Біріккен Мем. Баспасы, 1942. – 397 с.
9. Әуезов М.О. Абай: тарихи роман. – Алматы: Қазақтың Біріккен Мем. Баспасы, 1947. – 441 с.
10. Әуезов М.О. Абай жолы: роман-эпопеясы. – Алматы: Қазақтың Мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1961. – 801 с.

Борібаєва С. Б. Рамки використання іменного присудка в простій і складній пропозиціях в романі-епоеї М. Ауєзова «Шлях Абая» / С. Б. Борібаєва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 191-196.

У роботі розглядаються іменні пропозиції в казахською мовою на матеріалі роману-епоеї М. Ауєзова «Шлях Абая». Виявляються їх відмінності від дієслівних пропозицій і визначається комунікативне призначення іменних пропозицій.

Ключові слова: тюрксіке мови, казахська мова, синтаксис, односкладні пропозиції, іменні пропозиції, дієслівні пропозиції.

Boribaeva S. B. Framework for the use of nominal predicates in simple and complex sentences in the novel Auezov "The way of Abai" / S. B. Boribaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 191-196.

Nominal suggestions are in-process examined in kazakh on material of novel-epic of M. Auezova «Way of Abaya». Their differences appear from verbal suggestions and the communicative setting of nominal suggestions is determined.

Keywords: Turkish languages, Kazakh language, syntax, mononuclear suggestions, personal suggestions, verbal suggestions.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 821.512.162

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ЗОДЛУ АБДУЛЛЫ

Касымов Н.

*Института Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Зодлу Абдулла известный Азербайджанский народный поэт XX века. Его творчество отличается высоким мастерством, образностью языка. В статье исследуются лингвистические особенности его творчества.

Ключевые слова: Зодлу Абдулла, поэтика, творчество, фольклор

Постановка проблемы. В ашугской среде Гейчи XX века одним из мастеров, отличающихся своеобразным стилем, почерком, был народный поэт Зодлу Абдулла (Зод - название родной деревни поэта в Гейче). Одним из направлений, которые должны быть исследованы в его творчестве, является вопрос лингвистического мастерства. Ведь одним из вопросов, обогащающих творчество народного поэта, придающих ему оттенки, является мастерство его языка. Использование художественных возможностей поэтического слова проявляет индивидуальные таланты мастера.

В ашугском творчестве главной чертой, привлекающей внимание, является бесконечность поэтических возможностей слова. В этом контексте поэзия Зодлу Абдуллы с творческой точки зрения весьма успешна. Все его стихотворения, можно сказать, на уровне поэтического события. Выделяются особенностями своего стиля, образностью языка, умелым использованием слова. В творчестве Зодлу Абдуллы наряду с рифмой, симметрией распределения, в поэтический факт превращаются и ассоциативные связи слов. Ведь в языке его стихов ярко проявляет себя аллитерация. Как известно, «аллитерация, будучи повторением однородных согласных звуков в стихе, является художественным средством, увеличивающим плавность, музыкальность стиха» [8, 152]. Вернее, явлением поэтики звуков:

Səyyad olan sehrə çixar səhraya,

Ya tərlan axtarar, ya daği gəzər.

Eşqin atəşini salar canına,

Çəkər sinəsinə, ya daği gəzər [7, 59].

(Охотник должен выйти на охоту в пустыни. Или за дичью, или просто побродить по горам. На душе огонь любви зажечь, и так ходить)

В азербайджанском языке аллитерация проявляет себя на уровне языка и стилистики. Первые, то есть языковые, в большей степени, пришли из классической традиции, сформировавшись как готовые формы. Имеющиеся в этом направлении образцы последовательно проявляют себя во фразеологических соединениях. Сюда входят пословицы, поговорки, идиоматические выражения и прочие. В приведенном выше примере аллитерация, последовательное повторение звука «с», создала в стихотворении некую музыкальность. А это само по себе превращается в поэтический факт, порождает в образце созвучность. Красота содержания представляет собой мотив для художественного творчества. Однако по другую его сторону стоит

выразительность этого содержания. Определяет возможности мастера, творца. А это характеризуется законами языка, его богатством. В строке «səuud olan sehre çixar səhrau» поэтика звука придает стихотворению плавность, музыкальный ритм. При этом средство, создающее иную ассоциативную связь, повторяется во второй и четвертой строке. И повторение звука «у» (я) в строке «ya tərən axtarar, ya dağı gəzər» придает стихотворению дополнительную ценность. Музыкальность мысли, рифма и все прочие придают художественному образу ценность, превращаются в средство для преобразования его в поэтический факт.

Фактор поэтичности не заканчивается только этим, мастер, вместе с тем, воспользовавшись различными видами художественного описания и выражения, привносит в стихотворение дух, воздейственность. В этом смысле возможности используемых в творчестве Зодлу Абдуллы средств художественного описания и выражения незаменимы. Если часть из них относится к проявившей себя в классической традиции готовой форме, то другая носит оригинальный характер. Вернее, обращает на себя внимание как продукт образного мышления народного мастера. Смысл доводится в новой форме, в обогащенной лингвистическими компонентами поэтической форме. Тот творец, который близок к этому и духовно настроен на это, не искусственными, нарочитыми, а естественными дополнениями создает такие ситуации, оказывается в выигрыше. Как известно, средства художественного описания и выражения являются компонентами, всецело служащими художественности. Они составляют душу, жизнь художественной литературы, и особенно поэзии, стоят у его зародыша, и как проявление лингвистического мастерства имеют большое значение. «Метафоры являются сильными, наиболее воздействующими средствами художественного выражения. При этом слова используются не в своем истинном значении, а в различных смысловых оттенках, что требует от ашуга особого таланта» [2, 176].

Одним из часто используемых средств описания в творчестве Зодлу Абдуллы является эпитет. Как известно, эпитет относится к простым видам метафоры. Его называют и художественным определением. «Основными особенностями эпитетов являются такие средства как определение, пояснение, характеристика и прочее» [3, 307]. В творчестве Зодлу Абдуллы есть такие примеры, где эпитеты производят системное впечатление:

*Ay bimürvət, cavan qəddim əyibsən,
Alıbsan canımı alası tək.
Qələm qaşın, ay qabağın, gül üzün,
Açilib dağların laləsi tək (7, 39).*

(Эй, безжалостная, сгорбила молодую мою стать, Отняла душу мою как коршун, Черные брови, лунный лик, лицо как цветок, Раскрылись как горные тюльпаны)

Можно сказать, что построенное на метафорах это стихотворение служит в своем роде для ясной демонстрации возможностей выражения мышления мастера. Как видно, здесь все компоненты строфы, рифма, слог, внутренняя симметрия, средства художественного описания и выражения служат художественному совершенству идеи. Зодлу Абдулла в этой строфе эпитетами «qələm qaş», «ay qabaq», «gül üz» (черные брови, лунный лик, лицо как цветок) придает стихотворению живость. Кроме этого, ведет интересные сравнения, сопоставления. Говоря «qələm qaşın, ay

qabağın, gül üzün açilib dağların lalası təkii», сравнивает её красоту с горным тюльпаном. «Бывают эпитеты, называемые эпитетами-*müqəyyəd* (форменными), используемые веками в устной и письменной литературе, переходящие от одного писателя другому, от одного произведения к другому. Например, «aһu gözlü» (оленьи очи), «gül уапаq» (цветочный лик), «al уапаq» (розовые щеки) и прочие» [1, 77]. Как видно, эти эпитеты, будучи использованы в оригинальной форме в стихах народного поэта, лишней раз наглядно демонстрируют четкость, плавность, красоту и своеобразие языка. Все это соединяется в одной линии, становится помощником в цельном звучании стихотворения, и в то же время, появляется как произведение искусства, определяющее талант Зодлу Абдуллы.

В ряду средств художественного описания и выражения незаменима роль метафор-уподоблений. Особенно значительный интерес вызывает совершенство метафор, существующих в народной литературе, ашугском творчестве. В системе метафор уподобление является простейшим видом и в теоретической литературе о нем высказано достаточно интересных мыслей. «Цель уподоблений состоит в оживлении и усилении мысли» [6, 148]. В этих метафорах имеется свойство уподобления. Как сказано в словаре литературоведческих терминов, уподобление - в художественных произведениях изображение события, человека или же понятия противопоставлением схожим с ним определенному признаку другим событием, человеком или же понятием [1, 234]. Зодлу Абдулла в творчестве широко использовал метафоры. Все они привлекают внимание своей востребованностью и желанностью, бытностью, критерием мастерства, в большей степени служат лингвистическому мастерству:

*Dastan olum, necə düşdüm dillərə,
Məcnun kimi fələk saldı çöllərə.
Yandı qara bağrim, döndü küllərə,
Yoxdu ürəyimdə yağ nişanəsi [7, 22].*

(Как дастан, перешел из уст в уста. Всевышний как Меджнун бросил меня на произвол судьбы. До пепла сгорела черная от горя душа моя. Не осталось в сердце моем ни капельки).

Здесь Зодлу Абдулла обращается к уподоблению другого рода. В этом образце, говоря «*Məcnun kimi fələk saldı çöllərə*», создал уподобление другого характера. Этим народный поэт злосчастностью, неудачливостью в любви уподобляет себя Меджнуну. Примеры из этого ряда дают основания сказать о близости поэзии Абдуллы к традициям, и, вместе с тем, об их своеобразии. Все это ясно указывает на знание Зодлу Абдуллой и восточной литературы, творчества классиков.

Еще одним направлением художественности в стихах Зодлу Абдуллы является метафора. В литературно-теоретической мысли это объясняется как перенос. Относится к достаточно сильным и известным поэтическим тропам. Этим очень часто пользовались в ашугском творчестве, народной литературе, а также классическом творчестве. «Среди поэтических фигур, наблюдаемых в классической ашугской поэзии, самым сильным с точки зрения выражения художественной мысли, с самыми большими возможностями по богатству видов и форм, сфере использования является метафора» [5, 222]. И в творчестве Зодлу Абдуллы есть интересные образцы метафоры. Например,

*Qaşın cəllad, göziün mənə yağdı,
Qoynun içi səkkiz cənnət bağıdı.
Yazıq sənətkarın məlul çağıdı,
Bilməyib, yandırır sağ gülə-gülə [7, 43].*

(Брови как палач, глаза мне враги. Объятия как восемь райских куц. Унылая пора бедного мастера. Смеясь убивает меня невзначай)

В этом примере бытность брови палачом носит характер метафоры. Какое понятие выражается термином «палач», известно. Он способен на безжалостность, убийство человека, четвертование. И Зодлу Абдулла красоту бровей, терзания, данные возлюбленному, сравнивает с измывательством палача. Точнее, перенос на красоту любимой качества, присущее палачу, приобретает большое значение. В своем роде, привносит в стихотворение воздейственность, художественную ценность, служит мастерству, таланту мастера. Впечатление, недостижимость рая, райского сада общеизвестны. Зодлу Абдулла также остался перед необходимостью в достаточной степени воспользоваться существующими именно в человеческом представлении факторами для того, чтобы довести до конца незаменимость свои мысли, любовных чувств. Объятия любимой сравниваются с райским садом. И это само по себе метафора.

В стихах народного поэта литота, гипербола, фраземы, художественные вопросы, обращения всецело служат поэтическому фактору. Рассмотрим примеры:

*Qədam qoyub bir məclisə varanda,
Həsv-hədyan sözdən bəli yaxşidi.
Namərdin bir kəlmə acı sözündən
Mərdin sillə çəkən əli yaxşidi [7, 28].*

(Когда посещаешь какое-то застолье, лучше кивай всему, чем говорить колкости. Рука благородного, наносящая пощечину. Лучшие горькой фразы вероломного)

Как видно, здесь используются контрасты. Как известно, литературоведы антитезу позиционируют как совершенную форму образности. Знаменитый русский ученый-лингвист В.А.Шошин в работе «Поэт и мир» полагает антитезу грамматикой поэзии. Благородный-вероломный, хороший-плохой, храбрый-трусливый и иные подобные противопоставления во все времена преследовали человечество, литературу.

Это понимание добра-зла, хорошего-плохого было разработано как ведущая тема в ашугском творчестве, народной литературе. Утверждавший, что «Рука благородного, наносящая пощечину, лучше горькой фразы вероломного», Зодлу Абдулла ведет интересные параллели в линии благородный-вероломный, и в явной форме находит свое отображение мнение о приоритете благородства. Использованием контрастов (антитез) мастер добился выражения своих чувств, ясного показа их экспрессивности. Каждая из этих строк дополняет друг друга, как с точки зрения идейной нагрузки, так и с точки зрения выразительности идеи. Именно этим проявляется и определяется талант мастера, творческая способность.

В стихах Зодлу Абдуллы весьма заметны и символы. Символы в классической литературе, а также ашугском творчестве, являются разработанной формой. Зодлу Абдулла также пользовался ими в своих стихах, старался отобразить свои чувства и ощущения различными символами. «Символы делают кошма родными идейно и художественно, конкретизируют ощущения героя, к которому обращаются, расши-

ряет сферу воздействия» [4, 322]. В творчестве Зодлу Абдуллы это явления наблюдается последовательно, в течение продолжительного времени. Меджнун-Лейли, Фархад-Ширин, Асли-Керем, Мансур и иные имена служат выразительности размышлений и чувств поэта:

*Günbägündən bağlayıram mən vərəm,
Könül sakit olub heç tapmır aram.
Nə Şirin, nə Fərhad, nə yazıq Kərəm,
Abdullatək cismi od alan varmı? [7, 26]*

(День ото дня источаюсь я. Не успокоится душа не найдет покоя никак. Ни Ширин, ни Фархад, ни бедный Керем. Есть ли кто горящий как Абдулла?)

Как известно, есть ряд образов, ставших символами в понимании любви. Здесь Зодлу Абдулла в контексте выражения любовных страданий упоминает Керема. Умение Керема вытерпеть все ради достижения своей любви, жертвование жизнью на этом пути делает, его символом. Зодлу Абдулла, упоминанием имени Керема, сравнением, выражает свои любовные муки. Выражением той же функции является привнесение в стихотворение образов и Ширин, и Фархада.

В творчестве Зодлу Абдуллы среди компонентов, служащих делу лингвистического мастерства, значительна роль и художественных вопросов и обращений. При этом другим обращающим на себя внимание вопросом является своевременное и к месту использование фразеологических соединений. «Во все времена как средство образности, высокой выразительности литературоведами фразеологические обороты расценивались выше, чем обычные лексические единицы». Особо было акцентировано и то, что «с этой точки зрения народная фразеология находится на более ведущих позициях» [9, 158]. Все они, будучи системой, служат лингвистическому мастерству. Порой даже талант мастера позволяет сосредоточить их на уровне определенной строфы, стихотворения. И фраземы, и художественные вопросы, и обращения выступают на одной линии.

*Ay ağalar, ay qazılar,
Mən bu dərdə dözüüm, neynim?!
Düşdüm qəmin dəryasına,
Qəvvas olum üzüm, neynim?! [7, 8]*

(Эй господа, эй кази, что мне делать с этим горем? Попал я в море скорби, может пловцом стать мне?)

Как видно, обращение «*ey ağalar, ey qazılar*» (эй господа, эй кази) является компонентом поэтичности, служит, в своем роде, усилению художественного воздействия. Это обращение, как элемент языка, наполнено эмоциональностью, экспрессивностью. В раздумьях мастера служит выражению какой-то проблемы. Кроме того, Зодлу Абдулла для выражения своих чувств и ощущений, увеличения художественного воздействия, Пользовался, в большей степени, художественными вопросами. Ставит вопрос «*mən bu dərdə dözüüm, neynim, qəvvas olum, üzüm, neynim*». Это стихотворение от начала и до конца построено на художественном вопросе. Поэтому в общем творчестве поэта создает впечатление явления некоего богатства, своеобразия. А третья строка настроена на троп исключительно как фразема. Говорящий «оказался в море скорби». Мастер, для выражения бесконечности своей боли, своих страданий, использует вы-

ражение «море скорби». Понимание, создаваемое морем, общеизвестно. Оно выражается бесконечностью. И море скорби используется в понимании бесконечности боли, мучений, придает стихотворению читабельность, художественность.

Выводы и перспектива. Таким образом, мастерство является главным фактором, показывающим силу поэта, то, на что он способен, и в первую, и в последнюю очередь характеризуется возможностями поэта. Средства художественного описания и выражения, фонемы, морфемы, синтагмы как система находятся, в широком смысле, на одной линии. В творчестве Зодлу Абдуллы мастерство выразилось, с одной стороны, классической традицией, с другой же стороны, оригинальной гармонией своеобразного стиля. Все это имеет важное значение в качестве явления прояснения представлений, определения проблем лингвистического мастерства творчества мастера, все это превращается в главное доказательство, демонстрирующее творческие успехи ашугской поэзии в творчестве Зодлу Абдуллы.

Литература

1. Словарь литературоведческих терминов / составитель А. Мирахмедов. – Баку: Маариф, 1988 (на азерб. языке).
2. Хакимов М. Азербайджанское ашугское творчество (в древние и средние века) / Хакимов М. – Баку: Язычи, 1983 (на азерб. языке).
3. Хакимов М. Формы азербайджанского ашугского творчества и его источники / Хакимов М. – Баку: Маариф, 1999 (на азерб. языке).
4. Касумзаде Ф. Азербайджанская литература XIX века / Касумзаде Ф. – Баку, 1966 (на азерб. языке).
5. Мамедов З. Лексико-семантические особенности классической ашугской поэзии / Мамедов З. – Баку: Авропа, 2006 (на азерб. языке).
6. Рафили М. Введение в теорию литературы / Рафили М. – Баку: АПИ, 1958 (на азерб. языке).
7. Уста Абдулла. Стихи / составитель Р. Мехтиев / Уста Абдулла. – Баку: Гянджлик, 1976 (на азерб. языке).
8. Кожинов В. Как пишут стихи / Кожинов В. – Москва: 1970.
9. Лорин Б. История русского языка и общее языкознание / Лорин Б. – Москва: Просвещение, 1977.

Касимов Н. Лінгвістичні особливості творчості Зодлу Абдулли / Н. Касимов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 197-202.

Зодлу Абдулла відомий Азербайджанський народний поет ХХ століття. Його творчість відрізняється високою майстерністю, образністю мови. У статті досліджуються лінгвістичні особливості його творчості.

Ключові слова: Зодлу Абдулла, поезика, творчість, фольклор

Gasimov N. The language characters of poetry by Zodlu Abdulla / N. Gasimov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 197-202.

The activity of Zodlu Abdulla who was the famous folk poet of Goycha sphere of the 20th century is the remarkable event due to the mastery. So his poetry has a rich metaphor system. In the article some literary description and expression means such as epithet, comparison, metaphor, symbol, contrast, the literary question are analyzed on the base of examples.

Key words: Zodlu Abdulla, poetry, literature, folklore,

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 655.32(501)

ВИНИКНЕННЯ ТА ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ОСМАНСЬКОЇ ПЕРІОДИКИ (ДРУГА ТРЕТИНА ХІХ СТ.)

Срибняк И.В.

«Киево-Могилянская академия», г. Киев, Украина
E-mail: sr63@ukr.net

В статье анализируется процесс возникновения первых периодических изданий в Османской империи, реконструируются основные тенденции развития газетной периодики, определена жанрово-тематическая направленность редактируемых Ибрагимом Шинаси и Намиком Кемалем ведущих турецких изданий в 60-е гг. XIX в.

Ключевые слова: газета, периодика, редактор, издатель, Ибрагим Шинаси, Намик Кемаль, Османская империя.

Постановка проблеми. Історія османської періодики є невід'ємною частиною розвитку турецької нації, і водночас – яскравим свідченням її культурно-цивілізаційних здобутків та інтегральною частиною загальносвітового історичного процесу. Ця обставина й обумовила стійкий інтерес дослідників до проблем функціонування османської періодики як з боку відомих радянських істориків-османістів А.Д.Желтякова[1, 2, 3] і Ю.А.Петросяна[4], так і сучасних російських дослідників[5, 6, 7]. В українській історіографії одними з перших до вивчення обставин формування та функціонування турецької преси у другій половині ХІХ ст. звернулися Н.Б.Саркісян[8] та автор цієї статті[9, 10], проте найбільший внесок у опрацювання даної проблеми було зроблено турецькими дослідниками історії преси[11, 12, 13].

Першими періодичними виданнями на теренах Османської імперії стали франкомовні газети, що були засновані найактивнішими представниками французького еміграційного осередку в м. Ізмір. Так, зокрема, влітку 1824 р. було розпочато видання одного з таких видань – газети «*Східний спостерігач*». У 1827 р. до керма цього видання прийшов адвокат Олександр Блак – відома в Леванті людина виразно антифранцузьких переконань. Після її закриття за наполяганням офіційного Парижу О.Блак започатковує видання нової газети – «*Ізмірського кур'єра*», а у 1831 р. – «*Османського наставника*», отримуючи при цьому значні фінансові дотації від османського уряду[10, с.129-130].

Першою газетою, яка почала виходити турецькою (османською) мовою, стала «*Таквім-і векаї*». Для її друку була створена окрема друкарня («Таквімхане-і аміре матбааси») та видавництво («Таквім незареті»), робота яких спрямовувалась головним редактором газети і одночасно офіційним історіографом Порти Мехмедом Есафом. Перший час газета користувалась успіхом у читача, з 1832 р. вона почала видаватися також арабською, грецькою, вірменською мовами, а матеріали, в які в ній уміщувалися, являли інтерес і для нетурецького населення імперії. Але поступово газета почала занепадати, бо в її штаті не було жодного фахового журналіста, а добір інформації здійснювали непрофесіонали – один з секретарів глави османського

уряду (цивільні справи) і ад'ютант військового міністра (військові справи), причому обидва мали виконувати й свою основну роботу у відповідних установах. За таких обставин забезпечити регулярність виходу газети було неможливо – іноді вона з'являлась щотижнево, іноді – навіть не кожного місяця. Внаслідок цього новини, які уміщувались на шпальтах видання, були вже застарілими або взагалі неактуальними[2, с.90].

Але попри всі ці недоліки «Таквім-і векаї», що була першою і впродовж довгого часу єдиною турецькою газетою, відіграла позитивну роль в житті османського суспільства. На думку історика турецької преси С.Іскіта та обставина, що ця газета хоча й була «офіційним державним органом», і відтак не могла стати «виразником і політичним рупором національних ідейних рухів, як це мало місце в інших країнах», це ніяким чином не применшує її значення, бо «Таквім-і векаї» видавалась «нашою рідною (турецько-османською – *авт.*) мовою, в ній друкувались також і неофіційні статті»[11, с.63].

Обставини заснування ще однієї турецької газети – «*Джеріде-і хавадіс*» («Вісник новин») є дещо незвичайними. У травні 1836 р. англійський торговець і одночасно кореспондент «*Морнінг Геральд*» Вільям Черчіль під час полювання через власну недбалість поранив хлопчика-турка, за що був побитий та з відома міністра закордонних справ Порти Акіф-паши та доставлений до в'язниці. Посольства Великобританії втрутилося у цю справу, сподіваючись усунути «незручного» міністра. Врешті-решт Лондон домогся бажаного для себе результату – Акіф-паша був відправлений у відставку, а В.Черчіль отримав грошове відшкодування (400 тис. піастрів) за завдані йому «незручності», привілей на торгівлю олією і право на видання газети турецькою мовою [1, С.84-86].

Перше її число вийшло друком 1 серпня 1840 р., у «передмові» редакція повідомляла про своє бажання сприяти поширенню знань про ремесла, мистецтво і освіту в різних країнах світу. З перших днів «Джеріде-і хавадіс» відчувала величезні труднощі з дистрибуцією, бо системи продажу газет в імперії просто не існувало. Спроба В.Черчіля організувати збут свого видання через торговців рукописними книгами (*саххафів*) не мала успіху. Внаслідок цього газета, маючи загалом лише 150 передплатників, опинилась у 1843 р. на межі банкрутства. В цій ситуації на допомогу Черчілю знову прийшов османський уряд, який призначив газеті значну щомісячну грошову дотацію. З того часу «Джеріде-і хавадіс» перетворилась на напівофіційний орган Порти, зберігаючи такий статус близько двох десятиліть. Нова якість відчинила газеті двері урядових установ та іноземних посольств, що значно полегшувало збирання інформації[2, с.103].

Редакція приділяла чільну увагу подіям міжнародного життя (до 80% обсягу газети займали передруки та перекази статей з найавторитетніших європейських, насамперед – англійських, видань про головні події політичного життя Європи, а також США та країн Сходу). Окреме місце в газеті посідав відділ оголошень, в якому уміщувалась різноманітна інформація торгівельно-економічного змісту (повідомлення про аукціони, продаж нерухомості та товарів, митні умови, транспортні перевезення тощо). Під час Кримської війни 1853-1856 рр. «Джеріде-і хавадіс» стала основним джерелом урядової інформації про хід воєнних подій, які висвітлювалися під анг-

лійським кутом зору. Газета першою в історії турецької преси стала видавати свій власний додаток (з листопада 1856 р.), який містив зведення основних воєнних подій в Криму, а також передруки політичних статей з англійських газет.

У 1850 р. тільки в Стамбулі видавалось 11 часописів (у т.ч. чотири – італійською мовою, стільки ж франкомовних, по одній – грецькою, вірменською та болгарською мовами)[6, с.16]. Близько 20 іншомовних газет друкувалось в різних провінціях Османської імперії, зокрема п'ять в Ізмірі, шість – в Сербському князівстві, по три – у Валахії та Яссах. З 1849 р. було розпочато видання першого турецького журналу «*Вака-і тіббіє*» («Медичні події»). Прагнучи забезпечити підтримку своєму політичному курсу на сторінках періодичних видань, турецький уряд надавав окремим газетам значну фінансову допомогу[7, с.118].

Слід відзначити, що поява нових періодичних видань непокоїла Порту, і особливо через те, що засновуючи газети іноземці не вважали за потрібне отримувати на це дозвіл ані в османського уряду, ані у місцевої влади. Непоодинокі були й випадки уміщення на шпальтах таких публікацій, які ставили під сумнів основні політичні постулати імперії. І хоча ці видання були доступні лише невеликому колу читачів, тим не менш це створювало підстави для критики уряду. Одним з проявів збенженості уряду став меморандум Міністерства закордонних справ (МЗС) Порти від 18 червня 1849 р., адресований усім іноземним представництвам, акредитованим в імперії, в якому робилась спроба регламентувати порядок відкриття нових газет і друкарень. Віднині це було можливим тільки після звернення до місцевої влади та отримання відповідного дозволу.

Але досягти бажаного для себе результату Порти вже не могла, і була змушена змиритися з існуванням заснованих раніше видань. Контролювати інформаційний простір країни було для уряду дуже не просто і з огляду на те, що у 60-70-х рр. ХІХ ст. спостерігається піднесення турецької преси і журналістики, що було пов'язане з діяльністю нового таємного політичного угруповання «нових османів», до складу якого входили визначні представники політичного істеблішменту Порти та видатні турецькі публіцисти і літератори[2, с.129].

Але говорячи про цю політичну течію слід відзначити, що самій своїй появі та організаційному оформленню вона значною мірою має завдячувати першій приватній турецькій газеті «*Терджюман-і ахваль*» («Глумач подій»), яку заснував відомий громадський і культурний діяч Агях-ефенді. Перший номер газети побачив світ 21 жовтня 1860 р., і ця дата вважається рубіжною в історії національної турецької журналістики. Засновнику (він же став і головним редактором) вдалось залучити до співпраці в газеті цілу низку турецьких інтелектуалів, яким не була байдужою доля країни (у т.ч. письменника і поета Зія-бея, історика літератури і мовознавця Ахмеда Вефіка-пашу, відомого журналіста Мустафу Рефік-бея, урядовця Хасана Субхі-ефенді та ін.).

Однак найбільшу популярність газеті принесло ім'я видатного літератора і публіциста Ібрагіма Шинасі, який доклав найбільших зусиль для підготовки перших 25 номерів «Терджюман-і ахваль». Концепцію газети було визначено в першому її номері, у т.зв. «передмові» (*мукаддеме*) за підписом І.Шинасі, в якій містилось обґрунтування права кожного народу на свободу слова. На його думку, газета мала стати

засобом для поширення відомостей про внутрішні та міжнародні події, на її шпальтах мали висвітлюватися проблеми освіти та інші злободенні питання, які хвилювали турецьке суспільство. Насамкінець І.Шинасі, звертаючись до майбутніх кореспондентів газети, наголосив на необхідності писати простою мовою, яка була б зрозумілою усім туркам[8, с.176].

З самого початку свого виходу «Терджюман-і ахваль» користувалась значною популярністю, що було зумовлено регулярністю її виходу, цікавим змістом та простою мовою викладу матеріалів; нарешті освіченій частині османського суспільства були добре відомі імена її видавців. Редакцією було запроваджено рубрикацію матеріалів, у статтях обговорювались найважливіші події в країні та за кордоном, друкувались літературні твори та науково-популярні матеріали. Влітку 1861 р. в газеті почали з'являтися редакційні статті, присвячені злободенним політичним питанням. «Терджюман-і ахваль» приділяла багато уваги висвітленню актуальних проблем національної економіки, банківської справи, торгівлі, транспорту та поштовому зв'язку. Друкувались у газеті й листи читачів, перекладні статті, замітки енциклопедичного характеру з історії розвитку науки і техніки, біографічні довідки про видатних людей. Нарешті у газеті вміщувались матеріали офіційного характеру (укази, повідомлення), світська хроніка, довідки (курс валют на стамбульській біржі тощо)[9, с.8].

Успіх газети занепокоїв редактора «Джеріде-і хавадіс» В.Черчіля, який вже восени 1860 р. організував видання газети «*Рузнаме-і джеріде-і хавадіс*» («Щоденний вісник новин»), на шпальтах якого вдався до різких випадів проти «Тлумача подій». Останній не залишився у боргу – в одній зі статей І.Шинасі читачам було повідомлено, що власником «Щоденного вісника новин» є англієць, який до того ж отримує державну дотацію у 1400 доларів на рік. Ця дискусія, а також публікація критичної статті Зія-бея про вади існуючої системи освіти викликали незадоволення уряду та призвели до того, що в травні 1861 р. видання «Терджюман-і ахваль» було тимчасово припинено. Але невдовзі її вихід було поновлено, і відтоді видання «Терджюман-і ахваль» вже не переривалося до 11 березня 1866 р.[2, с.135]

У кінці квітня 1861 р. І.Шинасі приймає рішення залишити роботу в редакції цієї газети та розпочинає підготовку до заснування власного періодичного видання – «*Тасвір-і ефкяр*» («Зображення ідей»). В її першому числі, яке вийшло 28 червня 1862 р., було сформульовано кредо газети – просвітництво. У вже традиційній для кожного нового видання «передмові» редактор зазначав, що газети «вкрай необхідні для будь-якої цивілізованої країни», і що «народ, який існує в цивілізованих умовах, повідомляє через газети, які є виразниками його думок, про шляхи досягнення суспільної користі». Таким чином, І.Шинасі першим висловив думку про те, що газети повинні сприяти формуванню громадської думки і що народ має право висловлювати свої судження з актуальних проблем сьогодення через газету.

Після появи перших номерів газети «Тасвір-і ефкяр» уряд здійснив спробу перетворити видання на знаряддя своєї політики шляхом фактичного підкупу редакції. Султан Абдул Азіз надіслав І.Шинасі у «подарунок» величезну як на той час суму – 500 золотих лір (12 тис. крб. золотом), але ці гроші не були прийняті редактором із принципових міркувань. Весь свій талант і знання Шинасі спрямував на те, щоб

зробити «Тасвір-і ефкяр» духовним наставником освічених прошарків турецького суспільства. Він залучив до роботи в редакції талановитих письменників та публіцистів (Намика Кемалю, Зія-бея, Реджаїзаде, Махмуда Екрема, Алі Суаві), і дуже скоро газета перетворилась на справжній громадсько-літературний форум турецької інтелігенції, де обговорювались нові літературні та політичні ідеї [9, с.10].

З номера в номер на шпальтах газети дебатовалися проблеми реформи турецької мови та розвитку національної літератури, реорганізації шкіл; питання, пов'язані з можливістю «прищеплення» на османському ґрунті європейських громадських інститутів, доцільністю ознайомлення турків з найкращими надбаннями європейської культури та науки. Редакція не залишалася осторонь дискусійних питань «чистоти» мови (власне на її сторінках тривав процес вироблення нових стандартів «передсучасної» турецької мови, вільної від зашквара арабо-перської лексики), і саме полеміка з газетою «Рузнаме-і джеріде-і хавадіс» щодо шляхів її подальшого розвитку значно збільшувала наклад «Тасвір-і ефкяр» (до 20-24 тис. примірників), що було захмарним показником для тогочасної Туреччини.

Великий вплив на громадську думку імперії мали публіцистичні статті, що присвячувались політичним, соціально-економічним та правовим проблемам, а також добірки матеріалів на теми османської та всесвітньої історії, які здебільшого публікувались у вигляді серійних статей. У лютому-квітні 1863 р. в «Тасвір-і ефкяр» була надрукована серія статей історика і просвітителя Ахмеда Вефіка під спільною назвою «Мудрість історії», якою робилася спроба класифікувати історію як науку, що має власну методологію. У різний час на сторінках газети було опубліковано ще низку статей історичного змісту, в яких йшлося про причини занепаду Османської імперії та про часи її колишньої могутності. Публікуючи в газеті матеріали з історичної проблематики, І.Шинасі намагався пробудити у турків патріотичні почуття, він першим став звертатися до них як до «нації» (*миллет*), вже не зважаючи на релігійну належність.

Шинасі охоче вмщував у своїй газеті матеріали дискусійного характеру, зокрема про вади системи народної освіти, про небажання уряду допомагати бідним і жебракам та ін. За публікацію в одному з номерів статті про надуживання податкових чиновників головного редактора вже наступного дня звільнили з державної служби. Побоюючись арешту, І.Шинасі у 1865 р. таємно емігрує до Франції, доручивши перед цим управління газетою одному зі своїх найближчих співробітників – молодому поету Наміку Кемалю, який взяв найдіяльнішу участь у створенні товариства «нових османів»[5, с.140].

Висновки та перспектива. Під впливом нового головного редактора дещо змінився характер матеріалів газети, центральне місце в ній посів аналіз внутрішніх та міжнародних подій, а також проекти реформування імперії, деякі статті були адресовані жінкам, просвіту яких він уважав цілком необхідним для економічного та культурного поступу Туреччини. Н.Кемаль гостро критикував Росію, Францію і Англію за втручання у внутрішні справи своєї країни і в такий спосіб пробуджував патріотичні почуття турків, але при цьому заперечував справедливий характер боротьби греків.

І хоча «Джеріде-і хавадіс» та «Таквім-і векаї» не були здатні висловити думки народу та сформулювати прагнення нації, більше того – вони і не ставили перед своїми читачами такі теми, які б стосувались всієї країни, тим не менш їх незаперечним досягненням було те, що в них набули перший журналістський досвід молодша генерація турків, яка пізніше взяла діяльну участь у розбудові власне турецької преси. Найбільшим досягненням тогочасної турецької періодики стало створення сприятливих умов для ознайомлення освіченої частини османського суспільства з європейською політикою та палітрою економічного життя й культури турецької нації.

Література

1. Желтяков А.Д. Дело Уильяма Черчилля / А.Д.Желтяков // XXIII Герценовские чтения. Исторические науки. – Ленинград, 1970. – С.81-94.
2. Желтяков А.Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729-1908 гг.) / А.Д.Желтяков. – Москва, 1972. – 320 с.
3. Желтяков А.Д. Из истории турецкой журналистики (газета Али Суави «Мухбир») / А.Д.Желтяков // Народы Азии и Африки. – 1972. – № 3. – С.46-52.
4. Петросян Ю.А. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Ю.А.Петросян. – М., 1985. – 144 с.
5. Сейтгиева У.Б. Культура и просвещение в Турции в эпоху Танзимата: 1839-1876 гг. / У.Б.Сейтгиева. – Махачкала, 2003. – 164 с.
6. Байбатырова Н.М. Особенности возникновения и становления турецкой журналистики до XX века / Н.М.Байбатырова // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. – № 7 – С.16-18.
7. Байбатырова Н.М. Турецкая литература и публицистика в эпоху Танзимата (реформ) / Н.М.Байбатырова // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – М., 2009. – № 3(31). – С.114-119.
8. Саркісян Н.Б. Редакційно-видавнича діяльність видатного турецького публіциста Ібрагіма Шинасі (перша половина 60-х рр. XIX ст.) / Н.Б.Саркісян // Українська орієнталістика: Зб. наук. праць викл. та студ. Ін-ту схід. мов Київ. нац. лінгв. ун-ту і Нац. ун-ту «Києво-Могилянська академія»; Голов. ред. І.В.Срібняк. – К., 2007-2008. – Вип.2-3. – С.176-178.
9. Срібняк І.В. Становлення та розвиток газетно-видавничої справи в Османській імперії (20-ті рр. XIX ст. – початок XX ст.) / І.В.Срібняк, Н.Б.Саркісян. – К.: Науково-дослідний центр орієнталістики імені Омеляна Пріцака НАУКМА, 2010. – 12 с.
10. Срібняк І.В. Перші періодичні видання в Османській імперії / І.В.Срібняк // Сучасні тенденції сходознавства. Матеріали I-ої Всеукр. наук.-практ. конф., 13-14 травня 2011 р. – Харків: Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С.Сковороди, 2011. – С.129-133.
11. Server R. Iskit. Türkiye'de nesriyat hareketleri tarihine bir bakış / S.R. Iskit. – Istanbul, 1939. – 256 s.
12. Kologlu Orhan. Basın tarihi / O.Kologlu. – Istanbul, 2000. – 304 s.
13. Topuz N. Türk basın tarihi / N.Topuz. – Istanbul, 2003. – 189 s.

Срібняк І.В. Виникнення та основні тенденції розвитку османської періодики (друга третина XIX ст.) / І.В. Срібняк // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 203-209.

У статті аналізується процес виникнення перших періодичних видань в Османській імперії, реконструюються основні тенденції розвитку газетної періодики, визначено жанрово-тематичну спрямованість редактованих Ібрагімом Шинасі та Наміком Кемалем провідних турецьких часописів у 60-х рр. XIX ст.

Ключові слова: газета, періодика, редактор, видавець, Ібрагім Шинасі, Намік Кемаль, Османська імперія.

Sribnyak I.V. Origin and basic progress of osman periodicals trends (second third of XIX item) / I.V. Sribnyak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 203-209.

The article analyzes the process of creation of the first periodicals in the Ottoman Empire, reconstructs the main trends in development of the newspaper periodicals. It is also determined genre and thematic orientation of the leading Turkish newspapers that was edited by Ibrahim Shynasi and Namik Kemal in 1860s.

Key words: newspaper, periodicals, editor, publisher, Ibrahim Shynasi, Namik Kemal, the Ottoman Empire.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 811.111'373.2

ПРИЗНАКИ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИРМОНИМА В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Воек Н.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г.Симферополь, Украина
E-mail: svetoniya@mail.ru*

В статье рассматриваются признаки, формирующие значение фирмонима в лингвострановедческом словаре. Основными признаками являются тип коммерческого предприятия и вид экономической деятельности. Для иллюстрации используется англоязычный фактический материал и его толкование на русском языке.

Ключевые слова: фирмоним, лингвострановедческий словарь, признаки, тип коммерческого предприятия, вид экономической деятельности.

Постановка проблемы. В настоящей статье исследуются актуальные проблемы ономастики английского языка, которые касаются выявления и исследования характеристик новых групп имен собственных (ИС). Основная цель статьи состоит в анализе признаков, формирующих значение фирмонима в лингвострановедческом словаре. Сформулированная цель обуславливает постановку следующих задач:

1. охарактеризовать термин «фирмоним»;
2. проанализировать основные экономические признаки, которые служат для выражения значения фирмонимов в лингвострановедческом словаре»;
3. показать на практическом материале, какими языковыми средствами выражаются эти экономические признаки.

В качестве термина понятие «фирмоним» было введено в кандидатской диссертации украинского ученого-филолога Белея О.О., в которой автор исследует современную украинскую эргонию. В ней исследователь дает такое определение этому понятию: власна назва комерційно-виробничого об'єднання людей [1, с. 18].

Однако, анализируемая дефиниция содержит ряд неточностей в формулировке. Во-первых, словосочетание «комерційно-виробниче об'єднання», обозначающее тип коммерческого предприятия, не содержит слово «люди» в качестве компонента. В этом можно убедиться с помощью использования поисковой системы «Гугл» («Google»). Ввод украинского словосочетания «комерційно-виробниче об'єднання людей» не давал ссылок на эту фразу как на устоявшийся термин, если это не ссылки на диссертационное исследование О.О. Белея. Поиск русского словосочетания «коммерческо-производственное объединение людей» также не дал результатов. Но были ссылки, где слово «люди» отсутствовало, как например, в названиях «УКООППРОМТОРГ українське комерційно-виробниче об'єднання Укоопспілки» [2] и «Коммерческо-производственное объединение «Учмедкомплект»» [3]. Во-вторых, по всей видимости, исследователь Белей О.О., давая определение термину «фирмоним»,

в качестве основы использовал дефиницию термина «эргоним», которая дана ученым Подольской Н.В. в Словаре русской ономастической терминологии [4]. Эргоним определяется как разряд онимов, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [4, с. 151]. Прилагательное «деловое» из словаря заменено на сложное прилагательное «комерційно-виробничий». Остальные компоненты дефиниции из словаря Подольской Н.В. сохранены. В-третьих, автор делает акцент на коммерческо-производственном характере объединения людей. В таком случае, не совсем понятно, как быть с названиями коммерческих предприятий, которые занимаются торговлей и не производят какие-либо товары, как, например, магазины.

Эти факторы обусловили необходимость иной формулировки определения исследуемого понятия. На основе анализа слова «фирма» термину «фирмоним» было дано следующее определение: разряд онимов, собственное имя коммерческого предприятия, в том числе промышленного или торгового, которое обладает правами юридического лица. Данный разряд онимов зачастую употребляется со словом-гиперонимом. Среди гиперонимов можно упомянуть само слово фирма (firm), а также разновидности коммерческих предприятий, такие как компания (company), концерн (concern), акционерное общество (joint stock company), трест (trust), холдинг (holding), хозяйственное общество (economic union), арендное предприятие (leasing enterprise), акционерное предприятие (incorporated enterprise) и так далее.

Следует отметить, что в недостаточной степени проанализирована репрезентация фирмонимов в словарях в целом и в лингвострановедческих изданиях в частности, хотя количество названий коммерческих предприятий в них составителями увеличивается. Так, например, в новом издании словаря «Великобритания: Лингвострановедческий словарь» говорится, что английский словник обновлен за счет включения новых статей отражающих сегодняшние реалии. Среди этих реалий, в частности, упоминаются названия компаний [5, с. 5].

С целью исследования этого аспекта практический материал брался из словаря известного исследователя-американиста Томахина Г.Д. «США. Лингвострановедческий словарь» [6]. Методом сплошной выборки было выделено 305 фирмонимов, что составляет 3,05% от общего числа реалий, которые даны в этом издании.

В анализе толкований значений фирмонимов за основу был взят экономический критерий. Это объясняется тем, что этот тип онимов является собственным именем коммерческого предприятия. Основными экономическими признаками, отраженными в толковании значения фирмонима, являются тип коммерческого предприятия (ТКП) и вид экономической деятельности (ВЭД). В ходе анализа словарных статей к наименованиям фирмонимов из лингвострановедческого словаря Г.Д. Томахина было выделено 22 ТКП. Результаты сведены в Таблицу 1.

Как видно из Таблицы 1, первые три позиции по ТКП самые многочисленные они составляют 215 единиц, а в процентном отношении их количество равняется 72,27%, то есть почти три четверти. 84 единицы от общего числа фирмонимов являются компаниями (27,72% от общего числа). За ними следуют наименования ресторанов (68 единицы; 22,44%) и отелей (67 единиц; 22,11%). Остальные типы коммерческих предприятий представлены гораздо меньшим количеством фирмонимов.

Таблица 1

№ п/п	ТКП	Количество единиц	%	Примеры
1.	компания	84	27,72%	American Broadcasting Company Amoco; Amtrak
2.	ресторан	68	22,44%	American Antoine's; Beef N Boards
3.	отель	67	22,11%	The Adolphus The Aladdin Hotel The Alexander
4.	магазин	19	6,27%	Bergdorf Goodman Brentano's; Disco-Mat
5.	универсальный магазин	14	4,62%	Abraham and Strauss Alexander's Bloomingdale's
6.	фирма	12	3,96%	Baskin-Robbins Cartier; Casio
7.	корпорация	7	2,31%	American Telephone and Telegraph COMSAT The General Dynamics
8.	рынок	5	1,65%	Faneuil Hall Marketplace Farmers Market Lexington Market
9.	торговый центр	4	1,32%	Ala Moana Center Country Club Plaza Galleria Center
10.	банк	3	0,99%	Bank America; Citigroup Chase Manhattan Corp.
11.	агентство	2	0,66%	American Express Moody's Investors Service
12.	бар	2	0,66%	Crazy Shirley's Old Absinthe House
13.	биржа	2	0,66%	American Stock Exchange New York Stock Exchange
14.	гостиница	2	0,66%	'Marriott Inn' 'Red Carpet Inn'
15.	закусочная	2	0,66%	Arthur Bryant's Barbecue 'Rib Joint'
16.	казино	2	0,66%	The Caesars Palace Circus-Circus
17.	торговый комплекс	2	0,66%	Harborplace Louisville Galleria
18.	клиника	1	0,33%	Betty Ford Clinic
19.	концерн	1	0,33%	Union Carbide
20.	супермаркет	1	0,33%	Safeway
21.	кафе-закусочная	1	0,33%	'The Gingerman'
22.	ресторан-пиццерия	1	0,33%	Pizza Hut

В ряде случаев ТКП передают похожие понятия. По значению совпадают такие ТКП «торговый центр» и «торговый комплекс», а также «супермаркет» и «универсальный магазин». Это можно сказать и о терминах «отель» и «гостиница».

Также в ходе анализа было выявлено сочетание двух ТКП в рамках одного названия (1 единица; 0,33%). Это фирмоним *Golden Nugget Gambling Hall and Rooming House*, то есть «игорный дом и гостиница «Голден-Наггет» / «Золотой самородок»».

Две единицы являются полисемантическими (0,66%). В эту группу входят такие фирмонимы как *Macy's* и 'Omni International'. Они имеют по два значения. *Macy's* в первом значении – фирма, а во втором – универсальный магазин. 'Omni International' в обоих значениях передает наименования отелей.

Что касается ВЭД, то следует отметить, что ряд слов, называющих ТКП, передают и вид экономической деятельности в толковании значения фирмонима. К ним можно отнести такие термины как ресторан, ресторан-пиццерия, кафе-закусочная, супермаркет, клиника, торговый комплекс, казино, закусочная, гостиница, биржа, бар, банк, торговый центр, рынок, универсальный магазин, магазин, отель. Например, слово «ресторан» подразумевает предоставление гастрономических услуг. В отелях предоставляются услуги по поселению. Такие же слова, как концерн, агентство, корпорация, фирма, компания не передают, чем занимается коммерческое предприятие. Они, соответственно, идут с уточняющими вид экономической деятельности словами или оборотами. В Таблицу 2 были сведены такие уточняющие характеристики такого типа предприятия как фирма.

Как видно из Таблицы 2 для выражения вида экономической деятельности используются прилагательные (ювелирная фирма, торговая фирма, ресторанный фирма); причастные обороты (фирма, производящая мороженое; фирма, производящая часы, калькуляторы и т.п.; фирма, производящая бекон, сосиски и другие мясные продукты; фирма, производящая бритвы и кремы для бритья; фирма, имеющая сеть магазинов и службу «товары почтой»); предложные словосочетания (фирма по производству фирменных консервированных продуктов, фирма в отельном бизнесе). Также в толковании значения фирмонима могут присутствовать и дополнительные характеристики.

Выводы и перспектива. В ходе анализа были сделаны следующие выводы:

1. На основе анализа слова «фирма» термину «фирмоним» было дано следующее определение: разряд онимов, собственное имя коммерческого предприятия, в том числе промышленного или торгового, которое обладает правами юридического лица. Данный разряд онимов зачастую употребляется со словом-гиперонимом.

2. Объем выборки составил 305 единиц, что составляет 3,05% от числа всех реальных, содержащихся в словаре. 84 единицы от общего числа фирмонимов являются компаниями (27,72% от общего числа фирмонимов), 68 единиц составляют наименования ресторанов (22,44%) и 67 единиц – это отели (22,11%). Эти три вида фирмонимов по ТКП самые многочисленны. Они составляют 215 единиц, а в процентном отношении их количество равняется 72,27%, то есть почти три четверти.

3. В ряде случаев ТКП передают похожие понятия. Также в ходе анализа было выявлено сочетание двух ТКП в рамках одного названия (1 единица; 0,33%). Две единицы являются полисемантическими (0,66%).

Таблица 2

№ п/п	Фирмоним	Вид экономической деятельности	Дополнительные характеристики
1.	Baskin Robbins	фирма, производящая мороженое	известная
2.	Cartier	ювелирная фирма	имеющая филиалы в крупных городах многих стран мира; хорошо известна своими дорогими часами
3.	Casio	фирма, производящая часы, калькуляторы и т.п.	японская; продукция фирмы популярна в США
4.	Farmer, John	фирма, производящая бекон, сосиски и др. мясные продукты	
5.	Gillette	фирма, производящая бритвы и кремы для бритья	
6.	Heinz	фирма по производству фирменных консервированных продуктов	на банках надпись «Хайнц, 57 сортов»; фраза стала нарицательной, когда хотят сказать, что что-то имеется в большом ассортименте
7.	'Holiday Inn'	фирма в отельном бизнесе	имеющая разветвленную сеть недорогих отелей и мотелей по всей стране
8.	Howard Johnson's	фирма в отельном бизнесе	имеющая разветвленную сеть отелей и мотелей; знаменита также производством мороженого
9.	JC Penney	фирма, имеющая сеть магазинов и службу «товары почтой»	славится высоким качеством товаров по относительно невысоким ценам
10.	Montgomery Ward & Company	торговая фирма	одна из крупнейших; имеет магазины промышленных товаров во всех штатах США; а также отправляет товары по почте
11.	'Tad's Steaks'	ресторанная фирма	в Нью-Йорке; кафетерии фирмы работают по системе самообслуживания; предлагается только одно блюдо: бифштекс с печеным картофелем
12.	Zum-Zum	ресторанная фирма	имеет сеть закусочных и ресторанов по всей стране; специализируется на сосисках

4. Ряд слов, называющих ТКП, передают и вид экономической деятельности в толковании значения фирмонима. Такие же слова, как концерн, агентство, корпорация, фирма, компания не передают, чем занимается коммерческое предприятие. Они, соответственно, идут с уточняющими вид экономической деятельности словами или оборотами.

5. Для выражения вида экономической деятельности используются прилагательные, причастные обороты, предложные словосочетания.

Литература

1. Белей О.О. Сучасна українська ергономія (на матеріалі власних назв підприємств Закарпатської області України): дис. ... кандидата філолог. наук: 10.02.01 / Белей Олег Омелянович. – Ужгород, 2000. – 209 с.
2. УкрДовідка. Каталог українських компаній [Електронний ресурс] / Режим доступу до сайта: <http://ukrdovidka.com/review.php?id=77727&cat=23&subcat=118&subsubcat=1886&page=9>
3. «УМК» - мебель по уровню Твоей лаборатории [Электронный ресурс] / Режим доступа к сайту: <http://www.umk.com.ua/about.htm>
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Подольская Н.В. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Рум А.Р.У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / Рум А.Р.У. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 560 с.
6. Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь / Томахин Г.Д. – М.: Рус. яз., 1999. – 576 с.

Вовк Н.А. Ознаки, які формують значення фірмоніма у лінгвокраїнознавчому словнику / Н.А. Вовк // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 210-215.

У статті розглядаються ознаки, які формують значення фірмоніма у лінгвокраїнознавчому словнику. Основними ознаками є тип комерційного підприємства і вид економічної діяльності. Для ілюстрації застосовується англійський фактичний матеріал і його тлумачення на російській мові.

Ключові слова: фірмонім, лінгвокраїнознавчий словник, ознаки, тип комерційного підприємства, вид економічної діяльності.

Vovk N.A. The Features Forming the Meaning of the Firmonym at the Culture-Oriented Linguistics Dictionary / N.A. Vovk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 210-215.

The article deals with the features forming the meaning of the firmonym at the culture-oriented linguistics dictionary. The main features are the type of the commercial enterprise and the type of the economic activity. To illustrate this one uses English factual material and its explanation in Russian.

Key words: firmonym, culture-oriented linguistics dictionary, features, type of the commercial enterprise, type of the economic activity.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 81'272

ТЕОРІЯ МОВНИХ КОНТАКТІВ З ТОЧКИ ЗОРУ МОВНОЇ ВАРІАТИВНОСТІ

Брыдко Т.В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В следующей статье схарактеризовано основные проблемы теории языковых контактов как предпосылки для возникновения двуязычности и межъязыковой интерференции, обобщены дефиниции срока "языковой контакт", названы основные факторы взаимодействия языков, подана синтезированная типология языковых контактов.

Ключевые слова: языковые контакты, взаимодействие языков.

Постановка проблеми. У сучасному суспільстві в епоху всесвітньої інтеграції та глобалізації активізуються численні контакти між країнами, націями, мовами, які спонукають науковців звертатися до вивчення питань міжкультурної комунікації, мовної взаємодії та мовної політики. Значний внесок у такі дослідження зробили як вітчизняні (Ю. О. Жлуктенко, О. Д. Петренко, О. Є. Семенець, С. В. Семчинський, О. Б. Ткаченко, О. І. Чередниченко), так і зарубіжні вчені (У. Вайнрайх, Н. Б. Вахтін, Є. В. Головка, У. Лабов, А. Мартине, Э. Хауген, Р. Мур).

Мета статті – схарактеризувати основні проблеми теорії мовних контактів які є передумовами для виникнення двомовності та міжмовної інтерференції, узагальнити дефініції терміна "мовний контакт" та типологію мовних контактів. Поставлена мета передбачила розв'язання таких **завдань**: проаналізувати існуючі класифікації терміну "мовний контакт", виявити основні чинники взаємодії мов та подати узагальнену типологію мовних контактів.

Для розкриття взаємозв'язків між соціальними та лінгвістичними факторами, які впливають на мову під час міжмовної взаємодії, У. Вайнрайх у 1953 році запропонував теорію мовних контактів [1]. Проте дослідження мовних контактів розпочалося ще з кінця ХІХ століття в роботах Бодуена де Куртене і Л. Щерби. Згодом ця концепція розроблялася в численних роботах сучасних мовознавців Ю. О. Жлуктенка, С. В. Семчинського, Т. П. Ільяшенка, Л. І. Прокопової, М. П. Дворжецької, О. Д. Петренка, О. І. Стеріополо, у дисертаційних дослідженнях Ю. М. Захарової, Д. М. Храбскової, Є. А. Устиновича, у публікаціях О. Є. Семенця, І. В. Татарнікової та інших дослідників.

У мовознавстві вивчення мовних контактів стало самостійним напрямом. Деякі дослідники [2] стверджують, що в сучасній лінгвістиці відбувається формування нової галузі мовознавства – "лінгвістики мовних контактів" (contact linguistics). М. Ф. Кондакова підкреслює, що буквально розуміння цього терміна наводить на думку про існування "окремої науки, яка посідає місце нарівні з історичною або соціальною лінгвістикою" [3, с. 50].

Відомо, що мови взаємодіють і взаємозбагачуються не самі по собі; мовні контакти відображають взаємодію, взаємовплив і взаємозбагачення матеріальної та ду-

ховної культур різних народів, історичні контакти між ними. Мовні контакти – це надзвичайно складний і багатоступеневий процес, тісно пов'язаний з розвитком суспільства. Явище мовного контакту посідає чільне місце серед соціокультурних процесів, відображаючи як якісні, так і кількісні параметри міжкультурних контактів. Дослідження білінгвізму перебуває в центрі проблематики мовних контактів, оскільки саме через двомовних індивідів здійснюється та або інша форма впливу однієї мови на іншу. Нині білінгвізм визначається як характерна ознака більшості мовних ситуацій, яка відображає історичну тенденцію сучасного світу до глобалізації.

Лінгвісти відзначають, що сьогодні практично не існує мов, які б не зазнавали впливу інших мов [4, с. 99]. За даними Н. Б. Вахтіна та Є. В. Головка, на нашій планеті існує лише шість одномовних країн, у той час як країн, де співіснує три-п'ять мов – двадцять сім, шість-десять мов – двадцять чотири, одинадцять і більше мов – сімдесят чотири [5, с. 41]. Крім того, практично в кожній європейській країні існують численні мовні меншини [5, с. 41]. Саме через це феномен німецько-національного білінгвізму все частіше стає об'єктом лінгвістичних досліджень [6].

Вважається, що в мовознавстві термін "мовний контакт" ("langue(s) en contact") першим запропонував французький лінгвіст А. Мартине на початку 50-х років ХХ століття [7, с. 59; 8, с. 61]. Активно почав використовувати цей термін У. Вайнрайх [9] у своїй монографії "Languages in Contact" ("Мовні контакти"), виданій 1953 р.

Нині в мовознавстві існує низка дискусійних питань щодо поняття "мовний контакт", одним з яких є різновариантність назви самого терміна: мовний контакт, міжмовні контакти, інтерлінгвістичні контакти, мовна взаємодія, взаємодія мов, змішування мов, взаємний вплив мов, взаємопроникнення, мовний взаємозв'язок, схрещення, інтерференція, запозичення, гібридизація. Такі розбіжності щодо визначення терміна "мовний контакт" зумовлені тим, що, по-перше, дослідники називають одне поняття по-різному; по-друге, варіантність термінології зумовлена певними методологічними настановами та метою дослідження; по-третє, існують різні аспекти досліджуваної проблеми: соціолінгвістичний, психолінгвістичний, власне лінгвістичний. Наприклад, Е. Хауген трактує цей термін як "почергове використання двох чи більше мов одними й тими ж особами", при цьому вчений нічого не говорить, ні про рівень володіння мовами, ні про умови їх уживання або про ступінь відмінності між мовами [10, с. 61]. М. І. Ісаєв, розробляючи питання мовного планування в Радянському Союзі, говорить про взаємодію мов і визначає це поняття як "усі можливі різновиди взаємовпливу, взаємопроникнення двох чи більше мов і діалектів, запозичення якою-небудь однією мовою різних мовних фактів з інших мов, а також результатів контакту мов у різні періоди" [11, с. 108]. О. С. Ахманова визначає "мовний контакт" як "зіткнення мов, що виникає внаслідок особливих географічних, історичних чи соціальних умов, що зумовлюють необхідність мовного спілкування колективів, які розмовляють різними мовами" [12, с. 535]. Д. М. Храбскова стверджує, що "мовні контакти – це процес взаємодії і взаємовпливу мов унаслідок контактування колективів, що спілкуються цими мовами" [13, с. 59]. Німецька дослідниця Б. Пабст у роботі, присвяченій вивченню російсько-німецької двомовності серед російськомовних переселенців, які мешкають на теренах сучасної Німеччини, визначає явище мовного контакту як результат двомовності або багатомовності й

одночасно як наслідок використання одним і тим самим індивідом кількох мов у різних ситуаціях спілкування [14, с. 16].

У мовознавстві терміни "взаємодія мов" і "мовні контакти" вживаються здебільшого як синоніми. Проте Ю. О. Жлуктенко пропонує використовувати термін "взаємодія мов", який має більш широке тлумачення й охоплює "усю сукупність динамічних процесів, що викликають перенесення, копіювання чи втрату одиниць і моделей, які стимулюють чи гальмують певні тенденції і процеси, закладені в мовній системі, і зумовлюють взаємне накладання диференційних ознак, переплетення артикуляційних та просодичних характеристик та ін." [15, с. 21].

С. В. Семчинський поділяє чинники, які спричиняють появу мовних контактів, на кілька груп: екстралінгвістичні (історико-географічні, суспільно-політичні, культурні, психологічні тощо) і мовні (генетична спільність, граматична будова мов) [16, с. 20]. Кожен із цих чинників мовних контактів здатний впливати на розвиток контактуючих мов: змішування мов або поглинання однієї мови іншою, формування численних мовних союзів тощо.

За наявності мовного контакту тип впливу однієї мови на іншу безпосередньо співвідноситься з різновидом білінгвізму: "в умовах незбалансованого білінгвізму спостерігається однобічний вплив, і навпаки, при збалансованій двомовності – обопільний вплив. Від типу впливу залежить подальша взаємодія контактуючих мов, яка може бути або конвергентною (при однобічному впливі), або паралельною (при обопільному впливі)" [17, с. 62].

У сучасному мовознавстві існує кілька класифікацій видів мовних контактів. Наприклад, критерієм типології мовних контактів, розробленої Ю. О. Жлуктенком, є їх тривалість та стійкість. За цією класифікацією, усі мовні контакти можуть бути казуальними, тобто тимчасовими, чи постійними, тобто перманентними, які, у свою чергу, поділяються на зовнішні та внутрішні [18, с. 16]. М. П. Кочерган виділяє такі типи мовних контактів: "безпосередні й опосередковані; між спорідненими і неспорідненими мовами; з однобічним і обопільним впливом; маргінальні (на суміжних територіях) і внутрішньо регіональні (на одній і тій самій території); казуальні (випадкові) і перманентні (постійні); природні (безпосереднє спілкування), штучні (навчання в школі) і змішані (природньо-штучні)" [19, с. 187–188].

Спираючись на цю типологію мовних контактів, взаємодію російської та німецької мов на території Німеччини можна класифікувати як безпосередню, між неспорідненими мовами, внутрішньо регіональну, перманентну, природно-штучну.

Наслідки мовних контактів різноманітні і важливі. У мовознавстві існує думка, що в одних випадках мовні контакти зумовлюють запозичення і різноманітні види мовної інтерференції, в інших – до конвергентного розвитку взаємодіючих мов, по-третє, – до утворення допоміжних "спільних" мов, по-четверте, – до мовної асиміляції [20, с. 16–17]. Результатом посилення мовних контактів М. І. Ісаєв називає взаємозбагачення, тобто двостороннє засвоєння контактуючими мовами певних лексичних елементів, що підсилювали виразні можливості мов [21, с. 109]. Німецька дослідниця О. Гольдбах підкреслює, що головним наслідком контакту мов є переключення коду, і відзначає однастайність учених щодо трактування поняття "переключення коду". Більшість лінгвістів тлумачить цей термін як використання білінгвами

в одному мовленнєвому акті одиниць, які належать до різних мовних систем [22, с. 15]. Важливість вивчення мовних контактів та їх результатів зумовлюється тим фактом, що дослідження цього лінгвістичного явища здатне пролити світло на особливості самої будови мовної системи [23, с. 284–285].

Безумовно, у визначенні поняття "мовний контакт" слід враховувати такі позамовні чинники: економіку, політику, релігію, матеріальну і духовну культуру, історію, етнографію, менталітет народів, які взаємодіють, тощо. Ці чинники значною мірою стимулюють процес подальших мовних контактів.

Висновки та перспектива. Таким чином, відсутність на сьогоднішній день загально визнаної дефініції терміна "мовний контакт" та єдиної системи параметрів класифікації мовних контактів не дозволяє чітко розмежувати головні та другорядні чинники мовного контактування. Мовний контакт залишається складним механізмом зі своїми законами та особливостями функціонування, які *вимагають подальших досліджень*.

Література

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / Уриель Вайнрайх // Зарубежная лингвистика. — М. : Прогресс, 1999. — Вып. 3. — С. 7–42.
2. Суходеева Т. А. Языковые контакты в условиях активного доминирования мажоритарного языка над миноритарным (на примере взаимодействия луизианского варианта французского языка с английским языком) : автореф. на соиск. уч. степени кандид. филол. наук : 10.02.19 "Теория языка" / Т. А. Суходеева. — Ульяновск, 2006. — 23с.
3. Кондакова М. Ф. Языковые контакты как объект лингвистического исследования / Мария Федоровна Кондакова // Уральские лингвистические чтения. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2001. — №14. — С. 50–51.
4. Кочерган М. П. Загальне мовознавство / Михайло Петрович Кочерган. — К. : Академія, 1999. — 284 с.
5. Вахтин Н. Б. Социолінгвістика і соціологія мови : Учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. — СПб. : ИЦ "Гуманитарная Академия", Из-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. — 336 с.
6. Meng K. "Aussiedlerisch". Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher / K. Meng, E. Protassova // Sprachgrenzen überspringen. Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. — Tübingen, 2005. — S. 229–266.
7. Храбскова Д. М. Фонетична еволюція французького мовлення етнічних французько-німецьких білінгвів: дис. ... канд. філол. наук : 10.02.05 / Храбскова Данута Михайлівна. — Київ, 2007. — 241 с.
8. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике : Вып. VI. Языковые контакты. — М. : Прогресс, 1972. — С. 61–80.
9. Weinreich W. Languages in Contact / Weinreich W. — [2nd ed.]. — The Hague : Mouton&Co., 1963. — 148 p.
10. Хауген Э. Там же.
11. Исаев М. И. Социолінгвістическіе проблемы языков народов СССР (вопросы языковой политики и языкового строительства): Учеб. пособие для филолог. спец. ун-тов / Магомед Измаилович Исаев. — М. : Высшая школа, 1982. — 168 с.
12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 3-е изд. — М. : КомКнига, 2005. — 576 с.
13. Храбскова Д. М. Там же.
14. Pabst B. Russisch-deutsche Zweisprachigkeit als Phänomen der multikulturellen Gesellschaft in Deutschland / Birte Pabst. — Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH Verlag, 2007. — 110 S.
15. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Юрий Алексеевич Жлуктенко. — К. : Вища школа, 1974. — 176 с.

16. Семчинський С. В. Семантична інтерференція мов / Станіслав Володимирович Семчинський. — К : Вища школа, 1974. — 256 с.
17. Храбскова Д. М. Там же.
18. Жлуктенко Ю. А. Там же.
19. Кочерган М. П. Там же.
20. Pabst В. Там же.
21. Исаев М. И. Там же.
22. Goldbach А. Deutsch-russischer Sprachkontakt. Deutsche Transferezenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin / Alexandra Goldbach. — Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 2005. — 134 S.
23. Серебренников Б. А. Общее языкознание : формы существования, функции, история языка / Борис Александрович Серебренников. — М. : Наука, 1970. — 597 с.

Бридко Т.В. Теорія мовних контактів з точки зору мовної варіативності / Бридко Т.В. // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2011. — Т. 24 (63), № 3. — С. 216-220.

У наступній статті схарактеризовано основні проблеми теорії мовних контактів як передумови для виникнення двомовності та міжмовної інтерференції, узагальнено дефініції терміна "мовний контакт", названо основні чинники взаємодії мов, подано синтезовану типологію мовних контактів.

Ключові слова: мовні контакти, взаємодія мов.

Brydko T.V. Theory of linguistic contacts from point of linguistic variativnosti / T.V. Brydko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2011. — Vol. 24 (63), No 3. — P. 216-220.

The following article deals with main problems of the theory of language contacts that are the basis for bilingual and interlingual interference. The author sums up various definitions of the term "language contact" and provides the reader with main factors of language interaction as well as with the typology of language contacts.

Key words: language contacts, interlingual interference.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК:37.011.(32+331.54+575.826)

ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-АГРОНОМОВ В ВУЗЕ

Кандрашова Л. И.

*ЮФ НУБиП Украины «КАТУ», г. Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В статье использованы данные педагогического исследования студентов. Раскрываются основные понятия педагогических условий. Акцентируется внимание на диагностике студентов как одной из составляющих педагогических условий профессиональной адаптации студентов-агрономов.

Ключевые слова: диагностика, педагогические условия, ценностные ориентации, личность.

Проблема пов'язана з тим, що існують різні погляди на якість педагогічних умов і методів діагностики особистості студентів ВНЗ, але формування особистості студентів-агрономів на різних етапах навчання у ВНЗ ще не було предметом наукового розгляду.

Метою дослідження є аналіз педагогічних умов професійної адаптації студентів-агрономів у ВНЗ.

На підставі мети визначені **завдання дослідження:**

На основі аналізу педагогічної літератури й аналізу проведеної методики зі студентами агрономічного факультету ВНЗ виявити рівень розробленості даної проблеми.

Актуальність дослідження обумовлена теоретичними і практичними завданнями вдосконалення професійної діяльності фахівця нового типу, що орієнтується у сучасному світі, де адаптація є постійною потребою особистості. У зв'язку з цим на перший план висувається проблема адаптації майбутнього фахівця до професійної діяльності й педагогічні умови, завдяки яким процес адаптації буде успішним.

Успіх адаптації студентів до професійної діяльності залежить від педагогічних умов у ВНЗ.

У філософії категорія «умова» трактується як вираження відносин предмета до навколишніх явищ, без яких вона існувати не може. Умова складає те середовище, обстановку, у якій явища, процеси з'являються, існують і розвиваються [1, с.324].

Під педагогічними умовами ми розуміємо, що це сукупність внутрішніх обставин навчального процесу, від якого залежить адаптація студентів до професійної діяльності. Педагогічні умови є безперечним компонентом процесу професійної підготовки, які забезпечують високий рівень адаптації до професійної діяльності.

Для того, щоб виявити педагогічні умови адаптації студентів до професійної діяльності, ми враховували потребу суспільства у фахівцях-аграріях, які спроможні вирішувати питання управління виробництвом.

На основі аналізу психолого-педагогічної літератури ми робимо висновок про те, що успіх адаптації студентів до професійної діяльності залежить від таких педагогічних умов :

1. Актуалізація професійно-пізнавального інтересу студентів у ВНЗ.
2. Стимулювання й формування важливих професійних якостей у процесі навчання у ВНЗ.
3. Діагностика особистісних якостей, які допоможуть адаптуватися до професійної діяльності у ВНЗ.

Указані нами умови спираються на можливості професійної освіти як найбільш рухомої частини системи освіти і залучають формування особистісних якостей і основних компонентів професійної адаптації аграріїв.

Професійну освіту майбутнього агронома можна розглядати як основу самовизначення особистості, так як це забезпечує стандарт підготовки до професійної діяльності. Професійна підготовка повинна бути спрямована на глибину професійних знань, високий рівень інформованості про специфіку й тонкощі даної професії, стимулювання, самовдосканалення та самоосвіту у професійній сфері.

Головним результатом навчальної діяльності студентів повинно стати вміння мислити й діяти на підставі наукових знань [2, с.96]. Правильне навчання - це накопичення знань та умінь, що дає розвиток інтелектуальним здібностям майбутнього фахівця[3, с.138].

Отже, підсумком навчально-професійної діяльності є зміни професійних якостей в інтелектуальному, моральному, особистісному розвитку студента.

Розуміння й орієнтація у цінностях професійної освіти, на наш погляд, є важливим у зв'язку з тим, що молода людина не завжди робить вибір майбутньої професії самостійно. Попереднє наше дослідження (анкетування студентів I курсу спеціальності «Агрономія» ПФ НУБіП України «КАТУ») показало, що 33% із 100% обрали дану професію не самостійно, а за порадою батьків. А це означає лише те, що студенти навчаються не для себе, а для батьків. Це низька мотивація до навчально-пізнавальної і професійної діяльності, навчання не у повну силу, і як результат - низькі показники в оцінках.

Цінності орієнтації студентів – важливі особистісні якості, які визначають її напрямок. Зріла особистість відрізняється широтою особистісних орієнтацій, ієрархією цінностей, наявністю конкретних (предметних) цінностей. Присутність у структурі особистості пізнавальних цінностей є запорукою до саморозвитку і професійного зростання.

Дуранов М.С., Жернов В.І., Лешер О.В. [4] вважають цінності орієнтації як педагогічний принцип, який має два аспекти:

1. Осмислення сутності предметів і явищ.
2. Осмислення цінностей предметів для особистості та суспільства.

Так, наприклад, М. Рокич [5, с.3-5] визначає цінності як «стійкі переконання у тому, що конкретна поведінка або кінцева мета існування є більш переважнішою з особистісної або суспільної точок зору, ніж протилежна або зворотна поведінка, чи

кінцева мета існування». Ми приєднуємося до думки М. Рокича, що цінності особистості характеризуються такими ознаками:

1. Витоки цінностей простежуються у культурі, суспільстві й особистості.
2. Вплив цінностей простежується практично у всіх соціальних феноменах, за-слуговуючи на вивчення науковцями.
3. Загальна кількість цінностей, що є надбанням людини, порівняно невелика.
4. Усі люди володіють тими самими цінностями, хоч і в різній мірі.
5. Цінності організовані у системи.

Нами було проведено дослідження, у якому взяли участь студенти 1-4 курсів агрономічного факультету спеціальності «Агрономія», «Плодоовочівництво та виноградарство». Використана методика «Ціннісних орієнтацій» М. Рокича. Студентам потрібно було із переліку цінностей обрати ту, яка для них є найбільш ваговою – вона займає перше місце, і далі пронумеровуються усі 18 цінностей.

Були проаналізовані особливості відповідей студентів спеціальності «Агрономія» 1 курсу (29 студентів), 2 курсу (26 студентів), 3 курсу (24 студенти), 4 курсу (35 студентів) і 7 студентів 1 курсу спеціальності «Плодоовочівництво та виноградарство», 11 студентів 2 курсу, 9 студентів 3 курсу, 10 студентів 4 курсу, на кожний пункт переліку отримані відповіді, у результаті перші позиції займають найбільш важливі цінності:

- здоров'я,
- кохання,
- матеріальне забезпечення,
- активне життя,
- вихованість,
- чесність,
- цікава робота,
- життєрадісність,
- освіченість.

Другу позицію займають такі цінності:

- незалежність,
- щасливе сімейне життя,
- свобода,
- упевненість у собі,
- розваги,
- виконання обов'язків,
- широта поглядів,
- чуткість,
- щастя інших.

На третій позиції:

- продуктивне життя,
- непримиримість до недоліків у собі та інших,
- ефективність у справах,

- творчість,
- краса природи й мистецтва.

Таким чином, за даними дослідження ми бачимо, що студенти 1, 2, 3, 4 курсів на перше місце ставлять конкретні цінності: міцне здоров'я, вміння жити повноцінним життям, далі - особистісні цінності, а вже на третій позиції - професійні якості.

Отже, проведене нами дослідження дає змогу простежити особистісні цінності студентів у період навчання з першого до четвертого курсу.

Література

1. Аверинцев С. С. Символ: Философский энциклопедический словарь / С. С. Аверинцев; [Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Шамовой Т. И. Менеджмент в управлении школой /Под ред. Т.И. Шамовой. - М.: Магистр, 1992.- 160с.
3. Махмутов М. И. Проблемное обучение: основные вопросы теории/ М.И.Махмутов. – М.:Педагогика, 1978.- 253с.
4. Дуранов М. Е. Педагогика воспитания и развития личности учащегося/ Дуранов М. Е., Жернов В.И., Лешер О.В. - Магнитогорск:МГПИ, 2000. -362с.
5. Rokeach M. The nature of human value/ M. Rokeach . - N.Y., Free Press, 1973. -438 с.

Кандрашова Л.И. Диагностика особистості студента як одна із складових педагогічних умов професійної адаптації студентів-агрономів у ВНЗ / Л.И. Кандрашова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 221-224.

У статті використані дані педагогічного дослідження студентів. Розкриваються основні поняття педагогічних умов. Акцентується увага на діагностиці особистості студента як однієї із складових педагогічних умов професійної адаптації студента-агронома.

Ключові слова: діагностика, педагогічні умови, цінності орієнтації, особистість.

Kandrashova L. I. Diagnosis of the student's personality as one component of pedagogical conditions of professional adaptation of students at the university agronomists / L. I. Kandrashova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 221-224.

The article used data from students of pedagogical research. Reveal the basic concepts. Focuses on the diagnosis of students as a component of the educational environment of professional adaptation of students agronomists.

Keywords: diagnosis, pedagogical conditions, values, and personality.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Байтукаева А.Ш.

*Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан
E-mail: sofikazgu@mail.ru*

В статье рассматривается роль языка в лингводидактическом тестировании. Приводится краткое описание эксперимента в обучении иностранным языкам. Материал статьи сосредоточен на анализе проверяющей системы знаний FL, которая используется в Университетах Казахстана.

Ключевые слова: иностранный язык, лингводидактическое тестирование, педагогический мониторинг, проверка системы знаний

Постановка проблемы. Стандартизация высшего образования с определением инвариантного набора требований к минимуму содержания и уровню подготовки будущих специалистов с неизбежностью предопределяет и дальнейшее движение в определении перспектив развития и преобразования высшего образования. Средством же определения насколько достигнуты стандартные планки, является только правильно выбранная система контроля. Она является средством определения эффективности используемых технологий обучения, степени фундаментальности и прогностичности знаний, гибкости и профессиональной адекватности умений.

Мотивация к знаниям, качество знаний и умений являются определяющим фактором эффективности обучения. Диагностирование качества знаний и умений обучающихся нуждается в систематическом контроле степени обученности, установления и устранения пробелов в осваиваемом учебном материале с последующей коррекцией в ходе учебного процесса и прогнозированием содержания и технологии обучения. При подобном мониторинге успешности учебной деятельности выявляются определенные закономерности в деятельности преподавателей и обучающихся, анализ которых позволяет выстраивать стратегию дальнейших действий.

Английское слово «monitoring» от латинского «monitor» означает «контроль». Однако, в отличие от общепринятого понимания контроля, педагогический мониторинг включает полную информацию об уровне обученности групп по тем или иным дисциплинам.

Для качественного контроля результатов обучения с целью проведения коррекции учебного процесса в системе педагогического мониторинга используются современные дидактически обоснованные организационные формы контроля. Одной из таких форм в вузах является тестирование.

Тестирование как способ измерения результатов обученности студентов и стандартизации уровней требований к испытуемым по дисциплинам учебного плана занимает особое место в системе контроля эффективности процесса обучения в вузах. Являясь системообразующим фактором в этой системе, тестирование наряду с други-

ми формами контроля содействует реализации государственных стандартов высшего образования, а также усиливает мотивацию познавательной деятельности студентов и стимулирует их активность в самооценке своей деятельности. Тесты, как инструмент педагогического мониторинга, отличаются по технике составления.

Основной целью введения тестовой формы по иностранному языку является получение объективности и достоверности контроля знаний путем обеспечения единых дидактических требований, снижение роли субъективного влияния на оценку качества знаний, овладение навыками работы с тестами, что значительно снижает порог трудностей при прохождении студентами языковых тестов по различным зарубежным программам.

Английское слово тест обозначает «испытание, экзамен, проба, проверка». В методической и педагогической литературе термин «тест» определяется как письменный контроль знаний, который включает основные параметры качественного и количественного состояния обученности студента на каждом этапе обучения. Однако, несмотря на отсутствие общепринятой дефиниции термина «тест», большинство исследователей считают, что педагогическим тестом можно считать совокупность заданий, предъявляемых испытуемому с целью качественного и количественного определения степени выраженности определенного признака; проводимых в равных для испытуемых условиях, позволяющих контролировать за короткое время необходимый объем учебного материала. Важнейшим элементом формирования установки на участие в тестах является процесс осознания смысла предстоящей деятельности /1,2/.

Так как лингводидактическое тестирование – выявление у тестируемых степень их языковой (лингвистической) и речевой (коммуникативной) компетенции /3/, являясь частью учебного процесса, находит все более широкое применение как инструмент педагогического мониторинга на всех этапах подготовки студентов в системе высшей школы, появилась необходимость анализа особенностей его использования, систематизации критериев оценки качества тестов, основных требований к разработке заданий.

В зарубежной литературе по методике преподавания иностранных языков, как показывает ознакомление с англоязычными работами по данной проблеме, в течение многих десятилетий интенсивно исследуются различные теоретические и практические аспекты тестирования. В русле этих исследований значительное место занимают работы по тестированию иностранных языков. Этот факт, вероятно, обусловлен тем, что тестирование уровней знаний иностранного языка, прежде всего английского, связано с привлечением большого числа иностранных граждан, желающих получить образование в университетах и колледжах США и Великобритании. В настоящее время имеется большое число стандартизированных тестов по английскому языку, в целом определены требования к уровню знаний и умений, претендующих на зачисления в учебные заведения в этих странах.

Обращаясь к опыту тестирования в этих странах и анализируя данные опыта тестирования в Казахстане в последние годы, представляется возможным выделить ряд положений и требований, необходимых для совершенствования способов конструирования и применения тестов в системе контроля учебного процесса в университете.

Принципиальным требованием к составлению любого теста является то, что его содержание и способы тестирования прямо обусловлены целями и содержанием учебной дисциплины в целом или отдельных ее разделов.

Основные требования к разработке языковых тестов:

- соблюдение формы (языковая, затем речевая часть);
- краткость формы заданий с исключением двусмысленной формулировки вопросов;
- правильность расположения элементов задания;
- нарастающая трудность;
- определение критерий оценки в зависимости от процентного соотношения правильных ответов к их общему числу.
- К основным теоретическим положениям, лежащим в основе разработки и использования языковых тестов в вузах, можно отнести следующие:
- тест является контрольным и диагностическим аппаратом для знаний и умений студентов;
- основная характеристика теста – выявление того, что обучающийся знает (для стартового теста), а в остальных случаях – должен знать соответственно определенным критериям;
- тест является стимулирующим фактором, побуждающим обучающихся прикладывать максимум усилий для достижения поставленной цели.

Критерии оценки качества тестов: объективность (возможность исключения субъективных воздействий преподавателя); валидность (соответствие заданий теста программе обучения иностранному языку и т.д.); надежность (применение тестов в разных группах обучающихся с близким уровнем подготовки позволяет получать примерно одинаковые результаты).

По мере конкретизации целей и условий тестирования определяются его формы и содержание. В этом смысле тесты могут содержать материалы всего курса или отдельных разделов, а по формам предъявления — письменными, устными или с использованием компьютерных технологий.

Использование возможностей современных компьютеров компактно хранить, оперативно анализировать и наглядно отображать тестовую информацию порождает ряд преимуществ, которые специалисты условно называют количественными и качественными эффектами /4/. Количественные эффекты: предъявление тестовых заданий, регистрация ответов, выдача результатов и т.п. Качественные эффекты сопряжены с применением в практике тестирования достижения информационных технологий, включая зарубежные оригиналы обучающих программ с элементами мультимедиа на дисках CD-ROM.

Компьютерные технологии тестирования практикуются давно, разнопланово и предметно. На сегодняшний день в процедурах текущего и рубежного контроля знаний студентов компьютерные технологии тестирования практикуются по всем предметам. При разработке заданий придерживаются основных положений современной тестологии:

- обеспечение точности измерения тех знаний, умений и навыков, которые нас интересуют;

- достижение посредством тестирования положительного влияния на учебную деятельность обучаемых и преподавателей;

- обеспечение экономичности с точки зрения траты времени и финансовых расходов на тестирование.

Основные виды языковых тестов, используемых в учебном процессе вузов:

- тесты, конструируемые для измерения знаний и умений испытуемых, например, профессиональные тесты, которые применительно к иностранным языкам предполагают измерение степени овладения языком для тех или иных специальных целей;

- тесты достижения успешности обучения, ориентированные на объекты изучаемой учебной дисциплины, и их целью является проверка того, в какой мере испытуемые достигают или уже достигли на момент тестирования целей изучаемой учебной дисциплины или ее раздела (промежуточные и итоговые тесты);

- диагностические тесты на предмет измерения потенциальных возможностей к тому или иному предмету обучения;

- тесты на определение уровня знаний студента для определения его в группу в соответствии с уровнем его подготовки (стартовый тест).

По способу конструирования выделяются два основных вида тестов: дискретные и интегративные. Первые соотносятся с тестированием только одного элемента, проверяемого в данное время материала. По своему характеру это аналитические языковые тесты, предполагающие отдельную проверку посредством различных приемов каждого элемента фонетики, словаря и грамматики. Вторые – интегративные, напротив, являются синтетическими языковыми тестами. Они требуют от испытуемого соединения многих элементов для завершения какой-то задачи. Применительно к иностранному языку - это диктант, сочинение на заданную тему, завершение связного текста, пересказ прослушанного, интервью и т.п.

Как полагают некоторые методисты, самый трудный аспект дискретных тестов – это их конструирование. Здесь важно избежать при составлении тестовых заданий включение таких заданий, которые могут иметь неоднозначный ответ. Обычно составитель дискретного теста имеет в сознании только одну альтернативу, а все остальные исключает, в то время как испытуемый, выполняя тестовые задания, часто может видеть более, чем только одну альтернативу для ответа.

Интегративные тесты конструируются на основе иного понимания овладения иностранным языком, чем дискретные тесты. Существует мнение, что человек, изучая язык, усваивает систему языка, прежде всего грамматику, как некоторую психологическую реальность. И с этой точки зрения интегративный тест должен быть направлен на определение уровня усвоения грамматики в ее совокупности со словарем и фонетикой. Такие тесты стимулируют языковую деятельность студентов, подталкивают их к грамматическим и семантическим действиям. Вполне очевидно, что в таких интегративных тестах, как диктанты, написание эссе, интервью требуется весьма быстрое оперирование вербально закодированной информацией в языке. Чрезвычайно существенная особенность интегративных тестов заключается и в том, что они направлены не на проверку усвоения отдельных элементов фонетики, словаря и грамматики, а на проверку языковой компетенции в значимом коммуника-

тивном контексте. И в этом смысле интегративные тесты в большей мере, чем дискретные тесты соответствуют интересам реализации коммуникативного обучения иностранному языку.

Привлечение внимания к интегративным тестам не преследует стремления их противопоставления дискретным тестам. Выше уже отмечалось, что выбор типа всегда обусловлен конкретной задачей и поиском путей ее решения. В данном случае преследовалась одна цель: расширить представление преподавателей языковых кафедр о возможностях использования тестового контроля.

Обращаясь к практике использования тестов различных типов в обучении иностранным языкам и другим учебным дисциплинам неизбежно задаешься вопросом: каким путем совершенствовать и развивать этот опыт? В последние годы этот опыт значительно обогатился, в особенности в части использования интегративных тестов. Теперь уже становится очевидным тот факт, что тестирование не отрицает оправдавших себя в практике традиционных способов и средств контроля результатов обучения, а дополняет их, требует их рационализации по параметрам надежности, достоверности и практичности. Составляя обязательный компонент системы контроля результатов обучения, тестирование сегодня является важным инструментом управления процессом обучения.

К достоинствам тестового контроля можно отнести тот факт, что правильно разработанные тесты позволяют в полном объеме и объективно оценить знания студентов, избежав субъективизма преподавателя и возможности случайного удачного или неудачного ответа, полностью охватить все основное содержание дисциплины, создается возможность измерять стартовый уровень и полученные знания, проводить экспрессность проверки знаний, умений.

Тестирование усиливает мотивацию, личную заинтересованность и включение студента в учебный процесс, т.е. ежедневная учеба для него становится необходимостью. Систематический тестовый контроль позволяет избежать глубоких пробелов знаний, так как все кардинальные вопросы выделяются и многократно закрепляются путем повторения в течение учебного года.

Важным достоинством тестов является возможность объективного сравнения уровня подготовки студентов в различных группах, на разных факультетах.

Имеются и недостатки при проведении тестирования по иностранному языку. К ним следует отнести: невозможность проконтролировать правильность речи студентов, не учитывается психофизиологическое состояние на момент контроля, не исключена возможность случайного выбора правильного варианта ответа, а также составление хороших тестов, имеющих устойчивые коэффициенты надежности и валидности, требуют значительного внимания, времени, квалификации.

Качественный подход к разработке тестов и правильное применение его для контроля знаний по иностранному языку позволит с достаточной точностью определить объем и уровень знаний студентов, выявить разделы и темы, на которые они затруднились ответить, помогут своевременно внести коррективы в учебный процесс.

Выводы и перспектива. Переход на тестовую систему способствует дальнейшему совершенствованию процесса обучения, обязывает преподавателей иностранных языков переосмыслить его содержание, определить, что конкретно должен

знать студент, какими умениями и навыками он должен обладать и какие из них сегодня имеют приоритетные значения.

Литература

1. Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки / Узнадзе Д.Н. // Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси, 1961.
2. Асмолов А.Т. Деятельность и установка / Асмолов А.Т. – Москва: Издательство МГУ, 1979.
3. Коккота В.А. Лингводидактическое тестирование / Коккота В.А. – М., 1989.
4. Дюк В.А. Компьютерная психодиагностика / Дюк В.А. - Сб.: Братство, 1994.

Байтукаева А.Ш. Лінгводидактичне тестування як інструмент педагогічного моніторингу / А.Ш. Байтукаева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 225-230.

У статті розглядається роль мови в лінгводидактичній тестуванні. Наводиться стислий опис експерименту в навчанні іноземним мовам. Матеріал статті зосереджений на аналізі перевіряє системи знань FL, яка використовується в Університетах Казахстану.

Ключові слова: іноземна мова, лінгводидактичне тестування, педагогічний моніторинг, перевірка системи знань.

Baytukaeva A.Sh. Linguistics and didactical testing as the tool of the pedagogical monitoring / A.Sh. Baytukaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 225-230.

The article considers the role which language testing plays in the process of pedagogical monitoring. A brief description is given to tests in the teaching of foreign languages. The article focuses on the analysis of the current testing system of FL knowledge control at the Universities of Kazakhstan.

Keywords: foreign language, linguistics and didactical testing, teaching monitoring, verification of knowledge.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811.161.1'367.626

ОБОБЩАЮЩЕ-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ И ПРОБЛЕМЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Руденко О.Э.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В статье изложены результаты анализа роли обобщающе-выделительных местоимений в словосочетаниях с разными типами связи в современном русском языке, описаны грамматические и семантические особенности исследуемых словосочетаний с учетом смысловых и функциональных свойств обобщающе-выделительных местоимений, их валентности и категориальной соотносительности.

Ключевые слова: обобщающе-выделительные местоимения, прономинально-партикулянтный контаминант, словосочетание, активная валентность, пассивная валентность, сочинительная связь, подчинительная связь.

Постановка проблемы. В лингвистической литературе словосочетание понимается как «соединение двух и более знаменательных слов, связанных по смыслу и грамматически, выражающее единое, но расчлененное понятие и представляющее собой сложное наименование явлений объективной действительности» [6,307]. С современным пониманием словосочетание — это «непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова, то есть это любые синтаксически организованные сочетания слов, не обладающие предикативностью и основанные на подчинительной и сочинительной связи» [1,122—123]. Местоимения, или прономинативы, являясь знаменательной частью речи, способны вступать в синтаксические отношения с другими знаменательными словами, обладают активной и пассивной валентностью. Определение роли прономинатива в словосочетании напрямую связано с вопросом категориальной соотносительности местоимения — наличия у прономинативов и знаменательных частей речи единства или близости основных морфологических и синтаксических признаков [4; 5...].

Объектом рассмотрения в настоящей статье является разряд местоимений, традиционно называемый определительным. Учитывая особенности семантики и грамматики отдельных лексем этого разряда, а также широкого понимания класса местоименных слов (включения в их состав так называемых местоименных наречий), лингвисты неоднократно предпринимали попытки отойти от термина *определительные местоимения* (см. работы А.М. Пешковского, В.Н. Мигирова, К.Е. Майтинской и др.). Мы вслед за Е.Н. Сидоренко будем придерживаться термина *обобщающе-выделительные местоимения*, введенного автором с учетом семантической неоднородности прономинативов исследуемого разряда.

Цель статьи — охарактеризовать роль обобщающе-выделительных местоимений в словосочетаниях с разными типами связи в современном русском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) определить синтаксические модели словосочетаний с прономинальным компонентом – обобщающе-выделительным местоимением; 2) установить тип и специфику синтаксической связи в них; 3) описать грамматические и семантические особенности исследуемых словосочетаний, учитывая смысловые и функциональные свойства обобщающе-выделительных прономинативов, их валентность и категориальную соотносительность.

I. Обобщающе-выделительные прономинативы, категориально соотносительные с именем существительным. Данные местоимения могут выступать в качестве главного компонента словосочетания, однако их активную валентность следует признать крайне ограниченной. Существует несколько моделей образования таких словосочетаний:

1. Обобщающе-выделительные местоимения каждый (-ая, -ое), иной (-ая, -ое), любой (-ая, -ое), всё, все + предлог из + имя существительное (прономинатив, имя числительное, субстантиват), например: *каждый из нас, любой из слушающих, иное из написанного*. Данные словосочетания являются синтаксически цельными (функционируют как один член предложения) и имеют общее значение избирательности. В них зависимым компонентом ограничивается объем информации, содержащийся в главном слове — обобщающе-выделительном прономинативе. Приведем соответствующие примеры: *Какая любопытная, захватывающая картина явилась бы нам из-под пера того, кому удалось бы проследить судьбу **каждого из нас**... (М.А., Драч., с. 192). Это было так близко, что **любой из нас** мог бы дотронуться друг до друга (М.А., Драч., с. 95).*

2. Местоимение весь (вся, всё, все) + предлог кроме + имя существительное (прономинатив), например: *все, кроме брата; всё, кроме неба*. Предложные сочетания, входящие в подобные конструкции, также конкретизируют, ограничивают содержание местоимения *весь*, например: *... даже равнодушная ко **всему, кроме еды**, старая наша Карюха отрывалась от корма... (М.А., Драч., с. 72). Начались долгие дождливые ночи и короткие холодные дни, и о Жеребцове забыли **все, кроме мальчика с серебряным горлом** (К.П., I, с. 410).*

3. Прономинатив всё + имя прилагательное (местоимение, субстантиват), например: *всё возможное, всё это, всё другое, всё остальное*. Данные конструкции являются одним из немногих сочетаний, где прономинатив имеет при себе необособленное определение, однако между компонентами рассматриваемой модели возникают отношения особого рода, делающие исследуемые конструкции синтаксически неделимыми (функционирующими в качестве одного члена предложения) и семантически цельными, например: *Ветер этот рождает стесненное дыхание и, надо полагать, вреден для **всего живого** (К.П., I, с. 393). Я был доволен, что **все случившееся** совпало с окончанием главных работ (К.П., I, с. 445). ... без Ваньки речка — не речка, лес — не лес, сады — не сады, да и для чего мне **все это**, когда рядом не будет Ваньки Жукова! (М.А., Драч., с. 59).* По поводу смысловой специфики и особенностей функционирования подобных конструкций Е.Н. Сидоренко пишет: «Местоимения выполняют роль создателей категориального значения, имя прилагатель-

ное добавляет определенное вещественное содержание, а сверх того присовокупляется “приглушенное” разрядовое значение прономинатива» [5,39].

Семантика местоимения *другое* может уточняться, раскрываться в предложении, например: *Минутами казалось, ... что пенсия — это лишь удобный предлог, чтобы отстранить Ивана Павловича и Марию Ивановну от школы, что истинная причина в другом, в том, наверное, что им припомнили наше побоище...* (М.А., Драч., с. 231). *Но вы же едете совсем за другим: вы хотите, насколько я понял, изучить всю проблему Кара-Бугаза* (К.П., I, с. 433).

Значение исследуемого прономинатива может усиливаться при помощи слов *совсем, совершенно, полностью* и т. д., например: *Но вы же едете совсем за другим...* (К.П., I, с. 433).

Спецификой, присущей выделительному местоимению *каждый*, категориально соотносительному с именем существительным, и прономинально-партикулярным контаминантам (гибридным единицам, совмещающим свойства местоимений и частиц) *сам* и *весь*, является их способность особым образом включаться в деепричастный оборот. Данную особенность названных прономинативов и контаминантов исследовали Ф.И. Буслаев [2,397—398], П.Г. Стрелков [7], Е.Н. Сидоренко [5,77—78], В.М. Савина [3] и некоторые другие лингвисты. Местоимение *каждый* в составе деепричастного оборота употребляется в дистрибутивной функции. Не становясь зависимым от деепричастия, *каждый* сохраняет связь с подлежащим в падеже и лишь факультативно — в роде. Соответствующие примеры находим у В.М. Савиной: *Они [мальчики] говорили о Вере, проникновенно, **каждый мечтая в тайне понравиться ей...*** (А. Приставкин). *В это время послышался шум шагов..., и обительницы камеры в котлах на босу ногу вошли в нее, **каждая неся по калачу**, а некоторые и по два* (Л. Толстой). *Они постояли втроем — отец, мать и Ольга — молча, **думая каждый о своем*** (Ю. Эдлис) [3,104].

Прономинально-партикулярный контаминант *сам* чаще других употребляется в деепричастных оборотах. Данное свойство исследуемого слова было замечено еще Ф.И. Буслаевым. Он отмечал, что синтаксическая особенность в употреблении контаминанта *сам* состоит в том, что он может стоять в именительном падеже при деепричастии. При этом *сам* полностью согласуется с подлежащим, но семантически тяготеет к деепричастию, выражая «сосредоточенность лица на каком-либо действии» [2,397], например: *Подбежал к сестре, ... кинулся на шею и, обнимая, и целуя, и **сам уже плача**, начал уговаривать, чтобы она простила меня...* (М.А., Кар., с. 21). *Дядя Ваня умолкал, подхватывал озорников под мышки и начинал вращать их, **сам вращаясь вокруг своей не шибко устойчивой оси*** (М.А., Драч., с. 96). Как отмечает В.М. Савина, наиболее типично положение рассматриваемого контаминанта перед деепричастием, хотя возможна и постпозиция. В подтверждение своей мысли автор приводит следующие примеры: *Матвей молчал, ожидая расспросов, **сам думая** — о чем спросить* (Федин). *Сотникову было мучительно обидно за свое наивное фантазерство — **сам потеряв надежду спастись от смерти**, надумал спастись других* (Быков). *Она была смугла и желта, но в самом деле была женщина очень добрая, и, **страдающая сама периодически нервными припадками**, соболезновала страданиям других* (Глинка) [3,104].

Таким же образом, как и в деепричастных оборотах, слово *сам* может употребляться и в обособленных причастных оборотах, а также в обособленных оборотах любого типа по причине наличия в них оттенка предикативности, например: **Охваченные уже и сами этим огнем, нагретые им чуть ли не до кипения, мы не замечали, как ... собиралась толпа мужиков, баб и девчат...** (М.А., Драч., с. 236).

Контаминант *весь*, входя в деепричастную синтагму, формально согласуется с подлежащим в роде, числе и падеже, однако по смыслу примыкает к деепричастию, указывая «на полноту охвата субъекта деепричастным действием» [3,103], например: *Большой и сильный, он [Муратов] ... приседал передо мною на корточки, мягко брал за уши, подтягивал мою голову поближе к своей и, **весь светясь и сияя, долго разглядывал меня черными выпуклыми беркутиными глазами...*** (М.А., Драч., с. 204–205).

Имея данную семантику, слово *весь* может относиться к имени прилагательному и причастию, например: *Больной лежал неподвижно, **весь бледный и худой**. Ребенок вернулся с прогулки **весь измазанный песком**, а также входить в полупредикативные сочетания определяемых слов и обособленных оборотов, например: *На плотях у рыбных промыслов день и ночь загорелые люди, **все в чешуе**, как в стальной кольчуге, подхватывали баграми из рыбачьих лодок пятнистые туши северюг и швыряли их с тяжелым шлепаньем на доски (К.П., I, с. 458). ... городских людей, **всех без исключения**, называл не иначе как нахлебниками...* (М.А., Драч., с. 221).*

Обобщающе-выделительные местоимения, категориально соотносительные с именем существительным, входят в словосочетания с глаголами, реже — с именами существительными и безлично-предикативными словами, реализуя свою пассивную валентность. При этом в качестве способа связи избирается управление либо непосредственное (форма зависимого слова не имеет предлога), например: *Но не объяснишь же всего этого Майке, которая **дивилась всему и всего боялась*** (М.А., Кар., с. 37); либо предложное, например: *Женщина-инженер **думала о другом*** (К.П., I, с. 496).

II. Обобщающе-выделительные местоимения, категориально соотносительные с именем прилагательным, и контаминированные единицы *весь, самый, сам*. Обладая пассивной валентностью, они могут выступать в качестве зависимого компонента в словосочетаниях с главным словом, представленным именем существительным, числительным или прономинативом. При этом местоимения, категориально соотносительные с именем прилагательным, обычно находятся в позиции по отношению к определяемым ими словам, например: *С рассветом **все четверо** покинули нашу избу...* (М.А., Драч., с. 192); однако возможна и постпозиция, например: *Голи, **проходимцев всяких** найдется теперь много, от них и на Дону, слышно, житья нет...* (В.Ш., Избр., с. 105).

Прономинально-партикулярный контаминант *весь* располагается после главного компонента словосочетания, например: *Отец за эти дни **весь как-то почернел, постарел и осунулся**. Для слова *самый* характерна препозиция, например: *Я знал, что не уйду со двора до **самой ночи*** (М.А., Кар., с. 35); однако возможна и постпозиция, например: — *Неужто и тут Воронин? — **Он самый!***.. (М.А., Драч., с. 254). При этом надо отметить, что данные гибридные слова не являются членами пред-*

ложения. Контаминант *сам* преимущественно находится перед определяемым словом, например: *Но где сама родина нефти?* (К.П., I, с. 441).

III. Обобщающе-выделительные местоимения, категориально соотносительные с наречием. Указанные прономинативы в качестве препозитивного или постпозитивного зависимого компонента входят в состав словосочетаний, образованных по способу примыкания, то есть связываются с главным словом только по смыслу и интонационно, например: *Зная, как их **езде ждут**, пилоты, улыбаясь вышли наружу...* (В.А., Избр., с. 221). *Белые тыквы **иногда вырастали** до таких размеров, что были неподъемны для одного мужика...* (М.А., Драч., с. 251).

Обобщающе-выделительные прономинативы очень редко вступают в отношения однородности и образуют сочинительные сочетания, например: *Хотя на этом свете **все и всякое** бывало, да не все людям известно* (В.А., Избр., с. 316). ... ***любой и каждый** скажет, что это Зелинский, председатель колхоза, двадцатипятилетиячник и тоже, кажется, путиловец* (М.А., Драч., с. 240). *Но они [эвенки, селькупы и нганасаны] **езде и всюду** любят делать украшения...* (В.А., Избр., с. 306). Конструкции типа *всегда и везде, везде и во всем, все и каждый* и под. выражают семантически разнородные понятия времени и места, места и объекта действия, общего и частного и т. д., например: ***Всегда и везде** я хочу оставаться честным человеком. **Везде и во всем** любовь нужна, раденье, в огородном же деле особенно* (В.А., Избр., с. 38). Чаще всего в состав конструкций с разноименными членами входят местоимения одного и того же семантического разряда, их категориальные значения могут либо совпадать, либо различаться. Как отмечает Е.Н. Сидоренко, «более широкие возможности местоимений (в сравнении с полнознаменательными словами) выступать в роли разноименных членов предложения возникают, вероятно, за счет отсутствия у прономинативов конкретного вещественного значения. ... Приведем примеры: ... — Вот что, Вера, нигде, никому, никогда это не говори. — *Везде, всем и всегда* буду говорить (Б. Полевой)» [5,90].

Выводы и перспектива. Таким образом, место, занимаемое обобщающе-выделительным местоимением в словосочетании, определяется прежде всего категориальной соотносительностью прономинатива. В некоторых контекстах наблюдается схожесть (или идентичность) выполняемых в словосочетании функций у рассматриваемых местоимений и полнознаменательных частей речи, с которыми первые соотносятся. Однако в ряде случаев этот параллелизм отсутствует и прономинативы обнаруживают специфичность, связанную с реализацией их валентных связей, возникновением контекстуальной смысловой переориентации, а также необходимостью конкретизировать всеобщность прономинальной семантики или сузить объем информации, передаваемой обобщающе-выделительным местоимением.

Литература

1. Базовый словарь лингвистических терминов / [сост. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П.]. — К. : Изд-во Государственной академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. — 192 с.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. — М. : Учпедгиз, 1959. — 626 с.
3. Савина В. М. О местоимениях подлежащей связи в составе деепричастных оборотов / В. М. Савина // Русские местоимения: семантика и грамматика. — Владимир : ВГПИ, 1989. — С. 101—105.

4. Сидоренко Е. Н. Материалы по морфологии современного русского языка : учеб. пособие / Е. Н. Сидоренко. — Симферополь : СГУ, 1978. — Ч.1 : Именные части речи. — 1978. — 112 с.
5. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка / Е. Н. Сидоренко. — К.—Одесса : Либідь, 1990. — 148 с.
6. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / [сост. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.]. — 3-е изд. — М. : Просвещение, 1985. — 399 с.
7. Стрелков П. К. Местоимение / П. К. Стрелков // Русский язык в школе. — 1950. — № 5. — С. 51—60.

Список условных сокращений

1. (М.А., Кар.), (М.А., Драч.) — Алексеев М. Н. Карюха ; Драчуны : Диалогия / Михаил Алексеев. — М. : Худож. лит., 1985. — 287 с.
2. (В.А., Избр.) — Астафьев В. Печальный детектив : повести, роман, рассказ / Виктор Астафьев. — Кишинев : Лит. артистикэ, 1988. — 670, [1] с.
3. (К.П., I) — Паустовский К. Собрание сочинений : в 9-ти т. / Константин Паустовский. — М. : Худож. лит., 1981. — Т. 1 : Романы и повести. — 1981. — 623 с.
4. (В.Ш., Избр.) — Шукшин В. Я пришел дать вам волю : романы, повести, рассказы / Василий Шукшин. — Кишинев : Лит. артистикэ, 1984. — 639 с.

Руденко О. Е. Узагальнююче-видільні займенники і проблеми словосполучення / О. Е. Руденко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2011. — Т. 24 (63), № 3. — С. 231-236.

У статті викладені результати аналізу ролі узагальнюючально-видільних займенників у словосполученнях з різними типами зв'язку в сучасній російській мові, описані граматичні та семантичні особливості досліджуваних словосполучень з урахуванням смислових і функціональних властивостей узагальнюючально-видільних займенників, їх валентності і категоріальної співвідносності.

Ключові слова: узагальнюючально-видільні займенники, прономінально-партикулярний контамінант, словосполучення, активна валентність, пасивна валентність, сурядний зв'язок, підрядний зв'язок.

Rudenko O. E. Generalized way, pronouns, and excretory problems phrases / O. E. Rudenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2011. — Vol. 24 (63), No 3. — P. 231-236.

In article results of the analysis of a role of generalized-secretory pronouns in word combinations with different types of communication in modern Russian are stated, grammatical and semantic features of investigated word combinations based on semantic and functional properties of an generalized-secretory pronouns, their valencies and categorial correlation are described.

Keywords: generalized-secretory pronouns, contaminant, that unite the signs of pronouns and particles, a word combination, active valency, passive valency, coordinating communication, subordinative communication.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811.161.2: 371.321

УДОСКОНАЛЕННЯ ВИКЛАДАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ЗА ПРОФЕСІЙНИМ СПРЯМУВАННЯМ В АГРОТЕХНОЛОГІЧНОМУ УНІВЕРСИТЕТІ ЗГІДНО З НОВОЮ ПРОГРАМОЮ

Дмитрук М.В.

*ЮФ НУБіП України «КАТУ», г. Симферополь, Україна
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В статті розглядаються форми і методи, які сприяють удосконаленню викладання української мови по професійній направленості.

Ключевые слова: програма, форми, методи, удосконалення, викладання, українська мова по професійному напрямку

Постановка проблеми. В умовах переходу вищої школи на стандарти європейської освіти особливою вагою набуває проблема формування високоерудованого, компетентного і творчого спеціаліста.

Для спеціаліста-аграрія надзвичайно актуальним є здобуття знань з української мови, бо уся звітна й інша документація, що направляється у вищі органи управління чи з вищих органів управління на місця, йде державною мовою. **Актуальність** даної статті є безперечною.

Наша **мета** – подати специфіку викладання української мови за професійним спрямуванням саме в аграрному вищому навчальному закладі зі врахуванням вимог нової типової програми.

Враховуючи специфіку підготовки майбутніх аграріїв, надзвичайно важливими є певні способи і прийоми у викладанні предмета, що зможуть забезпечити висвітлення тих блоків інформації, які формують професійно важливі якості спеціаліста. А тому наше **завдання** полягає у розкритті тих видів робіт, що, на наш погляд, найбільш результативно дозволяють розкрити усі питання нової програми і сформувати ті навички та вміння, які необхідні аграрію.

Сучасні реалії динамічного, інформатизованого суспільства, прагнення до євроінтеграції зумовили пошук нових підходів до розвитку освіти. Кредитно-модульна система навчання саме й передбачає оптимізацію освітнього процесу. Згідно з новою програмою значний відсоток матеріалу виноситься на самостійне опрацювання студентами, що стимулює їх до самовизначення, саморозвитку і самовдосконалення. Ця система дозволяє індивідуалізувати та диференціювати знання, забезпечити якість підготовки спеціалістів відповідно до міжнародних стандартів. Модульно-рейтингова система стимулює майбутніх фахівців до систематичної, вольової цілеспрямованої роботи, сприяє переходу від навчання до самонавчання, ефективно формує вміння та навички критично оцінювати, опрацьовувати науково-методичну літературу. Водночас запобігає таким явищам, як суб'єктивізм, необ'єктивність і випадковість оцінки.

“Рейтингова система – це переведення оцінок з номінальної шкали до порядкової, що дозволяє зняти протиріччя між самооцінкою студента й оцінкою викладача. Рейтингова система оцінювання знань охоплює такі види контролю: тестові й індивідуальні завдання, самостійні й контрольні роботи та ін. Рейтинговими можуть бути завдання на знання теорії, вирішення типових завдань, виконання практичних, залікових і контрольних робіт, ініціативні виступи на заняттях, участь у проведенні дискусії, виконання проблемних завдань, розгляд і рецензування праць своїх товаришів тощо”

[1, 57].

Наказом МОН України від 23.01.2004 року затверджено Програму дій щодо реалізації положень Болонської декларації в системі вищої освіти нашої держави. У цьому документі зокрема зазначається, що головною метою Програми дій є життя заходів для входження національної системи освіти і науки в європейський простір з реалізацією таких вимог, критеріїв і стандартів, як мотивоване залучення студентів до навчання та постійне навчання протягом усього життя.

У грудні 2009 року Міністерством освіти і науки України підготовлена типова нова програма з української мови (за професійним спрямуванням) за кредитно-модульною системою, що має таку структуру:

- загальна мета і завдання вивчення навчальної дисципліни;
- модульний розподіл навчального матеріалу;
- модульно-календарний план;
- зміст навчальної дисципліни зі структурою знань кожного модуля;
- модульне планування повторення найважливіших знань;
- перелік запитань для контролю з кожного модуля і дисципліни загалом;
- критерії для оцінювання знань;
- підручники і посібники для самостійної роботи студентів.

У програмі подається завдання вищої школи, що полягає у підготовці фахівців нової генерації: кваліфікованих, грамотних, мовно компетентних, які б досконало, ґрунтовно володіли українською літературною мовою у повсякденно-професійній, офіційно-документальній сфері, зокрема набули навичок комунікативно виправданого використання мовних засобів, оволоділи мовою конкретної спеціальності, фаху. Акцент переноситься з традиційної настанови – засвоєння відомостей про літературні норми усіх мовних рівнів – на формування навичок професійної комунікації, вивчення особливостей фахової мови, на розвиток культури мови, мислення і поведінки особистості. Зміст дисципліни покликаний не лише узагальнити й систематизувати знання з української мови, набуті у школі, а й сформувати мовну особистість, що обізнана з культурою усного і писемного мовлення, уміє в повному обсязі використовувати набуті знання, уміння та навички для оптимальної мовної поведінки у професійній сфері.

На даний час існує потреба у підготовці фахівців високого професійного і культурного рівня, що працюватимуть в аграрній сфері.

Спеціаліст-аграрій насамперед повинен володіти усіма формами ділового спілкування, а для цього він повинен добре знати їх особливості.

Будь-які види взаємостосунків з потенційними споживачами, партнерами, численними організаціями, які забезпечують транспорт, постачання сировини, напівфабрикатів і різних видів продукції, надають комерційні послуги і т.д. є діловим спілкуванням. Кінцевою метою ділового спілкування є певна спільна діяльність.

Комплекс завдань, які доводиться вирішувати під час ділового спілкування, пред'являє певні вимоги до рівня підготовленості фахівців, їхньої загальної культури спілкування, уміння швидко і, по можливості, безпомилково орієнтуватися в ситуації, що склалася.

Ділове спілкування визначається як спосіб організації і оптимізації того або іншого виду предметної діяльності: виробничої, наукової, комерційної і т.д. [2, 7].

Основне завдання ділового спілкування – продуктивна співпраця.

Ділове спілкування спеціалістами аграрної сфери здійснюється у найрізноманітніших формах:

- * короткі телефонні діалоги;
- * обмін діловими листами;
- * переговори;
- * проведення ділових бесід;
- * проведення нарад і зборів;
- * проведення конференцій;
- * проведення виставок.

Враховуючи те, що Міністерством освіти і науки України розроблена нова програма з української мови за професійним спрямуванням, на вивчення предмета відводиться 108 годин (3 кредити). Програма враховує сучасні тенденції Болонського процесу за модульним принципом. Акцентується увага на практичній площині отриманих знань, що дозволяє опановувати ними й самостійно.

Основною метою дисципліни є розкриття особливостей функціонування мови передусім у межах ділового і наукового стилів (із врахуванням професійного спілкування майбутніх аграріїв).

Значення дисципліни полягає в тому, що вона дає такі знання і розвиває такі мовні і мовленнєві вміння й навички, які допомагають забезпечити професіоналізм основної трудової діяльності на рівні сучасних вимог.

Предметом дисципліни є усна й писемна форма професійного спілкування у межах ділового, наукового й публіцистичного стилів.

Основним завданням курсу є не тільки вміння класифікувати і складати документи, а й розуміння стильового різноманіття національної мови, усвідомлення мети спілкування у різних сферах суспільного і громадського життя.

Теоретичне розширення матеріалу, з одного боку, і його практична спрямованість, з іншого, потребують нових підходів до вивчення курсу:

- концентричності у подачі навчального матеріалу;
- системності й порівнянності у підходах до опису мовних явищ;
- практичності мовленнєвої підготовки;
- регіональності і культурно-мовної специфіки у підходах до подачі й інтерпретації будь-яких мовних явищ.

Новий підхід до предмета вивчення зумовлює зміни методичних принципів і прийомів до викладання дисципліни.

По-перше, українська мова стає не одним з теоретичних предметів, які треба знати, аби скласти відповідний іспит, а найважливішою допоміжною дисципліною, яка здатна здійснювати функції управління за сучасних умов, де правильне і психологічно виважене спілкування має цілком матеріальні наслідки.

По-друге, головною складовою навчального процесу стає формування вмінь. Знання при цьому націлені на практику усного й писемного спілкування у реальних ситуаціях.

На кінцевому етапі саме вміння підлягають контролю (як правило, у вигляді тестів і комплексних завдань), бо вони є базою подальшого набуття відповідних навичок у процесі професійної діяльності.

Основним організаційними формами вивчення дисципліни є лекції, практичні і семінарські заняття, самостійна робота, виконання індивідуальних завдань та контролюючі заходи: колоквіуми, тестовий самоконтроль, тестовий контроль, ситуативні комплексні завдання, залік та іспит.

У межах кожної теми визначаються питання, обов'язкові для самостійного вивчення.

Остаточним видом контролю знань і вмінь є підсумкове тестування, що містить питання майже усіх розглянутих тем, і ситуативні комплексні завдання, які потребують від студентів творчого підходу до вирішення конкретних мовленнєвих завдань у форматі професійного спілкування.

Враховуючи зазначене вище, доцільним є те, щоб предмет читався не на першому курсі, оскільки студенти абсолютно незнайомі з термінами, з професійними документами. Вони ні морально, ні фактично не можуть оволодіти тією інформацією, яку вимагає нова програма.

Звичайно, нова програма вимагає її детальної розробки інформаційно як для самого викладача, так і для студентів у виді методичних розробок.

Крім цього, підсумковий контроль і залишкові знання перевіряються за допомогою тестових завдань, а тому над розробкою тестів слід інтенсивно попрацювати.

Висновки та перспектива. Отже, кредитно-модульна система запроваджена у навчальний процес кілька років тому має позитивні й негативні сторони. Позитивним є те, що студенти самостійно підбирають спеціальні тексти і їх перекладають з російської мови на українську; знаходять у текстах слова-терміни, їх дефініцію і вивчають ці терміни; самостійно готують розмовну тему "Моя майбутня професія", тобто вивчають історію формування і розвитку своєї професії; самостійно укладають низку ділових паперів; складають словниковий мінімум для майбутнього спеціаліста; готують виступ на зборах, рецензію, анотацію на посібник чи наукову статтю та ін. Позитивом є також те, що знання студентів оцінюються майже на кожному із занять (це стимулює їх до навчання і дає можливість дуже об'єктивно їх оцінювати), а не тільки на іспиті чи заліку, а негатив складає відсутність матеріально-технічної бази, тобто сьогодні не можна ще створити усіх умов, щоб студент зміг самостійно оволодіти тим матеріалом, який передбачається новою програмою, не завжди можна використати комп'ютерну техніку. Нами підготовлено презентації практично з кожної теми курсу. Ця форма подачі матеріалу є цікавою для студентів і дієвою.

Література

1. Мороз І.В. Педагогічні умови запровадження кредитно-модульної системи організації навчального процесу / Мороз І.В. - Переяслав-Хмельницький, 2005.- С.57.
2. Хміль Ф.І. Ділове спілкування: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Хміль Ф.І. – К.: Академвидав, 2004. –280с.
3. Діловий етикет. Етика ділового спілкування. К.: Альтерпрес, 2003. – 368с.
4. Методика навчання української мови в ДВНЗ та середніх освітніх закладах. Кредитно-модульний курс: Навч.-метод. посіб./ За ред. О.І.Потапенка.- К.: Міленіум, 2006. – 332с.
5. Програма курсу “Українська мова (за професійним спрямуванням), затверджена Міністерством освіти і науки України від 21 грудня 2009 року № 1150.- 11с.

Дмитрук М.В. Удосконалення викладання української мови за професійним спрямуванням в агротехнологічному університеті згідно з новою програмою / М.В. Дмитрук // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 237-241.

У статті подаються форми та методи, що сприяють удосконаленню викладання української мови за професійним спрямуванням згідно з новою програмою.

Ключові слова: програма, форми, методи, удосконалення, викладання, українська мова за професійним спрямуванням.

Dmitruk M.V. Improvement of teaching of Ukrainian to professional direction in a agrotechnological university in obedience to the new program / M.V. Dmitruk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 237-241.

Forms and methods which are instrumental in perfection of teaching of Ukrainian on a professional orientation are examined in the article.

Keywords: program, forms, methods, improvement, teaching, Ukrainian to professional direction

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 81-13

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Агазаде А. М.

*Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В настоящей статье термин "дискурс" используется непосредственно в лингвистическом значении и определяется как лингвистическая единица общения. Лингвистическая теория дискурса не должна рассматривать высказывания исходя из отдельных предложений, а также последовательность предложений имеющих текстуальную структуру (когерентность- локальная и глобальная). С этой точки зрения, в статье обсуждается связанность внутри текста.

Ключевые слова: дискурс, лингвистика, текст, структура

Постановка проблемы. Конец XX – начало XXI столетия в лингвистике отмечены провозглашением в качестве основополагающего положения том, что изучение языка может считаться адекватным лишь при описании его функционирования в процессе коммуникации. "Если прежняя (статическая по своей сущности) лингвистика в познании языка шла от таких языковых объектов, как текст, предложение, слово или его грамматическая форма, то деятельностная лингвистика (в лице, прежде всего прагматик в самом широком понимании этого слова отправляется от человека, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий, от его практических и коммуникативных действий, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель «второй роли» [1,5-10].

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики называются одинаково – дискурсивным анализом или дискурсивными исследованиями. Хотя языковое взаимодействие на протяжении веков было предметом таких дисциплин, как риторика и ораторское искусство, а затем – стилистики и литературоведения, как собственно научное направление дискурсивный анализ сформировался лишь в последние десятилетия. Произошло это на фоне господствовавшей в лингвистике на протяжении большей части 20 в. противоположно направленной тенденции – борьбы за «очищение» науки о языке от изучения речи. Ф. де Соссюр считал, что истинный объект лингвистики – языковая система (в противоположность речи), Н.Хомский призвал лингвистов изучать языковую «компетенцию» и абстрагироваться от вопросов употребления языка [7, 15] . В последнее время, однако, познавательные установки в науке о языке начинают меняться и набирает силу мнение, в соответствии с которым никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики. На наш взгляд, можно выделить три основных класса употребления этого термина: 1) собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию (ср. определение Н.Д. Арутюновой «Дис-

курс – это речь, погруженная в жизнь» [2, 137]), как вид речевой коммуникации, как единица общения; 2) дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам и, прежде всего, к М. Фуко; 3) дискурс, используемый в формальной лингвистике, пытающейся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (Т. Райнхарт, Х. Камп).

В первом, собственно лингвистическом значении употребление термина «дискурс» само по себе весьма разнообразно, но в целом здесь просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий языковых и речевых единиц. Так, по определению В.В. Богданова, две неравнозначные стороны дискурса представляют речь и текст. Дискурс понимается как все, что нами говорится и пишется. «Термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс [3; 5]. Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. Дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения. Как предложение противопоставлено высказыванию, так, по нашему мнению, и текст противопоставлен дискурсу.

Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса. В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ – те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения *он* и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста).

Дискурс - это речь погруженная в жизнь. Поэтому термин Дискурс в отличие от термина Текст не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно" [13, 139-157.]. Итак, понятие дискурс включает экстралингвистические факторы, ритм. Как указывал А.Кибрик, «дискурс – понятие более широкое, чем текст». Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности и ее результат (= текст)» [4, 307-309]. При противопоставлении с текстом дискурс воспринимается как речевой отрывок в «действии» или в контексте он приобретает соответствующее значение. Этот контекст в языке используется отправителям языковой информации с определенной целью, в конкретных условиях и в конкретном значении.

Н.Энквист объясняет разницу между текстом и дискурсом следующим образом: "Когда мы рассматриваем текст отдельно от ситуативного контекста, дискурс вос-

принимается как одна часть ситуации» [5,167-171] . Он приводит уже ставший классическим пример «No Smoking» («Не курить») и сообщает, что «воспринимаемый сам по себе как текст эта фраза, если она висит на стене, превращается в отрывок дискурса в рамках определенного ситуативного контекста» [9, 369-382].

Терминологические различия между «текстом» и «дискурсом» стали причиной возникновения другой сложной проблемы- чем отличается текстовая лингвистика текста от дискурсивного анализа?

Дискурсивный анализ, больше являясь межтекстовой областью, привлекает не только лингвистов, но также социологов и психологов. Несмотря на трудности при различении понятий текст и дискурс (отсюда появляется охватывание дискурсивного анализа с лингвистикой текста и с грамматикой текста), по указанному выше фактору, можно отличить текст от дискурса. Текст должен изучаться, как готовая реальность, в случае, когда известна его завершенность, дискурс же изучается как процесс создания текстов, обладающих своими специфическими особенностями. Однако, дискурс более сложен и для его анализа мы должны восстановить намерение, мысль отправителя текста, т.е. должны определить, что имеется в виду за текстом, дополнительно к эксплицитной информации в тексте порождаемой на наших глазах. Конечно, как и любое естественное явление, дискурс также обладает структурой. Несмотря на то, что в этой области имеется большое количество исследований, лингвисты, можно сказать, принимают наличие сходных отношений между компонентами или единицами в дискурсе. У.Манн и С.Томпсон, разрабатывая теорию риторических структур, подготовили интересную модель структуры дискурса [14,243-281]. На основании этой теории какая-либо одна единица дискурса связана с другой единицей посредством связи, обладающей смысловой законченностью. Эти связи называются риторическими отношениями. Термин «риторический» носит условный характер и указывает на то что каждая единица дискурса, существует не сама по себе, а к некоторой другой для достижения определенной цели. передающего текст носит дополнительные функции. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут различаться объемом: от максимального (цельный дискурс) до минимального (отдельные простые предложения). Дискурс строится в иерархической форме и на всех уровнях иерархии используются одинаковые риторические отношения на всех уровнях иерархии. К риторическим отношениям относятся асимметрические и симметрические отношения. Последовательность, сопоставление, соединение относятся ко второму типу связи. У.Чейф рассматривает структуру дискурса как интонационную единицу, т.е. как квант дискурса, соответствующий одному фокусу сознания. Обычно, в каждой интонационной единице представлен один элемент новой информации и старой/новой информации ответственно за просодическую (ударный/безударный) и лексическую (местоимение/имя-существительное) реализации реферантов [6,76].

Нельзя не отметить важный момент в изучении связанности в дискурсе. Никакая смысловая взаимосвязь не имеет случай употребления между компонентами в чистом виде, то есть в изолированной от других форме. Каждый раз на определенную смысловую связь в той или иной степени накладывается другие смысловые связи. Кроме того, в многокомпонентных дискурсах абсолютно не важно, чтобы

одна смысловая связь выражалась с начала и до конца. В рамках одного дискурса могут реализовываться смысловые связи различных типов.

Необходимо учесть, что использование языковых средств, обеспечивающих эти смысловые связи, обуславливаются рядом факторов (в том числе, не только глубинными процессами, происходящими в самом языке, но также и факторами социально-лингвистического характера). К факторам с социально-лингвистической сущностью можно отнести особенности различных функциональных стилей и выдвигаемые к ним требования. Изменение этих требований оказывает значительное влияние на отбор адекватных языковых средств. Тем не менее, само по себе, для понимания текста одной связанности недостаточно. Так, формирование текста, обладающего тесными связями между компонентами, хоть и адекватно не представляет большой трудности, но понять этот текст не всегда удается. «Связанность» в рамках текста не основывается лишь на связи, имеющиеся между словами, так как существует фактор, позволяющий получателю текста отделять обладающий смысловой целостностью текст от текста не обладающего этим свойством хотя и с формальной связью. Этот фактор называется смысловой последовательностью или целостностью (coherence) [10,34]. Основная свойственная черта этого фактора заключается в его существовании не в языке, а в обществе.

Если некоторый дискурс *D* состоит из частей *a*, *b*, *c*..., то что-то должно обеспечивать связь между этими частями и, тем самым, единство дискурса. Аналогично глобальной и локальной структуре имеет смысл различать глобальную и локальную связность. Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы (иногда используется также термин «топик») дискурса. В отличие от темы предикации, как правило ассоциируемой с некоторой именной группой или обозначаемым ею предметом (референтом), тема дискурса обычно понимается либо как пропозиция (понятийный образ некоторого положения дел), либо как некоторый конгломерат информации. Тема обычно определяется как то, о чем идет речь в данном дискурсе. Локальная связность дискурса – отношения между минимальными дискурсивными единицами и их частями. Американский лингвист Т.Гивон выделяет четыре типа локальной связности (особенно характерных для нарративного дискурса): референциальную (тождество участников), пространственную, временную и событийную. Необходимо отметить, что формирования дискурса осуществляется с помощью языковых средств, относящихся ко всем уровням [11,57].

Выводы и перспектива. Наряду с функцией расположения событий на плоскости времени и пространства, эти языковые средства, в общем, участвует также в тематическом развитии, обеспечивающем связность в дискурсе. По сути, эти средства, играющие роль определенного показателя для получателя контрастного текста, обладают определенной информационной нагрузкой и наконец, учитывая способность человека сохранять в своей памяти определенный объем информации, эти средства имеют когнитивную функцию, обеспечивающую глобальную связность в дискурсе.

Литература

1. Аристов С. А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С. А. Аристов, И. П. Сузов // Лингвистический вестник: сб. науч. тр. – Ижевск, 1999. – Вып. I. – С. 5–10.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – С. 136–137.
3. Богданов В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
4. Кибрик А. А. Дискурс и возникновение функционализма / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 307–309.
5. Мамедов А. Я. Когнитивная структура текста / А. Я. Мамедов, М. Е. Мамедов // Вестник МГЛУ. – М. : Рема, 2007. – Вып. 521. – С. 167–171.
6. Chafe W. Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing / Chafe W. – Chicago : University of Chicago. – Press, 1994.
7. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky // Cambridge : MIT Press, 1965.
8. Danes Fr. A. Three level Approach to Syntax / Danes Fr. A. – Travaux linguistique de Prague, 1966. – P. 56–58.
9. Enkvist N. E. From Text to Interpretability: A Contribution to the Discussion of Basic Terms in Text Linguistics. Connexity and Coherence: Analysis of text and Discourse / Enkvist N. E. – New York, 1989. – P. 369–382.
10. Ford C. Grammar in Interaction: Adverbial clauses in American English Conversation / Ford C. – Cambridge University Press, 1993.
11. Givon T. Syntax: A Functional-Typological Introduction / Givon T. – Amsterdam, 1990. – Vol.2.
12. Halliday M. A. K. Cohesion in English / Halliday M. A. K. – London, 1976.
13. Hopper P. Emergent Grammar – Proceedings of the Annual Meeting of Berkeley Linguistics / Hopper P. 1987, Society 13: P. 139–157.
14. Mann W. S. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional theory of text Organization / W. S. Mann, S. A. Thomson // Thinking towards new horizons. – Frankfurt am Mein : Peter Lang GmbH internationaler Verlag der Wissenschaften, 2008. – P. 243–281.

Агазаде А. М. Дискурс як об'єкт лінгвістичного дослідження / А. М. Агазаде // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 242-246.

У цій статті термін "дискурс" використовується безпосередньо в лінгвістичному значенні і визначається як лінгвістична одиниця комунікації. Лінгвістична теорія дискурсу не повинна розглядати висловлювання виходячи з окремих пропозицій, а також послідовність пропозицій мають текстуальну структуру (когерентність-локальна та глобальна). З цієї точки зору, у статті обговорюється зв'язаність всередині тексту.

Ключові слова: дискурс, лінгвістика, текст, структура

Agazade A. M. Discourse as an object of linguistic study / A. M. Agazade // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 242-246.

The article deals with the notion of discourse from the perspective of linguistics. Linguistic theory of discourse should not only account for utterances in terms of (isolated) sentences, but also in terms of sequences of sentences having a textual structure (e.g. coherence, both local and global). From this standpoint the article also touches upon the connectivity within the text.

Keywords: discourse, linguistic study, text, structure

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 811.161.2'373.7

ВІДОБРАЖЕННЯ МІФОЛОГО-РЕЛІГІЙНИХ УЯВЛЕНЬ ПРО ПРОСТІР У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЯХ З КОМПОНЕНТОМ *ЗЕМЛЯ*

Лебедева Т.Н.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: svetoniya@mail.ru

В статье исследуются фразеологические единицы с компонентом *земля* в этнолингвистическом аспекте. Проанализирован фрагмент языковой картины мира, в котором на уровне фразеологии отображаются мифолого-религиозные представления об одном из важнейших понятий бытия – пространстве.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент, символ.

Постановка проблеми. Уявлення про простір є суттєвим фрагментом будь-якої мовної картини світу. Специфіку феномену простору влучно сформулював Ю.М. Лотман: «Просторова картина світу багатопланова: вона увібрала в себе і міфологічний універсум, і наукове моделювання, і побутовий «здоровий глузд»... Унаслідок чого створюється складний семіотичний механізм, який перебуває в постійному русі» [4, 164]. Серед просторових характеристик, що позначають членування простору й ставлення людини до цього членування, нами обрано архетип *земля*.

Проаналізувати складову мовної картини світу, в якій на рівні фразеології відображається таке універсальне поняття, як простір – **мета** запропонованої роботи. **Завдання** розвідки полягає в тому, щоб виявити й описати ФО з компонентом *земля*, що характеризують одне з найважливіших категорій буття – поняття простору; довести, що мовна репрезентація категорії простору ґрунтується на міфологічних і релігійних уявленнях, та з'ясувати вплив міфологічного мислення, релігійного світогляду на світобачення сучасної людини.

Із просторовою семантикою, точніше з географічним поділом, пов'язана, зокрема, ФО *земля обітована* в значенні «Ізраїль. Мається на увазі територія ізраїльської держави, яка розташована на землях древньої Палестини» [3, 237]. Витоки цієї ФО походять з біблійної оповіді про вихід євреїв з Єгипту.

Відповідно до Святого Письма, Господь наказав Мойсею вивести ізраїльський народ з єгипетського полону «до Краю доброго й широкого, до Краю, що тече молоком та медом» [Вихід 3: 8], тобто багату і щедру. Після сорокарічного походу вони дісталися землі, про яку Бог сказав: «Оце той Край, що Я присягнув Авраамові, Ісакові та Якову, говорячи: Насінню твоєму Я дам його» [Повторення закону 34: 4]. Сьогодні на цій землі розташована країна Ізраїль, яка виникла внаслідок багатовікового прагнення євреїв створити власну державу на території, що належить, як гласить Біблія, їх пращурам. Обітованою, тобто обіцяною, ця земля названа в посланні апостола Павла до євреїв: «Вірою Авраам, покликаний на місце, яке мав прийняти в спадщину, послушався та й пішов, не відаючи, куди йде. Вірою він перебував на Землі Обіцяній, як на чужій, і проживав у наметах з Ісаком та Яковом, спів-

спадкоємцями тієї ж обітниці» [Послання до євреїв 11: 8,9]. Саме тут, за припущенням дослідників з історії християнства, знаходилася країна Едемська – рай земний, насаджений самим Богом для перших людей. Для кожного християнина це місце вважається священним. Сьогодні *раєм земним* називаємо благодатну місцевість, яка приносить задоволення та насолоду; місце, де можна жити щасливо й безтурботно. Глумачення біблійної за походженням ФО *рай земний*, на наш погляд, відображає побутове, спрямоване на матеріальне, світобачення сучасної людини.

Зі значенням простору, який знаходиться далеко, вживаємо ФО *на край землі, [аж (хоч, геть)] на край землі (світу, світа), з тридев'ятої землі, за тридев'ять (за тридесять) земель, за сім земель*.

Компонент *край* у складі ФО *на край землі* пов'язаний з міфологічним сприйняттям землі, всесвіту. *Край* уявлявся нашим пращурам межею, але не власне рисою, рубежем, а стороною, місцем, де закінчується простір. Вислів походить з найдавніших уявлень про землю як площину, за краями якої простягається безмежний океан і зверху накривається небесним склепінням [7, 355]. Подібне сприйняття простежується в релігійному світогляді. У Святому Письмі часто вживаються алегоричні й образні вислови, що використовуються для опису землі й неба. Зокрема, видиме небо зображується в Біблії як шатро чи намет: «Він (Творець) небо простяг, мов тканину тонку, і розтягнув Він його, мов намета на мешкання» [Ісаї 40: 22]; називається склепінням небесним, який своїм нижнім краєм торкався країв землі: «від кінців неба аж до кінців його» [Матвія 24: 31], «від краю землі до крайнеба» [Марка 13: 27] (пор. ФО *на край землі*).

Синонімічною до ФО *на край землі* безперечно є ФО *за тридев'ять земель*, яка вважається фольклорною за походженням. Висловом *за тридев'ять земель, у тридесятому царстві* починається не один казковий текст. Така початкова (ініціальна) формула потрібна казкарю для того, щоб зорієнтувати слухача в просторі. Вона через стрункість, стійкість структури й форми, закріпленість за жанром і місцем у цьому жанрі, часту повторюваність і загальновідомість безперечно є «стабільним казковим зворотом», а тим самим (незважаючи на думку деяких дослідників) належить не до зворотів змінного типу, а до стійких словосполучень [5, 306]. Частіше вживається подана ФО з дієсловами руху «їздити, піти, поспішати».

Символіка компонента *тридев'ять* пов'язана зі стародавніми віруваннями в магічну природу числа. Числа «три» і «дев'ять», які входять до його складу, вважалися сакральними для багатьох народів світу й асоціювалися з моделлю всесвіту (верх – середина – низ; початок – існування – кінець), формулою для творення світів тощо [8, 300]. Крім того число *тридев'ять* належить до дев'ятирічної системи числення, що існувала на Русі поряд із десятирічною, й означає «двадцять сім» [7, 248]. Проте в казках, – як зазначає В.М. Мокієнко, – цей вислів віддаляється від точного числівника й означає «дуже далеко». Дослідження останнього часу показали, що слово *тридев'ять* має тільки зовнішні ознаки числівника, хоч на справді ним не є; а належить до обставинних прислівників зі значенням «дуже, безкінечно далеко» [9, 100-101].

У ФО *за тридев'ять земель* «множинність» земель створює образ віддаленості від «свого» простору, унаслідок чого метафорично образний зміст ФО співвідноситься з далеким, невідомим, незасвоєним простором, який є потенційно

небезпечним для людини (пор. ФО *хоч на край землі (світу, світа)*). Підставою для такого твердження слугують найдавніші форми усвідомлення світу – архетипічні опозиції «далеко – близько», «свій – чужий». *За тридев'ять земель* – це незнайомий, хаотичний, «чужий» простір, світ хтонічної сили. Людина, залишаючи «свій», рідний, відомий, гармонійно побудований простір і тим самим, порушуючи умовну межу між світом «своїм» і «чужим», прирікає себе на випробування. Пригадаємо будь-який казковий сюжет: на кожному кроці позитивного героя (Івана-царевича, Івана-дурака) підстерігає небезпека, коли він вирушає *за тридев'ять земель* – у царство Баби Яги, Коцея Безсмертного – персонажів, які втілюють сили зла. Це місце знаходиться за ланами, за лісами, за рікою, за горами, тобто далеко від світу «своїх». «Неназване місце за тридев'ять земель, – вважає В. Айрапетян, – куди заїхали в одній із російських казок Заморишек і його брати й де живе зла Баба-Яга, – це інше тридесяте царство» [1, 262-263]. Відомий дослідник фольклору В.Я. Пропп так само припускає, що *за тридев'ять земель* – найменування царства мертвих, «того», «іншого» світу [6, 18]. Учений подає й другу версію походження ФО. Деякі уривки казок, підібрані В.Я. Проппом, прямо називають, що *за тридев'ять земель* розташовано небесне сонячне царство, саме тому в казках переважає «золотий колір як синонім вогняності» [6, 22]. До речі, в інтернет-ресурсах на тему «Ведичний погляд» неодноразово підкреслюється, що *за тридев'ять земель* – це за межею Сонячної системи, в яку входять тридев'ять, тобто двадцять сім планет.

Розглянуті думки щодо походження вислову свідчать, що в сучасній ФО *за тридев'ять земель* закріпилося значення дуже віддаленого простору (навіть потойбічного чи небесного світів). Такий простір сприймається як чуже, невідоме, іноді потенційно небезпечне.

Висновки та перспектива. Отже, у міфолого-релігійному уявленні *земля* характеризує простір: рідний простір – від прадідівської, батьківської землі, ріднини – до географічного поділу – країни, планети в цілому. У фразеологічній картині світу українців *земля* асоціюється з віддаленим простором – *на край землі* або окремою територією – *земля обітована*. Кількісно переважають ФО зі значенням простору, який знаходиться далеко.

Література

1. Айрапетян В. Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски / В. Айрапетян. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 484 с.
2. Біблія або Книги Святого Письма Старого й Нового Заповіту із мови давньоєврейської та грецької на українську наново перекладена.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. Ред. Телия. – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
5. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авось до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – СПб.: «Норинт», 2006. – 512 с.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – СПб., 1996. – 59 с.
7. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Соавт.: Бирих А.К., Мокиенко В.М. – М.: Изд-во "Астрель" / "АСТ" / "Хранитель", 2007. Изд. 3-е, испр., доп. – 928 с.
8. Словник символів культури України / За заг. ред. В.П. Коцура, О.І. Потапенка, М.К. Дмитренко, В.В. Куйбіди – К.: Міленіум, 2005. – 352 с.

9. Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Русский фразеологический словарь. Более 800 выражений / В.П. Фелицина, В.М. Мокиенко. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 400 с.

Лебедева Т.М. Відображення міфолого-релігійних уявлень про простір у фразеологічних одиницях з компонентом *земля* / Т.М. Лебедева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 247-250.

У статті досліджуються фразеологічні одиниці з компонентом *земля* в етнолінгвістичному аспекті. Проаналізовано фрагмент мовної картини світу в якій на рівні фразеології відображаються міфолого-релігійні уявлення про одне з найважливіших понять буття – просторі.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, компонент, символ.

Lebedeva T.N. Display of mythological and religious conceptions of space in phraseological units with the component of the *earth* / T.N. Lebedeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 247-250.

This article explores the phraseological units with the component of the *earth* in their ethnic and linguistic aspect. Analyzed fragment of the language picture of the world, in which the level of phraseologies are displayed mythological and religious conceptions about one of the most important concepts of life - space.

Keywords: phraseological unit, component, character.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК:378:316.74

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Мезенцева В. Д.

*ЮФ НУБіП України «КАТУ», г. Сімферополь, Україна
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В статье исследуются факторы воспитания культуры межнационального общения в студенческой среде. Воспитание начинается с просвещения студентов, переходит в воспитание эмоционального переживания межнационального общения, воспитание силы воли и заканчивается самовоспитанием. Повышение культуры общения между нациями очень важно в условиях глобализации современного общества.

Ключевые слова: воспитание, культура, нация, общение, просвещение, самовоспитание.

Постановка проблемы. Актуальность исследования воспитания культуры межнационального общения заключается в том, что в современном обществе обостряются межнациональные конфликты. К сожалению, нетерпимость к представителям иных культур через СМИ все чаще проникает в учебные заведения, в том числе и в университеты. Расизм, националистические предрассудки, дискриминация становятся распространенным явлением среди молодежи. Поэтому возникает необходимость воспитания культуры межнационального общения, прежде всего, в студенческой среде.

Цель статьи заключается в исследовании факторов, влияющих на воспитание культуры межнационального общения.

Методологическую основу исследования составляют работы философов и психологов по межнациональным отношениям (Г.Чавчавадзе, Н.Махмадов, М.Джунусов, Ш.Исмаилов и др.); по общей теории общения (А.Леонтьев, Б.Ломов, А.Петровский, И.Кон, Л.Буева и др.); по проблеме межнационального общения (В.Комаров, Я.Коломинский, Н.Иконников, А.Махмадов, С.Гетхлер, З.Гасанов и др.). Проблема воспитания этнокультурной толерантности затрагивается в исследованиях И.Н. Афанасьева, Т. Н. Петровой, З. Ф. Мубиновой, Т. С. Таюрской и др.

Для начала необходимо уточнить исходные понятия: «воспитание», «культура», «нация», «общение». В педагогике существуют различные теории воспитательного идеала, сущности воспитания. Нынешний релятивизм и разнообразие методологических подходов к пониманию воспитания объясняется не только углубляющимся кризисом общества: экономическим, политическим, духовным, - но и революционными информационными процессами, глобализацией всех сфер общества, в том числе и сферы образования. Можно сказать, что воспитательный релятивизм – это также своеобразный кризис науки педагогики. Плюрализм в педагогике говорит об отсутствии общего мнения по данному вопросу, что не является положительным в развитии педагогической науки. Наше мнение заключается в следующем.

Воспитание направлено на формирование человека. Человек - творческое существо, без творчества – это человек массовой культуры, который спокойно принимает участь быть результатом многих полярностей - результатом воздействия со стороны рекламы, средств массовой информации, задающих потребности. Человек массовой культуры не задумывается над тем, что предлагает общество, реклама, массовая культура. А предлагают товары, услуги, искусство и мораль, растлевающие души, насаждающие агрессивность, извращенность, цинизм и садизм, человеконенавистничество, национализм и фашизм, психологию дна и преступное сознание. Отсутствие идеалов и творческого отношения к человеку обостряют противоречия человеческого бытия и грозят антропологической, межэтнической и культурной катастрофой. Отсюда, задача педагогики - формировать в человеке творческое начало, способность совершать поступки. В этом заключается сущность воспитания. Поступки человека отражаются в культуре. Поэтому возникает необходимость воспитывать подлинную культуру поведения, особенно культуру общения, в том числе и между нациями.

«Культура – это процесс и результат реализации базовых ценностей». (8., с.54). Нация – комплексная группа людей, в которой проходит вся жизнь человека. Нация едина и сплочена не столько общим этническим происхождением, не столько единой экономикой и государством, сколько общей культурой, общим взглядом на жизнь, общей мировоззренческой позицией. Эти характеристики часто смешивают.

Например, смешивают два последних признака: социально-политический (гражданский) и культурный. Зачастую главы государств, политики считают, что такой признак национальной культуры, как язык, является обязательной характеристикой гражданского общества, государства, поэтому проводят ошибочную языковую политику, навязывая всем гражданам многонационального государства одну культуру, один язык. Но воспитание культуры межнационального общения предполагает, прежде всего, формирование таких ценностей, как уважение, толерантность, доброжелательность по отношению к чужой культуре, другому языку, реализация которых ведёт не к раздору, а к диалогу и взаимопониманию. «Не ругань, а многоголосье, многоцветие» в многонациональном государстве. В этом суть культуры межнационального общения. Общение – это не только обмен информацией, но диалог культур.

Сегодня многими учеными педагогами подчеркивается мысль, что особенно важной проблемой воспитания культуры межнационального общения становится проблема формирования толерантности студентов. (А.Г. Асмолов, А.Н. Джуринский, Г.Д. Дмитриев). Но можно ли ограничиться воспитанием культуры толерантности? На наш взгляд культура межнационального общения включает не только толерантность, как важную общечеловеческую ценность, но и справедливость, долг, добро, любовь. В педагогической литературе этим ценностям почему-то уделяется мало внимания.

В педагогической литературе в разной степени уделяется внимание трём факторам воспитания культуры межнационального общения в студенческой среде. Во-первых, это усиление мотивации студентов повышать данную культуру. Во-вторых, совершенствование субъективных возможностей студентов - развить способности,

дать знания, привить навыки. В-третьих, улучшить объективные условия, т.е. постараться устранить помехи и укрепить те факторы, которые благоприятствуют удовлетворению потребности и реализации субъективных возможностей.

Одни педагоги в большей степени разрабатывают мотивационный аспект и субъективные возможности тех, на кого направлена педагогическая деятельность. Это работы Весна М., Куликовой Л.Н. (см. 1,2) Другие больше обращают внимание на средовые факторы, улучшение объективных условий воспитания человека. Например, работы Мануйлова Ю.С, Шестаковой С.В и др. (см. 5,7)

Каким способом можно воздействовать на указанные три фактора? Их также три: целенаправленное воспитание, т.е. сознательное «внедрение» положительных факторов в сознание и поведение человека - участника межнационального общения; влияние окружающей среды на ценностно-образующие факторы, на культуру межнационального общения за пределами и независимо от целенаправленного воспитательного воздействия; самовоспитание, когда управление воздействием на эти факторы осуществляется изнутри самим участником межнационального общения.

В целенаправленном воспитании мы пытаемся сформировать в сознании участника межнационального общения цели и представления о средствах их достижения, которые соответствуют идеалам, принятым воспитателем. На практике это означает, что воспитатель всегда должен знать не только то, что хочет и как хочет передать воспитуемому, но также и то, чем и как хочет и может отреагировать на это последний. В воспитании культуры межнационального общения это очень важно.

Основными методами целенаправленного формирования культуры общения являются, во-первых, просвещение, означающее передачу знаний о различных национальных группах, их культурных традициях, психологических особенностях. Во-вторых, организация сознательного поведения, формирующего положительный опыт и закрепляющего результаты просвещения. В-третьих, осуществления контроля соответствия реального поведения формируемой культуре; стимулирование и принятие санкций (поощрение и наказание).

Чтение лекций, проведение занятий по закреплению теоретических знаний, организация самостоятельного чтения соответствующей литературы, проведение бесед, вечеров вопросов и ответов, диспутов, посещение национально-краеведческих музеев, театров, концертов – таковы основные формы просвещения. Любая из этих форм должна осуществляться на основе принципов взаимопонимания и диалога, научности и проблемности.

Принцип взаимопонимания и диалога между участниками общения требует доброжелательного и уважительного отношения, неприятия враждебности и ненависти друг к другу, борьбы со злом. Но положительное отношение между людьми, нациями и борьба с враждебными настроениями должны базироваться не только на вере и эмоциях, но и на научном обосновании. Это значит, что каждый, принявший определённую культуру межнационального общения, должен уметь проверить и доказать правильность своего выбора и во внутреннем диалоге с самим собой, и в споре с противником.

Обоснование культуры межнационального общения наилучшим способом осуществляется с помощью проблемного обучения. Суть этого обучения заключается в

том, что сообщаемое знание должно вводиться как средство для рассмотрения сложной ситуации. Таким образом, теория непосредственно связывается с теми вопросами, которые ставит сама жизнь.

Поясним связь и действие этих трёх принципов на конкретном примере. Преподаватель читает лекцию по «Основам добрососедства». Допустим, он хорошо изучил литературу, говорит грамотно, но аудитория скучает. Почему? Могут быть, конечно, разные причины, но в данном случае мы говорим о том, что лектор, излагая материал об истинных, закономерных основах добрососедства, не уделяет внимание воспитанию соответствующей культуры общения; не акцентирует внимание на таких вопросах: кому необходимы и для кого неприемлемы такие основы добрососедства; могут ли мирно сосуществовать нации; на какие ценности мы должны ориентироваться, вступая в диалог с национальным соседом; что такое национализм и нацизм и почему это опасно; верно, что «о вкусах не спорят», или можно обосновать наше субъективное понимание культуры межнационального общения. Эти вопросы оживляют аудиторию, но они должны обсуждаться в процессе дискуссии, деловой игры и др.

В пропаганде знаний о культуре межнационального общения часто используют такие формы проблемного обучения, как решение упражнений и деловые игры. В упражнении описывается какая-то толерантная или морально-нравственная ситуация. Возьмём пример. В студенческой группе парень и девушка, представители разных национальностей полюбили друг друга. Девушка представитель нации исчезающей. В культуре этой нации не допускаются смешанные браки. Как в данном случае нужно поступать молодым? Приведём другую, не менее сложную ситуацию. В студенческой группе, занимается представитель этнических немцев. Молодой парень очень любит свою нацию, чтит национальные традиции, историю немецкого народа. Как ему относиться к празднику Победы в Великой Отечественной войне? Принимать участие в мероприятиях патриотического воспитания, будет ли для него борьба молодых подпольщиков примером героизма? Как сокурсники должны относиться к нему? Мы думаем, что такие упражнения – отличное средство для усвоения теоретического материала, проведения диспута, организации беседы.

Хорошо организованное просвещение усиливает потребность в подлинной культуре общения, даёт необходимые знания о принципах и уровнях общения, о путях формирования ценностных установок, необходимых для установления культуры общения. Студенты высших учебных заведений получают эти знания, прежде всего, в процессе изучения гуманитарных дисциплин. Поэтому преподаватель должен проводить лекции и практические занятия на высоком теоретическом и методическом уровне для эффективного воспитания культуры межнационального общения.

Просвещение воздействует на ум, но может ли знание без эмоционального переживания способствовать воспитанию культуры межнационального общения? Ведь неграмотная бабушка порой лучше воспитывает внуков, чем кандидат наук. Следует учесть, что культура – это проявление ценностей, которые формируются не путём получения знаний, а приобретаются жизненным опытом и должны быть пережиты человеком. Поэтому знания, не проанализированные, не оцененные, не по-

лучившие ценностную установку, не гарантируют успеха в воспитании культуры общения. Это не значит, что знания излишни.

Чтобы знания пробудили эмоциональные чувства, а затем воплотились в поступках, они должны быть закреплены в деятельности, перейти в привычку. Поэтому важнейшая задача целенаправленного воспитания состоит в организации сознательного поведения. В чём заключается суть этой организации? Следует отметить, что поведение требует от человека определённой духовной силы. Если для приобретения знаний необходимы умственные способности, а для формирования ценностей - эмоциональные переживания, то поведение требует такой духовной силы, как сила воли и твёрдость характера. Эти качества характера воспитываются требовательностью и чутким вниманием к воспитуемым. Часто в обыденных, ситуациях, требующих особой выдержки и твёрдости, мы забываем о полученных знаниях. Эмоциональные переживания оказываются ни к чему, поскольку отсутствует воля совершать поступок.

Можно усомниться в подлинной культуре межнационального общения студента, который переживает вместе со всей аудиторией во время проведения «круглого стола», посвящённого теме: «Геноцид еврейского народа», а после этого в обыденном разговоре не делает простого замечания своему собеседнику, который неуважительно отзывается о евреях. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы организовывать воспитание, позволяющее воспитаннику и в мыслях, и в чувствах, и в поступках быть последовательным и верным идеалам интернационализма, дружбы народов, быть носителем подлинной культуры межнационального общения. Поэтому необходимо не просто сообщать соответствующие знания, пробуждать интернациональные чувства, но замыкать их на практике, закреплять их поступками во всех жизненных ситуациях.

Важным условием выполнения такой задачи целенаправленного воспитания является постоянное предъявление жёстких требований к реализации основных ценностей культуры межнационального общения. Нельзя допускать превышение власти, проявление правовой несправедливости, нетерпимости, к студентам, преподавателям, представляющих ту или иную нацию со стороны других студентов (старосты группы, членов студенческого совета), преподавателей, представляющих другую нацию.

Требование отнюдь не сводится к категорическому приказу. Это вообще не лучшая форма требовательности, а тем более при воспитании культуры межнационального общения. Арсенал форм, в которые может быть облечено требование, довольно большой. Во-первых, требовательность должна быть гуманной как по содержанию, так и по форме. Что касается содержания, то требовательность предъявляется во имя гуманных целей. В отношении формы требовательность не должна включать в себя оскорбления и унижения. Можно требовать в форме совета, просьбы, инициативного предложения принять участие в мероприятии, фиксация внимания с намёком на желательный или нежелательный образ действий, формулировка мнений лица или группы, авторитетных для данного человека, напоминание и т.д. В любом случае принципом цивилизованной педагогики является единство требований и уважения.

Чтобы социальная необходимость культуры межнационального общения была не только возможностью, но и реальной действительностью следует осуществлять контроль. Контроль должен быть постоянным и объективным. Это не означает его превращение в мелочную и унижительную опеку, которая раздражает и способна обесценить любые требования. Уважительность требования распространяется и на контроль.

Уважительный контроль деятельности, направленной на совершенствования межнационального общения предполагает изучение самой этой деятельности, её эффективности, т.е. осуществлять сбор информации. С этой целью нужно проводить конкретные социологические исследования: опрос, анкетирование, наблюдение и делать выводы. Для того, чтобы иметь достоверную информацию о том, как знания культуры межнационального общения и требования реализуются в поведении преподавателей и студентов, надо быть в постоянном контакте с ними. Полученная информация позволит принимать обоснованные решения, как дальше воздействовать на поведение преподавателей и студентов, какие новые формы мероприятий, новые методы использовать для повышения культуры межнационального общения, как стимулировать совершенствование этой культуры.

Положительные результаты повышения данной культуры необходимо подкреплять поощрением. А отрицательные результаты, когда знания, новые проекты развития культуры не внедряются и требования не выполняются нужно блокировать наказанием. Поскольку речь идёт о воспитании культуры межнационального общения, предполагающей также правовую культуру, отсутствие которой может породить серьёзные межнациональные конфликты, то применяться должны не только моральные поощрения и наказания, но и административно-правовые.

Непременным условием успеха в воспитании культуры межнационального общения является гласность: до сознания каждого студента, простого преподавателя и руководителя нужно довести, что нарушение демократических принципов, не соблюдение правовой справедливости, проявление нетерпимости, аморальность и безнравственность в межнациональных отношениях недопустимо, а высокая культура в этом приветствуется.

Существует два фактора, которые могут или усилить воздействие целенаправленного воспитания культуры межнационального общения, или противостоять ему. Это непосредственное влияние окружающей среды и уже сформировавшаяся позиция человека. Организации среды – это важный фактор воспитания любой культуры. Целенаправленное воспитание студента может оказаться бесполезным, поскольку он повседневно – в семье, в компании приятелей, в общезитии, на улице и т.д. – мог воспринимать образцы культуры поведения в межнациональных отношениях, противоречащие тем, которые излагались на лекции, в беседе, за круглым столом. Очевидно, что поединок между воспитанием и средой может кончиться не в пользу первого. Следовательно, необходима целенаправленная организация среды.

Организация среды включает создание организаций, учреждений и форм, в которых может осуществляться передача и формирование положительного опыта воспитания культуры межнационального общения. На уровне макросреды такими организациями являются различные государственные комитеты, комиссии по нацио-

нальному вопросу, различные национально-культурные общества, советы, координирующие совместную деятельность национальных общин и т.д. На уровне микросреды – это местные (областные, городские, районные) комитеты и комиссии в государственных администрациях, занимающиеся национальными вопросами. Это национальные общины местного уровня, различные национальные ансамбли, художественные народные коллективы национального характера. В высших учебных заведениях существуют интернациональные клубы, в студенческом совете - отдел по работе с иностранными студентами.

Представим себе, что все названные организации существуют в обществе, но имеет место низкая активность повышения культуры межнационального общения в студенческой среде. Следовательно, необходимы формы, которые подняли бы активность студентов. Полученные знания на лекциях, в процессе самостоятельной работы, чтения книг, просмотра фильмов о межнациональных отношениях могут не пересекаться с повседневной жизнью. Но если студент постоянный участник дискуссионного клуба, туристической, художественной секции, которая включает представителей разных наций, то проблемы, которые ставит литература, фильм, преподаватель на лекции может больше повлиять на воспитание культуры межнационального общения.

Уважение, доброжелательность и толерантность к другим нациям у студента может оставаться благим пожеланием. Но если он находит общий интерес, общие духовные запросы и своих товарищей по университету, проводя время с ними в туристическом походе, в спортивной игре, художественной самодеятельности, то это уважение входит органически в его жизнь, а толерантные отношения с представителями других наций сменяется морально-нравственными. Студент принимает другую национальную культуру как культуру своей нации, возникает подлинный диалог между нациями, рождаются новые традиции, новая культура, единая для многих наций.

Новые традиции отмечать свои знаменательные даты студенческой жизни конкретного университета, факультета, курса, туристического кружка, художественного студенческого коллектива, спортивной команды, совместно отмечать национальные праздники воспитывают культуру межнационального общения.

Но нормы и традиции формируются и передаются в деятельности конкретных людей. Искажение традиции неискренним, формальным исполнением ведёт к тому, что она не приживается. Поэтому всё, в конце концов, упирается в конкретные образцы поведения. Исследования, проведённые социологами среди студенческой молодёжи, показывают, что существует определённый разрыв между созданными (на примере исторических личностей, литературных героев) положительными образцами поведения и практическим следованием им. Почему это происходит? Дело в том, что даже в небольшой студенческой группе (25-30 человек) может образоваться несколько микрогрупп в зависимости от интересов, склонностей, социально-психологических качеств, ценностных ориентаций, и в каждой из них будут свои образцы поведения. Если среди них окажутся образцы отрицательные, разрушающие культуру межнационального общения, то соответствующими будут и последствия.

Положение осложняется ещё тем, что студенты часто меняют свою среду. Они живут в семье, проводят время в компании друзей. Студенты заканчивают учёбу, уходят на производство. Старые контакты и образцы уступают место новым образцам. В этом заключается сложность воспитания культуры межнационального общения в студенческой семье. Постоянный успех воспитания данной культуры, следовательно, во многом зависит от того, являются ли носители культуры межнационального общения образцами поведения в разнообразных группах, в которых протекает жизнь студента. Какой образец окажется сильнее и притягательнее, какая группа станет референтной: семья, студенческий коллектив (и какая микрогруппа в нём), спортивная секция, кружок художественной самодеятельности, старые друзья, уличная компания? Везде идёт борьба образцов. И студент оказывается в поле притяжения этих магнитов.

Целенаправленное воспитание даёт знания о культуре межнационального общения и предъявляет определённые требования к студенту. Организация среды обеспечивает условия для реализации этих знаний и требований. Но у студента есть свобода выбора условий и свобода творчества. Если он вынужден подчиниться тому, что сам внутренне не приемлет, то будет выполнять положенное формально и, в конце концов, испортит всё дело. Надо, следовательно, чтобы налицо была не только внешняя необходимость, но и внутренняя проблемная ситуация, для разрешения которой студент должен сам стремиться к реализации определённых ценностей, стремиться к культуре межнационального общения. Доброжелательность, взаимоуважение в межнациональных отношениях должны стать не только внешней, но и внутренней необходимостью. Их формирование происходит также в процессе самовоспитания.

Самовоспитание предполагает познание самого себя, обладание духовными силами (умственными, эмоциональными, волевыми). Сочетать в себе эти духовные силы нелегко. Познание самого себя требует не только определённой психологической грамотности, но и, главное, внутренней честности и смелости. Исходная позиция самовоспитания – это осознание своих недостатков, в том числе осознание недостаточной культуры межнационального общения и появление большого желания их устранить.

Выводы и перспектива. Одним из показателей повышения культуры межнационального общения является сближение и расцвет наций, что обеспечивает успешное развитие всего общества и отдельной личности. Эта культура формируется с детского возраста. Чтобы культура межнационального общения в студенческой среде постоянно повышалась, необходимы эффективные способы целенаправленного воспитания, организации окружающей среды и самовоспитания. Можно и нужно постоянно стремиться к улучшению данных способов. Нет для этого других путей, кроме активного участия в педагогическом процессе.

Литература

1. Весна М. Самоорганизация в студенческой учебной группе./ М. Весна.-М.:Высшее образование в России, 2003. - № 2. – С.93-95.
2. Куликова Л.Н. Саморазвитие личности: психолого-педагогические основы./ Л.Н.Куликова.-Хабаровск:Изд-во ХГПУ.-2005. - 323 с.

3. Мануйлов Ю.С. Концептуальные основы средового подхода в воспитании / Ю.С.Мануйлов.- Вестн. Ун-та Рос. акад. Образования, 2003. - № 1. - С. 36-68.

4. Организация воспитательной работы в образовательных учреждениях Ассоциации «Педагогическое образование»: концептуальные основы, методические материалы, регламентирующие документы, информационные материалы. / Под общей редакцией Грекова А.А., Ильченко Л.В. - Ростов-на-Дону, РГПУ, 2002.

5. Шестакова С.В. Средовый подход в организации воспитательной работы учебного заведения./С.В.Шестакова.- Сб.материалов Всероссийской научно-практической Internet- конференции.- Тамбов, 2004.-tsu.tmb/ru/

6. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. Часть 3: Антропология. Санкт-Петербург, 1999.

Мезенцева В.Д. Виховання культури міжнародного спілкування в студентському середовищі / В.Д. Мезенцева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 251-259.

У статті досліджуються фактори виховання культури міжнародного спілкування в студентському середовищі. Виховання починається з освіти студентів, переходить у виховання емоційного переживання міжнародного спілкування, виховання сили волі і закінчується самовихованням. Підвищення культури спілкування між націями дуже важливо в умовах глобалізації сучасного суспільства.

Ключові слова: виховання, культура, нація, спілкування, освіта, самовиховання.

Mezentseva V.D. Education of culture of international intercourse is in student environment / V.D. Mezentseva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 251-259.

This article investigates the factors foster a culture of inter-ethnic communication among the students. Education begins with the education of students goes into education emotional experience of international communication, education willpower and ends self-education.

Improving the culture of communication between nations is very important in the context of globalization of modern society.

Key words: education, culture, nation, communication, education, self-education

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 81-114

СТАТУС ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Приходько А.И.

*Запорожский национальный университет, г. Запорожье, Украина
E-mail: prihodko@mail.zp.ua*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с соотношением оценки и модальности. Внимание уделяется связи субъективной модальности и оценки, подчеркивается, что оценку и модальность необходимо изучать как феномены разного порядка.

Ключевые слова: оценка, модальность, субъективный, объективный.

Постановка проблемы. В современной лингвистике наблюдается повышение интереса к категории модальности. Модальность – явление многоаспектное, поэтому в лингвистической литературе высказываются различные мнения по поводу сущности данного феномена. Пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения.

Модальность является предметом изучения различных наук – философии, логики, языкознания. Понятие «модальность» восходит к формальной классической логике. Модальность (лат. *modus* – ‘мера, способ’) – это явно или неявно выраженная в суждении дополнительная информация о характере зависимости между реальными явлениями, о логическом статусе суждения, об оценочных, регулятивных, временных и других его характеристиках. Модальными можно считать все суждения, выражающие живые законы науки [1].

Основоположником теории модальности по праву считается В.В. Виноградов. Его работы, посвященные данной проблеме (например, «О категории модальности и модальных словах в русском языке»), до сих пор очень важны для лингвистов. В.В. Виноградов считал модальность субъективно-объективной категорией и называл ее неотъемлемой частью предложения, его конструктивным признаком. «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [2, с. 55].

В западноевропейской лингвистике наибольшее распространение получила концепция модальности Ш. Балли. По его мнению, в любом высказывании выявляются два блока составляющих – диктум и модус [3]. Диктум – предметно-логическое содержание высказывания – соотносится с описанием некоторой ситуации, модус отражает отношение описанной ситуации к действительности, а также выражает интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Модальность трактуется Ш. Балли как синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы.

В ходе лингвистических исследований границы употребления термина «модальность» утратили свою определенность и круг значений, обозначаемых как модальные, значительно расширился. В концепциях разных исследователей объем данного понятия и охват им языковых явлений часто не совпадает. С точки зрения А.В. Бондарко, характеристика модальности как устанавливаемого говорящим отношения содержания высказывания (его пропозитивной основы) к действительности весьма неопределенно и требует уточнений [4, с. 35]. Он вводит в характеристику рассматриваемого понятия указание на доминирующий признак, дающий некоторое представление о том, какое именно отношение к действительности рассматривается как основное и специфическое для модальности. По его мнению, доминантой модальности является то или иное отношение к оппозиции реальности/ ирреальности. Для того чтобы эта характеристика была более информативной, в нее включены основные типы значений, которые рассматриваются как модальные.

Итак, А.В. Бондарко рассматривает модальность как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности. То или иное отношение к этим признакам представлено в значениях:

- 1) актуальности / потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т.д.;
- 2) оценки достоверности;
- 3) коммуникативной установки высказывания;
- 4) утверждения / отрицания;
- 5) засвидетельствованности (пересказывания/ непересказывания).

А.В. Бондарко не относит к модальности качественную оценку дескриптивного содержания высказывания по признакам «хорошо/ плохо», объясняя это тем, что оценочность лишь частично связана с семантикой модальности, и ее целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью. Тем не менее, Бондарко не исключает отнесение качественной и эмоциональной оценки к модальности, однако речь может идти только о периферии поля модальности [4, с. 38].

О.Н. Лагуа различает шесть типов модальности: алетическую, эпистемическую, деонтическую, временную, аксиологическую и избирательную [1].

Сторонники другого направления придерживаются дифференциации категории модальности на объективную, выражающую отношение к действительности, и субъективную, в которой реализуется отношение говорящего к сообщаемому. Такое понимание модальности представлено в работах В.Н. Бондаренко, Г.А. Золотовой, В.З. Панфилова, Л.М. Наера.

Так, В.Н. Бондаренко трактует модальность как языковую категорию, указывающую на характер отражаемых в предложении объективных связей и на степень достоверности того же предложения с точки зрения говорящего [5, с. 32].

В «Русской грамматике», кроме многозначности термина «модальность», указывается, что категория объективной модальности соотносится с категорией предикативности. Предикативность формируется значениями объективной модальности и

представляет их как сложную языковую целостность. Кроме того, из всех многообразных групп субъективно-модальных значений вычленяется оппозиция наиболее общих, первичных: оценочно-характеризующих и собственно-оценочных. Таким образом, оценка признается сущностью субъективной модальности [6, с. 216].

Нам представляется правомерной концепция дифференциации модальности на объективную и субъективную. Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания. Она выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности. Такая модальность получает свое выражение на уровне синтаксического членения предложения и выражается такими грамматическими и лексическими средствами как формы наклонений, модальные слова и частицы, интонация.

Субъективная модальность, то есть отношение говорящего к сообщаемому, не является обязательным признаком высказывания, а выступает как формально-грамматическое значение. Смысловой основой субъективной модальности является оценка говорящим описываемых фактов (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, положительная или отрицательная оценка).

Нам близка точка зрения тех ученых, которые считают, что концепция модальности связана с оценочным фактором высказывания, следовательно, разговор о субъективной модальности невозможен без постановки вопроса о различных способах выражения оценочного в предложении, что и является целью данной статьи является рассмотрение вопроса о связи оценки и модальности.

Действительно, в процессе жизнедеятельности человек включается в разнообразные нормативно-ценностные системы – фрагменты социальной деятельности и вырабатывает на потребностно-мотивационной основе оценочные таксономии, служащие когнитивным базисом модальностей, так как в основе модальностей лежит категория оценки, а сами модальности являются важнейшими механизмами субъективности языка. Вот почему содержание и объем модальности не могут быть установлены о достаточной обоснованностью без учета взаимосвязи действительности, языка и субъекта, его сознания и раскрытия ценностных параметров процесса отражения.

Все стороны ценностного отражения действительности, нашедшие воплощение в системе когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций языка, дают возможность А.Г.Баранову выстроить иерархическую зависимость: ценность—оценка—модализация. Только в рамках указанной зависимости можно со всей полнотой очертить содержание и объем модальностей, найти их текстовую реализацию [7, с. 190]. Из этих высказываний можно сделать вывод, что фактор модальности — это всегда многоуровневая оценка автором действительности и передача её реципиенту.

Содержание межличностных (интерсубъективных) видов модальности соответствует их терминологическим обозначениям: деонтическая — предписывающая, эпистемическая — описывающая и аксиологическая — оценивающая модальности. Аксиологические модальности текстов имеют основные значения поощрения (положительная оценка) и порицания (отрицательная оценка).

Модальный компонент, связанный с оценкой, опосредует взаимоотношение прагматической и семантической структур высказывания. Модальный компонент, занимая промежуточное положение между семантической и прагматической струк-

турами высказывания, больше тяготеет к последней. Эта локализация модальности подчеркивается и в определении, в котором модальность рассматривается как диалектическая динамическая субстанция, гносеологически выкристаллизовавшаяся из модальной логики, но ушедшая от ее формальных дефиниций, определив свой особый статус в прагматике языка как парадигма состава линейных отношений.

Наблюдения над прагматикой модальных отношений позволяют сделать вывод, что прагматика и модальность в плане своих функциональных критериев пересекаются на уровне определения отношений между субъектами организации речевого общения, между выражениями, объектами суждений, т.е. оценки отношений к объектам в различных условиях и ситуациях, что дает основание рассматривать оценочную модальность в языке (речи) как один из ингредиентов прагматики организации речевого потока.

В речевом общении одним из глобальных аспектов является отношение. Аспект отношения в речевом общении соотнесен с диалогической модальностью, одна из подсистем диалогической модальности отражает качество отношений между партнерами ("доверительно", "формально", "конфликтно"). Общее отношение к партнеру по общению складывается из отношений к его сферам: рационального, оценочного, вербального и предметного поведения, ситуативной и социальной роли. На отношение накладывает отпечаток степень знакомства или дистантность партнеров, социальная сфера, интенция, степень социализации коммуникантов, свойства установки личности, предрасположенность индивида к рефлексии. Отношение партнера к самому себе составляет эгоцентрическую модальность.

Во многих случаях оценка входит как один из компонентов в конструкции, в основе которых лежат другие модальности. Положительная и отрицательная оценки связаны с разными модальностями (надежда и угроза, предостережение и совет). Оценка присутствует как семантический элемент в различных модальностях, так, совет предполагает знак "+" для адресата, угроза – знак "-" и т.п.

Особый интерес представляют, однако, модальности, в которых оценка составляет необходимую часть. При этом надо учитывать существование, как писал Я.Хинтика, "самых разнообразных модальных систем, богатство которых, на мой взгляд, может ошеломить каждого" [8, с. 41]. Актуальным поэтому является понятие "конвергенция модальности", введенное Е.А. Белик, которое представляет собой совокупность разнообразных средств модальности, передающих один и тот же мотив, настроение, чувство и образующих "модальный контекст". Употребление наиболее значимых единиц рассматривается как семантический код модальности. Автор отмечает, что "модальность текста реализуется ... через постепенное накапливание сигналов авторской модальности..." [9, с. 18].

Выводы и перспектива. Таким образом, оценка соотнесена по-особому с другими модальными значениями. Оценочная модальность не противопоставлена другим модальностям, а совмещается с ними, но при этом возникают определенные ограничения на сочетаемость и модификации оценочных структур.

На наш взгляд, весьма перспективным является изучение дискурсивной модификации оценочной модальности, что позволит более подробно исследовать различные способы выражения последней.

Литература

1. Лагута О.Н. Логика и лингвистика / О.Н. Лагута. — Новосибирск: НГУ, 2000. — 116 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1975. — 560 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — М.:Изд-во иностр. лит-ры, 1955. — 416 с.
4. Бондарко А.В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос: (К 100-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского) / А.В. Бондарко. — СПб., 2001. — С. 34 — 40.
5. Бондаренко В.Н. Аналитические и синтаксические способы выражения модальности в немецком языке / В.Н. Бондаренко // Иностранные языки в школе. — 1978. — № 4. — С. 32 — 41.
6. Русская грамматика. — Том 2. — Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — 710 с.
7. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А.Г. Баранов. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос.ун-та, 1993. — 182 с.
8. Хинтиikka Я. Виды модальности // Семантика модальных и интенциональных логик / Я. Хинтиikka. — М.: Прогресс, 1981. — С. 41 — 59.
9. Белик Е.А. Художественные образные средства выражения модальности в художественных текстах русского и английского языков: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01, 10.02.19 «Русский язык», «Теория языка» / Екатерина Анатольевна Белик; Кубанский гос. ун-т. — Краснодар, 1996. — 20 с.

Приходько А.И. Статус оціночної модальності у мові / А.И. Приходько // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2011. — Т. 24 (63), № 3. — С. 260-264.

У статті розглядаються питання, пов'язані зі співвідношенням оцінки і модальності. Увага приділяється зв'язку суб'єктивної модальності та оцінки, підкреслюється, що оцінку і модальність необхідно вивчати як феномени різного порядку.

Ключові слова: оцінка, модальність, суб'єктивний, об'єктивний.

Prikhodko A.I. Status assessment of modality in language / A.I. Prikhodko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2011. — Vol. 24 (63), No 3. — P. 260-264.

The questions related to the ratio of the assessment and modality. Attention is paid to communication modality and subjective evaluation; it is emphasized that the assessment and modality should be studied as phenomena of a different order.

Keywords: evaluation, modalities, subjective, objective.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 81.13

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ ОДНОЯДЕРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агаев П. Я.

*Институт Языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Тексты массовой информации, или медиатексты, являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности.

Ключевые слова: медиатекст, речевая деятельность, одноядерные предложения

Постановка проблемы. Стремительное развитие новых информационных технологий во второй половине XX - начале XXI в. привело, в частности, к заметному увеличению общего объема речепользования в сфере массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности. При этом корпус текстов, ежедневно производимых и передаваемых по каналам средств массовой информации, продолжает постоянно увеличиваться, что ведет к дальнейшему расширению и усложнению структуры и содержания медиадискурса [8, 69-93]. Именно поэтому особую актуальность приобретает вопрос о разработке новых подходов к изучению функционально-стилевого разнообразия современного дискурса. В основе одного из таких подходов и лежит концепция информационно-вещательного или публицистического стиля, которая позволяет изучить коммуникативные особенности одного из основных типов медиатекстов, характеризующегося определенными социокультурными бытийными признаками.

В этой связи особый интерес вызывает рассмотрение речевых произведений как единиц коммуникации в их дискурсивном (ситуация, цели, концепты, фоновые знания и пр.) и собственно текстовом (языковые средства и их конфигурации, вербальный контекст стратегии декодирования (анг. – *decoding*)) планах. Исследование текстообразования речевого этикета дискурса как единицы коммуникации предполагает подход именно с данных точек зрения. В связи с особым вниманием лингвистов к исследованию структуры различных типов дискурса, в том числе его содержательных и формальных единиц, придается большое значение изучению коммуникативного аспекта языковых единиц дискурса, определению их роли как конструктивных элементов связного текста. Подобные элементы также играют решающую роль в процессе построения когнитивной модели дискурса, а также при достижении прагматического эффекта.

Однако эта «связанность» в двух актах – собственно номинации и предикации – носит принципиально нетождественный характер в силу различия функций этих актов. В описании речевой деятельности феномены номинации и предикации рас-

смаатриваются не только как разные, но и как противопоставленные друг другу при переходе от мысли к речи.

Термин «речевая деятельность» – это сложное образование именно потому, что она связывает в единый узел все те диалектические противоречия, которые приписывались дихотомии языка и речи. Ведь язык противопоставляется речи то как социальное индивидуальному, то как виртуальное актуальному, то как абстрактное конкретному, то как код сообщению, то как парадигматика синтагматике, то как синхрония диахронии, то как норма стилю, то как система («клетки») реализации ее (заполненные и «пустые» клетки), то как (врожденная) способность (*competence*) использованию ее (*performance*) в смысле Хомского и т. д. и т. п. Одни связывали эту дихотомию с дихотомией *energeia – ergen* Гумбольдта, другие – и неосновательно – с дихотомией *Sprache – Rede* Пауля и Габеленца. Но при любой интерпретации... никто не отрицал наличия той кардинальной дихотомии, на которую расщепляется речевая деятельность человеческого общества» [16, 23].

Термин «речевая деятельность» рассматривается как речемыслительная, как сложное явление, имеющее разные стороны и аспекты: коммуникативный (касающийся общения), семиотический (системы знаков), информационный (передачи и обмена информацией) и особых механизмов речи, соответственно с основными проблемами, как говорит человек и как порождается речевой поток и, наконец, какое место в этом процессе занимают акты и явления номинации. Системой языка по-прежнему занимается традиционная лингвистика, хотя тоже в гораздо меньшей степени, чем раньше. Зато в самостоятельные лингвистические дисциплины выделились психолингвистика и лингвистика текста. У психолингвистики, или, как мы говорили выше, лингвистике речи и речевой деятельности, главным объектом ее исследования оказываются процессы речеобразования и восприятия речи.

Для полной характеристики психолингвистических исследований недостаточно, однако, простого указания на область ее анализа. Теоретические предпосылки адекватного подхода к выделенному объекту и задачи новой науки закладывались по мере развития функциональных направлений в изучении языка – порождающей грамматики, т. е. они формировались параллельно кардинальной перестройке фундамента всей лингвистической теории.

Акт речи выступает уже не только как лингвистическая и психолингвистическая, но и как социолингвистическая единица. На анализе речевых актов со всех этих точек зрения и строится исследование речевой деятельности; разные задачи исследования позволяют в то же время сосредоточить внимание исследователя на том или ином ракурсе речевых актов и даже на такой составляющей речевого акта, как речевое высказывание.

Ключевые понятия современной теории речевых актов – это прежде всего акты речи, в ходе осуществления которых рождается речевой материал. И хотя, конечно, с появлением прагмалингвистики и с включением в нее теории речевых актов в самой теории речевой деятельности наметились существенные преобразования, нельзя думать, что только с формирования прагмалингвистики или коммуникативной лингвистики начинаются попытки заложить основы теории языковой деятельности.

По своим программным установкам и прагматика, и теория речевых актов как ее составная часть направлены на изучение вербальной коммуникации. Такие задачи, как изучение моделей коммуникативного воздействия языка или моделей использования определенных форм языка в конкретных условиях и для достижения конкретных целей, разработка когнитивных моделей производства и восприятия речевых актов и т. п. – все это, конечно, по крайней мере, на первый взгляд сближает указанные направления лингвистики с психолингвистикой. На практике, однако, указанные дисциплины решают разные задачи, а психолингвистика с течением времени перестраивается.

Концепция смысла послужила основанием в схеме порождения речи еще одно звено, относящееся к переходу от смысла к речи и уточнившее ее прежнюю форму «от мысли – к слову», внутреннее программирование. Такое представление порождения речи имеет как свои положительные, так и свои отрицательные стороны.

Достоинства концепции смысла А.А.Леонтьева по сравнению с иными психологическими концепциями смысла заключается в том, что смысл рассматривается не как сформировавшийся феномен сознания, а, напротив, как отражение человеческим сознанием формирующегося отношения предмета к деятельности человека. Эта концепция смысла показывает механизм возникновения так называемых ситуативных контекстных значений слова.

В терминах современной лингвистики можно также утверждать, что эта концепция наталкивает мысль исследователя на необходимость изучения прагматических факторов как оказывающих свое влияние на складывание личностных смыслов и их конкретный облик. В еще более широком контексте можно рассматривать эту концепцию, как и всю теорию Л.С.Выготского, как наталкивающую на необходимость признать наличие в речевой организации человека особых механизмов, ответственных за стратегии воплощения смыслов и их перекодировки в речь, с одной стороны, и за стратегии извлечения смысла из текста, с другой, на что указывает.

Эти высказывания приводятся лишь для того, чтобы показать, что при всей заманчивости синтеза прагматики с психолингвистикой и существовании несомненных точек их пересечения [13, 27] ориентируются они на достижение разных целей. Так, прагматика явно уходит от постановки проблем о языке и мышлении, о роли языка в процессах познания, о соотношении языка и действительности в отражении действительности и т. д., но для психолингвистики они по праву продолжают считаться едва ли не центральными.

В одном из первых психолингвистических исследований по онтогенезу речевых актов прямо указывается, например, что известные работы Остина, Грайса, Серля и других философов-аналитиков представляют интерес больше как иллюстрация развиваемого ими подхода, нежели как «источник информации для выводов». А.А.Леонтьевым речевые акты описываются «для проверки гипотезы о том, что на ранних этапах язык... должен отражать природу когнитивных процессов, продукт которых он кодирует» [13, 24]. Эта линия анализа – от мысли к языку – отчетливо прослеживается и в работах психологов, закладывавших фундамент будущей психолингвистики. При исследовании языковой деятельности (функционирования языка) и речевых актов в прагматике ставятся иные проблемы, связанные с влиянием речи на

слушающего, с ее непосредственным эффектом и уместностью в данное время и в данной ситуации. В говорящем интересует в основном лишь то, адекватно или нет выбрал он языковые средства для достижения поставленной цели и какие стратегии им использованы, соблюдены ли им условия истинности высказывания или его искренности и т. п. Отсюда внимание к принципам коммуникативного сотрудничества и к тем выводам, которые слушающий может извлечь из сказанного. Трактую речевой акт как действие (просьбу, угрозу, приказ, извинение, вопрос и т. п.), в прагматике упускают из виду, что далеко не все случаи речевых действий могут быть отождествлены с действиями практическими (не случайно в быту распространено убеждение в том, что слово противоположно делу или может с ним расходиться). Характеризуя психическую деятельность человека, Л.С.Выготский проводит аналогию между обычными орудиями труда и речевыми знаками и делает вывод о том, что «определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления. Подобно тому, как применение того или иного орудия диктует весь строй трудовой операции, подобно этому характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конституируется весь остальной процесс» [10, 160]. Как пишет В.А.Звегинцев, «реально язык существует лишь в своих воплощениях, имеющих полную знаковую форму. Одна из этих реализаций воплощается в речи. Но язык имеет и другую реализацию, и эта другая реализация воплощается в мышлении, которое также имеет знаковую форму» [11, 218].

Выводы и перспектива. Таким образом, отношения между языком и мышлением понимаются нами как асимметричные и даже как односторонние: признавая возможность как вербального, так и невербального (невербального) мышления, мы полагаем одновременно, что любой сформированный результат речевой деятельности (речевой акт, который удалось зафиксировать в виде речевого произведения, речевое высказывание) свидетельствует о предшествующей работе мозга: нормальная речевая деятельность – свидетельство работы сознания и его доказательство, объективация, экстерииоризация и т. д. Путь мышления – не обязательно к речи; путь речи – обязательно от мышления. Проанализировать речевую деятельность – значит, для нас, прежде всего, вступить в этот неведомый, невидимый и пока в значительной мере непознанный мир, который именуется сознанием или мышлением человека, а это значит одновременно – вступить и в мир догадок, интроспекции, предположений.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты. - М.: Наука, 1994. - 383 с.
2. Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И.В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сб. научных трудов. - СПб, 1993. - с. 97-101
3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин - М.: Флинта, Наука, 2004. - 495 с.
4. Баева Г.В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе на материале немецкой пресскрекламы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г.В. Баева. - Тамбов, 2000. - 22 с.

5. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В.П. Белянин. - М., 2000;
6. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В.М. Березин. - М., 2003. - 262 с.
7. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация / А.В. Бондарко. - СПб: Идеи времени, 1999. - 256 с.
8. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание коммуникации / Т. А. Ван Дейк. - М.: Прогресс, 1989. - 244 с.
9. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая // Пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В.Бульгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. - М., 1956
11. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. - М.: Изд-во МГУ, 1976. - 307 с.
12. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. - Л.: Наука, 1972
13. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста. - М.: Наука, 1979. - 190 с.
14. Мухин А.М. Вариантность синтаксических единиц / А.М. Мухин. - Санкт-Петербург: Наука, 1995. - 366 с.
15. Новиков А.И. Семантическое пространство текста и способы его членения / А.И. Новиков // Категоризация мира: пространство и время. - М.: Наука, 1997. - 220 с.
16. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. - Л., 1989
17. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1993. - 395 с.
18. Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность. Аспекты общей и частной лингвистической теории языка / Ю.А. Сорокин. - М., 1982
19. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания / И.Г. Торсуева. - М.: Наука, 1979. - 111 с.
20. Фаталева Н.Р. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н.Р. Фаталева. - М., 2000. - 200 с.
21. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. - М.: Наука, 2004. - 236 с.

Агаєв П. Я. Значення і функції текстоутворюючих одноядерних пропозицій у мовній діяльності / П. Я. Агаєв // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 265-269.

Тексти масової інформації, або медіатексти, є сьогодні однією з найпоширеніших форм функціонування мови, а їх сукупна протяжність набагато перевищує загальний об'єм мови в інших сферах людської діяльності.

Ключові слова: медіатекст, мовна діяльність, одноядерні пропозиції

Agayev P. Y. The meaning and functional features of text-forming mononuclear sentences in speech activity / P. Y. Agayev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 265-269.

This article is devoted to text-forming mononuclear sentences, to their functional features in speech activity. There is talked about modern discourse and the conclusions the scientists have drawn characterizing individual's mental activity.

Keywords: mononuclear sentences, functional features, mental activity

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 811.111.26

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аббасова Э. М.

*Институт Языкознания им. Насими Национальной академии Наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Статья посвящена исследованию выразительных средств предикативности в английском языке. В статье были исследованы материалы английского, русского и азербайджанского языка. В качестве примеров использованы слова предложения английского языка.

Ключевые слова: средства предикативности, английский язык

Постановка проблемы. В языковедении есть такое мнение, что выражение субъекта и предикативности, которыми являются сущность двух полюсов и объединение этих полюсов в предикативном основании очень важны. Например, Н.К.Дмитриев писал, что в предложении должна быть законченная мысль. Это законченность образуется в результате взаимосвязи между подлежащим и сказуемым [4, 191].

Подлежащее и сказуемое в принципе важные части предложения, потому что в каждом предложении (и в логическом, и грамматическом плане) должно определяться два полюса: как в закрытом электрическом проводе, без подлежащего (субъект) и сказуемого (предикат), без двух грамматических полюсов (субъект и предикат), предложение невозможно. Таким образом, предложение состоит из синтеза двух (подлежащее и сказуемое) единиц.

Если взять, в общем, то предложение на самом деле строится на двух этих важных составных. Но это не означает, что во всех предложениях должны быть эти два составные или без их участия предложение не строится. Как и в других языках и в английском языке тоже имеются однородные предложения, что в каждом из них одновременно невозможно найти и подлежащее и сказуемое (то есть, как сказали выше полюса). Например,

It is morning (утро). Everobody was taken to the seaside (отнесли на берег моря), you seem very tired (ты выглядишь усталым)

Предложение It is morning безличностное, здесь имеется предикативность, а подлежащее невозможно найти, а «It» имеет неформальное значение. И в последующих предложениях тоже не стоит искать подлежащее, так как это предложение в страдательном залоге, исполнителя нет. Значит, эти предложения состоят из одного полюса.

Все это позволяет утверждать, что предложения должны состоять из подлежащего и сказуемого, их взаимосвязи - односторонние, что, в общем в грамматическом понимании, создавало бы путаницу. Проведенные анализы и общие выводы позволили разделить виды предикативности в английском языке. В английском языке с

помощью средств морфологического словоизменяющего, если не учитывать виды предикативности, все указанные предикативы делятся на семь групп:

- 1) предикаты, указывающие на движение;
- 2) предикаты, указывающие на процесс;
- 3) предикаты, указывающие положение;
- 4) предикаты, указывающие качество;
- 5) предикаты, указывающие связь
- 6) предикаты, указывающие на одно расстояние и в одном месте.

В этих группах тоже имеются свои признаки, так как предикаты, указывающие на положение и движение по признакам, отличаются друг от друга, прежде всего, по количеству. Субъекты предикатов указывающих на положение принимают свойства страдательного. Положение всегда опирается на своего субъекта. И это приближается к положению и к качеству, но отличается от других видов предиката. Движение /положение, процесс/, оппозиция между положением указаны в нижеследующих предикатах:

Work / be at work; to be asleep;

Die /be dead u m.д.

Предикаты связи отличаются от других видов предикатов. Из-за того что этот вид предиката указывает только на связь, то другие виды предикатов которые указывают движение, процесс, качество и место отличаются от него такие предикаты ставятся против предикатов указывающих качество и положение. (сравним: *depend/be dependent, take an interest/be interested; to live/be alive; exist/be in existence/*. Кроме этого данные виды предиката во многих случаях отличаются от роли субъекта: предикат в смысле связи обычно характеризует свой субъект как основной. Наоборот, предикаты указывающие движение и положение принимаются как субъект признак страдательного залога.

Предикаты, указывающие на место, в некоторых случаях объединяются с наречиями, характеризующими продолжительность, место, время (совпадают). Так, в предложении *He was happily at work* (он был болен на работе) *at work*, указывающее на место, соединившись с наречием *happily*, указывает на место происшествия.

Потенциальные предикаты характеризуют свои денотаты. Например,

I could see him for some time

- я его смог увидеть в короткое время

Или же,

I can do it now – я смогу это сделать прямо сейчас

Сами виды предикатов делятся на подгруппы. Например, предикаты указывающие на процесс и движение с одной стороны делятся на граничные и безграничные, быстрые и продолжительные части. Кроме того, среди предикатов указывающих движение есть такие предикаты, что они указывают не только характеристику движения, например, глагол *to rule* (управлять). Слова, относящиеся к этой группе, носят обобщительный характер движения.

Таким образом, если в происхождении видов предикативности не будем учитывать средства морфологии, то можно утверждать, что система предикатов в английском языке была создана в результате двух систем независимых друг от друга. Эти

системы представлены особой лексикой, а сама система называется системой промежуточной между лексикой и грамматикой. Признаки, образующиеся в результате взаимодействия, могут быть выражены особыми лексическими признаками, например, смысл связи выражается лексемами: love, hate, depend и др., происхождение может быть выражено с помощью оппозиционных словообразований в противоположном понимании, сравним: depend (глагол) - be dependent (связь + прилагательное). В этих двух классификациях предикат места имеет особое место, с одной стороны, они образуют особый вид в рамках лексической классификации, а с другой стороны, (не все) предикаты, указывающие место, не могут быть отнесены ни к одному из предикатов (а точнее они не указывают ни на движение, ни на процесс, ни на положение). Поэтому их разграничение с учетом этих особенностей крайне важно. Такие предикаты выражаются моделями There is Y, Y is C_{oe} (локатив член) X has Y, так как, своими средствами выражения относятся к лексиосинтактическим единицам.

Особые лекционные группы, указывающие на предикаты места, широко распространены среди изложенных видов предикатов. Они не только создают форму согласно указанным моделям, но и создают разные предикативы относящиеся к другим видам предикативов, например,

to live (связь) - to be alive (положение)

этот модель создает два основных вида в рамках синтаксических моделей There is Y, Y is C_{oe}

Одним из основных видов являются потенциальные предикаты, потому что одновременно относятся и лексической и лексике грамматической классификации. Выбранные семь видов предикатов в английском языке морфологическим путем образуют некоторые предикаты дополнительного типа. Так, предикаты формы indefinite со значениями процесса и движения характеризуют свои денотаты предикатами, указывающими быстрые движения и процесс. В этот момент образуются три разных значения. Если граница предиката относится к группе, то в прошедшем времени образует окончательный смысл (точнее результативный смысл или смысл свершения факта). Этот смысл сожержится в глаголах, которые не позволяют выразить фактор, всегда отделяется от смысла движения. Так как, предложение I read a book at five o'clock yesterday одинокого может быть использовано только на русском языке – Вчера в 5 часов я прочел книгу. Поэтому предикаты формы indefinite ставятся против значений процесса и движения Continuous. Но, предикаты положения в форме indefinite характеризуют свои депотаты.

Продолжение формы движения и процессов Continuous не могут дать значения окончания. Поэтому к этим противоположным формам ставятся глаголы окончания приметы или же против не окончания.

Предикаты значения движения и процессов не только могут представлять движения и процессы, но и классы, относящиеся к ним.

Форма Continuous тоже может определять классы. В таком случае они различаются ограниченностью или неограниченностью. В образованиях ограниченных лексических групп (think (думать) consider (считать) и т.д.) в рамках определенных син-

тактической модели *thinks that* эта форма создает особые виды значения, называемые экзистенциальным итогом формы *Indefinite*.

Форма *Present Perfect* в зависимости от вида предикатива могут иметь разные значения.

Но, можно сказать в общем, что они указывают на конкретный момент предикативного денотата. По всем этим признакам они отражают форму *Past Indefinite* и указывают на то, что произошли в определенное время.

В зависимости от формы предикатива *Present Perfect* может указывать на то, что предикатив детонат или удлиняется до акта разговора, или же происходит в промежуток времени процесса и движения. В первом случае *Present Perfect* характеризует предикаты формы *Continous* и положения *Present Perfect*. Наоборот формы *Present Perfect* ограниченные предикаты указывают, что движение произошло в какое-то время и продолжается в данное время. Таким образом граничные глаголы *Present Perfect To have died to have been dead* как указано предикатами ставится против формы предиката *Present Perfect*.

Можно утверждать, что Формы *Past Future Perfect* могут объединяться со всеми предикатами. Теория предикативности начинается с задачи построить предложение и становится средством коммуникации. Естественно, ответ на поставленный вопрос нужно искать в структуре предложения, а точнее во взаимосвязи структуры и механизма. Языковеды начали обращать внимание на основные структуры создающие предложение. Но нужно также учитывать, что члены предложения отличаются по разным принципам. С одной стороны, расставляя предикат и субъект препозитивно относительно друг друга, исследователи отталкиваются от предикативного значения и субъекта. С другой стороны, предложение делилось так, что в любом случае отличалось компонентами значения – расчленение формально-грамматической и актуальной. Наконец понятие предикативности в языкознании указывало как отношение между субъектом и предикатом сущности. И это неслучайно, потому что самое общее и традиционное деление предикативной категории схоже с отношениями между членами предложений или ее частей, соответствующих логическому субъекту и предикату. Некоторые исследователи признают все недостатки формально-логического изучения языковой синтетической структуры и указывают, что на него нужно смотреть как отношение между сказуемым и подлежащим, так как в учебнике Е.М.Галкина «Современный русский язык» опубликованный под руководством Федорук сказано, что они относятся к сущности («Современный русский язык» часть 2-ая, Морфология и синтаксис, М.1964 [5, 309]. В этой грамматике сказуемое определяется как слово уточняющее подлежащее и после этого перечисляются его грамматические признаки. Такое определение присуще и английскому языку. Это, безусловно, результат влияния русской грамматики.

Потому что традиционное деление предикативности основывается на два известных концепции.

А) сказуемое и подлежащее делятся на предметно-логическому содержанию.

Б) главные члены предложения с помощью смысла предикативного выражения делятся на одни и те же структурные элементы, эти две концепции приводят к тому,

что в любом случае главные члены предложения определяются с помощью субъекта и предиката сущности.

В результате у предикативности образуется своеобразное двоичное значение. В языкознании, с одной стороны, начали изучение предикативности, с другой стороны - понятие грамматической сказуемости понятия подлежащее. Такое решение проблемы продолжилось в статье Б.Г.Адмона. Его статья называлась «Двучленные фразы в трактовке Л.В.Херби и проблема предикативности». Автор считал, что «связь грамматической предикативности двух компонентов (отношение к сказуемому и подлежащему или если сказать по другому сказуемость), а с другой стороны, нужно было отличить связь коммуникативно-индивидуальной предикативности [1, 205].

Граница сказуемого и предикативности определено В.З.Понфиловым. По его мнению сказуемое само не выражает признак предложения. Он указывает только на место в предложении. Предложение само образуется предикативностью. В исследованиях в этом направлении компоненты и предикативные отношения ставятся знак уравнения между компонентами отношений. Они являются вторичными членами. В таком случае были выяснены отношения между сказуемым и подлежащим предикативности.

Особое внимание уделяется высказываниям о предикативности В.В.Винаградова «Грамматика русского языка». Он писал: предикативной связи между частями или членами предложения, что она может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения» (грамматика русского языка) [3, 309]. В книге о не расчлененной предикативности опубликованной в 1970-году оно нашло свое развитие в русской грамматике. В предложении «простое предложение» Н.Е.Сеедов отмечал, что предикативность есть во всех предложениях и называется его грамматическим значением. Предикативность по объективно модальному значению существует в системе противопоставленных друг другу понятий реальности – нереальность-реальность внутреннего смысла, значения настоящего, будущего и прошлого [6, 35]. Нужно отметить, что, по мнению Н.Е.Сеедова, предикативность нерасчлененный грамматический смысл (объективная модальность). Эти значения бывают в системе формы предложения [6, 45]. Таким образом, сущность понятия предикативности в языковедении заключается в том, что с одной стороны содержание основного смысла понятия остается неизменным, несмотря на то, что оно всегда относится синтагматическому проявлению; а с другой стороны под именем традиционной предикативности относится к особой категории, но с категориями языка определение выражается грамматическим смыслом. Можно сказать, что изменение общего направления грамматического исследования, который оказал внимание семантической структуре языка. Во время семантического подхода к синтаксису в результате логический и формально-грамматический подход бывает с целью соотношения их друг к другу. Основная единица глубокого синтаксиса – связано грамматическим аспектом предложения, а также непосредственно с его логическим аспектом.

Таким образом, в отличие от традиционного понятия новое понятие предикативности можно выяснить в книге Н.Д.Арутюнова «Общее языкознание»: «В предложении *tat Koşaş gıktı* (солнце взошло) предикативность в грамматическом смысле выражается не отношением между двумя лексическими частями *Koşaş gıktı*. Такое понимание предикативности совпадали с ее традиционными логическими понятиями-

ми» [2, 277]. В указанном предложении предикативность имеет особый грамматический смысл и это выражение получается с помощью грамматической категории.

Выводы и перспектива. Реализация (актуализация), выраженная предложением, прежде всего, создается сущностью, грамматическим смыслом, указанным в нем. Нужно сказать, что понятие предикативности выходит за рамки чистой синтагматики, что требует отдельных исследований в перспективе

Литература

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / Адмони В.Г. – Москва: изд. Литературы на иностранных языках, 1955
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Арутюнова Н.Д. – Москва: 1976
3. Виноградов В.В. Грамматика русского языка . – Том 2./ Виноградов В.В. -Москва: изд АН СССР, 1955
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка / Дмитриев Н.К. – Москва: изд АН СССР 1948
5. Галкина Ф. О двухсмысленных и односоставных предложениях в современном русском языке / Галкина Ф. – Москва, 1952
6. Сеидов Ю. Предложение современный азербайджанский язык. Синтаксис. 2-ая книга / Сеидов Ю. – Баку: Азертедريس, 1962

Аббасова Е. М. Засоби вираження предикативності в англійській мові / Е. М. Аббасова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 270-275.

Стаття присвячена дослідженню виражальних засобів предикативності в англійській мові. У статті було досліджено матеріали англійської, російської та азербайджанської мов. Як приклади використані слова та речення англійської мови.

Ключові слова: засоби предикативності, англійська мова

Abbasova E. M. Expressive Means of Predicativity in English / E. M. Abbasova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 270-275.

This article is devoted to the expressive means of predicativity in English. It contains information about seven forms of the expressive means of predicativity. English, Azerbaijani and Russian linguistics' thoughts and ideas were referred in this article, but it was mostly based on materials in English.

Keywords: expressive means, English, predicativity

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК .811.11-112+811.512.162

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Маммадова Г. С.

*Институт Языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье изучаются некоторые теоретические вопросы заимствования названий растений во французском и азербайджанском языках, а также рассматриваются причины, обуславливающие эти заимствования.

Ключевые слова: заимствования, французский язык, азербайджанский язык, языкознание

Постановка проблемы. Терминологическая лексика, относящаяся к названиям растений и заимствованная из других языков, приводит в движение лексический пласт языка и, увеличивая разнородность языка, обогащает его. Анализ корпуса терминов, обозначающих названия растений и привлечённых к нашему исследованию, нашёл своё отражение в предложенной ниже таблице.

Таблица 1

лат/греч. языки	683 слова	68,3 %
французский язык	96 слов	9,6 %
испанский язык	38 слов	3,8 %
итальянский язык	33 слова	3,3 %
португальский язык	14 слов	1,4 %
немецкий язык	7 слов	0,7%
английский язык	14 слов	1,4 %
другие языки	61 слово	6,1 %
арабский язык	32 слова	3,2 %
персидский язык	4 слова	0,4 %
тюркский язык	1 слово	0.001 %
другие восточные языки	17 слов	1,7 %
Всего	1000 слов	100%

В развитии человеческих языков имеются многочисленные экстралингвистические и интралингвистические факторы, среди которых вопросы заимствования терминологической лексики занимают особое место. Заимствованные термины приобретают одинаковые права, наряду с исконными словами принимающего языка. Некоторые из них употребляются только в живом разговорном регистре принимающего языка и не переходят в литературный язык. Но заимствованные термины со временем, могут выйти из языка. Этот процесс происходит различными путями:

а) новые имена, созданные на базе словарного фонда самого языка, вытесняют заимствованные термины;

б) каждое из имён, будучи связанным с определённым понятием, при устаревании последних, становится архаичным и выходит из употребления.

Существуют два способа заимствования слов-терминов из других языков:

первый способ - прямое заимствование слов-терминов, которые приходят из одного языка в другой без посредничества третьего языка;

второй способ - косвенное заимствование слов-терминов. Подобные термины проще называть «пришельцами или инородными» словами, ибо они заимствуются, побывав в языке-посреднике.

Классики науки о языке считают, что каждая нация должна обогащаться и использовать языковые богатства другого языка. Каждый национальный язык должен участвовать в этом процессе для взаимного обогащения, взаимодействия и взаимовлияния.

Ряд ученых всесторонне изучили теоретические и практические вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Особенно следует отметить теоретические исследования таких учёных как У. Вайнрайх, А. Вашек, Б. Гавранек, Е. Петрович, А. Росетти, Г. Шухардт, Е. Хауген, К.ом чи Сандфельд, в том числе французских лингвистов А. Мартинэ, О. Соважо, Ф. Брюно, М. Брэаль, Л. Сенан и др., азербайджанских учёных М.И.Адилов, С. Джафаров, Б.Демирчизаде, А.Захиди, Р.Джаббаров и др., не забывая учёных русских и советских таких как А.А.Белецкий, И.К. Белодед, Е.М.Верещагин, Й.Д. Дешериев, А. Жлуктенко, А.А.Реформатский, Л.В. Щерба и другие.

Исследуя в обобщенном виде смешанный характер терминологической лексики всех языков, А.И. Бодуэн де Куртене отмечает, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого. На междуплеменных и международных рубежах появляется по необходимости полиглотизм, ведущий к смешению языков. Характерно, что смешение языков появляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы, с другой стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка [4, 384].

Л.В. Щерба, освещая вопрос смешения языков, указывает, что понятие смешения языков – одно из самых нелепых в современной лингвистике, и считает, что лучше было бы заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние языков» [19, 40 -53].

Предложенный впервые французским лингвистом А. Мартине термин «языковой контакт» получил известность и был введён в широкое употребление У. Вайнрайхом. Заимствование терминов при языковом контакте фактически отождествляется им с понятием двуязычия, которое определяется как практика попеременного пользования двумя языками билингвами [13, 253].

Э.Хауген считает, что определение У. Вайнрайха не учитывает уровень владения языками двуязычными лицами, степень различия между языками, пребывающими в контакте, а также условия их употребления или масштабы возникающей при этом интерференции [17, 61 - 80].

По мнению учёных, исследовавших языковые контакты с точки зрения терминологии, самый распространённый тип этих контактов, это использование отдельно взятых терминов, которые после специального анализа вводятся в лексическую систему принимающего языка. В этом смысле учёный Б.С. Гасанов предлагает два типа языковых контактов:

- а) прямые контакты при заимствовании терминов;
- б) непосредственные контакты при заимствовании терминов [10, 5-15].

Анализ лингвистической литературы убеждает в многопланности термина «заимствование». Он употребляется одновременно для выражения процесса перенесения иноязычных слов в другую языковую систему, и результат этого процесса. Самым распространённым типом языковых контактов является случай использования языком-реципиентом отдельных терминов языка-донора, которые после определённой переработки включаются в систему первого.

Некоторые исследователи высказывают мнение о том, что контактирующие языки следует считать адстратами по отношению друг к другу, а результаты интерференции определять как языковой субстрат. Понятие субстрата оказывается излишним, не соответствующим никакой языковой сущности, считают Алисова Т.Б. и др. [1, 113]. Но такой подход ведёт к отождествлению различных типов языкового взаимодействия.

Выясняя сущность субстрата, Б.А. Серебренников рассматривает два типа контактирования языков: 1) маргинальное контактирование, которое характеризуется наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях. Никакого глубокого проникновения носителей одного языка в область распространения другого языка при этом не происходит; 2) внутрирегиональное контактирование, которое характеризуется глубоким проникновением носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка [16, 33-56.].

Изучая механизм бинарного межъязыкового и междиалектного контактирования, Л.И. Баранникова различает следующие случаи взаимодействия: а) два языка, структуры которых различаются типологически и материально (разноструктурные); б) два языка, имеющих типологическое и материальное сходство в структурах (структурно близкие языки); в) диалекты, принадлежащие структурно различным языкам; г) диалекты, принадлежащие языкам, близким по своей структуре; д) диалекты одного языка [2, 200-201]. В этом случае, как нам представляется, неравномерно смешиваются межъязыковое и междиалектное взаимодействие. Взаимодействие диалектов одного языка, конечно же, отличается от взаимодействия двух разных языков, пусть даже близких в структурном отношении. Диалекты одного языка всегда являются воплощением одной и той же языковой структуры.

Существуют также и другие типологии взаимодействия языков [8, 21-27], но очень часто сами процессы взаимодействия смешивают с их результатами. Следует признать, что взаимодействие языков осуществляется в разнообразных процессах, которые вызывают заимствование, копирование или даже утрату языковых единиц и моделей. Эти процессы могут стимулировать тенденции языка, подвергающегося иноязычному воздействию, либо тормозить их.

Необходимо различать, пишет А.А.Белецкий, языковые контакты с односторонним воздействием и контакты с преобразовательным воздействием. Контакты с односторонним воздействием осуществляются, как правило, на одном уровне, чаще всего, лексическом [3, 254].

Результатом взаимодействия двух языков является интерференция, наблюдаемая на разных уровнях языковой системы. Интерференция на лексико-семантическом уровне проявляется в виде непосредственных лексических заимствований, калькировании иноязычных номинативных средств (заимствование моделей) и семантических заимствований (заимствование типовой связи между планом выражения и планом содержания). Следовательно, заимствование - это важный результат языкового взаимодействия. Впрочем, некоторые авторы противопоставляют понятия «заимствование» и «интерференция» [6, 100-111].

Под процессом заимствования понимается перемещение единиц одного языка в другой, в чём участвуют единицы различных уровней структуры языка - фонетического, морфологического, синтаксического, лексического, семантического, стилистического, фразеологического. Ряд факторов позволяет утверждать, что наиболее частным случаем заимствования является слово. Причины лексического заимствования подразделяются на *неязыковые*, к которым относятся наличие более или менее тесных торговых, политических, экономических и культурных связей между народами и на *языковые*, которые играют решающую роль при заимствовании и дальнейшем усвоении иностранных слов [4, 4-6]

В языковедческой литературе проблемы заимствования рассматриваются как с точки зрения их формального (фонетическое, морфологическое, семантическое освоение), так и функционального (частотность, вариативность) критериев.

Еще У. Вайнрайх предлагал изучать лексические заимствования с точки зрения приведшего к ним механизма интерференции и с точки зрения фонетического, грамматического, семантического и стилистического вхождения новых слов в заимствующий язык [6, 27].

Характер взаимодействующих языков, их генетическая и структурная общность имеет определённое значение в процессе заимствования. Существует много свидетельств в пользу мнения о том, что при контакте близкородственных языков заимствованная лексика легче усваивается [12, 304]. Интересны в этом плане исследования группы ученых, изучающих проблему контактов родственных языков.

Выводы и перспектива. Таким образом, калькирование – это процесс, ведущий к нарушению иноязычной словообразовательной структуры и созданию новых связей в языке-реципиенте. Р. С. Помирко исследует франко-испанские языковые соответствия и принимает расширенное, неформальное толкование калькирования, включая в него как поморфное копирование иноязычных моделей, так и лексические единицы, которые образовались в результате перестановки их компонентов [14, 13].

В лингвистической литературе существует ряд классификаций заимствований терминов в зависимости от задач и целей, стоящих перед исследователем. Неисследованность этих положений определяет перспективность научных исследований, которые мы будем освещать в наших последующих публикациях.

Литература

1. Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А.Таривердиева. - М.: Высшая школа, 1982. - 343 с.
2. Баранникова Л.И. О языковых контактах / Баранникова Л.И. // Взаимодействие и взаимобогащение языков народов СССР. - М.: Наука, 1969.- С. 197-202.
3. Белецкий А.А. Генезис и этимология / Белецкий А.А. // Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских учёных на X Международном конгрессе лингвистов.- М.: Наука, 1967. – С. 251-255.
4. Бодуен де Куртене И. А. О смешенном характере языков / Бодуен де Куртене И. А.- Избранные труды по общему языкознанию. –Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 384 с.
5. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / Вайнрайх У. // Новое в лингвистике / пер. с англ. - Вып.6. Языковые контакты.- М.: Прогресс, 1972. – С. 25 – 60.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты / Вайнрайх У. – Київ: Вища школа, 1979.- С. 253.
7. Гасанов Б. С. Процесс заимствования и особенности освоения заимствованных слов в языке (на материале тюркских лексических элементов в немецком языке) / Гасанов Б. С. ... Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Баку, 1975. - 42 с.
8. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика / Мартине А. // Новое в лингвистике. Языковые контакты. - Вып. VI. - М.: Прогресс, 1972. – С. 81-93
9. Помирко Р. С. Франко-испанские языковые соответствия (сравнительно-сопоставительное исследование заимствований)/ Помирко Р. С...Автореф. дисс... канд. филол. наук. - М., 1979. - 25 с.
10. Росетти А. Смешанный язык и смешение языков / Росетти А. / пер. с франц. // Новое в лингвистике. - Вып. 6. Языковые контакты. - М.: Прогресс, 1972.- С. 112 – 119.
11. Серебренников Б.А. Проблема субстрата / Серебренников Б.А. // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. –М., 1956. - № 9. –С. 33-56.
12. Хауген Э. Языковой контакт / Хауген Э. / пер. с английск. // Новое в лингвистике. -Вып. 6. Языковые контакты. -М.: Прогресс, 1972.- С. 61 – 80.
13. Щерба Л. В. О понятии смешения языков / Щерба Л. В. // Избранные работы по языкознанию и фонетике. - Том I. - Л., 1958. - 182 с.
14. De Roy L. Emprunts linguistiques / De Roy L. - P. : Belles Lettres, 1956 : - 470 p.

Маммадова Г. С. Про деякі теоретичні питання запозичень назв рослин у французької і азербайджанської мовах / Г. С. Маммадова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 276-280.

У статті вивчаються деякі теоретичні питання запозичення назв рослин у французької та азербайджанської мовах, а також розглядаються причини, що зумовлюють ці запозичення.

Ключові слова: запозичення, французька мова, азербайджанська мова, мовознавство

Mammadova G. S. About some theoretical questions of loan plants names in French and Azerbaijan languages / G. S. Mammadova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 276-280.

In article some theoretical questions of loan plants names in French and Azerbaijan languages are studied, and also the reasons causing these loans are considered.

Keywords: loans, French, Azerbaijan, linguistics

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК.81-2

ТИПОЛОГИЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ЯЗЫКА

Ализаде В.М.

*Азербайджанский Университет Языков, г.Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

Анализ речевого дискурса связан с исследованием различных между собой идиолектов людей. В работе рассматривается различие представлений носителей языка в области грамматики, синтаксической связности, денотативной наполненности и функционально-истинностной эквивалентности предложений и высказываний.

Ключевые слова: референциальные выражения, коммуникативное значение, прагматика, восприятие, коммуникативная лингвистика

Постановка проблемы. “Между естественной дискретностью мира и ее отражением в языке нет полного тождества, но между ними необходимо существует соответствие, без которого язык не мог бы выполнить своего коммуникативного назначения” [11,343]. Само коммуникативное значение в естественном языке отражает общие свойства человеческой природы, т.е. является антропоцентричным и, по словам Анны Вежбицкой, ориентировано на определенный этнос, т. е. По своей сущности оно этноцентрично [2,16].

Языковые значения являются в принципе прагматичными, так как связаны с человеком, речевой ситуацией. Связана с прагматикой и референция, поскольку “в естественных языках нет кванторов или референциальных операторов, как в логических; есть слова типа *какой-то*, *кое-какой*, *некотрый*, *некто* – с массой прагматических компонентов, таких, как известность/неизвестность говорящему; среднее, с точки зрения говорящего, число или количество (ср. некоторое недовольство = “не большое и не маленькое”; кое-какие данные = “данные в среднем количестве”) [8, 222]. Будучи определенной как “соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями” [8,244], референция представляет собой сложный механизм связи знака с действительностью, в которой основная роль отводится автору информации, рассчитанной на ее восприятие. Поэтому при характеристике референции необходимо рассматривать, прежде всего, речевые акты, в процессе которых говорящими и осуществляется референция. В связи с этим возникает ряд проблем, связанных с возможностью правильного или адекватного восприятия высказываний с целью избежания коммуникативных неудач. Их решению посвящено немало работ, как в области синтаксической семантики, так и в области прагматики. В последнее время их объединяет общая ориентация на исследование живой речи, разговорного языка, речевых актов: Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, И.П. Сусов, А. Вежбицкая, А. Тимберлэйк, У. Вейнрейх, Г.П. Грайс, А.Д. Шмелев и многие другие представители отечественного и зарубежного языкознания. Анализ речевого дискурса связан с исследованием различных между собой

идиолектов людей. Именно это различие представлений носителей языка в области грамматики, синтаксической связности, денотативной наполненности и функционально-истинностной эквивалентности предложений и высказываний, также наличие или отсутствие информации о самих событиях, ситуации или контексте и когнитивных пресуппозициях коренным образом влияют на референцию высказываний, а, значит, и на успешность коммуникативного акта.

А. А. Абдуллаев выделяет следующие типы именных выражений с сингулярным значением, соответствующие объему знаний адресата: “1) отношения родства (my father); 2) партитивные отношения (eyes of Ms. Herby); 3) отношения дополнительности (bank of Potomac River); 4) единичная функция в рамках той или другой системы (Minister of Interior Affairs); 5) посессивные отношения (the owner of this apartment); 6) локальные отношения (sofa in that corner); 7) роль в событии (home buyers); 8) креативные отношения (the author of “Avatar”); 9) сингулярные для данного фрагмента мира признаки (lady in blue)” [12, 21].

А. Вежбицкая называет сингулярный признак обозначаемым единичным объектом и рассматривает качество и функцию таких слов и выражений с точки зрения их идентификации [3].

Нереферентными, по У.О. Куайну, можно считать те сингулярные термы, которые не подчиняются тождеству взаимозаменяемости [6]. Куайн назвал такое употребление именуемых выражений непрозрачным (referentially opaque) (6:90) и указал на четыре типа отклонений от принципа взаимозаменяемости тождественных тем:

при автономном (автореферентном) употреблении имени – при указании не на объект действительности, а на самое себя. Например, *Я лгу*. Эту реплику можно также назвать “иллокутивным самоубийством”.

1. при невозможности замены выражения автореферентным: *Филипп полагает, что Тегульсигальпа находится в Никарагуа*. Название города нельзя заменить на однореферентное: *столица Гондураса*, т. к. Филипп об этом не может думать и знать;

2. при контексте цитирования: цитирование рассматривается как “один референтно непрозрачный контекст среди многих” [6,90];

3. модальные контексты типа “необходимо...” и “возможно...” [6,91].

Е.В. Падучева же считает само понятие референциальной непрозрачности для семантики неудовлетворяющим, отмечая отсутствие полной доказательности противоречивости прочтения информации и допускает “вполне естественное и осмысленное прочтение” [8,250–251]. В связи с этим Падучева рассматривает прозрачность (de re) и непрозрачность (de dicto) понимания/прочтения, интерпретации одного и того же имени и именных групп [8,250-256]. Но это не означает, что индивидуальные термы в пропозиции не имеют референции, как полагает У. Куайн [6]. Поэтому Е.В. Падучева вводит другое понятие – ограниченная референция, с которым связывает понимание смысла высказывания, передающего чужую пропозициональную установку с помощью сложного предложения, содержащего имя или дескрипцию в составе придаточного, что требует знания исполнителей двух ролей, одна из которых роль субъекта референции, а другая – субъекта номинации [8,250-256].

Рассматривая с точки зрения референтности/ нереферентности именные группы (ИГ), Е.В. Падучева выделяет нереферентные – субстантивные ИГ, у которых отмечает следующие денотативные статусы: “1) экзистенциальный (в трех разновидностях: дистрибутивные ИГ, неконкретные ИГ, общее экзистенциальные ИГ); 2) универсальный; 3) атрибутивный; 4) родовой [7,94].

Экзистенциальный денотативный статус ИГ строится на принципе множества объекта и неотделимости каждого из них, поскольку они неизвестны: Иногда *кто-нибудь из нас* его навещает. Всякие две пересекающиеся прямые имеют *общую точку*. К каждому воспитаннику приехали *его родственники*. (Дистрибутивная разновидность). Джон хочет жениться *на какой-нибудь иностранке*. В комнате нет *ни одного человека*. Заведомо *кто-нибудь из вас* его знает. (Неконкретная разновидность – в контексте модальности). *Некоторые товары* портятся при перевозке. *Иная похвала хуже брани*. *Многие люди* боятся тараканов. В этом лесу водятся *лоси*. (Общее экзистенциальная разновидность, строящаяся на манифестации части абстрактного (универсального) множества) [7, 94].

Итак, основным вопросом для теории референции является уточнение роли значения в установлении связи между именными выражениями и объектами действительности и в формировании смысла предложения и его истинности. Е.В. Падучева рассматривает понятие *значение* с точки зрения лексической, грамматической и прагматической семантики, отмечая несущественное различие сущности лексического и грамматического значения [8]. А. Вежбицкая отмечает единство семантики, что обеспечивается семантическим метаязыком, который признается автором единым во всех областях семантики, от лексики до прагматики [2; 3]. Применительно к референции Е.В. Падучева отдает предпочтение логической теории семантики естественного языка, называя ее референциальной теорией, основывающейся на “функционально-истинностной семантике Тарского, теоретико-модельной семантике Крипке, семантике Монтегю, семантике условий истинности” [7,14]. Исходя из этого, Падучевой выделяется два основных направления теории референции: *классическое* (Г. Фреге, А. Черч, К. Льюис, Р. Карнап, Дж. Серл), которое исходит из предопределения референции смыслом и *каузальное* (К. Доннелан, С. Крипке, Х. Патнэм), отдавшее предпочтение не смыслу выражений, а разного рода прагматическим факторам [7]. Выделяя значения смысла и референции все-таки нельзя их отождествлять, поскольку между ними есть существенные различия. Например, признаком автономности в большей или в меньшей степени обладает смысл (значение) всякого синтаксического компонента предложения, а вот автономной референтностью обладает далеко не каждый компонент высказывания, к примеру, предикатное слово ничего не обозначает, а лишь приписывает определенные признаки, свойства. Вообще значение рассматривается как свойство предложения (как типа), а референция и истинность (нереферентность/ложность) как свойства определенного употребления предложения (его компонентов) в высказывании, поскольку референция неотделима от прагматического описания высказывания [7; 10].

Остановившись на механизмах референции, необходимо особенно подчеркнуть связь референции с речевым актом, иллокутивной функцией высказывания (интенцией говорящего), пропозициональными компонентами предложений, включенных

в высказывания, а, значит, и с коммуникативной (темо-рематической) организацией высказывания, и с прагматическим контекстом речевого акта в целом.

Сам принцип идентификации, положенный в основу механизма референции, “подчеркивает связь между определенной референцией и способностью говорящего дать идентифицирующую дескрипцию объекта-референта” [9,193]. В связи с этим Дж. Серл останавливается на аксиомах, относящихся к самому акту референции и к референтным выражениям, одну из которых он, назвав “аксиомой существования”, сформулировал так: “То, к чему производится референция, должно существовать”, а другую, под названием “аксиома тождества”, представил как: “Если предикат истинен относительно некоторого объекта, то он истинен и для любого, тождественного данному, объекта, вне зависимости от того, какие выражения использованы для референции к этому объекту” [9, 179-180]. Однако прагматический анализ референции в речевых актах характеризует обратные описанным в аксиомах тенденции, кроме этого, сама формулировка аксиом, как отмечает и сам автор, является в сущности тавтологичной [9, 180]. В таком случае ставится под сомнение само существование этих (и подобных) аксиом. На самом деле существует, пожалуй, одна проблема – проблема идентификации, которая в итоге и определяет наличие/отсутствие референта и сам механизм определения типа референции. А. Вежбицкая для анализа (дешифровки, декодирования) текстов (высказываний) предлагает сначала убедиться в их однородности (отсутствии в них “вставок”, “чужеродных тел”, “цитаций”), в противном случае лингвистический анализ будет осложнен или невозможен) [2, 237]. Приводя в качестве примеров утверждения типа: “Союз может быть подлежащим предложения, например: *И – это союз*”, Анна Вежбицкая предлагает именовать “вкрапления” (“и”), нарушающие правильность утверждений, цитациями [2, 238]. В связи с этим ею отводится большое место так называемым “семантическим равенствам” или “формулам допустимых (семантически инвариантных) трансформаций”, которые предполагают не что иное, как возможность взаимного замещения высказываемых выражений [2, 238-239].

В итоге А. Вежбицкая выдвигает следующее: “Если в некоторой позиции некоторое выражение не может (по семантическим, а не стилистическим причинам) быть заменено на синонимичное ему (= имеющее тождественный перевод на метаязык) выражение В, то следует подозревать, что А является скрытой цитатой” [2,239]. Выражения, группы слов, находящиеся под “скрытой цитатой”, по мнению А. Вежбицкой, выступают в качестве предикатов, так как не функционируют как субъекты (аргументы) [2, 241]. Так, например, в роли предикатов могут выступать выражения типа “хороший лыжник”, “настоящий художник” и подобные. Наряду с этим А. Вежбицкая останавливается на так называемых потенциальных дескрипциях типа “убийца Джона Смита”, “первооткрыватель Америки” и подобных [2, 243]. В этих случаях действует закон сингулярности, ведущий к сужению идентификации.

Как “явление идентифицирующей силы” рассматривает А. Вежбицкая и такие средства идентификации персонажей (субъектов), как “приписывание” каждому из них “собственного” предиката [2, 244]. Но в этом случае огромное значение имеет эмотивное содержание, экспрессивная сторона смысла и в конечном итоге отношение между обозначаемым лицом (предметом) и говорящим, т.е. по существу это вы-

ражение (дескрипция) субъективировано, оценочно, следовательно, нереферентно. Обращаясь к грамматическим категориям и к частям речи в частности, А. Вежбицкая останавливается на процессе идентификации у существительных и прилагательных, отмечая, что процесс идентификации происходит на уровне существительного – референт, а “реальное семантическое различие между существительными и прилагательными лежит не в диапазоне или типе референтов, но в типе семантической структуры” [2, 94]. В данном случае можно также говорить о противопоставлении референтности и атрибутивности.

Особенности нереферентности анализируются Вежбицкой и на примере обращений, которые рассматриваются как “явные прагматические операторы”, стоящие в стороне от показателей идентификации: “То, что может употребляться в качестве дескрипции, не может выступать в качестве обращения и наоборот. Экспрессивные компоненты вводятся в обращения, а идентифицирующие – в субъекты” [2, 262]. Действительно, если и можно сказать, обращаясь: “Эй, толстый мальчик” или “Человек, родившийся в Дувре 1 июля 1945 года”, то это высказывание будет носить явно комический эффект, что, собственно, нередко используется не только в речи. В осуществлении референции, как уже отмечалось выше, участвуют, как имена собственные и нарицательные, именные группы, личные, неопределенные, указательные и отрицательные местоимения (так называемый фонд автономных единиц), так и артикли (в артиклевых языках), притяжательные, указательные, неопределенные и отрицательные прилагательные, числительные (актуализаторы именных выражений). Одним из механизмов референции являются анафорические связи, устанавливающие кореферентность, референциальное тождество: “Письмо Татьяны предомною, его я свято берегу”. Местоимение “его” кореферентно именной группе “письмо Татьяны”. Кореференция может наблюдаться не только у анафорической связанных слов. Например, возвратные (рефлексивные) конструкции обычно определяются на основе кореферентности подлежащего и дополнения: “Возлюби ближнего как себя самого.” Объект и дополнение здесь кореферентны. Кореферентность помогает обеспечить семантическую связность текста: “Ограблен крупный банк. Грабителям удалось скрыться”. Здесь кореференция субъекта “грабители” и глагола, который подразумевает субъект. Благодаря кореференции в данном примере удалось избежать явной тавтологии.

Выводы и перспектива. Таким образом, референция представляет собой сложный механизм соотнесения актуализированных (включенных в речь) имен, именных групп или их эквивалентов к объектам действительности. Референция определяется синтаксическим и прагматическим факторами.

Литература

1. Ван Дейк Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – № 23.
2. Вежбицкая А. Описание или цитация / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – № 13.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описания языков / А. Вежбицкая. – Москва, 1999.
4. Доннелан К.С. Референции и определенные описания / К.С. Доннелан // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – № 13.
5. Куайн У.О. Референция и модальность / У.О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – № 13.
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е.В. Падучева. – Москва, 1985.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке / Е.В. Падучева. – Москва, 1996.
8. Серл Дж.Р. Референция как речевой акт / Дж.Р. Серл // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – № 13.
9. Стросон П.Ф. О референции / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – № 13.
10. Тондл Л. Проблемы семантики / Л. Тондл. – Москва, 1975.
11. Abdullayev A.A. Discourse Analysis and Theme Development / A.A. Abdullayev. – Germany: Technical University of Berlin, 2003.

Алізаде В. М. Типологія референціальних виразів мови / В. М. Алізаде // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 281-286.

Аналіз мовного дискурсу пов'язаний з дослідженням різних між собою ідіолектів людей. У роботі розглядається відмінність уявлень носіїв мови в області граматики, синтаксичної зв'язності, денотативної наповненості і функціонально-істинності еквівалентності пропозицій і висловів.

Ключові слова: преференціальні висловлювання, комунікативне значення, прагматика, сприйняття, комунікативна лінгвістика

Alizadeh V. M. Typology of referential expressions of the language / V. M. Alizadeh // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 281-286.

The role of the representatives of the national and foreign linguistics in the investigation of live and oral speech, speech acts is mainly stated in the given article. The participation of not only personal, indefinite and negative pronouns but also articles, indefinite, negative adjectives, numerals in the formation of referential expressions is skillfully found out and mentioned by the author.

Key words: referential expressions, communicative meaning, pragmatics, perception, communicative linguistics

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 821.111(73)

РОЛЬ МЕТАФОРИ В ОРГАНИЗАЦІЇ ТЕКСТУ (НА ПРИКЛАДІ АНГЛІЙСЬКОГО ЕКОНОМІЧНОГО ДИСКУРСУ)

Лутай Н.В.

*Харьковский национальный экономический университет, г. Харьков, Украина
E-mail: lutain@rambler.ru*

Бесараб Т.П.

*Харьковский национальный университет «Юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого», г. Харьков, Украина
E-mail: besarabtp@mail.ru*

В статье обосновывается важность развития метафорической компетенции, а также предлагается рассматривать метафоры в когнитивном и лингвистическом контекстах для улучшения их узнаваемости, интерпретации и употребления в публицистических текстах экономической направленности.

Ключевые слова: метафора, текст, экономический дискурс, влияние, целостность.

Постановка проблеми. Стаття присвячена структуроутворюючій ролі метафори в текстах англійського економічного дискурсу. Одним з напрямків наукової журналістики стає популяризація досягнень науки і самих наукових текстів. Воно утворює особливу галузь журнальних публікацій і в якості головної мети ставить наближення результатів наукових досліджень до читачів з метою їх практичного використання.

Ця мета зумовила постановку наступних завдань: показати рівні сенсоутворення в економічному контексті; дослідити прагматичний аспект метафор економічного лексикону з метою виявлення їх культурно-аксіологічного і соціального характеру, наявності універсальних і специфічних рис в українській та англійській мовах. Матеріалом для дослідження служать метафори і метафоричні контексти вибрані зі статей економічного змісту британських та американських журналів і газет за останні десять років.

Актуальність роботи. Наразі дослідження метафори в економічному дискурсі є одним з найбільш перспективних та динамічно розвинутих напрямків лінгвістики. Актуальним нині є вивчення науково-популярної проблематики в пресі, автори яких є фахівцями в тій чи іншій науковій галузі і прагнуть донести наукове знання до аудиторії зі зміною за віком, освітою і здібностями сприймати наукову інформацію. З цієї причини вони або обирають компактну і доступну форму для передачі інформації, або прагнуть викликати певне ставлення до описуваних подій, що досягається за допомогою ряду лексичних засобів, у тому числі й використанням метафор.

Мета цієї роботи - продемонструвати сенсоутворюючий характер метафор мови науки економіки та аналіз метафор у різноманітних частинах тексту з точки зору розкриття їх прагматичного потенціалу.

Починаючи з Античності і по теперішній час відзначається прояв особливого інтересу до метафори з боку таких наук, як логіка, теорія номінації, філологічна герменевтика, риторика, семіотика, філософія, психологія, концептологія, лінгвокультурологія і аксіологія. На думку Ю. В. Рождественського, нині особливе значення набуває наукова журналістика, представлена періодичними науковими виданнями та адресована читачам, що цікавляться наукою [1, 23].

Метафора завжди приваблювала дослідників своєю неоднозначністю: її визначали як мовний і ментальний феномен, як відхилення від норми [2, 67] як стилістичний прийом, що прикрашає мову, і як найважливіший розумовий механізм. Незважаючи на цю подвійність, погляд на метафору найчастіше був одностороннім. Однак в світлі когнітивних досліджень останніх десятиліть (Дж. Лакофф [2], Р. Холм [3, 46], А.П. Чудинов [4, 7], А.Н. Баранов [5, 73-94] та ін.) з'явилася можливість інтеграції різних підходів з метою опису цього явища в усій його повноті. При цьому дослідники звертаються до різних аспектів використання метафори та мають на меті різні цілі та задачі, такі як, наприклад, класифікація та опис основних видів та моделей метафори, виділення характерних для економічної комунікації функцій метафори, виявлення закономірностей розкриття метафоричних образів в економічних текстах та ін.

Одним з найменш досліджених аспектів у дослідженні метафори є її роль в організації певних текстів всередині економічного дискурсу. Як справедливо відзначає А. П. Чудинов, метафори в політичних та економічних текстах представляють собою не випадковий набір абсолютно автономних елементів, а свого роду систему.[4, 95] Фокусування даної роботи на метафорах пояснюється тим, що вони грають особливу роль серед мовних засобів управління мовними комунікаціями, що застосовуються при обговоренні проблем глобалізації і економічного об'єднання Європи, а також при вирішенні конфліктів та протиріч, що характеризують стан української економіки.

За рахунок використання взаємопов'язаної системи метафор досягається змістовне та емоційна єдність тексту. Метафори, розподілені по всьому тексту, як би пов'язують різні його частини в єдине ціле, посилюючи тим його прагматичний потенціал. При цьому особливу цікавість представляють випадки, коли автор використовує в тексті не тільки латентні, традиційні метафори, та й яскраві індивідуально-авторські метафори. Саме вони й відтворюють нестандартні образи, які найбільш впливають на свідомість адресату.

Традиційно метафора розглядалася головним чином у стилістичному відношенні як засіб досягнення образності (художній текст) і впливу на аудиторію (публіцистика, газетний стиль). Роль концептуальної метафори в економічних текстах очевидна і визнається багатьма дослідниками. Механізм концептуальної метафори полягає у перенесенні деяких смислових рис з концептуальної галузі (донорської) одного об'єкта в концептуальну галузь (галузь реципієнта) іншого об'єкта.

Наприклад, термін *bulls and bears* відображає образи ведмеда, який масивною лапою опускає котирування на фондовому ринку, та бика, який на рогах піднімає ці котирування. Вважається, що символами біржової торгівлі ці тварини стали завдяки памфлетам шотландця Джона Арбетноту. [6, 1-4]

Економічна та фінансова спільнота вирішила, що ці образи адекватно відображають біржову діяльність. З тих пір учасників ринку поділяють на два світи: тих, що грають на зростанні цін називають «биками» (зростаючий ринок - «бичачий»), а гравців на зниженні - «ведмежками» («ведмежий» ринок). [2, 82] Приклади даної метафори можна побачити в назвах статей та самих статтях журналу «Економіст» (The Economist): “Bulls, bears and Greenspan”, “Please do feed the bears”, “Bear bottom”, “Bulls, bears and ivory towers” [7].

Вираз *Dead-cat bounce* означає короткочасне поліпшення ситуації на фінансовому ринку після кризи і відноситься до опису ситуації, коли трейдери в надії на вдалу покупку купують акції після різкого падіння їх вартості, але роблять це занадто рано, тому що після періоду тимчасової стабілізації на ринку ціни на ці акції знову сильно падають. Тлумачення метафори полягає в тому, що навіть мертва кішка може підстрибнути, якщо її скинути з великої висоти. Цю метафору також можна зустріти в назвах та тексті статей журналу «Економіст» (The Economist): “Dead-cat bounce”, “Point of no return?” [8].

Необхідно відзначити, що метафори, які використовуються в економічному дискурсі, відображають культуру народу або символіко-міфологічну специфіку регіону, картину світу мови і народу, економічна діяльність якого описується. Так, вважається, що територія Китаю населена драконами. Приклади використання такої метафори можна зустріти в статтях економічних журналів «Економіст» (The Economist) та «Бізнес-Вік» (Business Week): “When dragons dance with bears”, “Drag on the dragon” [9], “The Tech Dragon Stumbles” [10].

В статтях економічної галузі часто можна зустріти військові терміни:

We've been making successful inroads into their market for 18 months, and now is the time for a change of tactics [8]. - Протягом 18 місяців ми успішно вторгалися у їхній ринок, і тепер настав час для зміни тактики.

We have an excellent product, and if we use all the weapons in our arsenal, we should be able to convince consumers of this fact [8]. - У нас є відмінний продукт, і якщо ми використаємо всі зброї у нашому арсеналі, ми маємо бути в змозі переконати споживачів у цьому.

We will mobilize all our resources and launch a media campaign [11]. - Ми повинні мобілізувати всі наші ресурси та запустити кампанію в ЗМІ.

We have also recruited twenty new sales reps and we are going to send our troops into the field, to invade their markets [11]. - Ми також узяли на роботу двадцять нових торгових представників, і ми збираємося послати наші війська у поле бою, аби проникнути на їх ринки.

They probably expect us to retaliate, and a small price cut won't deter them [7]. - Вони, ймовірно, очікували що ми будемо мститися, і невелике падіння цін не стримує їх.

We have enough cash reserves to win a price war, so I suggest that we cut our price by 20% immediately [12]. - У нас достатньо резервів готівки, щоб виграти цінову війну, так що я пропоную зараз же знизити ціни на 20%.

After striking the first blow with their unsuccessful dawn raid last month, Wright and Bergkamp have now launched a takeover bid for their High street rivals Merson's [13]. -

Після першого удару своїми невдалими раптовими рейдами в попередньому місяці, Райт і Бергкамп вже почали висувати свою пропозицію щодо поглинання їх головним суперником Мерсонам.

Також досить часто зустрічаються терміни, пов'язані в першу чергу з біологією:

Business is blossoming in the industrial north of the country [12]. - Бізнес процвітає на індустріальному півночі країни.

We believe that we are sowing the seeds of profitable activities in the future [14]. - Ми вважаємо, що сіємо насіння прибуткових видів діяльності в майбутньому.

We are going to have to weed out the less profitable items in the product line [8]. - Ми збираємося, відсіяти найменш прибуткові товари в нашому асортименті.

We're opening new branches at the rate of one a week [9]. - Ми відкриваємо нові філіали через один тиждень.

Small micro-electronics companies suddenly sprouted all over the valley [15]. - Кількість невеликих компаній, що займаються мікроелектронікою раптом зростає по всій долині.

Результати. Ключовим завданням текстів економічного дискурсу є надання впливу на свідомість адресата, а метафора є потужним інструментом впливу на свідомість адресата і перетворення його картини світу. Наразі метафора стала невід'ємною частиною економічних текстів.

Висновки та перспектива. В даній роботі проаналізовані англомовні статті спеціалізованих економічних видань. Також була визначена роль концептуальної метафори в економічних текстах. Метафора використовується для позначення різноманітних мовних реалій, а також для передачі культурно-національних особливостей певного народу. Таким чином досягається більша образність та емоційність в зображенні економічних процесів. Використання метафор є не тільки ефективним інструментом впливу на свідомість адресату, але й забезпечує змістову та емоційну цілісність тексту.

Усі ці особливості слід враховувати при перекладі текстів економічної тематики для досягнення точної та адекватної передачі змісту.

Література

1. Рождественский, Ю. В. Общая филология / Ю. В. Рождественский - М.: Новое тысячелетие. - 1996 - с. 23
2. Лакофф, Дж. / Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе. - Екатеринбург - 2006 - с. 67
3. Holme R. Mind . Metaphor and language teaching / Holme R. Mind . - Palgrave Macmillan, 2004 - с. 36.
4. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ / А.П. Чудинов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. ч. 2. - Изд-во МГУ, 2004. - 283с.
5. Баранов А.Н. / О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания [гл. ред. Т.М. Николаева] №2. - М.: Наука- 2003. - с.73-94.
6. Андрюхина Т.В./ Быки и медведи: роль метафоры в концептуализации экономических реалий// Т.В. Андрюхина // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения (Пятый межвузовский семинар по лингвострановедению) МГИМО (У) МИД России. - М., 2008.- с.33-35
7. Business Week// [Электронный ресурс] – Режим доступа до журн.: <http://www.businessweek.com>
8. Karlsson Stefan/The Future of World Economy [Электронный ресурс] / Stefan Karlsson //Mises Daily – 2005. – Режим доступа до статті: <http://mises.org/1804>

9. The Economist [Електронний ресурс] – Режим доступу до журн.: <http://www.economist.com>
10. Lemon aid// The Economist [Електронний ресурс] – July 8th, 2010. – Режим доступу до статті: <http://www.economist.com/node/16542836>
11. Lessons learned //The Economist [Електронний ресурс] – January 6th, 2011. – Режим доступу до статті: <http://www.economist.com/node/17851511>
12. Monetary illusions//The Economist [Електронний ресурс] – September 2nd, 2010. – Режим доступу до статті: <http://www.economist.com/node/16943653>
13. Shifting sands//The Economist [Електронний ресурс] – January 4th, 2007. – Режим доступу до статті: <http://www.economist.com/node/8491658>
14. The Jobs crisis// The Economist [Електронний ресурс] – March 12th, 2009. - Режим доступу до статті: <http://www.economist.com/node/13278305>
15. Three-way split//The Economist [Електронний ресурс] – December 9th, 2010. – Режим доступу до статті: <http://www.economist.com/node/17677746>

Лутай Н.В. Роль метафори в організації тексту (на прикладі англійського економічного дискурсу) / Н.В. Лутай, Т.П. Бесараб // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 287-291.

В статті обґрунтовується важливість розвитку метафоричної компетенції і пропонується розгляд метафор в когнітивному та лінгвістичному контексті для поліпшення навичок розпізнавання, інтерпретації та застосування метафор в публіцистичних текстах ділової спрямованості.

Ключові слова: метафора, текст, економічний дискурс, вплив, цілісність.

Lutai N. Functions of Metaphors in the Text Structure (on the basis of Economic Discourse) / N. Lutai, T. Besarab // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 287-291.

This article devotes particular attention to current research on metaphors referring to economic discourse. As well as it traces the influence of cognitive and linguistic contexts on comprehension and usage of metaphors in political and economic journalism.

Key words: metaphor, text, economic discourse, influence, coherence.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 81'374.82:004.89

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РАЗРАБОТКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ПО ФИЗИКЕ МАГНИТНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Потапова Е.В.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: helen1pota@rambler.ru*

В статье представлен опыт разработки классификации связей между понятиями на примере конкретной области – Физики магнитных явлений. Разработка подходов к формализации проблемно-специфических связей в предметных областях позволит повысить когнитивную эффективность онтологий в сфере искусственного интеллекта.

Ключевые слова: лингвистическая онтология, проблемно-специфические связи, формализация знаний.

Постановка проблемы. Когнитивно-информационная составляющая в постановке и решении новых научных и образовательных задач стала особенно актуальна еще в 90-х годах [1] и на данный момент представляет основу разработки интеллектуальных систем (ИС) анализа текста на естественном языке (ЕЯ) и систем извлечения знаний. Ключевым пунктом систем семантического анализа является эффективная словарная поддержка. Поэтому основная проблема в создании ИС – это проблема создания реально работающего понятийного словаря включающего связи между понятиями и нюансы текстового отображения понятий – т.е. онтологии включающей в себя помимо формального каркаса некий лингвистический компонент. Поиск решения этой проблемы привел к возникновению лингвистических онтологий или в другой интерпретации – онтолингвистических систем [2, 3].

Согласно [4], под онтологиями понимают систему явной концептуализации предметной области (ПрО), то есть формального представления предметной области:

$$O = \langle T, R, F \rangle \quad (1)$$

— это упорядоченная тройка конечных множеств, где T — термины ПрО, которую описывает онтология O ; R — отношения между терминами заданной ПрО; F — функции интерпретации, заданные на терминах и/или отношениях онтологии O .

Формальный подход к построению онтологий ПрО был дополнен лингвистическим, где онтологии выстраиваются на основе корпуса текстов, а термины явно связаны с их дефинициями. Главной характеристикой лингвистических онтологий является то, что понятия онтологии связаны со значениями (“are bound to the semantics”) языковых выражений (слов, именных групп и т.п.) [5]

Лингвистическую компоненту онтологии согласно [2] формально описывает структура вида $LS (\Psi^L, G^L)$, где Ψ^L — множество объектов, G^L — множество атрибутов объектов. Множество атрибутов $G^L = G^N \times G^S \times G^G \times G^C \times G^D$, где G^N — множество лексических параметров; G^S — множество синтаксических параметров (параметры правил синтаксического согласования составляющих); G^G — множество грамматических категорий; G^C — множество композиционных параметров (параметры пра-

вил образования многословных терминов, правил вариативности элементов); G^D – множество дистантных параметров (расстояние между составляющими термина).

На основании вышеизложенного была разработана концептуальная модель лингвистической онтологии по Физике магнитных явлений (ФМЯ) и лексикографическая параметризация терминов онтологии [6, 7]

Одними из основных требований к построению онтологий ПрО [8] являются требования *формализации* знаний ПрО и *полноты* отображения информации ПрО. Формализация знаний ПрО, выраженных помимо терминов еще и некоторым количеством текста на естественном языке, приводит к некоторой потере информации и частичной десемантизации терминов [9]. Следовательно, появляется проблема обеспечения семантической полноты терминов входящих в онтологию. Очевидно, что необходимо увеличить некоторым образом количество информации, зафиксированное в онтологии. Достигается это, как правило, [5, 3, 10, 11] двумя путями:

1) за счет увеличения количества понятий в онтологии, т.е. в число терминов попадают слова, имеющие общезыковое значение и сопутствующие терминам в текстах;

3) за счет введения подробной классификации понятий, отношений между понятиями.

Этапы работы над онтологией по ФМЯ докладывались на конференциях и были опубликованы [12, 6, 7]. В ходе работ были проанализированы оба пути развития и сделаны следующие выводы:

1) Увеличение предметной онтологии за счет слов имеющих общезыковое значение не должно носить глобальный характер, т.к. в этом случае онтология перестанет быть предметной, и начнет приближаться к общезыковой онтологии, а это чревато другими проблемами – например колоссальным увеличением объема. Вместо этого, общезыковые понятия, часто употребляемые с тем или иным термином ПрО, сохранялись в библиотеке текстовых входов для каждого термина.

2) Предварительный анализ прикладной области и публикаций по данному вопросу [5, 13, 14] показал, что разработка подробной классификации отношений между понятиями менее подвержена субъективизму конкретной группы экспертов, нежели введение подробной классификации понятии ПрО. Таким образом, можно сделать вывод о том, что посредством конкретизации ассоциативных отношений можно включить в онтологию некоторый (достаточно существенный) объем дополнительной информации о предметной области.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ И МЕТОДИКА ВЫПОЛНЕНИЯ

Таким образом, целью следующего этапа работы над онтологией по ФМЯ оказалась разработка подробной классификации отношений между понятиями в предметной области «Физика магнитных явлений». Данная работа является продолжением предыдущего проекта («Словарь терминов по ФМЯ»). Материалом и средством разработки онтологии является инструментальная лексикографическая система по ФМЯ [7]. Словарь составлен на основе нескольких печатных источников [15, 16] и включает в себя более 900 терминов.

Работа выполнялась в несколько этапов. На первом этапе были проанализированы типы связей, установленные стандартом онтологического инжиниринга IDEF5, OWL, а также типы связей принятые в других онтологиях. Затем на материале прикладной области группой экспертов были выделены проблемно-специфические типы связей характерные для ФМЯ. Полученная информация была объединена в классификацию связей для онтологии ФМЯ.

Обзор публикаций по проектированию и поддержанию онтологий и интеллектуальных систем, основанных на них [5, 8, 10, 13] показал, что, как правило, в онтологиях устанавливаются 5 - 6 типов отношений: «часть-целое», «класс-подкласс», «жесткая ассоциация», «не жесткая ассоциация», «несовместимость», «является свойством», «историческая зависимость». К числу «стандартных» (иерархических) связей относят [17, 18]: «часть-целое», «класс-подкласс».

Наиболее подробная разработка данного вопроса содержится в статье Шалфеевой «Классификация структурных свойств онтологий» [14], где помимо прочих свойств подробно рассматривается классификация проблемно-специфических (или «топологических») отношений между понятиями в онтологиях.

Наряду с определением иерархических связей, для создания онтологии необходимо выделение проблемно-специфических связей характерных именно для данной ПрО. С одной стороны наличие стандартных иерархических связей позволяет конструировать онтологии с возможностью объединения и повторного использования (reusable ontology), с другой стороны для того чтобы интеллектуальная система, построенная на данной онтологии работала адекватно, необходима достаточно подробная фиксация проблемно-специфических связей между понятиями в выбранной ПрО. Существует определенный баланс между подробностью определения проблемно-специфических связей и субъективностью конкретной группы экспертов. Таким образом, разработка и внедрение в онтологию подробной системы проблемно-специфических связей может существенно повысить когнитивную эффективность системы анализа ЕЯ текста и извлечения знаний.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате работы была разработана классификация связей между понятиями ФМЯ. Классификация содержит три больших раздела: Таксономические связи, Композиционные связи и Проблемно-специфические связи.

К числу «стандартных» связей, принятых в онтологии ФМЯ, относятся:

Таксономические связи

- Гипероним – Гипоним (род-вид)

Магнитная структура –

>Соизмеримая магнитная структура

>Несоизмеримая магнитная структура

- Тождество (синонимия)

Спиральная магнитная структура = Винтовая магнитная структура

Композиционные связи

- Целое - Компоненты

магнитная структура – магнитная подрешетка

■ Вещество – Ингредиенты

алин – железо; - никель; - алюминий; - медь.

■ Набор - Члены_из_набора

тензор констант обменного взаимодействия – константа обменного взаимодействия

Для определения типов **Проблемно-специфических связей** было признано целесообразным ввести вначале типизацию понятий ПрО, а именно сопоставить всем терминам словаря пять типов понятий : Сущность/Актор, Процесс, Явление, Свойство, Характеристика.

Сущность – элементарный объект, актор Процесса(Явления), среда реализации Процесса (Явления). Примеры: (парамагнитные) атомы, с некомпенсированными спинами (электрон, ядро)

Явление – то, в чем проявляется, обнаруживается Сущность. Пример: ферромагнетизм. В книге философов Шанжё Ж-П. и Конн А.Материя и мышление.(1990), где затрагиваются некоторые вопросы связанные с искусственным интеллектом, теорией информации и физикой, явление в физическом смысле определяется следующим образом: «... физическое явление есть результат опыта, который, если точно оговорить исходные данные, сможет с идентичным результатом воспроизвести далее экспериментатор в другой лаборатории».

Процесс - последовательная смена состояния Сущности во времени и в пространстве. Примеры: магнитное упорядочение, фазовый переход. Граница между Процессами и Явлениями достаточно условна, т.к. некоторые понятия можно справедливо отнести к обеим категориям.

Свойство (в философии, математике и логике) — атрибут предмета (объекта). Например, о красном предмете говорится, что он обладает свойством красноты.

Свойство – пример: Свойство вещества –*Намагниченность*.

Характеристика (величина, направление и т.п. – можно измерить) – это количественное описание некоторого Свойства объекта.

Характеристика – пример: Характеристика вещества – *Вектор намагниченности* (значения заряда, спиновых и орбитальных магнитных моментов, величины температуры и энергии).

Таким образом, на основе введенных типов понятий можно определить Проблемно-специфические связи как связи, показывающие «пути» физических взаимодействий между Сущностями, в результате которых возникают соответствующие Процессы и Явления, а также связи между Явлениями, Процессами, Сущностями и их Свойствами и Характеристиками.

На основании такого подхода были определены следующие типы **Проблемно-специфических связей**:

■ связи Сущностей с Процессами и Явлениями

√ Сущность является первичным (основным) источником Процесса(Явления)

электрон – обменное взаимодействие

√ Сущность участвует в Процессе (Явлении)

магнитная подрешетка– слабый ферромагнетизм

- √ Сущность является средой реализации Явления (Процесса)
магнетик - моноклинная магнитострикция
- причинно-следственные связи (между Процессами и Явлениями)
  - √ Процесс(Явление) является предпосылкой другого Процесса(Явления)
Намагниченность – термомагнитные эффекты
  - √ Процесс(Явление) влияет на другой Процесс(Явление)
неоднородное обменное взаимодействие – обменная спиновая волна
  - √ Процесс(Явление) зависит от Процесса(Явления) / $A = f(B)$ (строгая зависимость по формуле)
магнитоупругая энергия – вектор намагниченности
- временные связи - корреляция прохождения Процессов (Явлений)
  - √ Процесс1 коррелирует с Процесс 2
Намагничивание -магнитное насыщение
- пространственные связи - связи Сущностей, обусловленные взаимным пространственным расположением
  - √ Сущность 1 располагается внутри Сущность 2
Частная петля гистерезиса –полная петля гистерезиса
  - √ Сущность 1 пересекается с Сущность 2
магнитная ось – плоскость симметрии кристалла
- связи между Сущностями (Явлениями, Процессами) и их Свойствами и Характеристиками.
  - √ Сущность(Процесс, Явление) имеет Свойство
магнетик – намагниченность
  - √ Сущность(Процесс, Явление) имеет Характеристику
*магнитная анизотропия – энергия магнитной анизотропии
электрон – спиновый момент*

Разработанная классификация связей была внедрена в Инструментальную лексикографическую систему по ФМЯ [7], где была проведена работа по установлению связей между понятиями в ряде разделов физики магнитных явлений и получены соответствующие схемы связей – карты терминов, которые являются взаимосвязанными фрагментами онтологической схемы предметной области.

Из главной страницы «Словаря терминов» (Рис.1) имеется доступ к отдельным страницам словарных статей терминов. Словарные статьи терминов связаны гиперссылками с другими словарными статьями и в то же время словарная статья термина связана гиперссылкой с Картой термина. Сами по себе Карты терминов тоже связаны между собой гиперссылками в соответствии со смыслом термина и его связями с другими терминами, которые были определены экспертом. Таким образом, по мере определения связей между терминами будет сформирована общая онтологическая схема предметной области, состоящая из отдельных Карт терминов.

На данном этапе существует 352 карты терминов. Карты терминов генерируются Инструментальной лексикографической системой в автоматическом режиме в формате HTML. На рис.2 приведена карта термина «магнитная подрешетка». Дизайн изображения обусловлен тем, что изначально Электронный словарь по ФМЯ с

онтологическими картами терминов проектировался в качестве дополнительного пособия в учебном процессе.

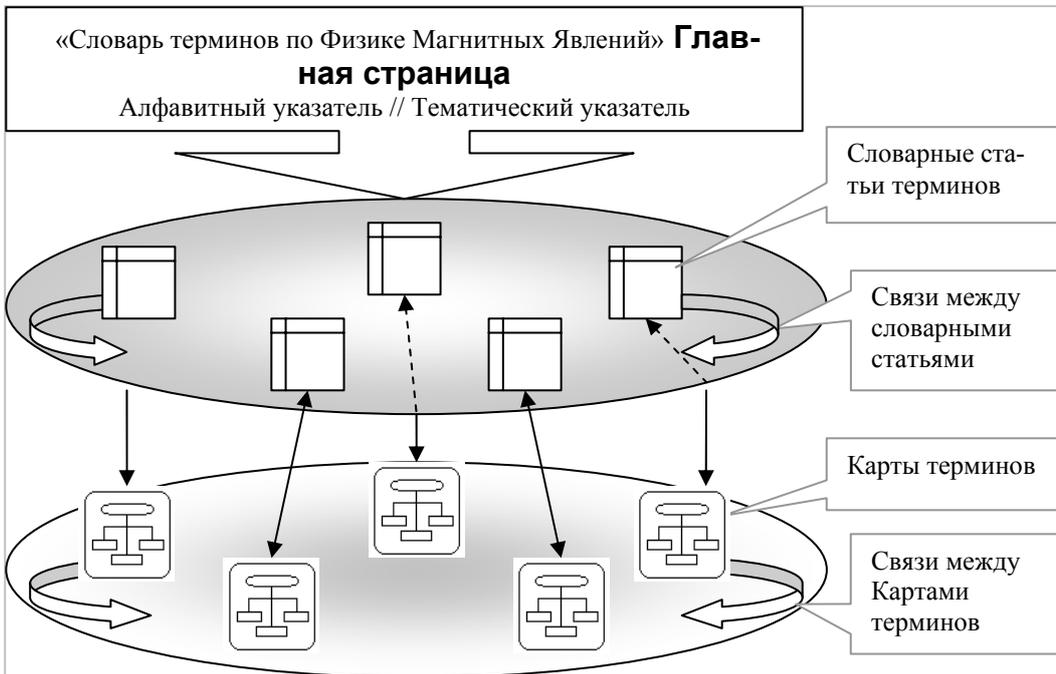

Рис. 1. Схема навигации по словарным статьям и картам терминов.

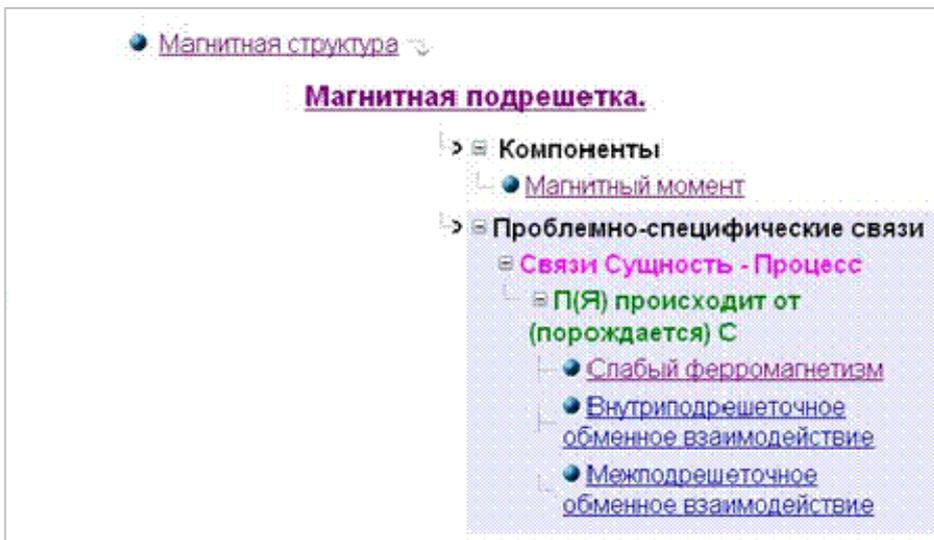

Рис.2. Карта термина – «Магнитная подрешетка»

Выводы и перспектива. Разработанная классификация связей между терминами ПрО делает описание каждого термина онтологии более полным. Количество связей на обработанном участке онтологии увеличились на 40%, что существенно увеличивает информационную полноту системы и повышает ее когнитивную эффективность.

Подробная классификация проблемно-специфических связей позволит с помощью онтологии более точно вычислять ряд "служебных" семантических функций, представляющих важные для анализа текста и обработки знаний внутриязыковые связи, не имеющие прямой предметной интерпретации.

В аспекте повторного использования и интеграции онтологий нужно отметить, что введенная здесь типизация понятий имеет прямые категориальные соответствия в онтологиях верхнего уровня, а установленные типы проблемно-специфических связей приводятся в соответствие с принятыми в других онтологиях ПрО типами связей.

Литература

1. Палагин А.В. К проблеме проектирования системы активации научно-исследовательской деятельности / Палагин А.В.: В кн. "Вопросы когнитивно-информационной поддержки постановки и решения новых научных проблем" Сб. научн. тр./ НАН Украины. Ин-т кибернетики им. В.М.Глушкова. - Киев, 1995, С. 4-16.
2. Невзорова О.А. Онтологическая поддержка методов решения задач семантико-синтаксического анализа текстов./ Невзорова О.А. [Электронный ресурс]. КИИ-2008 Одиннадцатая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием. г. Дубна 29 сентября – 3 октября, 2008. //Материалы конференции, Режим доступа: www.gai.org/cai-08/files/cai-08_paper_234.doc.
3. Методы и средства автоматизированного проектирования прикладной онтологии /Добров Б.В., Лукашевич Н.В., Невзорова О.А., Федун Б.Е.// Известия РАН. Теория и системы управления. М.: 2004. № 2. С. 58-68.
4. Gruber T.R. A translation approach to portable ontologies: Knowledge Acquisition/ Gruber T.R. V.5(2) — 1993.
5. Fernandez M. A Building a Chemical Ontology Using Methodology and the Ontology Design Environment / Fernandez M., Gomez-Perez A., Pazos J.// IEEE Intelligent Systems, Jan./Feb. Pages 37-46, 1999.
6. Бержанский В.Н. Формирование онтологии на материале терминосистемы физики магнитных явлений/ Бержанский В.Н., Потапова Е.В., Салюк О.Ю. // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології: MegaLing 2007: сб.науч. тр./ отв.ред. В.А.Широков – К.: Довіра, 2008, С.61-67.
7. «Инструментальная лексикографическая система в области физики магнитных явлений» /Дикарева С.С., Бержанский В.Н., Полулях С.Н., Потапова Е.В. // «Бионика интеллекта». – Харьков:ХНУРЕ, № 2(71), 2009, С. 48-53.
8. Гладун А.Я. Онтологии в корпоративных системах. Часть I и II [Электронный ресурс] / Гладун А.Я., Рогошина Ю.В. // "Корпоративные системы" (№1, 2006) Режим доступа: <http://www.management.com.ua/ims/ims115.html>.
9. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. / Новиков А.И.: - М.: Наука, 1983. -215 с.
10. Лукашевич Н.В. АвиаОнтология: анализ современного состояния ресурса [Электронный ресурс] / Лукашевич Н.В., Невзорова О.А.// Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/archive/2007/lukashevich.htm>.
11. Рубашкин В. Ш. Онтологии - проблемы и решения. Точка зрения разработчика. / Рубашкин В.Ш. [Электронный ресурс] Материалы Конференции «Диалог-2007». Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/74.htm>.
12. Бержанский В.Н. Моделирование и визуализация когнитивных связей в терминосистеме физики магнитных явлений. / Бержанский В.Н. Полулях, С.Н., Потапова Е.В./ MegaLing 2006. Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій. Доповіді міжнародної конференції. Ред.

В.А. Широков, С.С. Дікарева. Україна, Партеніт, 20-26 вересня 2006. Сімферополь: «ДиАйПи». 2006. – С. 137-138.

13. Овдей О.М. Обзор инструментов инженерии онтологий. / Овдей О.М., Проскудина Г.Ю. [Электронный ресурс]// Труды Шестой Всероссийской научной конференции "Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции", 2004 Режим доступа: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2004/part4/op>.

14. Шалфеева Е.А. Классификация структурных свойств онтологий. / Шалфеева Е.А. // «Штучный интеллект» 3'2005, С.67-77.

15. Физика твердого тела. Энциклопедический словарь: в 2 т. / Под ред. В. Г. Барьяхтара. Т. 1.– Киев: Наукова думка, 1996. – 656 с., Т. 2.– Киев: Наукова думка, 1998. – 648 с.

16. Терминологический справочник «Магнетизм и магнитные материалы» / Под ред. Ф. В. Лисовского и Л. И. Антонова. – М.: «Вагриус», 1997. – 240 с.

17. Стандарт онтологического исследования IDEF5 [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://www.idef.com/idef5.html>.

18. OWL Web Ontology Language Guide. [Электронный ресурс]W3C Recommendation 10 Feb 2004. Smith, Welty, McGuinness, eds. // Режим доступа: <http://www.w3.org/TR/owl-guide/>.

Потапова О.В. Когнітивний аспект розробки лінгвістичної онтології по фізиці магнітних явищ / О.В. Потапова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 292-299.

У статті представлено досвід розробки класифікації зв'язків між поняттями на прикладі конкретної області - Фізики магнітних явищ. Розробка підходів до формалізації проблемно-специфічних зв'язків у предметних областях дозволить підвищити когнітивну ефективність онтологій у сфері штучного інтелекту.

Ключові слова: лінгвістична онтологія, проблемно-специфічні зв'язки, формалізація знань.

Potapova E.V. Cognitive aspects of linguistic ontology development on physics of magnetic phenomena / E.V. Potapova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 292-299.

This article presents the experience of relation classification developing between the concepts in the specific field of science - the physics of magnetic phenomena. Development of approaches to formalize the problem-specific relations in the subject domains can improve the cognitive efficiency of ontology usage in the field of artificial intelligence.

Keywords: linguistic ontology, problem-specific relations, formalization of knowledge.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК. 811.161.1

К ПРОБЛЕМЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Садыхова С. А.

*Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, г.Баку, Азербайджан
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматривается комплекс вопросов о сравнительных конструкциях в современном русском языке. Дифференцируются сложноподчиненные предложения со сравнительной придаточной частью и описывается их специфика. Определяются черты сходства и различия неполных сравнительных придаточных частей и обособленных сравнительных оборотов

Ключевые слова: сравнительные конструкции, русский язык, обороты

Постановка проблемы. В системе сравнительных конструкций современного русского языка сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным отличаются как своеобразием функции, так и спецификой грамматической природы [4, 357; 3, 71].

Функция сложноподчиненных предложений с придаточным сравнительным состоит в сравнении: при этом то, о чем говорится в главной части, сравнивается с тем, о чем говорится в придаточной части. Грамматическая сущность такого сложноподчиненного предложения сводится к тому, что сравнительная придаточная часть относится не к одному какому-нибудь члену главной части, а соотносится со всей главной частью в целом. Например: Ирочка не любила дядю Дему люто, как может не любить негодяя честный и взыскательный человек (Н.Погодин. Янтарное ожерелье); На улице Саша Грацианский вышел покачиваясь, словно его напоили навечно мертвой водой (И.Леонов. Русский лес).

Известно, что сравнительным значением, кроме сравнительных придаточных, обладают и придаточные образа действия, меры и степени. В сложноподчиненных предложениях этих типов происходит как бы контаминация (скрещивание) двух значений придаточной части, что создает определенные трудности в их дифференциации [1, 79]. Сравнительное значение – это не основное, а добавочное значение придаточных образа действия, меры и степени. Сравнительное значение в сфере сложноподчиненных предложений является основным только лишь для придаточных сравнительных. Кроме того, придаточные сравнительные, в отличие от названных придаточных, не имеют и не могут иметь соотносительного слова в главной части и относятся ко всей главной части в целом, а не к какому-либо ее элементу. Содержание придаточной части сравнивается или сопоставляется с содержанием главной части, а средством их связи выступает сравнительный союз.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным сравнительным можно выделить следующие разновидности:

1. Сложноподчиненные предложения, выражающие реальное сходство сравниваемых явлений, фактов, действий и т.д. Придаточные сравнительные при этом свя-

зываются с главной частью союзами *как, так же как, точно так же как, подобно тому как* и т.д. Например: В искусстве никогда всего не решишь, как в любви никогда всего не скажешь (К.Федин. Необыкновенное лето); Неодолимая, хотя тихая сила увлекла меня, подобно тому как еще задолго до водопада стремление потока увлекает лодку (И.Тургенев. Невь).

2. Сложноподчиненные предложения, в которых выражается сравнение на основе мнимого или предполагаемого сходства фактов, явлений, действий и т.д. Сравнительные придаточные этой разновидности связываются с главной частью союзами гипотетической (нереальной) модальности: *будто, будто бы, как будто, словно, точно, как если бы* и др. Например: Самгин услышал какой-то странный звук, как будто Макаров заскрипел зубами (М.Горький. Жизнь Клима Самгина); Лес стоит молча, неподвижно, словно всматривается куда-то своими верхушками и ждет чего-то (А.Чехов. Скучная история).

3. Сложноподчиненные предложения, в которых предикативные части связываются друг с другом двойным союзом *чем-тем*. В таких сложноподчиненных предложениях возрастающее усиление признака действия, названного в главной части, обуславливается усилением признака действия, названного в придаточной части. Следовательно, получается обусловленное сравнение двух явлений по степени нарастания их признаков. Например: Чем ночь темней, тем ярче звезды (А.Майков); Чем скорее догорал огонь, тем виднее становилась лунная ночь (А.Чехов. Невеста).

4. Сложноподчиненные предложения, в которых придаточная часть связывается с главной частью союзами *чем, чем бы*. Они имеют два значения: сравнительно-противительное и сравнительно-сопоставительное.

В сложноподчиненных предложениях со сравнительно-противительным значением сопоставляются два факта, один из которых отвергается (то, о чем говорится в придаточной части), а другой утверждается (то, о чем говорится в главной части). Например: Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться? (И.Крылов); Лучше не жить, чем делать то, во что не веришь (Ю.Герман).

В сложноподчиненных предложениях со сравнительно-сопоставительным значением нет отказа от одного действия ради утверждения другого, а скорее два действия сопоставляются. В таких сравнительных конструкциях придаточная часть всегда находится в постпозиции и поставить ее впереди невозможно: Вы смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрел в глаза девушки (А.Стругацкий, Б.Стругацкий. Путь на Амальтею); Все после смотра были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений (Л.Толстой. Война и мир).

Сравнительные придаточные части разнообразны по структуре. Особый интерес представляют неполные сравнительные придаточные части, которые нередко смешиваются с обособленными сравнительными оборотами. «Сравнительные придаточные предложения не следует смешивать с сравнительными оборотами, вводимыми в состав простого предложения как его часть при помощи тех же союзов, которыми вводятся сравнительные придаточные предложения» [2, 583]. В связи с этим необходимо установить, в чем отличие неполных сравнительных придаточных частей от обособленных сравнительных оборотов и в чем их сходство. Сопоставление

тех и других как раз и позволяет выявить черты сходства и различия неполных сравнительных придаточных частей и обособленных сравнительных оборотов.

Общей сходной чертой сравнительных придаточных частей и обособленных сравнительных оборотов является наличие момента сравнения и сопоставления. Наряду с этим имеются существенные черты различия с точки зрения структуры, семантики, синтаксической роли и взаимосвязи с определяемым элементом предложения.

С точки зрения структуры неполные сравнительные придаточные части, в отличие от обособленных оборотов, более или менее однотипны с простым предложением: имеют в своем составе, наряду с именительным падежом существительного в роли подлежащего (носителя признака), второстепенные члены предложения группы сказуемого. Например: Дед Щукарь проворно выхватил левую ногу из воды и остался на правой, *как журавль среди болота* (М.Шолохов. Поднятая целина); Она (лиса) то бежала петлями, то останавливалась, приподняв лапу, *как собака на стойке*, то припадала к земле, то неслась, *как стрела*, раскинув хвост (Г.Николаева. Жатва).

В первых двух случаях наряду с подлежащими наличие обстоятельств (*среди болота, на стойке*), входящих в состав сказуемого, - показатель неполной сравнительной придаточной части, в последнем случае (*как стрела*) имеем обособленный сравнительный оборот.

Обособленные сравнительные обороты, как и другие обособленные члены предложения, с точки зрения структуры, представляя собой слово или словосочетание в грамматически зависимых формах, лишены своих организующих центров – подлежащего и сказуемого и входит в один из составов (подлежащего и сказуемого) предложения. Например: И долго доктор сидел возле него, глядя его по голове, *как ребенка*, и говоря ему первые попавшиеся ласковые, успокоительные слова (А.Куприн. Молох). Обособленный оборот «как ребенка», выраженный винительным падежом существительного, входит в состав обособленного обстоятельства, где исключена возможность восстановить подлежащее и сказуемое, где «как ребенка» выступает в роли сравнительного приложения к дополнению «его», выраженному местоимением, которое находится в грамматической зависимости от деепричастия «глядя». Следовательно, обособленные сравнительные обороты, являясь частью простого предложения, выполняют иную синтаксическую роль, чем неполные сравнительные придаточные части в составе сложноподчиненного предложения. В отличие от неполных сравнительных придаточных частей, они не образуют сложноподчиненного предложения, а лишь осложняют простое предложение, выступая в роли разных членов предложения [5, 150].

С точки зрения семантики неполные сравнительные придаточные части, как и другие придаточные части, выражают относительно самостоятельную и определенную мысль, которой образно определяется мысль главной части, например: Сидела тетя Даша на своей колеснице гордо, *как царевна на троне любила ездить мелкой рысцей* (С.Бабаевский. Кавалер золотой звезды); Сотни подвод и тысячи людей суетились здесь, точно муравьи на разоренном муравейнике (А.Куприн. Молох).

Обособленные сравнительные обороты лишены той смысловой определенности и самостоятельности в выражении мысли, что является одним из основных призна-

ков каждого в отдельности предложения. В смысловом отношении обособленные сравнительные обороты представляют собой слово или словосочетание, которые образно определяют тот или иной член предложения того же предложения, вне связи с которым теряют свой смысл. Например: Она не понимала, куда они приехали, и смеялась тому, что они, *как деревенские*, заблудились в большом городе (Н.Погодин. Янтарное ожерелье); Сзади, *точно исполинский костер*, горел лесной склад (А.Куприн. Молох).

В отношении синтаксической роли и взаимосвязи с определяемым членом предложения различие сводится к тому, что неполные сравнительные придаточные части по смыслу относятся к сказуемому или к составу сказуемого главной части, и этим достигается живое, яркое и убедительное представление о действии главной части. Например: В сумерках его маленькие глаза были чуть заметны, *как точки на желтой бумаге* (С.Бабаевский. Кавалер золотой звезды); Широкие тени ходят по равнине, *как облака по небу* (А.Чехов. Степь).

В отличие от неполных сравнительных придаточных частей, относящихся к сказуемому и имеющие только обстоятельственное значение, обособленные сравнительные обороты выступают не только в роли сравнительных обстоятельств, но и в роли сравнительного обособленного приложения и могут относиться к любому члену предложения. Например: а) к сказуемому: Он на меня так смотрит, *словно проверяет*, каким я буду в бою (О.Гончар. Знаменосцы); б) к дополнению: К Шуминым он привык, *как к родным*, и у них чувствовал себя как дома (А.Чехов. Невеста); в) к обстоятельству: И теперь спокойное темное лицо виднелось, *словно в рамке* (В.Василевская. Песнь над водами).

Выводы и перспектива. Обособленные сравнительные обороты – члены простого предложения – связываются с основной частью предложения союзами гипотетического (нереального) сравнения и имеют значение приблизительного сходства, образного сравнения. В сложноподчиненных предложениях с придаточным сравнительным связь предикативных единиц опосредуется структурно-семантическими отношениями между ними. Возможность наложения образа на прообраз в сложноподчиненных предложениях этого типа обеспечивается структурной симметрией предикативных единиц. Главная часть при этом выступает в функции прямого, собственно именования ситуации, а придаточная – в функции ее метафорического имени.

Литература

1. Гамидов И.Г. Семантика и структура предложения / И.Г. Гамидов. – Баку, 1992.
2. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. – Москва: Наука, 1980.
3. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения / Е.С. Скобликова. – Москва: Флинта: Наука, 2006.
4. Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. – Москва: Высшая школа, 1982.
5. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / А.Ф. Прияткина. – Москва: Высшая школа, 1980.

Садихова С. А. До проблеми порівняльних конструкцій у російській мові / С. А. Садихова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 300-304.

У статті розглядається комплекс питань що до порівняльних конструкцій в сучасній російській мові. Диференціюються складнопідрядні речення з порівняльною додатковою частиною та описується їх специфіка. Визначаються риси подібності та відмінності неповних порівняльних додаткових частин та відокремлених порівняльних оборотів

Ключові слова: порівняльні конструкції, російська мова, обороти

Sadikhova S. A. To the problem of comparative construction in Russian language / S. A. Sadikhova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 300-304.

In the article is considered the complex of question about comparative construction in the modern Russian language. It is differentiated the compound subordinate sentence with the comparative supplementary part and it is described their specification. It is the terminated the characteristic of similarity and difference of in complete comparative supplementary part and isolated comparative turn (of speech).

Keywords: Comparative construction, Russian language,

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 81`362

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК, КАК “ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК” И ЕГО СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Канеева Р. Э.

*Ташкентский Государственный Институт Востоковедения, Ташкент, Узбекистан
E-mail: fromrenak@mail.ru*

В данной статье вводится и разъясняется понятие “глобальный английский язык”, а так же три классификации английского языка в реалиях современного времени; рассматриваются социально - лингвистические трудности, указываются и раскрываются предпосылки для их возникновения.

Ключевые слова: глобализация, “глобальный английский язык”, язык, стандартизация, национальный язык, национальная культура.

Постановка проблемы. С последней четверти ученые во всем мире изучают влияние глобализационных процессов на языки во всем мире. Именно тогда английский язык приобрел статус “Глобального языка”. Основной опасностью при этом оказалась возможность потери разными другими культурами своей индивидуальности, что неизбежно в будущем может привести к утрате носителями данной культуры своей самоидентичности, а итогом этих страшных преобразований - является исчезновение языка целой нации. Судьба языков, их сегодняшнее бытование и их будущее, - должны стать для человечества задачей первоочередного порядка.

Объектом исследования данной работы являются мировые глобализационные процессы, оказывающие позитивные и негативные влияния на разные культура и национальные языки в мире.

Актуальность темы данной работы обусловлена возросшим интересом к такому процессу как глобализация. Глобализация - феномен, проявивший себя на всех уровнях жизни человека, от экономики до искусства. С начала XX века и до сегодняшнего дня языковая проблематика оказывается в центре внимания языковедов и филологов. Таким образом, возникает необходимость в изучении поведения языка в эпоху глобализационных процессов. Глобализация - явление именно современного мира, сегодня она не является простым продолжением существовавших прежде интеграционных общемировых тенденций.

Сегодня, говоря о глобализации и ее процессах, каждый из нас вкладывает в это значение свой смысл, определяющийся нашей личной сферой занятости, нашими интересами. Эти процессы имеют ряд самых различных аспектов и сторон, но прежде всего, хотелось бы выделить глобализацию культурную, обеспечивающую коммуникацию между отдельными индивидами, между группами и между индивидом и группой, которая своим потоком снесла большинство национальных границ, где английский язык стал всемирным языком общения. Почему же в данном аспекте мы выделяем английский язык и наделяем его такими большими полномочиями? Для начало, что такое просто язык?

За многие века существования человечества великие люди своей современности давали разные понятия и трактования языку. Но высказывание разных народов во все века и времена сводились к общим значениям и постулатам. Язык, изначально трактуемый как средство коммуникации народа, - является богатством нации, её специфическая культура и традиции. Язык - это судьба нации, осуществляет связь культуры прошлого и будущего. Современное же общество выделяет английский язык, как инструмент масштабного общения в международном плане. Тогда напрашивается вопрос: чем же “уникальным” обладает английский, и каким образом он завоевывает свой престиж среди других языков?

По данным известного английского лингвиста Д. Кристалла [1, с.4], число людей в мире, говорящих на английском языке, более 1 млрд. 100 мил, и только четверть признает его своим родным языком, а число желающих научиться говорить на английском языке неуклонно растет во всем мире с каждым днем. Так, сегодняшние политические деятели пытаются выучить английский язык, что бы надлежащим образом показывать себя на международной платформе. Так же английский играет огромную роль в развитии туристического бизнеса, а он в свою очередь является неотъемлемой частью экономики тех стран, валовой доход которых зависит от иностранных туристов. И чем быстрее будет двигаться процесс глобализации, тем более каждый человек будет нуждаться в овладении языком межнационального общения.

Ответ, на мой выше поставленный вопрос, об “уникальности” английского языка прост. Язык становится глобальным в международном смысле не благодаря своим особым грамматическим или лексическим свойствам, не благодаря своей великой литературе, культуре и религии, язык становится международным по одной основной причине - политическое влияние его носителей. [2, с. 2] И так, английский язык стал языком меж - интернационального общения, частью мирового наследия каждой нации. Это “наследство”, как проявление всемирной глобализации – явление, которое возникло в результате многочисленных факторов глобализационных перемен. И тут конечно, не следует забывать высказывания антиглобалистов, которые ставят под сомнение позитивные влияния глобализационных процессов и утверждают, что в условиях глобализации изменяются внешние стороны культуры во всем мире, уменьшается число языков, на которых говорят люди. Специалисты-филологи знают, что всякий язык жив до тех пор, пока он находится в живом диалоге с другими языками. Лингвисты так же согласны с тем, что языки национальных меньшинств во всем мире уступают дорогу языкам более распространенным, среди которых английский является главенствующим. Условия торговых отношений и сила мировой поп-культуры давят на языки национальных меньшинств [3]. Поэтому говоря о мировой глобализации следует отметить, что глобализационные процессы могут и должны работать в интересах социального и экономического развития всех стран сообщества. Язык, как богатство любой нации, в эпоху глобализации должен быть сохранен для будущих поколений. Сегодня нам следует рассматривать, что знание иностранного языка делает обмен информацией наиболее эффективным, ориентированным на положительный результат.

Поэтому, говоря о глобализации и “интервенции” английского языка, необходимо рассматривать его с двух сторон: первое - влияние самого английского языка

на процесс глобализации, влияние американской культуры, мышления и мировоззрения на культурное наследие других наций и второе - это жизнь самого языка в этих условиях, его изменения и языковая вариантность. Какое же языковое многообразие включает в себя простое словосочетание "английский язык"? В мире существует три вида английского языка.

1. Английский как родной язык.

Прежде всего, английский отражает культуру и мышление людей, для которых он родной. Англичане, американцы, канадцы, австралийцы и т.д. - все они говорят на своих диалектах английского языка. Английский язык, с одной стороны, объединяет их, а местный диалект, с другой стороны, отличает друг от друга. Таким образом, английский язык не является однородным. Противоречие было заложено исторически.

2. Английский как неродной.

В эту категорию включены местные вариации английского языка в странах, где он является родным для небольшого количества привилегированного населения, считается вторым государственным языком или используется для общения с иностранцами. Ни одна из стран не является европейской: это Индия, Пакистан, Малайзия, Таиланд, Южная Корея, Филиппины и т.д.

3. Глобальный английский.

Что касается "международного английского", он стал универсальным языком и его доминирование над другими иностранными языками велико. Вслед за глобальными рынками, глобальной сетью развлечений и путешествий приходит глобальная коммуникация на международном языке.

Язык международного общения, когда используется не носителем, претерпевает трансформацию в сторону упрощения. И тут возникает ряд определенных проблем; когда родной язык претерпевает глобальные изменения, американизмы занимают прочно свое место в лексике и молодым поколением формируется новые лексические изменения, которые отражаются не совсем благоприятно на уникальные национальные особенности данной культуры. Как отмечает М. Вернс: "Беспрецедентное распространение английского языка в мире приводит к тому, что возникают все новые его разновидности, формирующиеся под воздействием других языков и культур и отражающие элементы неанглосаксонского менталитета, моральных ценностей, культурно-исторических реалий, традиций, норм поведения." [4, с. 8].

Выводы и перспектива: Поэтому при сложившихся условиях глобализационных процессов в данный момент, необходимо чтобы любая нация понимала свою индивидуальную значимость в рамках мирового сообщества [5, с. 62]. В реальных условиях глобализации мы можем говорить о взаимо- интеграции Востока и Запада. Молодому поколению важно знать, что своеобразие узбекской (евразийской по своему духу) философии позволяет ей сегодня выйти на широкий простор мирового цивилизационного пространства, к диалогу культур и цивилизаций. Где новая модель глобализации предполагает именно такой творческий открытый диалог культур, позволяющий включиться в мировые информационные сети, но в то же время сохранить свою национальную самобытность, свое национальное достоинство, неповторимость и уникальность национального образа мира.

Литература:

1. Кристал Д. Английский язык как глобальный / Кристал Д. пер. с англ. - М.: Весь мир, 2001.
2. Цирлина Л. Глобализация и лингвистика: Вавилонское столпотворение или "язык-киллер"? // Globalization and Linguistics: a Tower of Babel or a "Killer-Language"? [Электронный ресурс] / Цирлина Л., 2005.
3. Павленко Ю. В. Культурно-языковые противоречия глобализации / Павленко Ю. В. // Зеркало недели. - 2004. - № 32
4. Berns M. Didactic and Pragmatic Approaches To English Language Teaching. Assumptions / Berns M. // English Unites the World. Proceedings of the International Conference. - Saratov: Saratov University Press, 2002.
5. Воронцова Е. А. Проблема языкового и культурного общения в цивилизации XXI в. Образование и культура России в изменяющемся мире / Воронцова Е. А. - Новосибирск, 2007 .

Канеева Р. Э. Глобалізація: англійська мова, як “глобальна мова” та її соціолінгвістичні труднощі / Р. Э. Канеева // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 305-308.

У даній статті вводиться і роз’яснюється поняття “Глобальна англійська мова”, а так само три класифікації англійської мови в реаліях сучасного часу; розглядаються соціолінгвістичні труднощі, указуються і розкриваються передумови їх виникнення.

Ключові слова: глобалізація, глобальна англійська мова, мова, стандартизація, національна мова, національна культура.

Kaneeva R.E. Globalization: English language as “Global World Language” and its social and linguistic problems / R.E. Kaneeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 305-308.

In this article there appears the meaning “Global World Language”, there are also given three points of classification of the English language in the real time; and there are pointed social linguistic problems and the reasons for their appearance.

Keywords: globalization, Global World Language, language, standardization, national culture, national language.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 140.8 (572:111.1)

НООСФЕРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мезенцев Ю.Л.

*ЮФ НУБіП України «КАТУ», г. Сімферополь, Україна
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

В современной научной литературе широко обсуждается ноосферное учение В.И.Вернадского: одни авторы критикуют ноосферологию, другие утверждают, что это новое научное направление может выступить мировоззренческой основой устойчивого развития общества. В связи с этим в статье, с позиции целостной философии, философии антропокосмизма В.Н.Сагатовского, анализируются достоинства и недостатки учения о ноосфере.

Ключевые слова: ноосфера, объективная реальность, субъективная реальность, эволюция, инволюция.

Современный мир переживает глубокий духовный кризис. Духовность – это стремление человека к достижению определённой цели, стремление к совершенству. К чему сейчас стремится человек? Какие ставит перед собой цели? На эти вопросы нужно ответить человечеству. Но, к сожалению, современный человек заботится об удовлетворении всё более утончённых искусственных потребностей и к достижению максимума власти и богатства. Такая мировоззренческая установка может человечество привести к гибели. Можно сказать, что сегодня ни один из сложившихся исторических типов мировоззрения не удовлетворяет требованиям современности. Следовательно, необходимо формировать новое, ноосферное мировоззрение, способное выступить стратегией выживания мира и человека.

Цель статьи заключается в философском анализе учения о ноосфере, выявлении его положительных и отрицательных сторон для формирования ноосферного мировоззрения. К данной проблеме обращались многие учёные и философы. Впервые термин «ноосфера» появился в первой половине двадцатого века в работах Э.Леруа (ученик В.Вернадского) и эволюциониста П.Тейяра де Шардена. Развить учение о ноосфере в современных условиях предприняли попытки П.Гленсдорф, А.Д.Урсул, С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий, Б.П.Князева, Н.Ю.Климонтович, В.П.Кохановский, Н.Н.Моисеев, Г.И.Рузавин, С.А.Капица, И.А.Акчурин, Л.Б.Боженев, В.С.Стёпин, В.И.Аршинов, Ю.В.Чайковский, Б.Г.Юдин, В.А.Шевлаков. Особое место в создании концепции ноосферы занимают труды В.Вернадского.

Многие учёные и философы подвергли ноосферологию серьёзной критике: Ф.Р.Штильмарк, Б.М.Миркин, Л.Г.Наумова, В.А.Кутырёв, А.В.Поздняков. Профессор М.Н.Кузнецов и И.В.Понкин дали заключение «по содержанию религиозно-политической идеологии ноосферизма».

Обратимся к концепции В.Вернадского. Им выдвинуты три идеи. Во-первых, высказана идея о том, что естественные, закономерные геобиохимические процессы едины. Во-вторых, произошёл закономерный переход биосферы в новое состояние – ноосферу. «Ноосфера - последнее из многих состояний эволюций биосферы в геологической истории - состояние наших дней» [2, с. 241-242]. Это новая геологическая сила - научная мысль социального человечества. В-третьих, человечество, начиная с 20 века, развивается в единстве и всё более углублённо взаимодействует с природой. Создание подлинного единства человечества «есть необходимое условие организованности ноосферы, и к нему человечество неизбежно придет» [2, с. 67].

В.И.Вернадский разрабатывал своё учение и при этом использовал научные методы и научную терминологию, выдвинул гипотезу об образовании некой разумной, информационно-энергетической оболочки Земли. Учёный не прибегал к религиозно-идеалистической трактовке этой оболочки - ноосферы. Он пытался дать ей научное обоснование. В своих рассуждениях твёрдо стоял на позициях материалистической философии.

Информационно-энергетические процессы объективны. Это особый вид материи. Они проходят не только в живой природе, но также и в неживой. А с появлением общества в связи с человеческой разумной деятельностью представляют особую сферу – ноосферу. Многие учёные, философы не в состоянии понять природу информации, не могут отличить её от вещества и энергии, и поэтому считают, что информация - это чисто духовное образование, приписывают ноосферное учение В.Вернадского к религиозным учениям и объявляют её утопией.

Науке многое неизвестно о природе этих процессов, которые предстоит исследовать. Много неизвестного таит в себе и человеческая мысль, человеческий разум, но, безусловно, он объективен. Энергетической природой ноосферы видимо должны заниматься астрофизики. Философии важно выяснить её функциональную природу.

Здесь, на наш взгляд, нужно ещё раз проанализировать учение В.И.Вернадского и его последователей, обнаружить упущения и внести некоторые дополнения. Учение о ноосфере разрабатывалось с материалистических позиций. А материалистическая философия, высшая форма которой представлена в философии марксизма, не является единственно верной. Поэтому не позволила учёным естествознания обнаружить некоторые аспекты процессов развития природы (неживой и живой), общества и человека.

Нам необходимо осуществить анализ учение о ноосфере с позиции такой философии, которая объединяет в себе всё положительное, что есть во всех основных философских направлениях. Как известно, существуют три основных направлений: материализм, субъективный идеализм и объективный идеализм. Долгое время эти три направления развивались автономно, противопоставляя друг другу свои варианты решения основных философских проблем, претендуя на абсолютную истину.

Сегодня возникла настоятельная необходимость создать новое философское направление, так называемую, целостную философию, которая может позволить более глубоко рассмотреть концепцию ноосферы, и обосновать новое ноосферное мировоззрение, как стратегии дальнейшего развития человечества. Начало разработки целостной философии было положено русским философом 19 ст. Вл. Соловь-

ёвым. В наше время её успешно разрабатывает российский философ В.Н.Сагатовский. В работах «Философия развивающейся гармонии» и «Философия антропокосмизма в кратком изложении» он рассмотрел философские проблемы на основе принципа антропокосмизма, в онтологии высказал идею о том, что существуют три уровня бытия, являющиеся всеобщими способами существования любого сущего в мире и самого мира: объективная реальность, субъективная реальность и трансцендентная реальность. Основные исторические направления философии абсолютизируют какой-либо один из уровней. Объективную реальность (материю) абсолютизирует материализм. Субъективную реальность (душу, экзистенцию) – субъективный идеализм. А трансцендентную реальность (дух, трансценденцию) – объективный идеализм.

Объективная реальность задаётся внешними закономерными (повторяющимися) связями и выступает как бытие-для-другого; субъективная реальность образуется в сфере информации, которая интерпретируется субъектом. Субъект – это сущее, имеющее внутреннюю программу, в основе которой лежит индивидуальная неповторимость. Это бытие-для-себя. Трансцендентная реальность – безотносительное бытие, оно не создаёт объективную и субъективную реальность, но присутствует в субъекте, задаёт его целостность и целостность более высокого порядка, к которой данный субъект относится как часть. Такой уровень бытия называется бытие-в-себе. Каждый уровень необходим для любого сущего, а вместе они придают полноту бытия.

Такой подход к онтологической проблематике позволит преодолеть недостатки и упущения материалистов естествознания, разработавших учение о ноосфере. Основной недостаток заключается в утверждении, что геобиохимические эволюционные процессы, а также возникновение ноосферы, являются естественными закономерными процессами.

Например, Н.Н.Моисеев в своих работах представил систему взглядов на эволюционные процессы, названной «универсальным эволюционизмом». Н.Н.Моисеев хотя и утверждает, что всё, что происходит вокруг нас, является процессом самоорганизации, т.е. процессом, идущим за счёт внутренних стимулов, не требующих вмешательства внешних факторов, не принадлежащих системе, всё же считает, что появление на Земле жизни и интеллекта - это закономерный процесс.

О.Л.Кузнецов, П.Г.Кузнецов, Б.Е.Большаков в работе «Природа. Общество. Человек» разработали теорию устойчивого развития. В этой теории «глобальная система природа-общество-человек рассматривается как ЦЕЛОСТНАЯ, динамическая, волновая, открытая, устойчиво неравновесная система, с выделением не только внутренних связей, но и внешних - с космической средой. В качестве инварианта глобальной системы использован **закон сохранения мощности**».

Как в первом, так и во втором примерах обнаруживается глубокое противоречие. Авторы утверждают, что на всех уровнях материального мира существует саморазвитие, самоорганизация, система «природа-общество-человек» рассматривается как ЦЕЛОСТНАЯ, динамическая, волновая, открытая, устойчиво неравновесная система. Но это утверждение логически не выводится, а только постулируется. Ведь, ещё раз отметим, что ссылка на то, что в качестве инварианта глобальной сис-

темы действует закон сохранения мощности не может служить доказательством развития, саморазвития, самоорганизации системы «природа-общество-человек».

Вполне разумно предположить, что всё в этом мире существует и взаимодействует не только на уровне объективной реальности, но и на уровне субъективной реальности. На этом уровне любое сущее задано внутренней направленностью другого сущего, основанием которого является уникальность и неповторимость. Неповторимая основа субъективной реальности и является источником саморазвития.

Следует заметить, что закономерные связи – это устойчивые, повторяющиеся связи и означают сохранение системы, её качества. Эволюционный процесс – не только сохранение качества системы: физической, химической биологической, социальной системы, но и возникновения нового качества, новой системы. А смена качества есть событие. Эволюция – это процесс, который включает в себя и систему, и событие. Событие происходит в результате свободы созидания.

Возникает вопрос, существует ли свобода в неживой природе? Всю историю человеческой мысли пронизывают предположения о том, что и на этом уровне бытия есть некое внутреннее стремление, свобода выбора, который в своём развитии достигает когда-то уровня человеческой свободы. Возьмите, например, идею Эпикура об «отклонении атома». В самом деле, ведь мы не знаем, как возникли закономерности неживой природы, которые мы сейчас воспринимаем как «вечные». Сегодня в науке есть такое направление, которое вплотную подошло к идее о существовании уникального и неповторимого в неживой природе. Это синергетика. Но пока это гипотеза.

Но философия, как наука о предельно общих основах бытия, применяет гипотетико-дедуктивный способ исследования, чтобы двигать человеческую мысль. А пока мы можем сослаться только на поэзию, на известного русского поэта Тютчева, чтобы подтвердить существование такого уровня бытия, на котором имеет место свобода.

Не то, что мните вы, природа.
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Итак, в основе субъективной реальности лежит индивидуальная неповторимость. Субъект обладает свободой, способен осуществлять выбор. Возникает вопрос о направленности развития. Существует два основных направления развития, поскольку всё, что существует либо сохраняется, либо изменяется. В.Н.Сагатовский отмечал: «Поскольку развитие, как возникновение нового качества, предполагает изменение и сохранение, постольку оно может быть представлено как единство двух противоположно направленных процессов: эволюции, развёртывания многообразия (дифференциации) и инволюции, свёртывание в единство (интеграция)». [4, с.54].

Причём, В.Н.Сагатовский отмечает: «В зависимости от своих мировоззренческих установок философы предпочитают считать главным и «прогрессивным» одну из этих сторон. Так 19 век проходил под знаком приоритета прогресса, понимаемого как эволюция и дифференциация. Этот взгляд пронизывал и материалистически настроенное естествознание, и позитивизм типа Г.Спенсера, и гегелевский идеализм, и диа-

лектический материализм. Напротив, в буддизме, неоплатонизме или в философии Вл. Соловьёва примат, безусловно, принадлежит тенденции к всеединству». [4, с.55].

В.И.Вернадский и его последователи, представители естествознания, находясь на позициях материализма, признают прогрессивным развитием эволюцию, дифференциацию. Учёный постоянно подчёркивал, что «ноосфера последнее из многих состояний эволюций биосферы в геологической истории - состояние наших дней» [3, с. 241-242]. Моисеев разработал теорию «универсального эволюционизма». Как видим, учёные естествознания, стоящие на позициях материализма, отдают предпочтение эволюции, поскольку признают существование в мире лишь только уровня объективной реальности и утверждают, что всё в мире подчиняется объективным законам.

Но, оказывается, наличие в мире уровня субъективной реальности обуславливает разную направленность развития: эволюции или инволюции, дифференциации или интеграции. В мире существует выбор определённого варианта развития. Правда, в неживой природе в большей степени неукоснительно действуют объективные закономерности, а выбор и творчество исключение, знаменательные повороты в эволюции и инволюции. Творчество и выбор для человеческой субъективной реальности являются постоянной характеристикой.

Биогеохимические процессы на Земле, возникновение ноосфере – это не только эволюционные процессы, но и процессы инволюции. Эволюция и инволюция – неразрывно связанные процессы, они друг друга дополняют и составляют две стороны развития. Эволюция не должна разрушать основы будущей инволюции, а инволюция не должна препятствовать эволюции. Но это взаимодополнение в идеале. А очень часто эти две стороны развития взаимоисключают друг друга.

В обществе ту или иную сторону развития определяет мировоззренческий выбор. «На уровне базовых ценностей, - отмечает В.Н.Сагатовский, - это выбор между волей к власти и волей к любви: ориентированы ли мы на то, чтобы стать властным центром чуждого и враждебного нам мира, или, напротив, готовы к диалогу и сотворчеству с добрыми началами бытия». [4, с.55]. Таким образом, духовное единство человечества, определяющее суть ноосферу, зависит не только от успешного развития науки, но и от правильного морального выбора, формирование соответствующих ценностных установок.

Здесь мы в связи с этим должны отметить ещё один недостаток учения В.И.Вернадского о ноосфере. Этот недостаток вытекает из первого упущения. Поскольку мир, вселенная воспринимается только как объективная реальность, мир существует благодаря тому, что неукоснительно действуют объективные закономерности, постольку только наука и техника могут освоить этот уровень бытия, и только наука может объединить всё человечество.

В.И.Вернадский отмечал, что особая роль в создании этого духовного единства принадлежит науке. Она - одна для всего человечества и носит не национальный, а интернациональный характер. «Биосфера ХХ столетия превращается в ноосферу, создаваемая, прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества» [3, с.297]. Физические, биологические и другие

теории обладают одинаковой ценностью для ученых всех стран и континентов Земли, являются достоянием всего человечества.

Философия в этом деле не может заменить науку, поскольку философских концепций много. Все они по-разному отвечают на вечные вопросы о сущности мира, человека, общества, о взаимосвязи общества и природы, о смысле жизни, перспективах земной цивилизации. Создатель ноосферологии утверждал, что «философская мысль оказалась бессильной возместить связующее человечество духовное единство» [3, с. 293].

Согласно В.Вернадскому религия также никогда не была единой для всего человечества, поскольку существовало, будет существовать множество религиозных течений. Правда, учёный добавляет, что это обстоятельство ни в коей мере не снижает духовной ценности религии (как и философии) для человечества. Здесь В.Вернадский сам себе противоречит.

Объединять может не только наука, но философия, религия и искусство. А философия является квинтэссенцией всей человеческой культуры. Философы по-разному отвечали на вечные философские вопросы, поскольку обосновывали различные мировоззренческие позиции. Но это не значит, что не может быть единой философии и мировоззрения. Сегодня человечество как никогда нуждается в общем мировоззренческом идеале, поскольку может погибнуть либо в экологической катастрофе, либо в термоядерной войне. Существует настоятельная необходимость разработать единую философию, которая способна обосновать единую стратегию выживания человечества, единую мировоззренческую позицию.

Что касается религии, то, действительно, сегодня ещё существует множество религиозных течений. У каждого народа, каждой отдельной личности есть что-то самоценное, святое, и есть своё понимание Бога. Но современная ситуация заставляет всё человечество выработать единое понимание Бога и единые святыне, незыблемые ценности. Искусство также может выполнять функцию духовного объединения человечества и быть частью ноосферы. Поэтому неверно считать, что, если бы не было науки, то каждый философствовал бы о чем-то близком только ему одному, молился бы своему Богу, выражал бы в художественных образах своё личное эмоциональное состояние.

Ограниченное понимание эволюционных процессов и духовного единства человечества ведёт ещё к одному недостатку. Согласно концепции Вернадского ноосфера представляет собой единство природного (биосфера) и социального («общество»). Он подчёркивал, что, оставаясь в биологическом плане частью биосферы, человечество, как носитель разума, - явление социальное, поэтому оно является биосоциальной реальностью, которая представляет собой основу ноосферы. Но человек во взаимодействии с природой и обществом не является функцией ни того, ни другого, не сводится ни к природе, ни к обществу. Он не только биосоциальное, но и духовное существо. Оказывается, есть у человека что-то сверхбиологическое и социальное, есть духовная жизнь, есть душа, о наличии которой говорит религия. Именно христианская религия впервые обнаруживает духовное в человеке. Ни хлебом единым жив человек. В чём суть духовного в человеческом бытии?

Деятельность сознания рождается как необходимость для выработки программ, управляющих трудом и общением. Но постоянная внутренняя активность человеческой психики приводит к тому, что возникают новые потребности: мечтать, изобретать, творить, т.е. жить внутренней духовной жизнью. Эта жизнь становится не только обслуживающим средством приспособления и преобразования, но и самоценностью. Очень важно понять, что поиск истины, переживания красоты, следования добру не просто средство для обеспечения выживания, невторичны по отношению к пользе, а самоценны. Таким образом, в ноосфере человек выступает самоценностью, неповторимой индивидуальностью, и, в тоже время не стремится к эгоистическому самоутверждению.

Итак, представление о ноосфере нужно расширить. Об этом говорил русский философ П.А.Флоренский. Он в переписке с В.И.Вернадским указал на рационалистическую ограниченность его теории. П.А.Флоренский отмечал, что духовное единство не сводится к человеческому разуму, представленное даже в научной форме. Он предложил заменить термин «ноосфера» термином «пневмосфера». «Пневмосфера» - это не только сфера разума, но и сфера человеческих чувств, вся полнота духовной жизни, в которую входят и религиозные, и эстетические чувства, и творческое преобразование, и радость потребления произведенного, и познание истины, получения признания в общении, самым высоким уровнем которого является морально-нравственное общение, и другие духовные силы.

Правда, есть у Вернадского замечание по поводу морали и нравственности учёных. Он писал о том, что есть в ноосфере добро и зло, и должно быть «сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели» [3, с.296]. Действительно, существует опасность вовлечения человеком в духовную жизнь биосферы, элементов окружающей среды, особенно в условиях технического прогресса.

В.И.Вернадский глубоко анализируя технический прогресс, отмечал, что в том виде, в котором прогресс сейчас существует, он существовать не может, его необходимо изменить, потому что он способствует исчерпанию основных жизненных элементов биосферы, в частности, железа, алюминия, углерода. В 1920-е годы Вернадский говорил об исчерпании энергии, то есть о том энергетическом кризисе, который охватил планету, спустя более, чем полвека. Уже тогда Вернадский ясно понимал и предупреждал, что таким путем человечеству нельзя идти.

Замечание В.И.Вернадского справедливо. Но оно не исправляет основную идею учёного. Научная мысль, согласно теории Вернадского, всё же является главной духовной силой человечества и способствует духовному единению, а мораль и нравственность второстепенны. Выходит, что нравственен учёный тогда, когда осознаёт полезность научных идей. Отсюда задача учёного мира сводится лишь только к тому, чтобы тщательно анализировать научные проекты и их широко популяризировать и пропагандировать. Это похоже на этический рационализм Сократа.

Рассмотрев достоинства и недостатки ноосферного учения В.Вернадского, можем сделать вывод: ноосфера – это, как отмечал В.Н.Сагатовский, «соборное единство общества, личности и природы», в процессе которого осуществляется свобода выбора и творчества эволюционного и инволюционного прогрессивного развития

на основе новых ценностных установок. Ноосфера – это не только сфера разума, научной мысли, но и духовная атмосфера, в которой ориентиром жизнедеятельности являются не максимум власти над миром и его богатства, а равноправие и самоценность всех его составляющих частей: природы, общества и человека. Такое философское понимание ноосферы позволит формировать ноосферное мировоззрение.

Литература:

1. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение / Вернадский В. И. – М. : Наука, 1987. – 340 с.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление / Вернадский В. И. – М. : Наука, 1991. – 310 с.
3. Вернадский В. И. Автотрофность человечества. Русский космизм: Антология философской мысли. / Вернадский В. И. // Педагогика–Пресс.– М., 1993. – С. 288–303.
4. Сагатовский В. Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении / Сагатовский В. Н. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского гос. университета, 2005. – 250 с.
5. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии / Сагатовский В. Н. - в 3-х ч. – Ч. 2. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского гос. университета, 1999. – 272 с.
6. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой / Моисеев Н. Н. – М. : «Аграф», 1998. – 472 с.
7. Кузнецов О. Л. Система: природа – общество – человек: устойчивое развитие / О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б. Е. Большаков. – М. : «Ноосфера», 2000. – 390 с.

Мезенцев Ю.Л. Ноосферний світогляд – стратегія виживання сучасної цивілізації / Ю. Л. Мезенцев // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 309-316.

У сучасній науковій літературі широко обговорюється ноосферне вчення В. І. Вернадського: одні автори критикують ноосферологію, інші стверджують, що це новий науковий напрям може виступити світоглядною основою сталого розвитку суспільства. У зв'язку з цим у статті, з позиції цілісної філософії, філософії антропокосмизма В. Н. Сагатовського, аналізуються переваги і недоліки вчення про ноосферу.

Ключові слова: ноосфера, об'єктивна реальність, суб'єктивна реальність, еволюція, інволюція

Mezentsev yU.I. Noosferne world view is strategy of survival of modern civilization / U. I. Mezentsev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 309-316.

In modern scientific literature widely the noosferne studies of V.I.Vernadskogo: come into question one authors criticize noosferologiyu, other assert that it new scientific direction can come forward world view basis of steady development of society. In this connection in the article, from position of integral philosophy, philosophy of антропокосмизма V.N.Sagatovskogo, dignities and lacks of studies are analysed about ноосфере.

Keywords: ноосфера, objective reality, subjective reality, evolution, involution.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

УДК 81'373.72

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИДИОМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Чернобай С. Е.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: svetoniya@mail.ru*

В статье рассматриваются различные подходы к определению термина «идиома». Анализируются дефиниции термина в концепциях отечественных и зарубежных ученых, представлены некоторые классификации идиом и определяются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: идиома, фразеологическая единица, комплексный языковой знак.

Постановка проблемы. На данном этапе развития лингвистической науки не возникает сомнения по поводу того, что фразеология сформировалась как самостоятельная научная дисциплина. Фразеологический фонд языка является богатейшим материалом как для изучения в рамках лингвокультурологии, когнитивистики, так и в междисциплинарных исследованиях. Хотя о проблемах фразеологии написано много и с разных позиций, до сих пор ученые не приходят к единому мнению в определенных вопросах. **Цель** данной статьи – рассмотреть различные подходы к определению собственно идиомы или «фразеологизма-идиомы» (по определению В. Н. Телия [1, 59]). Для достижения поставленной цели необходимо изучить определение идиомы в концепциях отечественных и зарубежных ученых-фразеологов; рассмотреть основные критерии, на основании которых фразеологические единицы причисляются к классу идиом.

Изложение основного материала. Еще в 20-ые годы XX века И. Е. Аничков предлагает назвать «застывшие или устойчивые сочетания» идиотизмами или идиоматизмами [2, 141]. Ученый считает, что сочетания предлогов и слов или слов и предлогов, устойчивые сочетания слов, поговорки и пословицы суть явления одного порядка и должны обозначаться одним и тем же термином. Хотя И. Е. Аничков не предложил определенной классификации идиом, им были затронуты проблемы необходимости регистрации и создания структурной классификации данных языковых единиц, необходимости описания идиоматики, без которой не может быть разработана семантика.

Поворотным пунктом в изучении фразеологии различных языков явились работы В. В. Виноградова, посвященные русской фразеологии. Огромное влияние этого ученого почти на все исследования в области фразеологии объясняется тем, что эти работы заполнили ту брешь, которая образовалась ввиду недостаточного изучения семантики устойчивых сочетаний слов [3, 21]. В. В. Виноградов выделял три типа фразеологических единиц: фразеологические сращения (или идиомы), фразеологические единства и фразеологические сочетания. Фразеологические сращения, или

идиомы, – немотивированные единицы, выступающие как эквивалент слов, например: *навострить лыжи, спустя рукава, через пень колоду* и др. [3, 24].

А. И. Смирницкий различает фразеологические единицы и идиомы. Фразеологические единицы (ФЕ), имеющие строение свободных, собственно грамматических сочетаний слов в предложении, обладающие значительной семантической цельностью [4, 206], следует отделять от особого вида идиоматических словосочетаний, которые можно было бы назвать собственно идиомами. Существо отличия собственно идиом от ФЕ состоит в том, что ФЕ входят в основную ткань языка, они лишены какой бы то ни было образности, метафоричности. Собственно идиомы являются идиоматичными словосочетаниями, основанными на переносе значений, метафоре, ясно осознающейся говорящими. Характерным моментом для них является их яркая стилистическая окраска, эмоциональная насыщенность, отход от обычного нейтрального стиля, например: *to take the bull by the horns, to wash one's dirty linen in public* [4, 209].

Н. Н. Амосова выделяет два типа ФЕ – фраземы и идиомы. Идиомы – это «единицы постоянного контекста, в которых указательный минимум и семантически реализуемый элемент нормально составляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания и которые характеризуются целостным значением, например: *red tape*» [5, 72].

Разделение фразеологизмов на два основных структурно-грамматических класса нашло поддержку у исследовательницы украинской фразеологии Л. Скрипник. Ученый различает: 1) фразеологические единицы, «организованные по типу модели словосочетания (реже – предложения). Семантически-структурной особенностью является соотнесенность с отдельным словом и функционирование в роли члена предложения. Эта разновидность ФЕ имеет общее название лексические идиомы (*стріляний горобець; на всі заставки*); 2) фразеологические единицы – фразы, имеющие организацию простых или сложных предложений» [цит. по 6, 114].

А. В. Кунин выделяет три раздела во фразеологии, деление которых основано на различных типах значения фразеологизмов (от более осложненных до менее осложненных): идиоматику, идиофразеоматику и фразеоматику [3, 26]. В раздел идиоматики входят идиомы, т.е. «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта, то есть его экспрессивно-оценочных, эмотивных, образных и других компонентов, например: *burn one's fingers, kick the bucket*» [3, 53].

Изучая идиоматическую фразеологию в языке и речи, Е. К. Луконина определяет идиоматическую ФЕ как «семантически цельное образование, значение которого невыводимо из совокупности значений составляющих его частей» [7, 1]. Исследователь выделяет следующие функционально-стилистические категории среди «собственно идиом»: а) ФЕ явно метафорического характера; б) ФЕ, сохраняющие более или менее живую связь с литературным первоисточником; в) ФЕ гномико-дидактического характера (часто пословицы) [7, 15].

Вслед за И. И. Чернышевой, Д. О. Добровольский под идиомой понимает «устойчивое словосочетание различных структурно-семантических типов, чье значение является результатом полного или частичного семантического переосмысления

компонентом его структуры» [8, 298]. В идиомах особенно часто проявляется полный отрыв слов-компонентов от их первоначального (словарного) значения [9, 58].

М. Алексеев выделяет три качественно и количественно разных типа единиц – идиомы, фраземы и паремии. Четких границ между типами этих единиц нет – они «приобретают черты периферийных зон» [10, 95-96].

Несогласованность терминологии фразеологии, в частности наименование ее объекта, в определенной степени обусловлена авторским пониманием объема фразеологии как дисциплины, а также пониманием особенностей разных групп ее единиц. Чаще всего используются термины «фразеологическая единица», «фразеологизм», «фразема», «фразеологический оборот», «образное выражение», «идиома», «устойчивый оборот», «лексикализованное словосочетание», «фракционированный знак». Эти термины употребляются как равноправные, синонимические наименования анализируемых единиц языка с целью определения их стилистического разнообразия [11, 12-13]. В. Д. Ужченко и Д. В. Ужченко отмечают, что сердцевинной фразеологического состава являются идиомы – переосмысленные сочетания слов, как правило, образно мотивированные. Последнее связано с тем, что мы подсознательно соотносим фразеологическое значение с тем образом, который возникает из буквального значения фразеологической единицы [11, 18].

Хотя сфера идиоматики в разных теоретических концепциях задается по-разному, можно выделить общую часть большинства определений идиомы, которая сводится к трем идеям: «неоднословность, устойчивость и идиоматичность» [12, 51]. Наибольшие вопросы вызывает понятие идиоматичности, которое в общем случае означает осложненность способа выражения содержания. Ю. Д. Апресян связывает идиоматичность с выполнением сложившихся в данном языке норм «синтаксической, семантической и лексической сочетаемости» [13, 11]. У. Вейнрих пишет, что естественным языкам «внутренне присуща идиоматичность – свойство составных выражений, значение которых не выводится из синтаксической структуры и значений входящих в них компонентов» [14, 139]. Использование идиом оказывается лишь одним из проявлений идиоматичности. Как замечают ученые, совпадение корней в терминах «идиома» и «идиоматичность» является чисто случайным, внешним фактором и никоим образом не создает порочного круга [12, 52]. Вместо термина «идиома» можно использовать словосочетание «фразеологизм в узком смысле», т.е. «сверхсловное образование, которому свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости» [12, 60]. При таком определении становится очевидным, что четкая граница между идиомами и фразеологизмами других классов отсутствует, так как эти классы тоже обладают устойчивостью и определенной идиоматичностью.

Как отмечает А. Г. Николенко, в отечественной фразеологии термин «идиома» применяется лишь к определенному типу фразеологических единиц, характеризующихся высоким уровнем идиоматичности и отсутствием мотивированности. Для западных же ученых характерно употребление термина «идиома» применительно к различным группам устойчивых выражений [15, 272]. Лишь Р. Глэзер в своих исследованиях использует термин «фразеологическая единица» по отношению к разным группам устойчивых сочетаний. Ученый определяет ФЕ как «лексикализованное воспроизводимое словосочетание, состоящее из двух и более слов, обла-

дающее относительной синтаксической и семантической стабильностью, которое может быть идиоматичным, обладать коннотацией и выполнять усилительную функцию в тексте» [16, 125]. Далее Р. Глэзер отмечает, что идиома является доминирующим подтипом ФЕ, которая отличается тем, что ее значение не выводится из значений ее составляющих [16, 126]. ФЕ образуют «фразикон» языка, т.е. весь набор идиом и фраз, устойчивых выражений как со структурой словосочетания, так и предложения. Центр фразеологической системы образуют номинации, включающие ФЕ как идиоматического, так и неидиоматического характера. Пропозиции (ФЕ со структурой предложения) относятся к периферии фразеологической системы, при этом пословицы полностью причисляются к идиомам [16, 127]. Н. Р. Норрик также относит пословицы, по крайней мере, с переносным значением, к идиомам, так как их пословичное значение отличается от буквального прочтения пословицы [17, 3].

В зарубежных словарях идиома определяется как «устойчивое выражение, в котором два или более слова связаны синтаксически, но со значением, соответствующим одной лексической единице» [18] и как «группа слов, чье значение невозможно вывести из ее составляющих» [19]. Дж. Флорес д'Аркас отмечает, что большинство ученых определяют идиому как «фразовую единицу, чье значение невозможно вывести из ее синтаксических компонентов» [20, 79]. Важными свойствами идиом ученый называет: 1) слитность и гибкость; 2) прозрачность и размытость; 3) уникальность; 4) синтаксическую раздельнооформленность и идиоматический анализ; 5) лексический статус идиом и их репрезентацию в ментальном лексиконе [20, 80-81].

А. Ланглоц называет идиомы комплексными языковыми конфигурациями [21, 1]. При этом вновь отмечается, что фразеологи не пришли к единому пониманию термина. Идиомой называют как устойчивое сочетание типа *“kick the bucket”*, *“take care of NP”*, так и речевые формулы, фиксированные фразы, словосочетания, клише, высказывания, пословицы и аллюзии [21, 2]. Исследовав различные подходы своих коллег, А. Ланглоц пишет, что идиоматические конструкции могут быть описаны как комплексные символы со специфическими формальными, семантическими, прагматическими и социолингвистическими характеристиками. Наиболее характерными признаками идиом являются институализация, сочетаемость, устойчивость и некомпозициональность. При этом наблюдается сосуществование узкого и широкого (с включением пословиц) объема идиоматики [21, 3].

Исследование А. Ланглоца выполнено в русле когнитивной лингвистики. Для отечественной лингвистики конца XX века характерно рассмотрение фразеологизма как комплексного языкового знака (И. И. Чернышева, В. Н. Телия, Я. А. Баран), именно такой подход позволяет изучать идиомы в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [22, 18-19]. Я. А. Баран дает следующее определение фразеологизма (а следовательно и идиомы как его разновидности): «виртуальный знак языка по типу словосочетания или предложения с полным или частичным переосмыслением компонентов, назначение которого – выражение номинативно-экспрессивной функции» [22, 77].

Выводы и перспектива. Исследование показывает, что как в отечественной, так и в зарубежной фразеологии нет однозначного подхода к определению идиомы и нет четкого обозначения границ идиоматики. Многие ученые включают послови-

цы, с полностью переосмысленным значением ее компонентов, в объеме идиоматики. Хотя большинство ученых сходится во мнении, что идиома – словосочетание, чье значение не выводится из значения его составляющих, проблемы универсального определения идиомы и критерии их классификации до сих пор остаются открытыми вопросами и представляют интерес для фразеологов. Рассмотрение идиомы как комплексного языкового знака расширяет границы изучения идиоматики, позволяя проводить междисциплинарные исследования идиом в рамках лингвокультурологии, когнитивистики и социолингвистики.

Список литературы:

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Аничков И. Е. Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе, 1927) / И. Е. Аничков // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 140–150.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: [Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
4. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / Смирницкий А. И. – М.: Наука, 1956. – 245 с.
5. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Амосова Н. Н. – Л., 1963. – 203 с.
6. Фразеологія: знакові величини: [Навч. посіб. для студентів факультетів іноземних мов] / Баран Я. А., Зимомря М. І., Білоус О. М., Зимомря І. М. – Вінниця: Нова книга, 2008. – 256 с.
7. Луконина Е. К. Идиоматическая фразеология в языке и речи: (на материале совр. англ. яз.): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10. 02. 04 «Германские языки» / Е. К. Луконина. – М., 1986. – 25 с.
8. Dobrovolskij D. Phraseological universals: theoretical and applied aspects / D. Dobrovolskij // Meaning and grammar: cross-linguistic perspectives / ed. by Michel Kefer, Johan van der Auwera. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. – P. 279–301.
9. Черданцева Т. З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) / Т. З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 58–70.
10. Алексеенко М. Еще раз о неразрешенных проблемах фразеологии / М. Алексеенко // Slavica stetinensia. – Szczecin, 1999. – № 8. – С. 83–103.
11. Ужченко В. Д. Фразеологія сучасної української мови: [Навч. посіб.] / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Знання, 2007. – 494 с.
12. Баранов А. Н. Идиоматичность и идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 51–64.
13. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
14. Вейнрейх У. Опыт семантической теории / У. Вейнрейх // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 50–176.
15. Ніколенко А. Г. Лексикологія англійської мови – теорія і практика / А. Г. Ніколенко. – Вінниця: Нова Книга, 2007. – 528 с.
16. Gläser Rosemarie. The Stylistic Potential of Phraseological Units in the Light of Genre Analysis / Rosemarie Gläser // Phraseology: theory, analysis, and applications / ed. by A. P. Cowie. – Clarendon Press: Oxford, 1998. – P. 125–143.
17. Norrick N. R. How proverbs mean: semantic studies in English proverbs / N. R. Norrick. – Berlin; New York: Mouton, 1985. – 213 p.
18. Matthews P. H. The Concise Oxford dictionary of linguistics / P. H. Matthews. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. – 410 p.
19. Collins English dictionary and thesaurus. – Major new edition. – Glasgow: Harper Collins Pub., 1993. – 1378 p.

20. D'Arcais Giovanni B. Flores. The Comprehension and Semantic Interpretation of Idioms / Giovanni B. Flores d'Arcais // Idioms: processing, structure, and interpretation / edited by Christina Cacciari, Patrizia Tabossi. – Hillsdale, N. J. : L. Erlbaum Associates, 1993. – P. 79–98.

21. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English/ Andreas Langlotz. – Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. – 327 p.

22. Баран Я. А. Фразеологія у системі мови / Я. А. Баран. – Івано-Франківськ : «Лілея – НВ», 1997. – 176 с.

Чорнобай С.Є. Визначення ідіоми в сучасній фразеології / С.Є. Чорнобай // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т. 24 (63), № 3. – С. 317-322.

Ця стаття розглядає різні підходи до визначення терміна «ідіома» в сучасній фразеології. Аналізуються дефініції терміну в концепціях вітчизняних та зарубіжних вчених, представляються деякі класифікації ідіом та визначаються перспективи подальших досліджень.

Ключові слова: ідіома, фразеологічна одиниця, комплексний мовний знак.

Chornobay S. Y. The definition of idiom in modern phraseology / S. Y. Chornobay // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2011. – Vol. 24 (63), No 3. – P. 317-322.

The article scrutinizes different approaches to the definition of the term “idiom” in Modern Phraseology. The definitions of the term in native and foreign linguistics are analysed. Some idioms classifications are presented. The main prospects for further researches are defined.

Key words: idiom, phraseological unit, complex language sign.

Поступила в редакцію 01.09.2011 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аббасова Э.М.** аспирантка Института Языкознания им. Насими Национальной академии Наук Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Агаев П.** Институт Языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Агазаде А.М.** диссертант кафедры стилистики английского языка и культуры речи Азербайджанского университета языков, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Аджимуратова З.Н.** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. И.В. Вернадского, e-mail: lzarema@mail.ru
- Ализаде В.М.** аспирант Азербайджанского Университета Языков, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Байтукаева А.Ш.** академик международной академии, кандидат филологических наук, зав. кафедрой дипломатического перевода факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, e-mail: sofikazgu@mail.ru
- Бекиров Р.А.** преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: rbekirov@mail.ru
- Бекирова Л. И.** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ В.И. Вернадского, e-mail: bekirova.79@mail.ru
- Берберова Р.А.** старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. И.В. Вернадского, e-mail: bra.berberova@yandex.ru
- Бесараб Т.П.** доцент кафедры иностранных языков № 3 Харьковского национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого», e-mail: besarabtp@mail.ru
- Бондаренко Л.В.** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: svetoniy@mail.ru

- Борибаева С.** кандидат филологических наук, доцент кафедры дипломатического перевода факультета международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, e-mail: sofikazgu@mail.ru
- Бридко Т.В.** кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории и практики перевода и социолингвистики ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: vol6662007@rambler.ru
- Мезенцев Ю.Л.** доцент кафедры философии, истории и культурологии ЮФ НУБиП Украины «КАТУ», e-mail: vol6662007@rambler.ru
- Буякевич К.А.** студентка 4-го курса персидского отделения факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. И.В. Вернадского, e-mail: sankafd2004@gmail.com
- Вовк Н.А.** ст. преподаватель кафедры английской филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: svetony@mail.ru
- Вышницкая Ю.В.** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории и литературы Гуманитарного института Киевского университета имени Бориса Гринченко, e-mail: julia_vishnya@ukr.net
- Гарибли И.** кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института Литературы им. Низами НАНА, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Гванцеладзе А.Н.** соискатель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: annagvantseladze@hotmail.com
- Гуменюк О.Н.** кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры украинской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», e-mail: ukrlit_tnu@mail.ru
- Джемилева А.А.** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: ayshe66@mail.ru
- Дмитрук М.В.** доцент кафедры языковой и психолого-педагогической подготовки ПФ НУБиП Украины «КАТУ», e-mail: vol6662007@rambler.ru
- Кандрашова Л.И.** преподаватель ПФ НУБиП Украины «КАТУ», e-mail: vol6662007@rambler.ru

- Канеева Р.Э.** старший преподаватель кафедры английского языка Государственного Института Восточных Языков, Узбекистан, e-mail: fromrenak@mail.ru
- Караева Л. Я.** Институт Литературы имени Низами НАН, Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Касымов Н.** Института Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Козан О.** аспирантка Университета Гази, Анкара, Турция, e-mail: olena.kozan@gmail.com
- Кокиева А.** старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
- Кубединова Л.Ш.** кандидат филологических наук, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, e-mail: kubedinova@gmail.com
- Лаврова А.А.** кандидат филологических наук, доцент, Каменец-Подольский, e-mail: lavrusha1406@i.ua
- Лебедева С.** Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, e-mail: svetony@mail.ru
- Лутай Н.В.** старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Харьковского национального экономического университета, e-mail: lutain@rambler.ru
- Мазинов А.С.** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Крымского государственного медицинского университета им. С.И. Георгиевского, e-mail: achtemm@yahoo.com
- Мамедова Л.Я.** диссертантка Бакинского Государственного Университета, преподаватель кафедры Иранской филологии БГУ, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Мезенцев Ю.Л.** доцент кафедры философии, истории и культурологии ЮФ НУБиП Украины «КАТУ», e-mail: vol6662007@rambler.ru
- Мезенцева В.Д.** старший преподаватель кафедры языковой подготовки и педагогического мастерства ЮФ НУБиП Украины «КАТУ», e-mail: vol6662007@rambler.ru

- Меметов А.** декан факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, зав. каф. восточной филологии, доктор филологических наук, профессор, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
- Момынкулов Ж. Б.** кандидат филос. наук, и.о. доцента КазНУ имени аль-Фараби, e-mail: janatmom@bk.ru
- Муртазаева А.Н.** аспирант кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: anifem@yandex.ru
- Наджафова А.Г.** диссертантка Бакинского Государственного Университета, преподаватель Военного Лицея им. Дж. Нахчиванского, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Приходько А.И.** доктор филологических наук РФ, доцент кафедры английской филологии Запорожского национального университета, e-mail: prihodko@mail.zp.ua
- Потапова Е.В.** аспирант Языково-Информационного Фонда НАН Украины, e-mail: helen1pota@rambler.ru
- Руденко О.Э.** кандидат филологических наук, ассистент кафедры культуры украинского языка, ТНУ им. И.В. Вернадского, e-mail: vol6662007@rambler.ru
- Садыхова С.А.** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Азербайджанского Государственного Педагогического Университета, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Сеидова Г.А.** диссертант Института Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Селендили Л.С.** кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И.Вернадского, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com
- Симаковская А.С.** аспирантка кафедры зарубежной литературы Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, e-mail: lavrusha1406@i.ua
- Срибняк И.В.** доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра ориенталистики им. Омеляна Прицака, Национальный университет «Киево-Могилянська академия», e-mail: sr63@ukr.net

- Сухоруков А.Н.** преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. Вернадского, e-mail: sankafd2004@gmail.com
- Усеннов Т.Б.** кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: useinovtb@mail.ru
- Ханчобани А.А.** сотрудник Исламского Университета «Азад», филиал Салмас, Иран, e-mail: azfolklor@yahoo.com
- Чернобай С.Е.** старший преподаватель кафедры английской филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, e-mail: svetony@mail.ru
- Шермет В.В.** аспирант кафедры восточной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, e-mail: sheremetvitaliy@gmail.com

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15.01.2003 г.: «...принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимаются на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами на русском, украинском и английском языках (300-500 зн.), сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя или рецензию ученого, имеющего научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание — один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2.1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля - 20 мм, левое - 30 мм, правое - 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками-1,5.

2.2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания. Каждый источник с новой строки.

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания (издательство указывать не обязательно).

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи - не более 10, а рецензии - не более 3 печатных страниц до 0,5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное - до 0,2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.

Консультации: ответственный секретарь Селендили Лемара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, тел. +380506345851, E-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Меметов А.	
Гласные в крымскотатарском языке	3
Аджимуратова З. Н.	
Подражания различным видам звона в крымскотатарском языке	13
Берберова Р. А.	
Амди Гирайбайнынъ иджадында расткельген муреккеп сёзлер.....	18
Ханчобани А. А.	
Сопоставление понятия словосочетания в разносистемных языках (азербайджанском, персидском и английском).....	23
Бекирова Л. И.	
Глагол прошедшего времени изъявительного наклонения на «-р эди» в современном крымскотатарском языке.....	28
Вышницкая Ю. В.	
Мифологические сценарии в современном мире: постановка вопроса.....	33
Селендили Л. С.	
Глагольные словосочетания с зависимым числительным (на материале крымскотатарского языка).....	40
Муртазаева А. Н.	
Теоретические основы изучения прямой и косвенной речи в крымскотатарском языке.....	47
Кубединова Л. Ш.	
Фразеологическая микросистема «Длительное высказывание» в крымскотатарском, английском и русском языках.....	53

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ И ОБЩЕЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лаерова А. А.	
Топос Москвы в «Накануниевских» фельетонах Михаила Булгакова.....	61
Джемилева А. А.	
Предпосылки возникновения в крымскотатарской литературе жанра рассказа	68
Симаковская А. С.	
Просторово-часова мотивіка оповідань Кіплінга	72

Наджафова А. Г.	
Анна Ахматова и азербайджанская поэтесса Нигяр Рафибейли.....	78
Сеидова Г.А.	
Проблемы классификации народных эпосов в Азербайджанской фольклористике (на основе «Исследования по Азербайджанской устной народной литературе»).....	87
Гарибли И.	
Произведения Мухаммеда Хади на страницах газеты «Игбал»	93
Бондаренко Л.В.	
Игровые коды в пьесе Тома Стоппарда «Настоящее»	99
Бадалова Т. К.	
Поэтика эпитетов лирики Махджура Ширвани.....	105
Гуменюк О. Н.	
Взаємодія ліризму й гумору в кримськотатарському пісенному фольклорі (на прикладі пісні «Акь кьююн»).....	111
Кокиева А.	
Магическое число 3 в крымскотатарском фольклоре	115
Усеинов Т.Б.	
Философия и дидактика в рамках средневековой крымскотатарской письменной силлабической поэзии.....	119

ЯЗЫК, ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА ВОСТОЧНЫХ СТРАН

Мазинов А. С.	
Крымскотатарский и урумский языки в свете ареальных процессов изменения	125
Бекиров Р. А.	
Классификация глагольных фразеологизмов арабского языка на мезосинтаксическом уровне	130
Гванцеладзе А. Н.	
Особенности передачи безэквивалентной лексики национально-культурного характера (на материале русских и турецких параллельных текстов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)	136
Мамедова Л. Я.	
Синтаксические функции прилагательных (на материале произведения Низами Гянджеви «Шерефнаме»)	146
Шеремет В. В.	
Роль категории падежа в машинном переводе	151

Кареева Л. Я.	
Описание исторического пути, пройденного классической тюркоязычной поэзией, в произведении Э. Дж. В. Гибба	156
Козан О.	
Языковая игра в заголовках турецких газет	162
Сухоруков А. Н.	
Влияние пуристической деятельности Академии персидского языка и литературы на современный персидский язык (на материале лексики газеты «Иран»)	169
Момынкулов Ж. Б.	
Развитие казахского языка в период независимости Республики Казахстан	176
Сухоруков А. Н., Буякевич К. А.	
Изучение персидского языка в США	184
Борибаева С. Б.	
Рамки использования именного сказуемого в простом и сложном предложениях в романе-эпосе М. Ауэзова «Путь Абая»	191
Касымов Н.	
Лингвистические особенности творчества Зодлу Абдуллы	197
Срибняк И.В.	
Виникнення та основні тенденції розвитку османської періодики (друга третина XIX ст.)	203

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Вовк Н.А.	
Признаки, формирующие значение фирмонима в лингвострановедческом словаре	210
Брыдко Т.В.	
Теорія мовних контактів з точки зору мовної варіативності	216
Кандрашова Л. И.	
Диагностика личности студента как одна из составляющих педагогических условий профессиональной адаптации студентов-агрономов в вузе	221
Байтукаева А.Ш.	
Лингводидактическое тестирование как инструмент педагогического мониторинга	225
Руденко О.Э.	
Обобщающе-выделительные местоимения и проблемы словосочетания	231

Дмитрук М.В.	
Удосконалення викладання української мови за професійним спрямуванням в агротехнологічному університеті згідно з новою програмою	237
Агазаде А. М.	
Дискурс как объект лингвистического исследования	242
Лебедева Т.Н.	
Відображення міфолого-релігійних уявлень про простір у фразеологічних одиницях з компонентом земля	247
Мезенцева В. Д.	
Воспитание культуры межнационального общения в студенческой среде	251
Приходько А.И.	
Статус оценочной модальности в языке	260
Агаев П. Я.	
Значение и функции текстообразующих однойдерных предложений в речевой деятельности	265
Аббасова Э. М.	
Средства выражения предикативности в английском языке	270
Маммадова Г. С.	
О некоторых теоретических вопросах заимствования названий растений во французском и азербайджанском языках	276
Ализаде В.М.	
Типология референциальных выражений языка	281
Лутай Н.В., Бесараб Т.П.	
Роль метафори в організації тексту (на прикладі англійського економічного дискурсу)	287
Потапова Е. В.	
Когнитивный аспект разработки лингвистической онтологии по физике магнитных явлений	292
Садыхова С. А.	
К проблеме сравнительных конструкций в русском языке	300
Канеева Р. Э.	
Глобализация: Английский язык, как “Глобальный язык” и его социолингвистические трудности	305
Мезенцев Ю.Л.	
Ноосферное мировоззрение – стратегия выживания современной цивилизации	309

Чернобай С. Е.

Определение идиомы в современной фразеологии.....	317
Сведения об авторах	323
К сведению авторов	328